

РНО

ОРИЯ

УЗСКОЙ

ЮЛИИ

Ц.

На зубон
равновесия
на внешнюю
библиотеку - ну же

забыли, декор
1998



ИСТОРІЯ ФРАНЦУЗСКОЙ РЕВОЛЮЦІИ.

И. Карно.

ПЕРЕВОДЪ СЪ ФРАНЦУЗСКАГО

ПОДЪ РЕДАКЦІЕЙ И СЪ ПРЕДИСЛОВІЕМЪ

Р. И. Сементковскаго.

2-е изданіе Ф. Павленкова.

— ЦѢНА 1 РУБ. —

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія Ю. Н. Эрлихъ, Садовая, № 9.

1894.

1891

OF THE

N. H. B. Co.

THE

THE

THE

THE

THE

THE

THE

THE

ОГЛАВЛЕНІЕ.

	Стр.
Предисловіе къ русскому изданію.	11—24
Вступленіе	25—28

Учредительное собраніе.

I. Франція до 1789 г. и предвѣстники революціи.

Результаты царствованія послѣднихъ королей.—Предчувствіе новаго порядка.—Вольтеръ и Руссо.—Отецъ Мирабо.—Фенелонъ.—Де-Сельвъ.—Д'Аржансонъ.—Г-жа Шатору.—Г-жа Айссе.—Кавалеръ де-Фоларъ.—Бѣдствія населенія.—Сенъ-Симонъ.—Боссюэтъ.—Генрихъ IV.—Ришелье.—Вобанъ.—Буа-Гильеберъ.—Расинъ.—Г-жа Севинье.—Жамерэ Дюваль.—Отчеты провинціальныхъ интендантовъ.—Крестьянинъ въ описаніи Лабрюера.—Вобанъ и Булэнвилле.—Нравы высшаго общества: великіе дни въ Овернѣ.—Де-Бирагъ.—Кенэ.—Башамонъ.—Англичанинъ Артуръ Юнгъ.—Графъ Гиберъ.—Регентъ.—Г-жа Сталь 29—36

II. Прогрессъ и его пути.

Нравственныя причины революціи.—Заслуги буржуазіи.—Содѣйствіе аристократіи революціи —Благодѣтельный деспотизмъ.—Два пути прогресса.—Попытки реформъ до 1789 г.—Тюрго и Мальзербъ.—Планъ Тюрго.—Свобода труда и торговли.—Провозглашеніе новыхъ реформъ.—Паденіе Тюрго и реакція.—Неккеръ.—Упорядоченіе финансовъ.—Сбереженія.—Паленіе Неккера и новая реакція.—Всесильное вліяніе общественнаго мнѣнія.—Американская революція.—Калоннъ и финансовая неурядица.—Необходимость заставляетъ воз-

вратиться къ реформамъ.—Неудача въ собраніи нотаблей.—
 Ломени де-Бріенъ.—Парламенты объявляютъ свою некомпетентность и требуютъ созванія генеральныхъ штатовъ.—
 Неудавшійся государственный переворотъ.—Безсиліе власти.—Вся Франція требуетъ созванія генеральныхъ штатовъ;
 созваніе ихъ. 37—53

III. Внесеніе принциповъ 1789 года въ программы народныхъ представителей.

Возвращеніе Неккера.—Численное соотношеніе представителей трехъ классовъ въ собраніи.—Что такое третье сословіе?—Мирабо и Руссо.—Побѣда общественнаго мнѣнія.—Порядокъ выборовъ.—Редакція программъ.—Онѣ становятся программой революціи.—Обзоръ содержанія тетрадей. . 54—63

IV. Генеральные штаты и Національное собраніе.

Засѣданіе въ Jeu-de-raume.—Взятіе Бастиліи.—Непосредственность національнаго движенія.—Революція въ провинціи.—Открытіе собранія генеральныхъ штатовъ.—Провѣрка полномочій.—Третье сословіе предлагаетъ остальнымъ общее засѣданіе.—Нѣсколько членовъ духовенства соглашаются принять предложеніе.—Общины организуются въ національное собраніе.—Зала засѣданій закрыта; депутаты занимаютъ помѣщеніе Jeu-de-raume.—Клятва.—Королевское засѣданіе: Людовикъ XVI повелѣваетъ тремъ классамъ разьединиться.—Сопротивленіе общинъ: Мирабо и де-Брезе.—Духовенство присоединяется къ третьему сословію, и король приглашаетъ дворянство послѣдовать его примѣру.—Парижъ и Версаль окружены войсками.—Отставка Неккера.—Возстаніе Парижа.—Осада и взятіе Бастиліи.—Образъ дѣйствій собранія во время этихъ событій.—Побѣда народа.—Начало эмиграціи.—Король въ Парижѣ.—Отношеніе иностранцевъ къ французской революціи. 64—78

V. Отъ взятія Бастиліи до праздника федераціи.

Восторженное настроеніе.—Нетерпѣніе.—Безпорядки.—Ночное засѣданіе 4-го августа.—Соревнованіе въ пожертвованіяхъ.—Реакціонная попытка.—Оппозиція Людовика XVI.—Оргія контръ-революціонеровъ.—Дни 5-го и 6-го октября.—

Парижское пачсленіе въ Версалѣ. — Переѣздъ королевской семьи въ Парижъ; перенесеніе засѣданій собранія изъ Версаля въ Парижъ. — Законодательные труды. — Уничтоженіе дворянства *кожи* и безпорядки въ колоніяхъ. — Гражданская эмансипація евреевъ. — Комитетъ для искорененія нищенства. — Народное просвѣщеніе. — Доходы духовенства замѣнены жалованьемъ. — Примѣненіе выборнаго пачала къ духовнымъ должностямъ. — Требованіе присяги отъ духовенства. — Сопротивленіе. — Присягнувшіе и неприсягнувшіе. — Первый выпускъ ассигнацій. — Раздробленіе собственности. — Національное объединеніе. — Учрежденіе департаментовъ, округовъ и общинъ. — Введеніе единства въ судопроизводство и законодательство. — Оппозиція роялистовъ крупнымъ реформамъ. — Знаменитости собранія. — Удаленіе со сцены послѣдователей англійской школы. — Праздникъ федераціи. . . . 79—100

VI. Отъ праздника федераціи до закрытія Учредительнаго собранія.

Газеты и клубы. — Правая и лѣвая. — Ссоры. — Бунтъ въ полку Шатовѣ. — Мятежное духовенство. — Армія контрреволюціи. — Рыцари кинжала. — Бѣгство Людовика XVI и его семьи. — Ихъ возвращеніе въ Парижъ. — Негодованіе народа. — Собраніе временно отрѣшаетъ короля. — Петиція о низложеніи. — Кровавое усмиреніе. — Уныніе, утомленіе, питриги. — Пересмотръ конституціи. — Принятіе конституціи Людовикомъ XVI. — Закрытіе собранія. 101—110

VII. Труды и дѣятели Учредительнаго собранія.

Договоръ между старымъ и новымъ обществомъ. — Обзоръ конституціи 1791 г. — Чувство недовѣрія отражается на законодательствѣ. — Выборъ должностныхъ лицъ; временная отсрочка; случаи низложенія. — Самостоятельное право собранія открывать и возобновлять сессіи. — Избирательный законъ. — Активные и неактивные граждане. — Условія пересмотра конституціи. — Декларація правъ человека и гражданина. — Философія восемнадцатаго столѣтія какъ источникъ французской революціи. — Революція была столько-же соціальнымъ, сколько и политическимъ переворотомъ. — Судьба видныхъ дѣятелей Учредительнаго собранія послѣ его закрытія. — Привѣтъ одного изъ нихъ своимъ преемникамъ. . . 111—118

Законодательное собраніе.

Стр.

I. Физіомія собранія. — Первыя столкновенія съ дворомъ.

Успѣхи демократическаго направленія среди всѣхъ партій. — Составъ собранія. — Трудность его задачи. — Грозное наслѣдство, оставленное Учредительнымъ собраніемъ. — Первое засѣданіе. — Враждебныя сборища эмигрантовъ на границѣ; враждебная дѣятельность неприсягнувшаго духовенства внутри страны. — Сгрозія мѣры противъ нихъ. — Сформированіе трехъ французскихъ армій на Рейнѣ 119—125

II. Вопросъ о войнѣ. — Начало непріязненныхъ дѣйствій.

Образованіе коалиціи противъ Франціи; пильницкій договоръ. — Всенародное обсужденіе вопроса о войнѣ. — Бриссо и Робеспьеръ. — Жирондистское министерство: Дюмурье, Клавьеръ, Роланъ. — Смерть императора германскаго и шведскаго короля. — Угрожающая демонстрація противъ Франціи. — Франція объявляетъ войну. — Двоедушіе Людовика XVI; его секретныя инструкціи эмиссарамъ. — Несчастное начало похода 126—131

III. Дворъ и партіи. — 20-е іюня. — Отечество въ опасности.

Жирондисты и якобинцы. — Бриссо, Верньо, Кондорса, Петіонъ. — Робеспьеръ, Дантонъ, Маратъ. — Фельянтинцы. — Дѣятельность обществъ и газетъ. — Праздникъ закона и праздникъ свободы. — Интриги двора. — Австрійскій комитетъ. — Конституціонная гвардія. — Новыя мѣры противъ мятежнаго духовенства и предложеніе организовать армию федералистовъ. — Король отказывается дать санкцію декретамъ. — Отставка жирондистскихъ министровъ. — Письмо Лафайета. — День 20-го іюня. — Лафайетъ въ собраніи. — Франція въ опасности. — Рѣчь Верньо. — Провозглашеніе отечества въ опасности 132—145

IV. Прознты въ пользу Людовика XVI. — Манифестъ герцога Брауншвейгскаго. — 10-го августа.

Стр.

Приведеніе страны въ состояніе обороны. — Прибытіе марсельцевъ въ Парижъ. — Кровавая схватка въ Елисейскихъ Поляхъ. — Проекты контръ-революціи. — Попытки соглашенія. — Ожиданіе кризиса. — Манифестъ, обнародованный герцогомъ Брауншвейгскимъ. — Всеобщее негодованіе. — Требованіе низложенія короля. — День 10-го августа. — Отрѣшеніе Людовика XVI. — Королевская семья въ Тамплѣ. — Лафайетъ удаляется изъ Франціи. — Предложеніе образовать Конвентъ. — Последніе труды Законодательнаго собранія. — Борьба собранія съ парижскимъ муниципалитетомъ 146—158

V. Нашествіе иностранцевъ. — Сентябрьскія избіенія. — Побѣда подъ Вальми. — Закрытіе Законодательнаго собранія.

Тревожныя извѣстія съ театра военныхъ дѣйствій. — Взрывъ патріотизма. — Избіеніе въ тюрьмахъ. — Поворотъ въ пользу гуманности. — Перемѣна начальниковъ арміи. — Героическая смерть Борепара. — Дюмуре въ Аргоннѣ. — Артиллерійскій бой подъ Вальми. — Отступленіе пруссаковъ. — Революція совершена, необходимо защищать ее. 159—168

Национальный конвентъ.

I. Упраздненіе королевской власти и осужденіе короля.

Что такое Конвентъ? — Избраніе Конвента. — Составъ его. — Онъ провозглашаетъ республику. — Сраженіе подъ Жемапомъ. — Кюстинъ въ Германіи. — Пиренейская армія. — Присоединеніе Бельгіи и Савойи къ Франціи. — Экономическій кризисъ. — Внутренніе безпорядки. — Судъ и приговоръ надъ Людовикомъ XVI. — Его смерть. 169—180

II. Жирондисты и монтаньяры.

Непріязненныя демонстраціи европейскихъ правительствъ. — Объявленіе войны. — Дюмуре въ Голландіи. — Его измѣна. — Борьба партій въ Конвентѣ. — Инициатива жирондистовъ. — Провинціи и Парижъ. — Лювэ обвиняетъ Робеспьера. — Продовольственный кризисъ. — Агенты-подстрекатели. — Вторженіе

въ собраніе. — Чрезвычайный уголовный судъ. — Крайнія мѣры. — Дурныя извѣстія съ театра войны. — Комитетъ народной обороны. — Обвиненіе жирондистовъ Робеспьеромъ. — Обвиненіе и оправданіе Марата. — Коммиссія двѣнадцати. — Правственное возмущеніе. — 31-е мая. — 2-е іюня. — Арестъ жирондистовъ. — Характеристика этой партіи. 181—199

III. Конституція и революціонное правительство.

Организація народнаго образованія. — Сравненіе конституцій. — Ихъ общее происхожденіе и единство ихъ стремленій. — Единство революціи. — Ея реформы, политическія и социальныя, не имѣютъ ничего общаго съ коммунизмомъ. — Вліяніе Кондорсэ. — Опасности, угрожающія странѣ, приостанавливаютъ дѣйствіе конституціи. — Правительство объявлено революціоннымъ до заключенія мира. — Основаніе комитета общественнаго спасенія. — Характеръ комитета. — Распредѣленіе работъ между его членами 200—210

IV. Семнадцатимѣсячный походъ.

Карю во главѣ военнаго управленія. — Поголовное вооруженіе. — Организація армій. — Новая стратегія. — Изготовленіе оружія. — Награды. — Побѣда подъ Гондшоотте и снятіе осады съ Дюнкирхена. — Побѣда подъ Ватгиньи и снятіе осады съ Мобѣжа. — Взятіе Вейсенбургскихъ линій и снятіе осады съ Ландау. — Побѣда подъ Флёрюсомъ. — Геройская гибель «Vengeur'a». — Занятіе Голландіи. — Возвращеніе четырехъ сѣверныхъ крѣпостей. — Непріятель вынужденъ заключить миръ. 211—220

V. Междоусобныя войны.

Федерализмъ и парижская община. — Волненія въ Ліонѣ. — Шалё. — Возстаніе. — Усмиреніе инсургентовъ. — Арсеналь Тулона преданъ англичанамъ. — Осада этого города. — Репресалии. — Возстаніе Кальвадоса. — Смерть Марата. — Докладъ Сень-Жюста о жирондистахъ. — Ихъ процессъ. — Казнь жирондистовъ. — Вандейская война 221—234

VI. Республиканскія установленія

Гражданскій кодексъ. — Великая книга. — Общественная благотворительность. — Начальныя школы. — Нормальныя

школы. — Политехническая школа. — Специальные школы. — Консерватория искусств и ремесел. — Естественно-исторический музей. — Луврский музей. — Сохранение памятников искусства. — Академия. — Астрономическое бюро. — Бюллетень законов. — Поощрения земледелия и промышленности. — Успехи науки. 235—245

VII. Терроръ.

Отсутствие солидарности между принципами революции и терроромъ. — Революция защищалась тѣмъ-же оружиемъ, какимъ на нее нападали. — Опьяняющее дѣйствие борьбы. — Конвентъ и комитетъ общественного спасения обуздываютъ страсти. — Борьба монтаньяровъ съ гебертистами. — Падение гебертистовъ. — Соперничество Робеспьера и Дантона. — Падение Дантона. — Честолюбие Робеспьера. — Праздникъ «Верховнаго Существа». — Законъ 22-го преріала. — Великій терроръ. — Проектъ диктатуры. — Отпоръ правительственныхъ комитетовъ. — 9-е термидора 246—267

VIII. Реанція.

Бѣлый терроръ замѣняетъ Красный. — Прославление Марата. — Возвращение въ Конвентъ изгнанныхъ жирондистовъ. — Золотая молодежь. — Обвинение прежнихъ правительственныхъ комитетовъ. — Утомленная Европа ищетъ мира. — Базельскій договоръ. — Ассигнаціонный кризисъ. — Народное движение 1-го преріала. — Последние монтаньяры. — Конституція III года. — Мятежъ 13-го вандемьера. — Закрытие Конвента. 268—278

Директорія.

IX. Конституціонная директорія.

Результатъ выборовъ. — Водворение директоровъ въ Люксембургскомъ дворцѣ. — Двадцать мѣсяцевъ республиканскаго правления. — Вынужденная умѣренность. — Два заговора. — Бабевисты. — Роялисты. — Новый военный походъ. — Бонапартъ въ Италіи. — Его побѣды. — Онъ деморализируетъ войну. — Мирные переговоры. — Внутренніе раздоры. — Возобновление одной трети собранія. — Вароломеевская ночь Директоріи. — Триумвиры. — 18-е фруктидора V года. 279—290

X. Отъ 18-го фрунтидора до 18-го брюмера.

Рядъ государственныхъ переворотовъ. — Задорная политика. — Директорія теряетъ довѣріе. — Возрастающее вліяніе Бонапарта. — Экспедиція въ Египеть. — Возвращеніе во Францію. — Паденіе Директоріи. 291—300

Консульство.

XI. Предисловіе къ Имперіи.

Дебютъ новаго правительства. — Конституція VIII года. — Маренго. — Гогенлиденъ. — Люневильскій миръ. — Реставрація стараго режима. — Искаженіе трибуната. — Избраніе консула на десять лѣтъ. — Пожизненное консульство. — Аміенскій миръ. — Нарушеніе Аміенскаго договора. — Булонская армада. — Республиканскій заговоръ Арена. — Роялистскій заговоръ Кадудалья. — Герцогъ Ангіенскій. — Возстановленіе послѣдственной монархіи. 301—315

Заключеніе.

Заключеніе. 316—320

ПРЕДИСЛОВІЕ КЪ РУССКОМУ ИЗДАНІЮ.

Первая или, какъ ее обыкновенно называютъ, великая французская революція имѣетъ знаменитыхъ историковъ и изслѣдователей, анализировавшихъ съ чрезвычайной глубиной это міровое событіе и хорошо извѣстныхъ русской читающей публикѣ. Имена Карлейля, Блана, Токвиля, Минье, Штейна, Зибеля, Тэна у всѣхъ на устахъ, и труды ихъ освѣтили этотъ грандіозный переворотъ такъ полно, что появленіе на русскомъ языкѣ труда менѣе извѣстнаго историка нуждается въ нѣсколькихъ пояснительныхъ словахъ, тѣмъ болѣе что въ настоящее время начало выходить въ свѣтъ на русскомъ-же языкѣ (появилось уже два большихъ тома) новое обширное изслѣдованіе *), удостоившееся самыхъ лестныхъ отзывовъ со стороны западныхъ и русскихъ специалистовъ.

Въ чемъ-же заключается отличіе труда Карно отъ другихъ исторій французской революціи и чѣмъ оправдывается его появленіе на русскомъ языкѣ? Трудъ Карно прежде всего отличается краткостью. Въ то время какъ другіе труды составляютъ по большей части многотомныя сочиненія (въ томъ числѣ и трудъ Сореля), недоступныя значительному контингенту читателей, книга Карно отличается сжатостью, превосходя въ этомъ отношеніи даже сравнительно краткую исторію Минье. Краткость-же въ данномъ случаѣ равносильна общедоступности, а намъ кажется, что между міровыми историческими событіями

*) *А. Сорель*. «Европа и французская революція».

быть может ни одно болѣе французской революціи не нуждается въ томъ, чтобы всякій образованный человѣкъ могъ составить себѣ о немъ самостоятельное сужденіе. Каковъ-бы ни былъ нашъ взглядъ на это событіе, оно занимаетъ такое крупное и видное мѣсто въ исторіи цивилизаціи всѣхъ европейскихъ народовъ, что обходить его молчаніемъ и хотя-бы только мысленно не останавливаться на немъ нѣтъ никакой возможности. Между тѣмъ вокругъ такого рода событій, когда они не подвергаются широкому публичному обсужденію, тѣмъ болѣе когда даже фактическая ихъ сторона не выясняется должнымъ образомъ, слагаются обыкновенно легенды, сильно пренятствующія трезвому взгляду на вещи. Это только затемняетъ общественную мысль и порождаетъ много нежелательныхъ послѣдствій: прославляется то, что не заслуживаетъ одобренія, и наоборотъ, подвергается осужденію то, что должно было-бы вызывать сочувствіе. Относительно такого историческаго событія, какова первая французская революція, всѣ эти соображенія имѣютъ тѣмъ большую силу, что о пей постоянно говорятъ въ повременной печати, на нее ссылаются поминутно при обсужденіи разныхъ современныхъ политическихъ, общественныхъ и экономическихъ вопросовъ, а между тѣмъ преподаваніе исторіи въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ обыкновенно у насъ не доводится до этого переворота. Все это даетъ обильную пищу разнымъ лжетолкованіямъ въ томъ или другомъ направленіи съ явнымъ ущербомъ для безпристрастія и трезвости сужденія.

Не даромъ императоръ Вильгельмъ II въ своей знаменитой рѣчи о классической системѣ образованія настойчиво требовалъ ознакомленія учащейся молодежи съ «эпохою французской революціи, въ которой—какъ онъ вѣрно выразился—коренятся современные порядки». Изученіе этой эпохи признается имъ одною изъ гарантій мирнаго и успѣшнаго развитія государственной жизни.

Поэтому у насъ давно чувствуется потребность въ краткомъ и общедоступномъ трудѣ по исторіи первой французской

революціи, въ которомъ были-бы умѣлою рукою сгруппированы всѣ основные факты и которое такимъ образомъ давало-бы среднему интеллигентному человѣку возможность составить себѣ самостоятельное сужденіе объ этой страницѣ всемірной исторіи. Въ нашей журналистикѣ то и дѣло разбирались и разбираются труды знаменитыхъ изслѣдователей французской революціи, предполагающіе знакомство съ фактической ея стороною; еще чаще встрѣчаются ссылки на нихъ для подкрѣпленія той или другой мысли, высказываемой авторомъ. Но можно-ли съ пользою читать комментаріи, критику или ссылки напри-мѣръ на Токвиля или Тэна, если отсутствуетъ точное знакомство съ фактами, которые они предполагаютъ извѣстными? Это все равно, что знакомиться съ оцѣнкой художественнаго произведенія, напри-мѣръ картины, которую мы никогда не видѣли: сперва надо пойти и увидѣть ее, а потомъ уже познакомиться съ ея оцѣнкой. То-же слѣдуетъ сказать и объ историческихъ событіяхъ: сперва слѣдуетъ изучить фактическую ихъ сторону, а потомъ уже знакомиться съ ихъ оцѣнкой. Сколько въ такомъ случаѣ было-бы избѣгнуто разныхъ недоразумѣній, ошибокъ, увлеченій! Какъ выиграла-бы отъ этого трезвость мысли!

Однако картину можно видѣть собственными глазами; историческія-же событія доступны намъ только въ изложеніи другихъ. Такимъ образомъ личность историка пріобрѣтаетъ громадное значеніе. Въ угоду постороннимъ цѣлямъ или подчиняясь той или другой тенденціи, онъ можетъ сознательно искажать факты, умалчивать объ однихъ, чрезмѣрно распространяться о другихъ, и слѣдовательно не только не способствовать установленію вѣрнаго взгляда на вещи, а наоборотъ затемнить наше сужденіе, спутать наши понятія, вызвать совершенно ложныя представленія. Опасность въ данномъ случаѣ особенно велика, потому что онъ тутъ выступаетъ не столько комментаторомъ, сколько простымъ лѣтописцемъ, сообщающимъ лишь факты, заслуживающіе полного довѣрія, въ то время какъ онъ на самомъ дѣлѣ злоупотребляетъ довѣрчивостью читателя или невоз-

можностью, въ которой тотъ находится, провѣрить сообщенныя данныя.

Насколько-же во всѣхъ этихъ отношеніяхъ трудъ Карно можетъ считаться удовлетворительнымъ и соответствующимъ вышеуказанной цѣли служить среднему интеллигентному чело-
вѣку хорошимъ подспорьемъ при изученіи первой французской революціи съ фактической ея стороны? Намъ кажется, что изъ всѣхъ сочиненій этого рода книга Карно заслуживаетъ рѣши-
тельнаго предпочтенія передъ остальными. Мы этимъ конечно не хотимъ сказать, что авторъ ея изображаетъ намъ француз-
скую революцію съ безпристрастіемъ зеркала, отражающаго все, что передъ нимъ находится. Это выше человѣческихъ силъ, ибо чело-
вѣкъ всегда остается сыномъ своего вѣка и народа, а вмѣстѣ съ тѣмъ и объективность его можетъ быть лишь отно-
сительная. Но личность Карно представляетъ намъ именно много гарантій относительнаго безпристрастія. Онъ принадлежитъ къ семьѣ высокообразованной, насчитывающей въ числѣ своихъ членовъ знаменитыхъ или видныхъ государственныхъ людей и ученыхъ. Отецъ его былъ замѣчательнымъ ученымъ, военнымъ организаторомъ и государственнымъ дѣятелемъ. Братъ его — знаменитый основатель термодинамики. Сынъ — президентъ французской республики, женатый на дочери не менѣе знамени-
таго государствовѣда Дюпонъ-Вайта. Мы указали на эти родственныя отношенія, чтобы охарактеризовать ту семейную атмосферу, которою дышалъ авторъ «Исторіи французской ре-
волюціи». Она наложила чрезвычайно опредѣленный отпеча-
токъ на всѣхъ членовъ семьи Карно. Между ними были болѣе или менѣе даровитые и извѣстные, но всѣ они были людьми выдающимися своей преданностью интересамъ отечества, непре-
клонностью своихъ убѣжденій, своимъ уваженіемъ къ наукѣ, своими заслугами предъ обществомъ и государствомъ. Еще одна черта имъ всѣмъ свойственна: именно трезвость мысли, вы-
держка, спокойствіе, стойкое преслѣдованіе цѣли, соответствующей ихъ убѣжденіямъ. Карно-дѣдъ, знаменитый графъ Лазарь

Карно, отказался отъ блестящей своей карьеры, когда Бурбоны возвратились во Францію, и предпочелъ жить и умереть въ изгнаніи, но не пошелъ на сдѣлку съ своей совѣстью. Карно-отецъ, авторъ «Исторіи французской революціи», назначенный министромъ народнаго просвѣщенія послѣ февральской революціи, стоившей Людовику-Филиппу престола, поспѣшилъ отказаться отъ административнаго поприща, когда истинныя намѣренія Наполеона III выяснились. Карно-сынъ, президентъ французской республики, пользовался никѣмъ неоспариваемой репутаціей человѣка, неспособнаго на отреченіе отъ самыхъ строгихъ правилъ индивидуальной и политической честности: если онъ былъ избранъ главой государства, то именно въ значительной степени благодаря этому, такъ сказать, фамильному своему качеству.

Принадлежность къ семьѣ, въ которой уваженіе къ наукѣ, честность и вѣрность убѣжденіямъ всегда ставились такъ высоко, представляетъ значительную гарантію безпристрастія въ литературной дѣятельности. Мы дѣйствительно и видимъ, что авторъ предлагаемой здѣсь читателю книги ни на шагъ не отступаетъ отъ правила, что съ печатнымъ словомъ надо обращаться осторожно и честно. Онъ своихъ убѣжденій не скрываетъ, напротивъ, онъ съ первыхъ-же страницъ высказываетъ ихъ съ необыкновеннымъ прямотушемъ. Но съ первыхъ-же страницъ видно, что онъ намѣренъ относиться съ уваженіемъ и ко взглядамъ людей, не раздѣляющихъ его политическихъ убѣжденій. Какой-нибудь подтасовки, передержки, извращенія фактовъ вы отъ автора не ожидаете, потому что онъ сразу внушаетъ къ себѣ полное довѣріе даже въ политическомъ противникѣ. Чтобы убѣдиться, какъ добросовѣстно онъ относится къ историческимъ фактамъ, достаточно внимательно прочесть тѣ страницы его труда, которыя посвящены изображенію трагической участи, постигшей злополучнаго Людовика XVI и его семью. «Вражда, возбужденная Людовикомъ XVI, не смотря на многія личныя его качества, легко объяснима, — говоритъ нашъ авторъ. —

Какъ послѣдній представитель стараго строя, онъ роковымъ образомъ унаслѣдовалъ всю ненависть, накопившуюся вѣками противъ него. Но эта первая причина раздраженія еще усиливалась тѣмъ обстоятельствомъ, что отъ его имени и, какъ вездѣ было извѣстно, съ его согласія эмигранты въ союзѣ съ иноземными войсками вторглись въ предѣлы Франціи, грозили возстановить старую монархію со всѣми ея злоупотребленіями и казнить всѣхъ участниковъ революціи.»

Вообще авторъ доказываетъ на основаніи богатаго фактического матеріала, что дѣятели революціи первоначально нисколько не имѣли въ виду упразднить монархію, а тѣмъ менѣе вызвать такую роковую катастрофу, какой была казнь короля. Напротивъ, народные представители, слѣдуя инструкціямъ, даннымъ имъ въ знаменитыхъ «тетрадахъ», добивались только реформъ, на необходимость которыхъ указывалъ общій голосъ какъ народа, такъ и наиболѣе видныхъ государственныхъ дѣятелей того времени. Если-же постепенно разгорѣлась борьба между королемъ и народными представителями, имѣвшая такой роковой исходъ, то только благодаря цѣлому ряду крупныхъ ошибокъ самого короля и нѣкоторыхъ его совѣтниковъ. Авторъ поясняетъ на основаніи несомнѣнныхъ историческихъ данныхъ, что при болѣе разумномъ и талантливомъ веденіи государственныхъ дѣлъ, революція приняла-бы вѣроятно совершенно иной, далеко не столь насильственный оборотъ, тѣмъ болѣе что народъ неоднократно даже во время разгара революціонныхъ страстей относился къ королю не только не враждебно, но прямо дружелюбно. Вспомнимъ на примѣръ знаменитые іюльскіе дни 1789 г., «когда Людовикъ XVI объявилъ о состоявшемся распоряженіи удалить войска и въ особенности когда онъ въ первый разъ произнесъ слова: «Національное собраніе» и кротно заявилъ: «Я вамъ довѣряюсь». Тутъ послѣдовалъ взрывъ нескончаемыхъ восторговъ. Рассказываютъ, будто депутатъ Безансона, Лебланъ, внезапно умеръ отъ радости. Повидимому всѣ вѣрили, что революція вступить на мирный путь вслѣдствіе союза короля и народа. Всѣ депутаты проводили короля пѣшкомъ до дворца...» (Стр. 76.)

Но этимъ надеждамъ не суждено было осуществиться. Восторгъ смѣнился недовѣріемъ. Авторъ во всѣхъ подробностяхъ отмѣчаетъ отдѣльные фазисы все обострявшейся борьбы и съ чувствомъ видимаго сожалѣнія указываетъ на факты, которые привели къ роковой развязкѣ. «Потомство, — говоритъ онъ, — будетъ раздѣлять сомнѣнія государственныхъ людей» относительно необходимости кровавой драмы, а казнь супруги и сестры короля онъ уже прямо называетъ «безспорной жестокостью».

Но еще яснѣе проявляется безпристрастіе автора въ его оцѣнкѣ значенія революціи. Тутъ онъ нерѣдко возвышается до широкаго государственнаго воззрѣнія. Слѣдя за борьбой, возгорѣвшейся между прошлымъ и будущимъ, между старымъ строемъ и новой организаціей общества и государства, онъ какъ-бы является глубоко опечаленнымъ зрителемъ этой борьбы, принявшей такой кровавый и насильственный оборотъ. Онъ явно не сочувствуетъ ни упорнымъ защитникамъ отжившей старины (что само собою разумѣется), ни фантазерамъ-утопистамъ, препятствовавшимъ мирному исходу борьбы и ставившимъ все на карту въ погонѣ за несбыточными мечтами. Такъ, онъ явно не одобряетъ дѣятелей парижской общины, постоянно возстававшей противъ народнаго представительства, этихъ «крайнихъ» того времени, прибѣгавшихъ къ насилію и подавленію всякой свободы для доставленія торжества своимъ незрѣлымъ идеямъ и своему властолюбію. Онъ неоднократно высказываетъ свое несочувствіе къ гебертистамъ и бабевистамъ. «Геберъ, носившій въ литературѣ псевдонимъ Отца Дюшена, — говоритъ нашъ авторъ, — не отличался ничѣмъ: у него не было ни таланта, ни характера, ни храбрости, ни нравственности... Что-же въ сущности проповѣдывали гебертисты? — спрашиваетъ онъ далѣе. — Они утверждали, что знаютъ лучше народа, какія учрежденія ему нужны, и хотѣли подчинить его своему правленію, пока убѣдятся въ его зрѣлости и способности обходиться безъ руководства со стороны меньшинства. Это вѣчный предлогъ для вся-

каго рода диктатуры». Затѣмъ, резюмируя свой взглядъ на взаимное отношеніе революціи и социализма, онъ говоритъ: «Что-же касается до социализма въ тѣсномъ смыслѣ, приданномъ этому слову сектаторскимъ духомъ, то его и слѣда нѣтъ ни въ рѣчахъ, ни въ дѣйствіяхъ революціонныхъ партій той эпохи. Приписывать его источникъ якобинцамъ можно, только произвольно сопоставляя цитаты изъ ихъ писаній и рѣчей, въ которыхъ встрѣчаются утопическія обмолвки многихъ философовъ, начиная съ Платона и кончая Фенелономъ. Никакихъ проэктвъ преобразованія собственности ни въ смыслѣ коммунизма, ни въ смыслѣ равнаго раздѣла монтаньяры не создавали. Право наслѣдства такъ мало возбуждало сомнѣній въ тѣ времена, что первое его примѣненіе къ литературной собственности было именно дѣломъ конвента (законъ 19-го іюля 1793 г.). Революція положила въ основу новаго общественнаго строя личную собственность... Дантонъ потребовалъ провозглашенія вѣчной неприкосновенности собственности, а Робеспьеръ сказалъ по этому поводу: «Въ этомъ не представлялось надобности для выясненія убѣжденій Дантона; всѣмъ извѣстно и безъ того, что защитники свободы никогда не проповѣдывали аграрнаго закона; это призракъ, созданный негодяями для запугиванія дураковъ».

Но если авторъ чуждается крайнихъ партій и ихъ ученій, если онъ относится къ нимъ даже съ явнымъ недружелюбіемъ, то въ чемъ заключается его собственный общественный и государственный идеалъ? Иенѣ всего онъ его формулировалъ въ главахъ, посвященныхъ обзору законодательства и мѣропріятій революціонныхъ дѣятелей. Вотъ тутъ-то главнымъ образомъ проявляется широкій взглядъ автора на общественныя и государственныя задачи. Въ революціи его прельщаетъ преимущественно то, что составляетъ вѣчное ея наслѣдіе. «Соціалисты,—говоритъ онъ,—часто упрекаютъ революцію въ томъ, что она исключительно создала реформы политическія; либералы-же винятъ ее, напротивъ, за то, что она ограничилась социальными

реформами. Это двойное обвиненіе даетъ намъ поводъ заключить, что она сдѣлала какъ то, такъ и другое, или, вѣрнѣе, что, осуществляя первыя, вызвала и вторыя.»

Авторъ этими словами касается вопроса, который оставляется по большей части невыясненнымъ, а между тѣмъ имѣетъ громадное принципиальное и практическое значеніе. Онъ можетъ быть формулированъ такъ: французская революція была несомнѣнно переворотомъ политическимъ и социальнымъ, но спрашивается, что въ ней преобладало и каковы были прочные результаты, ею достигнутые? Съ точки зрѣнія этого вопроса мы натолкнемся на слѣдующее историческое явленіе: когда разразилась революція, всѣ склонны были видѣть въ ней преимущественно переворотъ политическій, и этотъ взглядъ на дѣло сохранилъ свою силу очень долго и отчасти сохраняетъ ее до сихъ поръ. Восторжествованіе радикальныхъ элементовъ, казнь короля, отмѣна монархической власти, учрежденіе республики, предоставленіе верховныхъ правъ народу,—вотъ тѣ стороны революціи, которыя обращали на себя главнымъ образомъ вниманіе и порождали недружелюбное или прямо враждебное отношеніе къ революціи. Между тѣмъ эти-то результаты французской революціи оказались наименѣе прочными и быстро исчезли. Я уже указывалъ, что революціонные дѣятели первоначально вовсе не добивались отмѣны существующаго политическаго строя, а имѣли исключительно въ виду добиться реформъ по преимуществу социальнаго характера, т. е. отмѣны феодальнаго общественнаго строя. Только противодѣйствіе, оказанное правительствомъ этому стремленію, превратило социальный переворотъ въ политическій со всѣми его столь прискорбными послѣдствіями. Но тѣмъ не менѣе отъ политическаго переворота очень скоро не осталось и слѣда. Въ самомъ дѣлѣ, уже во время самой революціи, начиная съ учрежденія конвента и образованія такъ называемаго комитета общественнаго спасенія, народовластіе перестаетъ быть народовластіемъ и превращается въ плохо замаскированную диктатуру нѣсколькихъ дѣятелей. Сперва народ-

ные представители признаются еще силою и съ ними ведутъ серьезную борьбу, кончающуюся казнью побѣжденныхъ, подобно тому какъ раньше казнили короля: жирондисты трагически кончаютъ жизнь на эшафотѣ. Но постепенно къ нимъ перестаютъ уже относиться серьезно, и носители власти справляются съ ними менѣе круто: ихъ первоначально присуждаютъ къ ссылкѣ, а потомъ просто заставляютъ вооруженной силой одобрять законы, нужные правительству, или разгоняютъ штыками (18-е фрюктидора и 18-е брюмера). Еще задолго до возстановленія фактическаго единовластія Наполеономъ, уже при Робеспьерѣ и даже раньше народовластіе было пустымъ звукомъ.

Но въ такомъ случаѣ что-же осталось отъ французской революціи, какъ политическаго переворота? Очень мало, можно даже сказать, что она только на бумагѣ установила народовластіе, а въ сущности къ этому политическому принципу на практикѣ сама относилась очень недружелюбно, постоянно подавляя всякую свободу во имя той-же свободы. Нашъ авторъ сгруппировалъ въ своемъ трудѣ всѣ факты, выясняющіе эту отрицательную сторону описываемой имъ эпохи.

Но съ особенной любовью онъ относится къ другой сторонѣ ея, — къ сторонѣ соціальной, которая однако долго оставалась да и до сихъ поръ по большей части остается въ тѣни. Если въ политическомъ отношеніи революція не достигла своей цѣли, то въ соціальномъ она одержала полную побѣду, которая развѣ одна можетъ до нѣкоторой степени примирить съ кровопролитіемъ и насиліемъ, омрачившими революцію въ глазахъ людей гуманныхъ и дорожащихъ мирнымъ прогрессомъ. Въ чемъ-же заключается эта соціальная сторона революціи, главнымъ образомъ прельщающая нашего автора и свидѣтельствующая, какъ мы выразились, объ его широкомъ государственномъ взглядѣ на дѣло? Перечислить всѣ результаты этого рода, достигнутые революціей, значило-бы предрѣшать задачу, принятую на себя и прекрасно исполненную нашимъ авторомъ. Ограничимся поэтому лишь нѣкоторыми болѣе существенными пунктами, необходимыми для выясненія нашей мысли.

Вотъ каковы были главные результаты революціи въ социальномъ отношеніи: отмѣна крѣпостного права, равенство всѣхъ гражданъ передъ закономъ, свободный переходъ поземельной собственности изъ рукъ въ руки, свобода труда во всѣхъ его видахъ, установленіе вѣрнаго социальнаго принципа въ дѣлѣ народнаго образованія, можно даже прямо сказать: созданіе системы народнаго образованія, потому что до революціи подобной системы въ широкомъ значеніи этого слова вовсе не существовало, по возможности болѣе равномерное распредѣленіе всѣхъ государственныхъ повинностей, начиная съ податныхъ и кончая воинской, преобразование началъ судопроизводства на началахъ равенства и доступности, равенство социальное, т. е. возможность для всякаго гражданина, какое скромное положеніе онъ-бы ни занималъ по рожденію или состоянію, добиться самаго высокаго общественнаго положенія, созданіе системы общественнаго и государственнаго вспомошествованія неимущимъ, больнымъ и вообще обездоленнымъ природой или судьбой... Но пора прервать этотъ перечень социальныхъ реформъ, осуществленныхъ революціей: мы хотѣли только напомнить о нихъ, потому что и этого вполне достаточно, чтобы понять, чѣмъ собственно объясняется громадное значеніе переворота, политическая сторона котораго совершенно напрасно, какъ мы видѣли, поглощаетъ общее вниманіе въ ущербъ социальной, по нашему мнѣнію, въ тысячу разъ болѣе существенной.

Но если мы остановимся на этихъ социальныхъ реформахъ, то что-же окажется? Окажется, что онѣ вовсе не составляютъ какой-то специфической принадлежности первой французской революціи, а являются основнымъ стремленіемъ, цѣлью всѣхъ просвѣщенныхъ народовъ. Весь ходъ нашей цивилизаціи властно и неизбежно приводитъ къ тѣмъ общественнымъ преобразованіямъ, которыя нашли себѣ яркое выраженіе во время первой французской революціи, но постепенно осуществлялись и до нея, получили широкое развитіе всюду втеченіи нынѣшняго столѣтія и часть котораго будетъ имъ передана, какъ самое важное на-

слѣдіе наступающему, новому. Какую изъ этихъ основныхъ соціальныхъ реформъ мы ни возьмемъ, мы тотчасъ-же убѣдимся, что она въ той или другой странѣ осуществлялась уже раньше или что къ ней приступлено было послѣ революціи, не смотря на все различіе политическихъ формъ этихъ странъ. И отмѣна крѣпостного права, и общественная благотворительность въ организованномъ, объединенномъ видѣ, и общая воинская повинность, и созданіе системы народнаго образованія именно въ той формѣ, какъ ее задумали знаменитые дѣятели революціи Талейранъ и Кондорсэ, съ представленіемъ въ ней участія женской половинѣ рода человѣческаго,—все это, всѣ преобразованія представляютъ собою не что иное, какъ необходимую ступень въ восходящемъ движеніи нашей цивилизаціи, и ни однимъ просвѣщеннымъ человѣкомъ не могутъ и не должны быть признаваемы проявленіемъ революціоннаго духа или настроенія. Тутъ-то и происходитъ прискорбное смѣшеніе понятій, вытекающее и обусловливаемое невѣрной оцѣнкой характера и значенія первой французской революціи. Политическій переворотъ, ею совершенный, не составлялъ ея сущности: онъ былъ только послѣдствіемъ отпора, даннаго правительствомъ проявившемуся съ необыкновенной силой стремленію къ соціальному обновленію. Еслибы правительство злополучнаго Людовика XVI оказалось на высотѣ задачи, выдвинутой жизнью, то политическая сторона революціи не приняла-бы остраго характера и вмѣстѣ съ тѣмъ не затемнила-бы истиннаго ея значенія. Что такой взглядъ на дѣло совершенно соотвѣтствуетъ истинному положенію вещей, видно изъ того историческаго факта, что въ тѣхъ странахъ, въ которыхъ правительство само приступало до или послѣ французской революціи къ отмѣченнымъ нами реформамъ, никакихъ потрясеній не произошло или по крайней мѣрѣ они не достигли и въ отдаленной степени тѣхъ прискорбныхъ размѣровъ, которыми ознаменовалась французская революція конца прошлаго вѣка. Такъ, Пруссія напримѣръ отчасти предупредила дѣятелей французской революціи своевременнымъ осуществленіемъ нѣкоторыхъ изъ

перечисленныхъ нами реформъ, отчасти поспѣшила ихъ ввести у себя послѣ революціи (широкая система народнаго образованія, общая воинская повинность и т. д.) и вмѣстѣ съ тѣмъ избѣгла значительныхъ потрясеній или испытала ихъ лишь въ мѣрѣ даннаго имъ отпора. Съ другой стороны и въ самой Франціи непрочными оказались всѣ тѣ правительства, которыя сопротивлялись послѣдовательному развитію и осуществленію этихъ именно реформъ.

Вотъ на этой широкой, просвѣщенной и—смѣемъ думать—единственно вѣрной точкѣ зрѣнія и стоитъ нашъ авторъ. Важныя пріобрѣтенія революціи онъ видитъ въ тѣхъ преобразованіяхъ, которыми не можетъ не дорожить всякій просвѣщенный человѣкъ. Поэтому политическая партія, къ которой принадлежитъ нашъ авторъ, восторжествовала надъ всѣми остальными во Франціи и стоитъ теперь во главѣ государственнаго управленія, составляетъ большинство въ законодательствѣ и въ народѣ. Авторъ «Исторіи французской революціи» имѣлъ удовольствіе дожить до того дня, когда его политическіе взгляды окончательно восторжествовали и когда этотъ фактъ нашелъ себѣ краснорѣчивое выраженіе въ избраніи его сына, вполне раздѣляющаго политическія убѣжденія отца, главой государства, умиротвореннаго и окрѣпшаго послѣ столькихъ внутреннихъ и внѣшнихъ бурь. То, что мы назвали сущностью французскаго переворота конца прошлаго вѣка, восторжествовало,—и что-же мы видимъ? Оно не только является чѣмъ-то разлагающимъ, опаснымъ и поэтому нежелательнымъ, но, напротивъ, дало Франціи миръ, упрочило въ ней чувство законности и порядка и нисколько не мѣшаетъ ей быть уважаемымъ и достойнымъ членомъ европейской семьи народовъ, состоящимъ нынѣ въ союзѣ съ нами. Значитъ, истинный характеръ первой французской революціи былъ невѣрно оцѣненъ; но теперь по прошествіи столѣтія мы можемъ отнести къ этому міровому событію объективнѣе, понять, что оно было не столько столкновеніемъ двухъ противоположныхъ политическихъ принциповъ, сколько столкновеніе

народа, добивавшагося неизбѣжныхъ, а слѣдовательно и законныхъ реформъ, съ государственными дѣятелями, не понимавшими духа времени и истинныхъ потребностей довѣреннаго ихъ управленію народа.

Такова основная точка зрѣнія автора и слѣдовательно его политическое направленіе. Оно является и просвѣщеннымъ, и примирительнымъ; во всякомъ случаѣ оно въ большей или меньшей степени раздѣляется всѣми народами и правительствами и слѣдовательно отличается той объективностью, тѣмъ относительнымъ безпристрастіемъ, которыя мы считаемъ обязательными для составителя общедоступной исторіи французской революціи и о которыхъ мы выше уже говорили. Если къ этому прибавить, что авторъ прекрасно изучилъ свой предметъ и обладаетъ несомнѣннымъ даромъ сжатаго и выразительнаго изложенія, то мы должны будемъ признать, что его книга можетъ удовлетворить указанной нами потребности въ краткой и по преимуществу фактической исторіи французской революціи, которая по своей общедоступности могла-бы дать каждому образованному человѣку возможность составить себѣ самостоятельное сужденіе объ одномъ изъ важнѣйшихъ событій новѣйшей исторіи.

Р. Сементковскій.

ВСТУПЛЕНІЕ.

Французская революція, издавна подготовленная умственнымъ движеніемъ, впервые была ясно провозглашена національнымъ собраніемъ. Учредительное собраніе установило въ знаменитой *декларациі правъ* принципы, на которыхъ зиждется политическій строй французскаго государства; оно положило ему начало своими законодательными трудами.

Поэтому совершенно справедливо считать 1789 г. расцвѣтомъ этихъ принциповъ. Второе національное собраніе, извѣстное подъ именемъ Законодательнаго, всецѣло поглощенное политическимъ поединкомъ съ королевскою властью, не могло оставить потомству такихъ видныхъ памятниковъ своей дѣятельности, какъ первое.

До 22-го сентября 1792 г. страна называлась французскою *монархіей*. Начиная съ этого дня, ознаменованнаго первымъ засѣданіемъ Конвента, Франціи присвоено названіе *республики*. Переимѣна не ограничилась измѣненіемъ названія, она въ то-же время была переимѣной и образа дѣйствій. Прошедшее завязываетъ отчаянную борьбу съ надвигающимся на него будущимъ. Средневѣковая Европа ополчается противъ Франціи, чтобы остановить ея поступательное движеніе. Въ самой Франціи старые интересы возстаютъ противъ новыхъ. Внутри и извнѣ революція вынуждена взяться за оружіе; она собираетъ всѣ свои силы, напрягаетъ ихъ до послѣдней степени, подчиняетъ ихъ желѣзной дисциплинѣ и добивается полной побѣды. Затѣмъ при пер-

вой возможности перевести духъ она спѣшитъ разоружиться и отмѣняетъ диктатуру, чтобы установить правильный государственный строй. Но, взволнованная еще пережитыми потрясениями, она успѣваетъ осуществить лишь на половину свои стремленія во время Директоріи. Консульство преслѣдуетъ ту-же цѣль путемъ сильнаго сосредоточенія власти. Но оно въ сущности было той-же диктатурой, только съ республиканской окраской, пока наконецъ утомленный народъ, не успѣвшій еще привыкнуть и привязаться къ новымъ учрежденіямъ, не дозволяетъ честолюбцу захватить всю власть въ свои руки.

Въ періодъ консульства принципъ равенства еще сохранялъ преобладающую силу. Но какъ только власть изъ избирательной стала наслѣдственной, этому принципу былъ нанесенъ смертельный ударъ въ лицѣ высшей государственной должности. Привилегія наслѣдственности была этимъ фактомъ возстановлена принципиально и снова первенствуетъ надъ принципомъ верховныхъ правъ народа.

Здѣсь кончается наша задача. Мы этимъ не хотимъ сказать, чтобы развитіе идей 89-го года остановилось. Оно продолжалось то быстро, то медленно, иногда почти незамѣтно при всѣхъ разнообразныхъ формахъ правленія, смѣнявшихся во Франціи. Идеямъ 89 г. нерѣдко служили даже ихъ противники.

Всякому работнику свой трудъ. Учредительному собранію выпала на долю расчистка почвы для насажденія принциповъ демократіи и свободы; оно совершило революцію. Конвентъ, получивъ отъ него драгоцѣнный залогъ, защищалъ его съ героической страстностью. Первое создало, такъ сказать, новую Францію, второе сохранило ея существованіе.

Поэтому мы можемъ охарактеризовать [эти два великіе момента исторіи французской революціи, назвавъ ихъ періодомъ созиданія и періодомъ охраненія.

Однѣ и тѣ-же идеи воодушевляють дѣятелей обоихъ періодовъ; одно и то-же знамя переходитъ изъ рукъ въ руки; исторія не разъединитъ ихъ.

Національное сознаніе, опередивъ судъ исторіи, забываетъ мало-по-малу ихъ роковыя распри и признаетъ единство на-
правленія, господствовавшаго въ эпоху революціи.

Мы позволимъ себѣ привести мѣсто изъ собственнаго сочи-
ненія, въ которомъ подробнѣе развивается эта мысль:

«Обратитесь къ народному сознанію. Вы увидите, что борьба
партій, почти исключительно овладѣвшая вниманіемъ нашихъ
историковъ, склонныхъ драматизировать событія, не такъ сильно
поразила народъ. Находясь въ сторонѣ отъ этой схватки стра-
стей и личныхъ честолюбій, онъ видитъ въ революціи общіе
ея выводы: освобожденіе труда, уничтоженіе привилегій, раз-
дробленіе собственности, защиту отечественной территоріи и
главное—обезпеченіе свободы.

«Когда мы вмѣстѣ съ нимъ становимся на эту возвышен-
ную точку зрѣнія, то всѣ дѣятели революціи различныхъ періо-
довъ: конституціоналисты, жирондисты и монтаньяры кажутся
намъ дѣйствующими въ союзѣ. Вмѣсто того чтобы применить
къ ихъ отжившимъ спорамъ, мы изучаемъ ихъ общее дѣло, но-
сящее такой глубоко-характерный отпечатокъ, что вопреки
всѣмъ реакціямъ, силившимся исказить его, французы остались
при имперіи и реставраціи самой демократической націей Евро-
пы. При такой оцѣнкѣ зодіе, послѣдовательно работавшіе надъ
сооруженіемъ великаго зданія, эти люди, враждовавшіе между
собой въ силу обстоятельствъ, представляются намъ тѣсно спло-
ченными; они, какъ фигуры на барельефахъ классической древ-
ности, слѣдуютъ одинъ за другимъ, обращенные лицомъ въ одну
сторону.

«Учредительное и Законодательное собранія и Конвентъ—
это этапные пункты на пути прогресса. Мирабо и Сіэсъ, Кон-
дорсэ, Бриссо, Робеспьеръ—вожди, болѣе или менѣе искусные,
болѣе или менѣе опасные. Каждый изъ нихъ двигаетъ коле-
сницу на нѣсколько шаговъ впередъ. Иные изъ нихъ падаютъ
и гибнутъ подъ ея колесами.

«Колесница подвигается среди всевозможныхъ препятствій,

опрокидывая то одного, кто хочет остановить ее, то другого, кто невѣрно править ею, а наканунѣ еще удачно исполнять эту задачу. Но она все-же подвигается впередъ.

«Оглянемся на пройденную дорогу: сравнимъ Францію стараго режима съ Франціей, вышедшей изъ рукъ революціи; сопоставимъ ихъ законы и нравы. Пожалѣемъ о жертвахъ слѣпотаго сопротивленія; преклонимся передъ мучениками прогресса и воздадимъ дань благодарности всѣмъ дѣятелямъ, участвовавшимъ хотя-бы мимолетно въ великой работѣ, плодами которой мы пользуемся.» (*«Воспоминанія о Карно, составленныя его сыномъ» Т. I.*)

УЧРЕДИТЕЛЬНОЕ СОБРАНИЕ.

ГЛАВА I.

Франція до 1789 года и предвѣстники революціи.

Царствованіе Людовика XIV, озаривъ Францію дорого купленнымъ блескомъ, печально завершилось неудачными войнами и дипломатическими пораженіями. Послѣ него нація осталась численно уменьшенной, усталой и обѣдѣвшей, съ истощеннымъ какъ частнымъ, такъ и государственнымъ кредитомъ; земли лежали невоздѣланными, дома стояли въ развалинахъ, населеніе волновали бунты, вызванные голодомъ. Самъ король, столь-же несчастный въ семейномъ быту, какъ и въ правленіи своемъ, присутствовалъ при гибели трехъ поколѣній, скошенныхъ вкругъ него смертью втеченіи менѣе года.

Скипетръ его, такъ долго тяготѣвшій надъ французскимъ народомъ, перешелъ въ руки, которымъ было-бы болѣе по силамъ держать погремушку,—въ руки пятилѣтняго ребенка.

Этому малолѣтнему требовался опекунъ—таковымъ явился Филиппъ, герцогъ Орлеанскій.

Послѣдовало регентство! Слово это пріобрѣло на французскомъ языкѣ постыдное значеніе.

Регентство довершило разореніе страны, пытаясь возстановить общественное благосостояніе посредствомъ финансовыхъ продѣлокъ и фокусовъ ажіотажа. Дипломатія превратилась въ интриганство, а величавое волокитство Людовика XIV уступило мѣсто наглой разнузданности. «Несчастное государство! кто управ-

ляетъ тобою!»—воскликнулъ самъ регентъ въ одинъ прекрасный день, когда онъ не былъ пьянъ.

Людовикъ XV достигаетъ совершеннолѣтія, и въ лицѣ его монархія спускается еще ступенью ниже. «То-же регентство, но лишенное ума»—сказалъ одинъ историкъ. Правятъ куртизанки, онѣ объявляютъ войны и заключаютъ миръ; онѣ раздаютъ должности и милости; судьи, поставленные ими, позорятъ тогу; ихъ военачальники проигрываютъ сраженія, ихъ финансисты утопаютъ въ золотѣ на счетъ обанкроченнаго государства и разореннаго народа.

Разложеніе монархическаго принципа было не болѣе какъ однимъ изъ симптомовъ разложенія всего общественнаго строя, среди котораго нарождался уже новый, шедшій ему на смѣну.

Привилегіи рожденія и слѣпая вѣра должны были замѣниться свободой анализа и правомъ личной заслуги. Прогрессъ, совершенный человѣческимъ умомъ втеченіи нѣсколькихъ вѣковъ, подготовилъ это событіе; оно близилося, всѣ предчувствовали его и много голосовъ возвышалось для возвышенія его.

Великія событія, призванныя совершать обновленіе обществъ, всегда вызываютъ подобныя предсказанія, которымъ любятъ приписывать сверхъестественный характеръ. Между тѣмъ что можетъ быть естественнѣе? Великіе перевороты совершаются не иначе какъ въ силу необходимости, созданной такимъ порядкомъ вещей, отъ котораго страдаетъ большинство. Въ такіе моменты почти всѣ желаютъ и предвидятъ кризисъ, и это общее предчувствіе находятъ отдѣльныхъ выразителей. То-же бываетъ передъ землетрясеніями: нѣкоторые лица ощущаютъ необыкновенный ужасъ, а для большинства это пророческое волненіе становится объяснимымъ только послѣ событія.

Мы перечислимъ нѣсколько предсказаній, предшествовавшихъ французской революціи, не съ цѣлью конечно дать пищу суевѣрію, а для того чтобы еще разъ доказать, что эта революція не только не была случайностью, но задолго до ея появленія составляла для иныхъ предметъ стремленій, для другихъ—страха, и у всѣхъ была на умѣ.

Мысль порождаетъ фактъ. Это до того очевидно, что почти возможно опредѣлить въ событіи 1789 года долю участія каж-

даго изъ великихъ мыслителей предыдущей эпохи. Вліяніе двухъ изъ нихъ преимущественно проявляется самымъ яркимъ образомъ. Нельзя было сказать ничего болѣе справедливаго, чѣмъ то, что выражено въ ироническомъ припѣвѣ народной пѣсни, гдѣ говорится по поводу французской революціи: «C'est la faute de Voltaire, c'est la faute de Rousseau» (это вина Вольтера, это вина Руссо). Сочиненія этихъ двухъ писателей были евангеліемъ для поколѣнія, совершившаго революцію.

Но они оба не только вызвали, но и предсказали переворотъ, которымъ была чревата ихъ философія. «Все, что я вижу, служить сѣменемъ революціи»,—писалъ Вольтеръ въ 1764 году— «огонь все болѣе приближается, такъ что вспышка произойдетъ при первомъ толчкѣ, и тогда-то поднимется кутерьма. Счастлива молодежь: она увидитъ многое.»

За два года передъ тѣмъ Руссо писалъ: «Мы приближаемся къ кризису и къ вѣку революцій». Далѣе идетъ слѣдующій комментарий: «Я считаю невозможнымъ продолжительное существованіе теперешняго порядка», и Руссо совѣтуетъ дворянамъ учить своихъ дѣтей ремесламъ, въ видѣ мѣры предосторожности. «Танцуйте, господа, танцуйте; всѣ вы полетите скоро кувыркѣмъ»—кричалъ Мирабо-отецъ; въ устахъ стараго аристократа то былъ крикъ предостереженія и отчаянія. Самъ король Людовикъ XV прозрѣвалъ ту-же будущность сквозь грубую кору эгоизма и довольствовался повтореніемъ фразы: «Лишь-бы хватило на нашъ вѣкъ!». Много однороднаго было высказано и ранѣе: «Франція жива доселѣ только чудомъ,—говорилъ Фенелонъ,—это старая, обветшавшая машина, движущаяся еще въ силу стараго размаха; она окончательно разобьется при первомъ толчкѣ». Можно было-бы цитировать еще болѣе отдаленныхъ авторовъ, чѣмъ Фенелонъ. Президентъ де-Сельвъ, посланникъ Франциска I-го, предлагалъ уже священный союзъ государей противъ народовъ для предохраненія Европы отъ всеобщаго потрясенія. «Революція несомнѣнна въ этой странѣ; фундаментъ государства разрушается» — говорилъ маркизь д'Аржансонъ, военный министръ.—А госпожа Шатору, любовница короля, высказывается такъ: «Произойдетъ страшное потрясеніе, если не найдутъ средствъ къ улучшенію». Дѣвица Айссе, молодая особа, занятая своей любовью гораздо болѣе, чѣмъ политикой,

говорить однако-же: «Все, что дѣлается въ нашей монархіи, предвѣщаетъ ясно ея паденіе». Не менѣе любопытно мнѣніе кавалера де-Фолара, знаменитаго инженера: «Европейскія державы вооружены очень плохими лорнетами, если не видятъ угрожающей имъ тучи».

Лица всѣхъ званій: государственные люди, сановники церкви, свѣтскія женщины издавна жили съ однимъ и тѣмъ-же предчувствіемъ.

Да и какой-же здравомыслящій человекъ могъ дѣйствительно не предвидѣть паденія такого общества, какое описано современниками?

«Земледѣліе почти прекратилось; города и селенія пустѣютъ; вся Франція не болѣе какъ громадный безпорядочный госпиталь, нуждающийся во всемъ; магистратура опозорена»...

Это опять говорилъ Фенелонъ. За сто лѣтъ до революціи, въ 1693 году, герцогъ Сенъ-Симонъ въ мемуарахъ своихъ употребляетъ почти тѣ-же выраженія: «Наше государство превратилось въ госпиталь умирающихъ и безнадежныхъ, у которыхъ ежегодно, въ мирное время, все отнимаютъ». Боссюэтъ съ каѳедры произносилъ слова одинаково горькія и обличительныя: «Когда я вглядываюсь въ окружающія насъ бѣдствія: въ нищету, отчаяніе и безвыходность столькихъ разоренныхъ семей, мнѣ чудится, что со всѣхъ сторонъ поднимается вопль, отъ котораго сердце наше должно было-бы облиться кровью»...

«Печально видѣть, какъ народъ мретъ съ голода!»—восклидалъ уже Генрихъ IV. Правда, что то было въ разгаръ междоусобныхъ войнъ. Но эти войны уже кончились, когда Ришелье говорилъ про народъ, что *онъ обглоданъ до костей*. Въ началѣ XVIII вѣка Вобанъ утверждалъ, что на десять французовъ девять голодаютъ или очень стѣснены. Буа-Гильеберъ увѣрялъ, что *большинство* живетъ въ нищетѣ, и поясняетъ свою мысль словами: «Франція нынѣ больна гангреней». Вобанъ и Буа-Гильеберъ кончили жизнь въ опалѣ, какъ Фенелонъ, «*Телемакъ*» котораго не могъ быть напечатанъ въ царствованіе Людовика XIV, и какъ Расинъ, пытавшійся приподнять край трагической завѣсы въ запискѣ, врученной г-жѣ де-Ментенонъ.

Сопоставьте эти свидѣтельства съ письмами, въ которыхъ г-жа де-Севинье (съ большимъ впрочемъ легкомысліемъ) раз-

сказывать ужасы, видѣнные ею въ Бретани, съ *Мемуарами* крестьянина Жамерэ Дюваля, даваго панвную и раздирательную картину бѣдствій Шампаньи, начертанную человѣкомъ, испытавшимъ самолично всю ихъ тяжесть; съ отчетомъ главнаго интенданта Нормандіи, *богатой* Нормандіи, указывающаго на то, что «большія дороги переполнены нищими, выгнанными бѣдностью и голодомъ изъ жилищъ». Возьмите отчетъ губернатора Дофине: «большинство населенія прожило зиму, питаясь одними кореньями и желудями; а въ настоящее время (въ маѣ мѣсяцѣ) ѣдятъ траву съ луговъ и древесную кору». Загляните въ мемуары, поданныя герцогу Бургундскому, по его требованію, провинціальными интендантами, краткое резюме которыхъ составило восемь томовъ. Ознакомьтесь изъ разоблаченій министра д'Аржансона съ положеніемъ вещей въ Мэнѣ, Ангумуа, Туренѣ, верхнемъ Пуату, Перигорѣ; Орлеанѣ, Берри,—и вы получите понятіе о бѣдственномъ положеніи, въ которомъ томились повсюду трудящіеся классы: «достоверно извѣстно, что во Франціи умерло втеченіи двухъ лѣтъ отъ нищеты болѣе французовъ, чѣмъ ихъ погибло во всѣ войны при Людовикѣ XIV».

Въ заключеніе взгляните съ ужасомъ въ портретъ французскаго крестьянина, нарисованный знаменитымъ моралистомъ Ла-Брюеромъ: «встрѣчаются иѣкія одичалыя животныя, самцы и самки, разсѣянные по деревнямъ. Грязные, блѣдные, сожженные солнцемъ, они прикрѣплены къ землѣ, которую царапаютъ и копаютъ съ непобѣдимымъ упорствомъ. Они одарены чѣмъ-то вродѣ членораздѣльной рѣчи, и когда они распрямляются, то видишь передъ собою человѣческое лицо, и дѣйствительно это люди. На ночь они укрываются въ землянкахъ, гдѣ живутъ, питаясь пушнымъ хлѣбомъ, водою и кореньями. Они избавляютъ остальныхъ людей отъ труда пахать, сѣять и собирать жизненные припасы и заслуживаютъ права не нуждаться въ хлѣбѣ, ими посѣянномъ».

Послѣдняя фраза, вылившаяся изъ великодушнаго сердца писателя, заключаетъ горькую критику самихъ общественныхъ учрежденій. А между тѣмъ едва-ли она была сказана съ этимъ намѣреніемъ: Ла-Брюеръ былъ наставникомъ принцевъ Кондэ и исполнялъ должность государственнаго казначея. Онъ хотѣлъ обличить лишь порядки и нравы своего времени.

Посмотримъ, каковы-же были эти порядки? Ихъ описалъ Вобанъ, дворянинъ-демократъ въ лучшемъ значеніи этого слова: «Населеніе платитъ взятки откупщикамъ, подвергается произвольнымъ косвеннымъ и поземельнымъ налогамъ, таможенному сбору, соляному налогу и множеству другихъ обременительныхъ повинностей, порождающихъ безконечное количество взиманій, произвольно поглощающихъ то треть, то четверть доходовъ, что и привело немалое число людей въ больницы и на мостовую и отчасти даже обезлюдило государство».

Приведемъ отзывъ графа Булэнвиллье, аристократа чистой пробы, порицающаго тогдашній режимъ только потому, что онъ посягаетъ на привилегіи дворянъ: «Народъ узналъ горькимъ опытомъ, что его новые начальники (королевскіе интенданты) служатъ орудіемъ его обѣдненія, что жизнь и имущество семействъ,—все отдано въ ихъ распоряженіе; они—хозяева надъ дѣтьми до насильственной отдачи ихъ въ солдаты; хозяева надъ имуществомъ до отнятія пропитанія; хозяева надъ жизнью до присужденія къ тюрьмѣ, висѣлицѣ и колесованію».

Посмотримъ теперь, каковы были нравы? Сенъ-Симонъ, описывая дворъ великаго короля, рассказываетъ такіа мерзости, что читатель не повѣрилъ-бы имъ, еслибы рѣчь шла о другой эпохѣ или о другомъ писателѣ.

Преступленія, совершенныя на такой видной аренѣ и проходящія никѣмъ почти незамѣченными, позволяютъ догадываться о томъ, что творилось въ глуши провинцій и въ тайникахъ дворянскихъ замковъ. Но мы можемъ не вдаваться въ предположенія: тиранство вельможъ надъ сельскимъ населеніемъ зашло такъ далеко, что въ августѣ 1665 г. верховный судъ былъ учрежденъ и долженъ былъ открыть въ Овернѣ засѣданія, для того чтобы укротить окончательно сельскихъ владыкъ, слишкомъ долго придерживавшихся средневѣковыхъ нравовъ.

Отчетъ о засѣданіяхъ этого суда, названныхъ *великими днями*, дошелъ до насъ въ запискахъ одного будущаго епископа (Флешье). Скандальныя и жестокія увеселенія перемѣшаны съ такими гнусными злодѣяніями, что даже высокое положеніе преступниковъ не могло спасти ихъ отъ кары закона.

«Кажется, что само небо возмущено всѣмъ совершающимся,—

нисть де-Бирагъ въ 1710 г.,—быть можетъ Богъ наконецъ наложить на это свою руку».

1710 г.—это конецъ царствованія Людовика XIV.

Не улучшилось-ли положеніе Франціи во время регентства или при Людовикѣ XVI? Послушаемъ:

«Бѣдные крестьяне, бѣдное королевство, бѣдный король!» говорилъ Кенэ, извѣстный экономистъ, жившій въ антресоляхъ Версальскаго дворца въ качествѣ врача короля, называвшаго его «*своимъ мыслителемъ*».

«Съ нѣкоторыхъ поръ Гревская площадь (мѣсто казни преступниковъ) не пустѣетъ», говоритъ Башамонъ въ своемъ дневникѣ, веденномъ за нѣсколько лѣтъ до революціи.

Наканунѣ самаго взрыва одинъ англійскій путешественникъ Артуръ Юнгъ, посѣтившій Францію, сравниваетъ ея бѣдственное положеніе съ положеніемъ Ирландіи и удивляется долготерпѣнію французскаго народа. «Ахъ!—восклицаетъ онъ,—будь я на одинъ день законодателемъ Франціи; какъ-бы у меня полетѣли всѣ эти вельможи». Комитетъ общественной безопасности поступилъ не легкомысленно, когда въ оправданіе революціи распорядился отпечатать книгу Артура Юнга въ 40,000 экземпляровъ и велѣлъ разослать ее во всѣ общины.

Мнѣніе иностранца можетъ быть заподозрѣно. Поищемъ-же въ другомъ мѣстѣ. Выслушаемъ графа Гибера, лицо официальное: «Народъ живетъ въ состояніи такого недовольства и страха, что будь онъ въ силахъ разорвать узы, связующія его съ правительствомъ, онъ далъ-бы себѣ иные законы и иныхъ правителей».—А почему намъ не обратиться къ словамъ самого регента? «Будь я подданнымъ,—говорилъ онъ,—я бы возмутился». Дѣйствительно можно удивляться продолжительности такого порядка вещей, изучая его съ нѣкоторой внимательностью. Долго выносятся наслѣдственное бремя, потому что не вѣрятъ въ возможность отдѣлаться отъ него. Но лишь только возможность эта появляется, какъ лучъ свѣта, за нее ухватываются страстно, иногда даже безумно. Однако, если исчислить все накопившееся недовольство, всѣ вкоренившіяся злоупотребленія, считавшіяся неизбѣжными, то почти удивляешься, что не потребовалось еще болѣе страшныхъ усилій для ниспроверженія столькихъ пренятствій и не пролито еще болѣе крови, чтобы

смытъ ту, которая оросила французскую землю въ предшествовавшіе вѣка.

Мы наполнили цитатами нѣсколько страницъ. Сдѣлали мы это не изъ желанія порицать отжившій режимъ, не безъ славы существовавшій во Франціи; мы имѣли цѣлью только дать нашимъ читателямъ возможность сравнить старое общество съ тѣмъ, посреди котораго мы живемъ: каковы бы ни были недостатки настоящаго, при сравненіи можно оцѣнить благодѣянія перемѣны. Въмѣсто немногихъ страницъ мы могли-бы наполнить сотни и тысячи, не исчерпавъ источниковъ; мы могли-бы приступить къ порогу революціи съ гигантскимъ обвинительнымъ актомъ, составленнымъ изъ свидѣтельскихъ показаній о ея необходимости и съ жестокими оправданіями ея собственной жестокости.

«Тотъ, кто серьезно вдумывался въ народныя возстанія, знаетъ, что они—тѣмъ сильнѣе, чѣмъ сильнѣе причина, ихъ вызвавшая,—говоритъ г-жа Сталь.—Сила возстаній даетъ мѣру недостатковъ учреждений; за нравственный уровень націи отвѣчаетъ не правленіе, къ которому стремятся, а «порядокъ», при которомъ она долго жила. Нынѣ говорятъ, что французовъ развратила революція. Но откуда взялись безпорядочныя наклонности, такъ круто выступившія наружу въ первые года революціи, какъ не изъ вѣковаго суетвѣрія и произвола?—Нѣтъ въ исторіи эпохи, которую можно было-бы сравнить съ четырнадцатымѣсяцами господства террора. Что-же заключить изъ этого? Что не было народа болѣе несчастнаго втеченіи столѣтія, чѣмъ французскій народъ.» («Размышленія о Революціи»—«*Consideration sur la Révolution*».)

ГЛАВА II.

Прогрессъ и его пути.

Матеріальныя страданія народа не составляютъ досточнаго объясненія его волненій: душевныя раны болятъ продолжительнѣе другихъ. И въ этомъ случаѣ сила возмущенія служитъ мѣриломъ испытаннаго угнетенія. Отверженіе всего прошедшаго безъ разбора, беспорядочное уничтоженіе всѣхъ религіозныхъ и политическихъ традицій, крайность, доходящая до желанія стереть съ лица земли все, до именъ, нареченныхъ при крещеніи, измѣненія названій мѣсяцевъ и дней, указываютъ лишь на ту антипатію, которую заслужилъ старый французскій строй, угнетая умы и оскорбляя человѣческое достоинство.

Какое зрѣлище представлялъ въ сущности старый режимъ въ моментъ, когда общественное мнѣніе возстало противъ него?

Въ области религіи: нетерпимость, преслѣдованія, ссылки, даже костры. Сожженіе несчастнаго Лабарра, ребенка, осужденнаго за оскорбленіе образа, совершилось въ 1766 г., и это не послѣдній костеръ.

Въ области политики: отсутствіе свободы, давшее право англійскому юристу Блэкстону приравнять Францію къ Турціи.

Въ области нравственности: соблазнительный примѣръ двора и высшихъ классовъ, вырвавшій у д'Аламбера слѣдующій крикъ негодованія: «Франція подобна лдовитой змѣѣ, въ ней все безвредно, за исключеніемъ головы», и заставившій Гибера безнадежно высказать, что, «когда развратъ достигаетъ подобныхъ размѣровъ, почти невозможно надѣяться на возрожденіе».

Въ области юридической практики: злоупотребленіе смертной казнью, со всѣми степенями пытки и во всѣхъ разнообразныхъ ея видахъ, смотря по званію осужденныхъ; клейма, заточеніе, тайна судопроизводства и распространеніе наказанія на семейство, посредствомъ конфискаціи имущества и позора.

Наконедъ въ области гражданской администраціи: общественное неравенство въ самыхъ различныхъ формахъ, оскорбленіе личности и прикрѣпленіе къ землѣ.

Въ этихъ-то условіяхъ, еще болѣе чѣмъ въ бѣдствіяхъ, исчисленныхъ современниками, слѣдуетъ видѣть причины революціи.

Революція стремилась къ завоеванію свободы, а не къ преобрѣтенію матеріальныхъ улучшеній. Доказательствомъ этому служитъ фактъ, что въ самый моментъ взрыва, благодаря успѣхамъ французскаго флота, наступилъ, по крайней мѣрѣ въ сферѣ внѣшней торговли, періодъ благосостоянія. Другимъ доказательствомъ считаемъ мы то, что дѣло преобразованія націи нашло главныхъ дѣятелей своихъ въ рядахъ буржуазіи—классъ, наименѣе страдавшемъ отъ бѣдности и отъ развращенности нравовъ.

Буржуазія, разсматриваемая съ экономической точки зрѣнія, состоитъ изъ людей, живущихъ отчасти личнымъ трудомъ, отчасти на сбереженія предыдущихъ поколѣній. Этотъ средній классъ безостановочно увеличивается приростомъ интеллигентныхъ и бережливыхъ работниковъ. До революціи онъ былъ несравненно малочисленнѣе, чѣмъ въ настоящее время. Тѣмъ не менѣе уже издавна онъ захватилъ въ свои руки всѣ отрасли промышленной дѣятельности и большинство свободныхъ профессій. Онъ дѣйствительно составлялъ то, что носитъ названіе *третьяго сословія*. И когда Сіэсъ въ знаменитомъ памфлетѣ своемъ провозгласилъ, что третье сословіе—нація, онъ только ясно и просто выразилъ общее мнѣніе. Огражденная отъ крайней нищеты, ведущей человѣка къ огрубѣнію, и отъ опасныхъ искушеній праздности, буржуазія расположена оцѣнивать бѣдствія общества со стороны нравственнаго ихъ значенія.

Въ ся средѣ по преимуществу деспотизмъ Людовика XIV и развратъ Людовика XV возбуждали наибольшее негодованіе.

Роль буржуазіи въ французской революціи не была вещью новой; исторія приводитъ тому свидѣтельства.

Въ собраніи генеральныхъ штатовъ въ 1356 г. буржуазія потребовала равномѣрнаго распредѣленія налоговъ. Въ собраніи тѣхъ-же штатовъ въ 1413 г. она принудила Карла VI издать декретъ для огражденія сельскаго населенія отъ злоупотребленій вельможъ. Въ генеральныхъ штатахъ 1560 г. она настаивала

на уничтоженіи заставныхъ сборовъ внутри страны и пограничныхъ таможенъ. Въ слѣдующемъ году, въ Понтуазѣ, она поставила принципъ права государства на церковныя земли. Въ 1614 г., въ послѣднемъ собраніи, бывшемъ во Франціи, опять буржуазія предложила «свободу торговли, промысловъ и фабричнаго производства».

Она-же ходатайствовала объ отмѣнѣ одного изъ самыхъ тяжелыхъ поземельныхъ налоговъ (*la taille*). Наконецъ отъ нея-же исходило требованіе объ уничтоженіи продажи должностей, годами которой она почти одна и пользовалась.

«Мы трудимся на пользу народа,—говоритъ одинъ изъ ея ораторовъ, Жанъ Саваронъ,—и боремся противъ собственныхъ интересовъ».

«Купцы проникнуты любовью къ общему благу, которое они ставятъ выше собственной пользы»,—говоритъ г-жа де-Мотвилль, другъ регентши Аяны Австрійской.

Таковы заслуги буржуазіи! Все пріобрѣтенное и все, что будетъ пріобрѣтено въ будущемъ,—плодъ соединенныхъ усилій ея съ усиліями народа, скажемъ мы, употребляя установившуюся терминологію, или, говоря иначе, безъ союза демократіи, эмансипированной трудомъ, съ демократіей, ежедневно эмансипирующей, нельзя ничего ожидать.

Аристократія съ своей стороны тоже дала вождей революціи. Въ салонахъ аристократіи отточена была шпага, предназначавшаяся для закланія сословныхъ привилегій. Въ королевскихъ дворцахъ находили убѣжище писатели, преслѣдовавшіеся за сочиненіе книгъ, направленныхъ противъ престоловъ. Слѣдуетъ-ли видѣть въ этомъ одно роковое ослѣпленіе?

Отнюдь нѣтъ. Вѣрнѣе признать въ этомъ непобѣдимую силу справедливости и истины, господствующихъ вопреки личнымъ интересамъ. Привилегированный классъ утратилъ вѣру въ правоту своихъ привилегій, когда обездоленный классъ возсталъ противъ нихъ.

Многіе думаютъ, что Людовикъ XVI могъ-бы остановить движеніе строгими мѣрами.

Въ этомъ мало вѣроятія: нельзя остановить мысль вѣка.

Безъ сомнѣнія былъ моментъ, когда люди, раскрывшіе двери передъ демократіей, испугавшись ея натиска, сидились загородить

ей путь: многіе дворяне-философы начали отрицать собственные принципы, когда народъ сталъ приводить ихъ въ исполненіе.

Но въ моментъ, о которомъ мы говоримъ, всё поголовно бредили прогрессомъ. Почти на всѣхъ европейскихъ тронахъ или рядомъ съ тронами, въ качествѣ министровъ и совѣтниковъ, возсѣдали люди, болѣе или менѣе преданные идеямъ вѣка и стремившіеся осуществить ихъ въ государственномъ управленіи.

Разумѣется, въ то время понимали реформы не иначе, какъ въ видѣ самостоятельнаго акта правителей. Никто не предполагалъ, чтобы онѣ могли явиться послѣдствіемъ усилій, сдѣланныхъ самимъ народомъ. Жанъ-Жакъ Руссо придерживается теоріи *благодѣтельнаго деспотизма*, когда требуетъ, чтобы «людей заставили быть свободными».

Правда, что народы находились еще подъ игомъ невѣжества и суевѣрія. Австрійскій императоръ Іосифъ II, вѣнценосный философъ, встрѣтилъ самое упорное сопротивленіе противъ попытки ввести въ своемъ государствѣ часть нововведеній, осуществленныхъ въ послѣдствіи французскимъ учредительнымъ собраніемъ. То-же испыталъ король Испаніи Карлъ III, когда онъ задумалъ избавить испанцевъ отъ іезуитовъ; «Они похожи на дѣтей, плачущихъ, когда ихъ моютъ», — замѣчаетъ онъ.

У прогресса только два вѣрныхъ пути: образованіе массъ или общественное *coup d'état*. Первый путь медленнѣе, но онъ ведетъ къ цѣли прямо и безповоротно. Мыслящее меньшинство передаетъ свои идеи большинству.

Путь общественныхъ *coup d'état* болѣзненъ, неравномѣренъ, подверженъ ошибкамъ и реакціямъ. Но онъ короче. Онъ пожираетъ время и пространство. Онъ свойственъ наэлектризованнымъ массамъ.

Когда общая подача голосовъ будетъ свободно примѣняться просвѣщенной массой, то быть-можетъ она сообщитъ прогрессу ту-же быстроту, какая достигается общественными *coups d'état*, не вызывая тѣхъ-же волненій и страданій.

Незадолго до революціи были попытки реформъ во Франціи. Но, предпринятая скорѣе съ филантропическими побужденіями, чѣмъ въ духѣ общей свободы, онѣ потерпѣли неудачу, несмотря на довѣріе, заслуженное ихъ руководителями Тюрго и Мальзербомъ.

Эти два добродѣтельныхъ человѣка были призваны въ качествѣ министровъ Людовикомъ XVI тотчасъ по вступленіи на престолъ, наслѣдованный имъ отъ дѣда, постыдной памяти Людовика XV. Чистая нравственность молодого короля общала совѣмъ иное царствованіе, и восшествіе его на престолъ было встрѣчено большими надеждами. Людовикъ XVI никогда не зналъ бурныхъ порывовъ юношескихъ страстей, но зато онъ не зналъ и великодушныхъ стремленій молодости. У него была заурядная, безсильная натура, узкимъ и ханжескимъ воспитаніемъ поработенная кастовымъ предразсудкамъ и клерикальному направленію. Понятно, что онъ относился враждебно къ идеямъ современной философіи и къ поползновеніямъ на политическую свободу. Но у него было искреннее милосердіе, которое внушало ему участіе къ страданіямъ ближнихъ и располагало его охотно обращаться къ мѣрамъ матеріальныхъ улучшеній. Выборъ этихъ двухъ совѣтниковъ, указанныхъ ему общественнымъ мнѣніемъ, дѣлаетъ честь его разсудительности. Тюрго заявилъ себя прекраснымъ управленіемъ провинціи Лимузена, а Мальзербъ честными возраженіями противъ системы поборовъ, которыми обременяли несчастный народъ.

Тюрго составилъ обширный и смѣлый планъ политическаго переустройства. Онъ предлагалъ цѣлую систему представительныхъ муниципалитетовъ (собраній): сельскихъ, городскихъ, окружныхъ, провинціальныхъ. Каждая изъ этихъ инстанцій должна была избирать депутатовъ для высшей, а надъ ними должны были стоять провинціальныя собранія, изъ представителей которыхъ составлялся-бы муниципалитетъ всей страны. Эта система способна была-бы поддержать монархію, преобразовавъ ее. Какъ государственный человѣкъ и какъ человѣкъ съ сердцемъ, Тюрго хотѣлъ включить въ свою политическую систему совѣтъ національнаго образованія, съ цѣлью превратить населеніе въ гражданъ, сознающихъ свои обязанности. Онъ надѣялся привести все это въ исполненіе въ одинъ или два года, но счелъ за необходимое приготовить для этого почву изданіемъ нѣсколькихъ законовъ экономическаго характера; эта отсрочка быть-можетъ не была чужда его неудачѣ. Ревностный апостолъ личной свободы, которая всегда является плодомъ просвѣщенія, министр-реформаторъ повидимому недостаточно былъ проник-

нута убѣжденіемъ, что просвѣщеніе не можетъ развиваться безъ политической свободы.

Онъ началъ съ того, что установилъ свободную торговлю хлѣбомъ, а позднѣе — свободную торговлю виномъ внутри государства. Таможенные сборы и сильное стѣсненіе внутренней торговли производили страшныя колебанія цѣнъ, въ ущербъ какъ производителей, такъ и потребителей. Онъ уничтожилъ родъ барщины, установленной для передвиженія военныхъ обозовъ и ремонта королевскихъ дорогъ, замѣнивъ ее налогами на поземельную собственность; проэктировалъ отмену налога на соль, ненавистнаго народу, потому что этотъ налогъ заставлялъ населеніе платить за соль въ десять разъ дороже ея стоимости и вмѣстѣ съ тѣмъ предписывалъ каждому количество, которое онъ былъ обязанъ покупать. Результатъ дѣятельности Тюрго выразился тѣмъ, что черезъ два года оказался излишекъ прихода надъ расходами и началась уплата недоимокъ. Общее благосостояніе понизило денежный процентъ до четырехъ.

Онъ уничтожилъ цеховое устройство ремесленнаго труда. Людовикъ Святой учредилъ ремесленныя корпораціи; вначалѣ организація эта была очень полезна, устраняя безпорядки, регулируя трудъ и ограждая ремесленный людъ отъ вымогательствъ феодаловъ. Но впослѣдствіи тѣ-же корпораціи сдѣлались источникомъ новаго порабощенія; онѣ создали наслѣдственные монополіи, вредныя для успѣховъ промышленности, произвольно расширяли или ограничивали право поступленія въ свои ряды, продавали званіе хозяина, деспотически управляли внутренними дѣлами цеховъ и отличались полной нетерпимостью по отношенію къ другимъ ремесленникамъ. Каждый отдѣльный ремесленникъ былъ прикрѣпленъ къ своему цеху, съ запрещеніемъ, подъ угрозой смертной казни и заключенія всего семейства въ тюрьму, искать счастья въ переселеніи за-границу. Вслѣдствіе всего этого уничтоженіе корпорацій было благоудѣи-емъ. Благодаря ему, каждый гражданинъ получалъ свободу добровольно браться за любой промыселъ.

Нравственный характеръ администраціи Тюрго былъ отмѣченъ чертой великодушныхъ стремленій не менѣе, чѣмъ и экономическія его мѣры: свобода вѣроисповѣданій была предложена имъ королю, къ несчастью безуспѣшно. Неприкосновен-

ность писемъ была установлена постановленіемъ совѣта. Отмѣненъ надзоръ тайной полиціи надъ салонами. Отмѣнены взятки откупщиковъ министрамъ при возобновленіи срока откупа. Нельзя обойти молчаніемъ уничтоженіе пошлинъ на ввозъ иностранныхъ книгъ.

Мѣры эти не касались прямо интересовъ привилегированныхъ классовъ, которые пропустили ихъ поэтому безъ возраженій. Но слухъ разнесся и о другихъ реформахъ. Говорили о преобразованіи дворцоваго вѣдомства, о пропорціональномъ уравнианіи окладовъ различныхъ государственныхъ должностей, о замѣнѣ неопредѣленныхъ поборовъ въ удѣльныхъ имѣніяхъ ежегоднымъ налогомъ, что неминуемо должно было сдѣлаться обязательнымъ и для дворянскихъ помѣстій. Тюрго самъ распространилъ записку, въ которой формально предлагалъ выкупъ феодальныхъ правъ. Вообще министры допускали свободную критику старыхъ учрежденій.

Поднялась тревога въ сферахъ, жившихъ злоупотребленіями. Парижскій парламентъ отказался внести въ протоколъ эдикты, изданные по внушенію Тюрго. Вотъ какъ произошло дѣло: каждое королевское повелѣніе поступало въ парламентъ для внесенія его въ реестръ. Если парламентъ не одобрялъ его, президентъ отправлялся къ королю съ заявленіемъ неодобренія, т. е. представлялъ почтительныя возраженія. Въ случаѣ если король упорствовалъ, парламенту оставалось два выхода: уступить, что онъ обыкновенно и дѣлалъ, или не соглашаться; тогда король прибѣгалъ къ *молчаливому засѣданію* (*lit de justice*), послѣ чего законъ вносился въ реестръ въ силу королевскаго постановленія. Но большей частью, во избѣжаніе скандала, шли на обоюдныя уступки.

На этотъ разъ однако королю пришлось обратиться къ своему праву, чтобы сломить сопротивленіе парламента. Немедленно въ средѣ приближенныхъ короля составилъ заговоръ противъ экономнаго министра, отказавшагося потворствовать расточительности двора; а такъ какъ тотъ-же министръ ходатайствовалъ въ пользу узаконенія протестантскихъ браковъ, то католическое духовенство присоединилось къ его врагамъ. Пущены были въ ходъ постыдныя средства: памфлеты и подложныя письма. Людовикъ сдѣлся. Тюрго былъ грубо отставленъ при

рукоплесканіи аристократическихъ салоновъ, но къ великому огорченію народа, который, не взирая на стѣсненія и страданія, неразлучныя съ каждой реформой, понималъ, что теряетъ въ немъ друга. Сильно огорчился и Вольтеръ, прозвавшій Тюрго *отцомъ народа* и воскликнувшій при извѣстіи объ его отставкѣ: «Я ошеломленъ; этотъ громовой ударъ поразилъ мой мозгъ и сердце».

Въ Тюрго мы должны признать одну изъ высшихъ философскихъ силъ Франціи, одного изъ предшественниковъ революціи и быть-можетъ самаго смѣлаго изъ ея теоретиковъ, такъ какъ никто не порывалъ такъ рѣшительно съ традиціями, какъ онъ. Въ мемуарѣ своемъ о муниципалитетахъ онъ говорить: «Права людей, соединенныхъ въ общества, основываются не на исторіи, а на природѣ ихъ».

Однако Тюрго, въ благородномъ нетерпѣніи совершить реформы, раздѣлялъ общее своему времени заблужденіе относительно способа ихъ осуществленія: «Дайте мнѣ пять лѣтъ деспотической власти и Франціи будетъ свободна».

Самъ Людовикъ XVI понималъ это заблужденіе: «Тюрго слишкомъ увлекается своимъ желаніемъ добра,—писалъ король Мальзербу,—деспотизмъ не пригоденъ ни къ чему, хотя-бы онъ и принудилъ людей къ счастью»... Реформы Тюрго постигла участь всѣхъ канцелярскихъ реформъ: онѣ исчезли вмѣстѣ съ ихъ основателемъ. Народы, наравнѣ съ отдѣльными личностями, подлежатъ одному высшему закону справедливости: имъ суждено пользоваться лишь благами, заслуженными собственнымъ трудомъ. Вслѣдъ за паденіемъ Тюрго возстановлена была барщина, и крестьянъ сгоняли на работу палками. Эдиктъ, упразднившій цеховое устройство ремесленного труда, былъ отмѣненъ. Уже позднѣе, въ 1791 г., національное собраніе вернулось снова къ этому вопросу и рѣшило дѣло безповоротнo. Государственный кредитъ былъ подорванъ. Заемъ, предназначенный для консолидаціи долга, не удался, и правительство прибѣгло къ унижительнымъ средствамъ для увеличенія доходовъ путемъ учрежденія *королевской лотереи*.

Все пошло кривь и вкось. Тогда обратились къ человѣку, приобрѣвшему состояніе и репутацію въ финансовомъ мірѣ, но иностранцу и протестанту. Насколько велики были затрудненія, можно судить потому, что не остановились и передъ такими

условіями. Неккеръ былъ искусный администраторъ; люди, вѣрившіе въ возможность удержать государство отъ всѣхъ его недруговъ финансовыми ухищреніями, привѣтствовали его вступленіе въ должность. Оно ознаменовалось значительнымъ повышеніемъ цѣнностей и заключеніемъ займа на выгодныхъ условіяхъ. Неккеръ улучшилъ служебные порядки, упорядочилъ отчетность казначейства, обуздалъ казнокрадство и приступилъ къ сокращенію мѣстъ и должностей, разросшихся до скандальныхъ размѣровъ въ послѣднія царствованія. Кто-то пробовалъ подвести имъ итогъ, но отступился, приблизительно опредѣливъ ихъ число въ триста тысячъ. Одинъ Людовикъ XIV создалъ сорокъ тысячъ новыхъ должностей. Онъ ихъ продавалъ гуртомъ крупнымъ спекулянтамъ, а тѣ уже перепродавали ихъ въ розницу. Промышленность была опутана ими, она не могла ступить шагу, не натываясь на мелочныя придирки, а главное—на безконечныя поборы со стороны королевскихъ чиновниковъ. Нѣкоторыя профессіи тоже служили предметомъ торга. Явленіе безобразное и незаконное! Слово трудъ не есть право и почетная обязанность всѣхъ людей.

Но одной изъ главныхъ заслугъ Неккера, упрочившей за нимъ право на благодарность націи, является его знаменитый отчетъ о государственныхъ доходахъ и расходахъ, бывшій первымъ примѣромъ гласности въ государственныхъ дѣлахъ.

Отчасти онъ осуществилъ политическій планъ Тюрго, учредивъ нѣсколько провинціальныхъ собраній, на которыя возложена была задача мѣстнаго управленія. Эти собранія предназначались для ослабленія центральной власти, расширенной до невѣроятныхъ размѣровъ.

Попытка эта не удалась, потому что общественное сознаніе ставило требованія гораздо болѣе широкія: задача, бывшая на очереди, состояла одновременно въ эмансипаціи общества и въ политическихъ реформахъ.

Тѣмъ не менѣе проекты Неккера совершенно такъ же, какъ и планы Тюрго, подняли тревогу между лицами, находившими свою выгоду въ тайнѣ и безпорядкахъ. Вдобавокъ Неккеръ былъ скупъ на расходованія казенныхъ денегъ и неохотно расточалъ ихъ придворнымъ. Наполняя государственную казну, онъ тратилъ деньги расчетливо. Интрига, свалившая его знамени-

таго предшественника, ополчилась и противъ него. Онъ палъ въ свою очередь, и за его паденіемъ послѣдовала еще разъ реакція: не только проектированныя имъ мѣры были оставлены въ сторонѣ, но многія изъ осуществленныхъ имъ улучшеній отмѣнены.

Тщетно общественная совѣсть, просвѣщенная философіей, признавала естественное равенство людей. Привилегированный классъ, вторя этимъ идеямъ въ своихъ салонахъ, упорно противился примѣненію ихъ на дѣлѣ: военный министръ запретилъ лицамъ непривилегированнаго класса полученіе чиновъ въ арміи, а Людовикъ XVI рѣшилъ давать доходныя мѣста въ духовномъ вѣдомствѣ исключительно лицамъ дворянскаго происхожденія. — Тщетно общественное мнѣніе провозглашало братство различныхъ расъ; постановленіе верховнаго совѣта поощряло торговлю неграми, назначивъ денежную премію. — Въ этотъ моментъ умственного пробужденія духовенство потребовало сильныхъ мѣръ противъ *злоупотребленій печатнымъ словомъ*. Парламентъ подвергъ осужденію сочиненіе Рейналя «L'histoire philosophique des deux Indes» («Философская исторія обѣихъ Индій»), а Сорбонна порицала книгу Бюффона «Epoques de la nature» («Эпохи природы»).

Въ то время какъ вѣротерпимость озарила души, собраніе духовенства требовало преслѣдованія протестантовъ, а епископы грозили самому королю небеснымъ гнѣвомъ за новый эдиктъ, даровавшій гражданскія права иновѣрцамъ. Въ заключеніе, въ то время какъ человѣческій разумъ требовалъ политическихъ правъ для народа, епископъ, совершавшій обрядъ коронованія Людовика XVI, въ первый разъ пропустилъ обычный вопросъ, установленный изстари, съ которымъ онъ долженъ былъ обратиться къ присутствующимъ: «Согласны-ли вы признать принца сего королемъ своимъ?»

Но насколько сильнѣе этихъ враждебныхъ выходовъ оказалось теченіе, привлекавшее умы къ идеямъ справедливости и свободы, доказываетъ слѣдующій фактъ.

Англійскія сѣвероамериканскія колоніи, угнетаемыя метрополіей, возстали; и въ то время, когда герой-воинъ Вашингтонъ защищалъ съ оружіемъ въ рукахъ новое знамя Соединенныхъ Штатовъ, другой герой-философъ Франклинъ прибылъ въ

Парижъ просить поддержки Франціи. Онъ оправился къ человеку, воплощавшему ярче другихъ чувства націи, — къ Вольтеру, и просилъ благословить его внука. «Богъ и свобода!» промолвилъ великій старецъ, положивъ руку на голову мальчика. Это было усыновленіемъ отъ лица Франціи юной націи, опередившей ее на поприщѣ политической свободы.

Общественное мнѣніе выразилось въ свою очередь очень рѣшительно; оно побудило нѣкоторыхъ членовъ аристократіи, воодушевленныхъ рыцарскими чувствами, составить отрядъ, вопреки запрещенію короля, и отправиться въ экспедицію на помощь возстанію. Лафайетъ положилъ начало своей извѣстности, ставъ во главѣ этого новаго крестоваго похода. Вскорѣ успѣхи американцевъ, а еще болѣе усилившееся давленіе общественнаго мнѣнія принудили версальскій кабинетъ къ признанію новой республики, къ оказанію ей поддержки и къ заключенію съ ней торговаго и оборонительнаго договоровъ. Убѣдить въ этомъ короля стоило большого труда; онъ долго колебался и далъ свое согласіе однимъ изъ послѣднихъ. Всѣмъ извѣстное отвращеніе королевы къ американскому вопросу много способствовало раздраженію противъ нея умовъ. «Послѣ Бога американскій народъ обязанъ болѣе всего Франціи своимъ освобожденіемъ», — сказалъ одинъ историкъ (Анри Мартенъ).

Франція была вознаграждена за доброе дѣло: достойное удивленія провозглашеніе независимости Соединенныхъ Штатовъ, въ которомъ невозможно было не узнать прямого вліянія французскихъ писателей, примѣръ народа, творца собственной свободы, присутствіе въ Парижѣ республиканца Франклина, снискавшаго всеобщее уваженіе, все это оказало на Францію рѣшающее дѣйствіе. Дворяне Ноайль, Монморанси, Ламетъ, первые подавшіе голосъ въ пользу революціи, генералы, ставшіе во главѣ первыхъ республиканскихъ армій: Кюстинъ, Рошамбо, Биронъ и Журданъ принимали участіе въ американскомъ походѣ. Общеніе лучшихъ людей установило между обѣими націями плодотворную солидарность.

Становилось очевиднымъ, что возрастающая рознь между правительствомъ и общественнымъ мнѣніемъ должна была привести первое къ гибели. Оно ускорило ее своими промахами.

Въ эпоху, когда Тюрго и Неккеръ замыслили свои преобра-

зованія, они могли еще если не отстранить грозу, то отдалить ее. Но виновники паденія этихъ двухъ министровъ продолжали препятствовать возможности какихъ-либо улучшеній и слѣдовательно содѣйствовали наступленію революціи. Никто не соглашался нести жертвы: парламенты въ краснорѣчивыхъ выраженіяхъ соболѣзновали страданіямъ народа, но не находили средствъ къ ихъ облегченію; они упрямо противились равномѣрному распредѣленію налоговъ и учрежденію провинціальныхъ собраній.

Управленіе финансами, совмѣщавшее въ то время почти все отрасли администраціи королевства, послѣдовательно поручалось самымъ бездарнымъ людямъ. Наконецъ дворъ вообразилъ, что подходящій министръ найденъ: Калоннъ сулилъ удовлетворить всехъ, не прибѣгая къ реформамъ, и наполнить сундуки казначейства, пуская въ ходъ одинъ кредитъ. Онъ выказывалъ такую самоувѣренность, что обворожилъ придворныхъ, превосходившихъ легкомысліемъ его самого. Калоннъ уплатилъ долги принцевъ и безъ возраженій находилъ средства на ихъ мотовство. Онъ даже поощрялъ расточительность, предложивъ королевѣ покупку Сентъ-Клу, а короля заставилъ пріобрѣсти на 70 милліоновъ помѣстій, принадлежавшихъ обремененнымъ долгами дворянамъ, которыхъ избавилъ этимъ путемъ отъ денежныхъ затрудненій. Но, точно выполнивъ первую часть своей программы, онъ совершенно спасовалъ на второй ея половинѣ: мнимый спаситель добывалъ деньги путемъ обременительныхъ займовъ и залогомъ коронныхъ земель, что неизбѣжно повлекло за собою новую финансовую путаницу.

Истощивъ все свои средства, Калоннъ былъ вынужденъ сознаться въ своемъ безсиліи и вернуться къ проэктамъ реформъ, какъ къ единственному спасительному выходу. Въ секретной запискѣ, составленной для короля, онъ говоритъ: «Необходимо постепенно перестроить все зданіе во избѣжаніе его разрушенія». Это было прямое признаніе того самаго факта, въ которомъ не могли убѣдить философскія идеи правительственныхъ лицъ:—признаніе необходимости выбора между пожертвованіемъ привилегіями или существованіемъ самаго государства.

Планы новаго министра были довольно удачно составлены путемъ заимствованій изъ проэктовъ, доставшихся ему отъ пред-

иственниковъ, но затрудненіе являлось со стороны санкціонированія ихъ политической властью. Какъ добиться этого? Парламенты, проникнутые корпоративнымъ духомъ, всегда были расположены создавать затрудненія администраціи. Калоннъ придумалъ созвать совѣтъ нотаблей, не собиравшійся уже втеченіи полутора вѣка (съ 1626 г.). Это было чрезвычайное собраніе, въ члены котораго избирались самыя вліятельныя лица государства съ присвоеніемъ имъ совѣщательнаго, но не рѣшающаго голоса по тѣмъ вопросамъ, которые король признавалъ нужнымъ подвергнуть ихъ обсужденію.

Собраніе было открыто 22 февраля 1787 г., и засѣданія его продолжались три мѣсяца. Оно состояло изъ принцевъ крови, маршаловъ, духовныхъ лицъ, дворянъ, членовъ судебного вѣдомства и немногихъ муниципальных чиновниковъ, всего было 144 члена, изъ которыхъ не болѣе шести или семи человѣкъ служили представителями третьяго сословія. Калоннъ изложилъ имъ свои взгляды, утверждая, что единственное средство для поправленія финансовъ—искорененіе злоупотребленій. «Привилегіями слѣдуетъ пожертвовать, этого требуютъ справедливость и неумолимая необходимость». Эти слова понятно не могли тронуть людей, жившихъ на счетъ привилегій. Нотабли отклонили проекты, подъ предлогомъ неудовлетворительности ихъ составленія, а въ сущности потому, что въ нихъ затрогивался жгучій вопросъ: равномернаго распредѣленія налоговъ. Калоннъ былъ побѣжденъ, и король отступился отъ него, какъ ранѣе отступился отъ Тюрго и Неккера.

Проекты Калонна, не столь широкіе и менѣе популярныя, чѣмъ планы двухъ прежнихъ министровъ, пережили однако его паденіе, благодаря усилившемуся вліянію общественнаго мнѣнія, стремленія котораго шли даже далѣе подобныхъ нововведеній. Преемникъ Калонна хотя попалъ въ министры по протекціи королевы, относившейся къ новымъ идеямъ еще враждебнѣе короля, принужденъ былъ однако-же уступить общественному мнѣнію. Новый министръ, Ломени де-Бріеннъ, архіепископъ тулузскій, отличался салоннымъ остроуміемъ, но ума былъ не солиднаго и нравственности шаткой. Нотабли, удовлетворенные побѣдой надъ Калонномъ и обольщенные обѣщаніями экономнаго веденія дѣлъ, оказались уступчивѣе въ отношеніи его преем-

ника. Но и онъ встрѣтилъ въ парламентѣ то-же сопротивленіе, о которое разбивались всѣ серьезныя реформы. Однако на этотъ разъ парламентъ тактично утвердилъ безъ возраженій нѣсколько мѣръ, клонившихся въ пользу свободы и бѣдныхъ, какъ-то: учрежденіе провинціальныхъ собраній и постановленія о хлѣбной торговлѣ, отказавъ въ утвержденіи гербоваго сбора, не одобрявшагося общественнымъ мнѣніемъ.

Этой искусной тактикой парламентъ пріобрѣлъ популярность. А его распря съ дворомъ приняла характеръ національнаго вопроса, когда онъ заявилъ, «что только одной націи, въ лицѣ *генеральныхъ штатовъ*, принадлежитъ право назначать королю необходимыя субсидіи».

Такимъ-то образомъ этотъ гордый парламентъ въ минуту запальчивости объявилъ свою политическую некомпетентность.

Въ сущности ни у кого не возникало сомнѣнія насчетъ того, что право устанавливать налоги принадлежало *генеральнымъ штатамъ*, состоявшимъ изъ представителей плательщиковъ. Но въ промежутки между ихъ сессіями временно это дѣло поручалось парламенту, а временное положеніе переходило въ постоянное: генеральныя штаты не были созданы ни разу со дня совершеннолѣтія Людовика XIII (1614 г.).

Счетная палата и палата неокладныхъ сборовъ послѣдовали примѣру парламента и заявили о необходимости созыва генеральныхъ штатовъ, отказавшись регистрировать предложенные эдикты.

Парижскій парламентъ въ наказаніе за его строптивость былъ высланъ; но провинціальныя парламенты немедленно выступили съ энергическими протестами, къ которымъ примкнули второстепенныя судебныя учрежденія и даже корпораціи, чуждая судебному вѣдомству, какъ-то университетъ. Встревоженный дворъ вступилъ въ переговоры: вернулъ высланныхъ и добился отъ нихъ этой уступкой регистраціи, въ измѣненной формѣ, нѣсколькихъ финансовыхъ мѣръ, отвергнутыхъ ими первоначально.

Но этого было далеко недостаточно для покрытія безконечныхъ нуждъ казначейства. Порѣшили обратиться къ новымъ займамъ и добиться на нихъ согласія, пуская одновременно въ ходъ власть и хитрость.

Вечеромъ 18-го ноября 1787 г. старшій президентъ парламента получилъ приказаніе созвать членовъ на королевское засѣданіе къ восьми часамъ утра слѣдующаго дня. Очень многіе не успѣли явиться; но приложено было стараніе во-время предупредить о засѣданіи всѣхъ тѣхъ, на согласіе которыхъ можно было рассчитывать.

Король открылъ засѣданіе суровой рѣчью, въ которой объявилъ, «что онъ одинъ обладаетъ верховной властью, т. е. одному ему *всецѣло и безраздѣльно* принадлежитъ власть законодательная и право созванія генеральныхъ штатовъ; что онъ не нуждается для управленія королевствомъ въ чрезвычайныхъ полномочіяхъ; что представители трехъ сословій, въ его глазахъ, не болѣе какъ *расширенное совѣщательное учрежденіе* и что онъ одинъ—судья въ томъ, слѣдуетъ-ли принимать ихъ представленія и удовлетворять ихъ жалобы».

Тѣмъ не менѣе онъ обѣщалъ созвать генеральные штаты до 1792 г.

Вслѣдъ за этимъ были предъявлены новые эдикты о займахъ. Въ то время какъ президентъ собирался приступить къ счету голосовъ, Людовикъ XVI, обмѣнявшись нѣсколькими словами съ своимъ министромъ, воскликнулъ: «Повелѣваю внести эдиктъ въ протоколъ». А въ отвѣтъ на слово «беззаконіе», сказанное шепотомъ принцемъ Орлеанскимъ, король, выросшій на прежнихъ традиціяхъ, возразилъ: «Законно, если я того требую». Парламентъ протестовалъ, отказываясь регистрировать эдиктъ.

Борьба продолжалась. Дворъ рѣшилъ сломить сопротивление чрезвычайной мѣрой: онъ отдалъ приказъ захватить въ засѣданіи двухъ изъ самыхъ смѣлыхъ членовъ оппозиціи, д'Эпремениля и Гуалара, и заключить ихъ въ отдаленныя тюрьмы. Затѣмъ въ «молчаливомъ засѣданіи», состоявшемся 8-го мая 1788 г., король объявилъ всѣ парламенты распущенными и запретилъ имъ собираться. Онъ отнялъ у нихъ право пересмотра и регистрированія эдиктовъ, передавъ его особому учрежденію (*conseil privé*), составленному изъ принцевъ, пэровъ, высшихъ придворныхъ чиновъ и другихъ высокопоставленныхъ лицъ. Судебное вѣдомство было преобразовано путемъ послѣдовательныхъ повелѣній, содержавшихъ много полезныхъ мѣръ, но недостаточныхъ для удовлетворенія все возраставшихъ требованій общественнаго мнѣнія.

Безсиліе старой монархіи было дѣломъ очевиднымъ. Волненіе охватило Нормандію, Бретань, Беарнъ и Дофине. Парламентъ города Ренна объявилъ опозоренными судей, которые приняли-бы въ руководство королевскія повелѣнія 8-го мая. Въ Дофине граждане открыли провинціальное собраніе при участіи дворянства, духовенства и третьяго сословія, безъ раздѣленія на классы, причѣмъ число представителей послѣдняго равнялось числу двухъ прочихъ, взятыхъ вмѣстѣ. Эта инициатива жителей Дофине достойна вниманія, какъ фактъ, опередившій на цѣлый годъ одно изъ важнѣйшихъ мѣропріятій Учредительнаго Собранія. Дворъ намѣревался разогнать собраніе военной силой, но губернаторъ провинціи, маршалъ де-Во, видѣвшій событія на мѣстѣ, извѣстилъ короля, что такая мѣра окажется черезчуръ запоздалой. Собраніе гражданъ обратилось къ королю съ формальнымъ прошеніемъ о созваніи генеральныхъ штатовъ и поклялось не платить налоговъ до исполненія своего ходатайства.

«Королю не дожидаться ничего ни отъ Дофине, ни отъ остальной Франціи,—объявляло собраніе,—если онъ откажется созвать генеральные штаты.» Генеральные штаты въ старыя времена никогда не стѣсняли королей. Напротивъ, послѣдніе нерѣдко пользовались ими для того, чтобы добиться отъ народа желаемого, и затѣмъ спокойно устраняли это удобное и отвѣтственное орудіе, какъ только оно становилось ненужнымъ. А между тѣмъ одно имя генеральныхъ штатовъ сохраняло какую-то таинственную силу: въ немъ заключалось признаніе верховныхъ правъ народа. Не даромъ Людовикъ XIV инстинктивно сторонился отъ нихъ, а Людовикъ XV говаривалъ: «Будь у меня братъ, который посовѣтовалъ-бы созваніе генеральныхъ штатовъ, я бы не далъ прожить ему сутокъ и принесъ-бы его въ жертву безопасности монархіи». Всегда—въ минуты великихъ затрудненій, посѣщавшихъ Францію, обращеніе къ генеральнымъ штатамъ раздавалось, какъ крикъ о спасеніи. Не восходя до Филиппа-Красиваго, призывавшаго къ себѣ на помощь представителей народа въ борьбѣ противъ притязаній Бонифація VIII, стремившагося простереть и на свѣтскія дѣла свое папское главенство, ограничимся указаніемъ на евангельски-добродѣтельнаго Фенелона, желавшаго созвать генеральные штаты въ моментъ, когда онъ считалъ страну въ опасности. То-же желаніе

предъявляется филантропомъ Вобаномъ, аристократомъ Сень-Симономъ, феодаломъ Буленвиллье и наконецъ фрондеромъ Ларошфуко, такъ какъ оно порождалось всевозможными интересами и надеждами.

Во время спора герцоговъ Орлеанскаго и дю-Мэнъ изъ-за регентства обѣ стороны обращались къ генеральнымъ штатамъ, какъ къ представителю націи и единственному судѣ въ національномъ дѣлѣ. Говорятъ, будто-бы нѣсколько позднѣе, когда регентъ, открывъ всѣ шлюзы ажіотажа, увидалъ, какъ ринулся потокъ банкротства, грозя все затопить, онъ хотѣлъ передать все въ руки генеральныхъ штатовъ; но министръ его, кардиналъ Дюбуа, посовѣтовалъ ему *избѣжать* этого. «Слѣдуетъ,—говорилъ онъ,—удалить мысль, что король обязанъ своимъ положеніемъ и достояніемъ подданнымъ.» Наконецъ, передъ самой революціей, республиканецъ Мабли, роялистъ Мальзербъ, конституціоналистъ д'Эпремениль и само духовенство, когда отъ него потребовали внести его долю на субсидіи,—всѣ твердятъ хоромъ одно и то-же: «генеральные штаты!» Они призываютъ ихъ, сами не зная точно, что изъ этого выйдетъ, совершенно такъ-же, какъ въ безнадежныхъ болѣзняхъ прибѣгаютъ часто къ средству, дѣйствіе котораго мало извѣстно.

Что это доказываетъ, какъ не поголовное убѣжденіе болѣе или менѣе отчетливо созннанное, что надъ всѣми политическими властями существуетъ высшая инстанція. Много единичныхъ голосовъ взывали къ этому верховному суду, но они оставались безъ отголоска до того дня, пока пробудившаяся Франція не повторила могучимъ голосомъ тотъ-же призывъ.

До этого момента королевское правительство могло стать во главѣ реформъ и совершить ихъ рука объ руку съ націей; отъ него и ждали этого. Теперь время реформъ уже миновало и пробилъ часъ революціи.

Генеральные штаты были созваны 8-го августа 1789 года на 1-е мая слѣдующаго года.

Катился «девятый валъ», какъ выразился Неккеръ.

ГЛАВА III.

Внесение принципов 1789 в программы народных представителей.

Создание генеральных штатов было победой общественного мнѣнія надъ королемъ, дворомъ и даже надъ самими парламентами, потребовавшими его въ минуту раздраженія.

Общественное мнѣние одержало и вторую побѣду, заставивъ возвратить Неккеру постъ министра финансовъ. Его приняли, какъ чловѣка, навязаннаго силой. Онъ отвѣтилъ на оказанную ему честь мудрыми мѣрами, возвратившими кредиту нѣкоторую твердость и доставившими средства, необходимыя до созванія генеральныхъ штатовъ. «Ахъ, зачѣмъ у меня отняли эти полтора года,—восклисалъ онъ,—теперь слишкомъ поздно». Какъ часто пришлось повторять слова: «слишкомъ поздно». Умы были заняты однимъ весьма важнымъ вопросомъ; французское общество дѣлилось на три класса: духовенство (католическое, такъ какъ остальные вѣроисповѣданія не были признаны), дворянство и буржуазію. Въ собраніяхъ ихъ представителей каждый классъ составлялъ отдѣльную группу, такъ что въ случаяхъ столкновенія интересовъ два первые привилегированные класса соединенными силами подавляли численностью третій.

Теперь предъявлялось требованіе, чтобы третье сословіе, какъ самое многочисленное, избирало число депутатовъ, равняющееся численности двухъ первыхъ группъ, взятыхъ вмѣстѣ; зачѣмъ, чтобы счетъ голосовъ производился поголовно, а не посословно. Но это было совсѣмъ не съ руки привилегированнымъ классамъ, преимущества которыхъ уничтожалъ подобный численный балансъ. И парламентъ выдалъ свои затаенные замыслы, настаивая на томъ, чтобы генеральные штаты были составлены и организованы по образцу собранія 1614 г., *формъ единственно*

законной, ибо она была принята за основаніе послѣдней сессіи. Еслибы парламентъ простеръ нѣсколько глубже свои историческія изслѣдованія, то нашель-бы, что въ 1355 г. третье сословіе насчитывало число представителей, равнявшееся числу двухъ другихъ соединенныхъ группъ.

Лѣтописи генеральныхъ штатовъ представляютъ однако въ этомъ отношеніи такое пестрое разнообразіе, что слѣдять выводъ о системѣ здѣсь невозможно.

Въ сущности эти споры имѣли постыдную подкладку: подъ ними скрывался замысль распустить собраніе лишь только будутъ получены черезъ его посредство деньги.

Франція волновалась подъ вліяніемъ вопроса объ удвоеніи числа представителей третьяго сословія, — вопроса, въ сущности содержавшаго всю революцію.

И какъ разъ въ этотъ моментъ аббатъ Сіэсъ, человѣкъ совѣмъ неизвѣстный, выпустилъ брошюру подъ заглавіемъ: «Что такое третье сословіе?» — «Все», отвѣчалъ авторъ. «Чѣмъ было оно до сихъ поръ въ политическомъ строѣ?» — «Ничѣмъ.» — «Чего оно добивается?» — «Признанія его за нѣчто.»

Эта брошюра имѣла громадное вліяніе на общественное мнѣніе. Ранѣе Сіэса, другой писатель, но уже пріобрѣтшій извѣстность сочиненіями, отмѣченными печатью генія, Мирабо, по поводу положенія, которое должно было занять третье сословіе въ готовящемся собраніи, высказалъ слѣдующее: «Утверждаю, хотя это совершенно невѣроятно, что сословіе, изъ котораго состоитъ почти вся нація, должно равняться по крайней мѣрѣ половинѣ ея численности».

Впрочемъ оба не болѣе какъ повторяли слова Руссо: «Человѣчество состоитъ изъ народа; все, что не народъ, такъ мало-численно, что не стоитъ принимать его въ расчетъ». Революціонеры были поистинѣ сынами философовъ.

Неккеръ стоялъ за удвоеніе числа представителей, предложенное имъ уже для проэктированныхъ провинціальныхъ собраній. Но онъ не рѣшился посовѣтовать королю взять на себя инициативу этой мѣры, хотя она и доставила-бы ему большую популярность.

Онъ созвалъ нотаблей для совѣщанія съ ними о составѣ и организаціи генеральныхъ штатовъ, словно могло быть сомнѣніе

относительно того, что привилегированные классы будутъ естественно противиться всему клонящемуся къ уменьшенію ихъ значенія.

И дѣйствительно, большинство нотаблей подало мнѣніе за сохраненіе принятыхъ обычаевъ. Но давленіе общественнаго мнѣнія было такъ могуче, что черезъ двѣ недѣли Неккеръ убѣдилъ короля рѣшить вопросъ объ удвоеніи числа представителей—утвердительно.

Одновременно съ этимъ онъ возвѣстилъ объ уничтоженіи тайныхъ повелѣній объ арестахъ (*lettres de cachet*), о дарованіи свободы печати и о періодическомъ созваніи генеральныхъ штатовъ, «чтобы предвосхитить у депутатовъ все добро, которые тѣ намѣревались сдѣлать, и привлечь къ королю любовь народа». Такъ объясняетъ по крайней мѣрѣ г-жа Сталь мысль своего отца.

Число депутатовъ было опредѣлено въ 1200 ч., изъ которыхъ 600 представителей избирало третье сословіе и по 300 челов.—два другіе класса. Но эта уступка теряла всякое значеніе при сохраненіи порядка голосованія отдѣльными группами и счета голосовъ посословно. Такая постановка вопроса была только отсрочкой его. Избирательный регламентъ, изданный по этому случаю, бралъ за основаніе старинныя феодальныя и судебныя дѣленія Франціи на округа и сенешальства, служившія избирательными округами для генеральныхъ штатовъ въ 1614 г., но такъ какъ съ тѣхъ поръ вслѣдствіе новыхъ территоріальныхъ дѣленій и присоединеній старыя наименованія вышли изъ употребленія и утратили смыслъ, то изъ всего этого вышла страшная путаница.

Каждый изъ трехъ классовъ имѣлъ свой собственный порядокъ выборовъ.

Въ духовенствѣ избирателями по праву были архіепископы, епископы и всѣ духовныя лица, обладавшія бенефиціями (доходными мѣстами). Сельскіе священники, монастыри и братства подавали голосъ черезъ делегатовъ.

Всѣ дворяне по достиженіи двадцатипятилѣтняго возраста становились избирателями: между ними господствовало полное равенство.

Что касается третьяго сословія, то буржуа и крестьяне, начиная съ двадцатипятилѣтняго возраста, внесенные въ податные

списки плательщиковъ, должны были являться въ собранія округа и выбрать изъ среды своей избирателей въ количествѣ, не превышающемъ двухсотъ человѣкъ на округъ.

Итакъ, для третьяго сословія и низшаго духовенства избирательное право существовало только черезъ уполномоченныхъ, остальные два класса пользовались правомъ прямой подачи голоса. Когда всѣ три избирательныя группы были организованы, происходило общее торжественное собраніе, обыкновенно въ самой большой мѣстной церкви, послѣ чего каждая группа удалялась для выборовъ въ собственное помѣщеніе, за исключеніемъ тѣхъ случаевъ, когда между ними происходило соглашеніе вести дѣло сообща.

По окончаніи выборовъ слѣдовало общее собраніе трехъ сословій подъ предѣлательствомъ мѣстнаго администратора (балли или сенешаля) для провозглашенія поименнаго списка депутатовъ, и послѣдніе произносили клятвенное обѣщаніе передъ своими избирателями исполнять усердно и честно возложенныя на нихъ полномочія.

Въ подготовительныхъ собраніяхъ первой инстанціи выборы происходили открытой подачей голосовъ; окончательные-же выборы—закрытой баллотировкой.

Всѣ областныя собранія получали приглашеніе изложить свои желанія; каждое изъ нихъ, прежде чѣмъ приступить къ выборамъ, обсуждало свою программу. Во время этихъ совѣщаній кандидаты имѣли случай проявить свои способности, настроеніе и убѣжденія. Многіе изъ нихъ дѣйствительно были редакторами программъ (*cahiers*).

Выборы происходили не одновременно для всѣхъ мѣстностей: округа призывались поочередно. Продолжались они три мѣсяца. Выборы въ Парижъ были послѣдними.

Избирательныя собранія, дворянскія и клерикальныя, имѣли бурный характеръ, благодаря тому, что въ ихъ средѣ было много какъ сторонниковъ, такъ и противниковъ реформъ. Собранія третьяго сословія отличались спокойствіемъ и достоинствомъ, потому что между членами ихъ господствовало единодушіе относительно цѣли. Вообще средній классъ явился руководителемъ выборовъ.

Программы, составленныя уполномоченными комиссарами собраній и одобренныя шестью милліонами избирателей, можно признать настоящимъ выраженіемъ желаній Франціи 1789 года.

Въ нихъ начертала она программу своей революціи; и если мы сличимъ то, что она требовала тогда, съ тѣмъ, что совершила, то увидимъ, что революція не только не пошла далѣе этой программы, но оставила много работы на долю нынѣшняго поколѣнія. Революція прибѣгала къ насиліямъ, встрѣчаясь съ безумнымъ сопротивленіемъ. Но она осталась вѣрна принципамъ, изложеннымъ въ тетрадахъ, и почти всѣ ея политическія схватки происходили на почвѣ первоначальныхъ программъ.

Попытаемся дать отчетъ о содержаніи этихъ программъ.

Содержаніе тетрадей собраній низшей инстанціи имѣетъ очень неопредѣленный характеръ—по большей части въ нихъ находятся или петиціи касательно мѣстныхъ интересовъ, или изложеніе частныхъ жалобъ какой-нибудь промышленной группы. Въ соображеніяхъ делегатовъ уровень мысли повышается; тамъ встрѣчаешь обобщеніе и преобладаетъ забота объ общихъ интересахъ. Тетради дворянства такъ-же, какъ и тетради третьяго сословія, почти всѣ начинаются съ изложенія принциповъ. Затѣмъ уже слѣдуютъ вопросы о сословныхъ дѣлахъ, а иногда и о мѣстныхъ нуждахъ.

Почти всѣ тетради духовенства проникнуты главнымъ образомъ заботой «о благѣ церкви и религіи». Вопросы о церковныхъ имѣніяхъ и привилегіяхъ духовенства занимаютъ много мѣста *). Однако есть и такія тетради, гдѣ блещетъ восторженное великодушіе, составляющее характерную черту той эпохи.

Тетради третьяго сословія полны ликованій по поводу освобожденія и наивныхъ надеждъ на будущее.

Большинство всѣхъ трехъ сословій предъявляетъ требованіе о провозглашеніи правъ.

Относительно вопроса о свободѣ всѣ кажутся одного мнѣнія, но на вопросъ о равенствѣ смотрятъ очень различно. Интересы народа встрѣчаютъ горячихъ сторонниковъ въ тѣхъ собраніяхъ духовенства, гдѣ преобладаетъ элементъ простыхъ кюрэ, принадлежащихъ въ большинствѣ случаевъ по происхожденію къ

*) Прискорбно отмѣтить фактъ, что послѣдними во Франціи были освобождены крѣпостные духовнаго вѣдомства, принадлежавшіе каноникамъ аббатства Сень-Клу въ Франшъ-Конте. Всякій, прожившій болѣе года на земляхъ аббатства, терялъ свободу. Этотъ обычай, отмѣненный отчасти по жалобѣ Вольтера, окончательно уничтоженъ только въ 1789 г.

демократіи. При взаимныхъ пререканіяхъ, нерѣдко возникающихъ между двумя привилегированными классами, ихъ соперничество выражается очень ярко: духовенство порицаетъ феодальныя права и привилегіи рожденія; дворянство нападаетъ на десятинный сборъ (dime) и монастыри, предлагаетъ уничтоженіе религіозныхъ корпорацій и продажу ихъ имуществъ; требуетъ даже отмѣны политическихъ правъ духовенства и зачисленія членовъ его въ ряды двухъ другихъ классовъ. Но всѣ единодушно возстаютъ противъ административныхъ вліяній, указываютъ на министерскій деспотизмъ, озабочены вопросомъ объ огражденіи независимости депутатовъ путемъ воспрещенія принимать какія-либо милости отъ двора какъ лично, такъ и для своихъ родственниковъ. Избиратели желаютъ вручить имъ лишь временныя полномочія, на извѣстный срокъ, опредѣленный конституціоннымъ порядкомъ, который не могъ-бы быть сокращенъ или продленъ исполнительной властью. Единогласно заявляются требованія неприкосновенности депутатовъ и порицаніе насильственныхъ мѣръ.

Обветшалое дѣленіе на округа и сенешальства возбуждаетъ неудовольствіе. Нѣсколько провинцій желаютъ возстановленія своей автономіи, основанной на исторіи, но надъ этимъ чувствомъ господствуетъ сознаніе *національнаго единства*, для засвидѣтельствованія чего въ нѣкоторыхъ собраніяхъ заявляется желаніе, чтобы въ залѣ засѣданія генеральныхъ штатовъ депутаты занимали мѣста какъ пошло, безъ раздѣленія на сословныя группы, руководствуясь принципомъ, что депутаты—представители всей націи.

Приступимъ къ краткому обзору каждой изъ трехъ серій программъ.

Духовенство изъявляетъ желаніе, чтобы римско-католическое исповѣданіе оставалось одно признанной государственной религіей; чтобы дѣло воспитанія юношества было исключительно поручено религіознымъ конгрегаціямъ и чтобы право преподаванія предоставлялось данному лицу не иначе, какъ по засвидѣтельствованіи его преданности католической религіи. Оно требовало сверхъ того сохраненія цензуры для всѣхъ произведеній печати и образованія комитета изъ лицъ духовнаго званія для указанія правительству на всѣ книги, враждебныя церкви.

Почти всё собранія констатируют упадокъ дисциплины въ средѣ духовенства и необходимость реформъ по этой части. Почти всё требуютъ учрежденія національных соборовъ и провинціальныхъ синодовъ; высказываются въ пользу того, чтобы высшія духовныя должности перестали быть исключительнымъ достояніемъ лицъ аристократическаго происхожденія; почти всё отказываются отъ податныхъ льготъ, представленныхъ духовенству. Собранія, въ которыхъ преобладаетъ элементъ простыхъ кюрэ, высказываются за отміну конкордата, за восстановление независимости церковныхъ выборовъ и за ограниченіе власти епископовъ. Вліяніе сельскаго духовенства замѣчается во многихъ программахъ, по содержанію своему весьма сходныхъ съ демократическими программами, особенно въ отношеніи всего, касающагося общественной благотворительности, за исключеніемъ конечно вопросовъ вѣротерпимости и преподаванія.

Дворянство, какъ и духовенство, согласно на уравниеніе налоговъ: чувство справедливости одерживаетъ верхъ надъ голосомъ личной выгоды. Но дворянство хочетъ удержать за собой феодальныя права и отвергаетъ предложеніе выкупа ихъ. Оно дорожитъ своими судебными правами и исключительнымъ правомъ охоты на своихъ земляхъ. Дорожитъ почестями и отличіями, присвоенными его сословію, и отказывается въ доступъ къ военнымъ чинамъ лицамъ недворянскаго происхожденія. Большинство не согласно на соединеніе въ одно собраніе депутатовъ различныхъ сословій и противится поголовной подачѣ голосовъ. По этому вопросу мнѣнія духовенства дробятся, между тѣмъ какъ третье сословіе единодушно. Что-же касается новыхъ принциповъ касательно гражданскаго строя страны, то третье сословіе и дворянство повидимому вполне единодушны.

Будущій девизъ революціи: *свобода, равенство и братство* уже раздается изъ устъ третьяго сословія и имя *національнаго собранія* отчетливо формулировано въ его тетрадахъ.

Оно смѣло выражаетъ свои принципы:

Власть исходитъ отъ народа; декларация правъ должна предшествовать обсужденію другихъ вопросовъ. Генеральныя штаты имѣютъ собираться впредь по собственному праву, не ожидая созыва въ опредѣленные сроки. Выборы будутъ происходить по округамъ, а не въ средѣ отдѣльныхъ корпорацій. Нѣкоторыя

тетради заключаютъ требованіе прямой подачи голосовъ, другія довольствуются системой выборовъ черезъ уполномоченныхъ. Исполнительная власть должна воздерживаться отъ вмѣшательства въ дѣла избирательныхъ собраній. Депутаты объявляются неприкосновенными, министры—отвѣтственными. Генеральные штаты вырабатываютъ основы конституціи для королевства. Войска никогда не будутъ употребляемы противъ конституціи и національныхъ собраній. Такое ихъ употребленіе признается актомъ возмущенія.

Третье сословіе требуетъ свободы совѣсти, свободы печати, свободы торговли и промышленности, съ огражденіемъ ихъ противъ иноземной конкуренціи личной свободы, отмѣны произвольныхъ арестовъ и политическихъ тюремъ; требуетъ еще защитниковъ для подсудимыхъ, вознагражденія лицамъ, оправданнымъ по суду, отмѣны чрезвычайныхъ судовъ, гласности судебныхъ преній, суда присяжныхъ, неприкосновенности собственности и частной переписки, равенства всѣхъ передъ закономъ, доступа всѣмъ сословіямъ къ должностямъ и отличіямъ, какъ равнаго права всѣхъ дѣтей на наслѣдство, уничтоженія правъ первородства, такъ и назначенія очередныхъ наслѣдниковъ. Оно стремится окончательно стереть всѣ слѣды феодализма и крѣпостного права; въ вопросѣ о налогахъ не допускаетъ никакихъ привилегій; многія тетради предлагаютъ ограничиться двумя видами налоговъ; поземельнымъ и подоходнымъ. Всѣ желаютъ пересмотра уголовныхъ законовъ, свода постановленій о торговлѣ, мировыхъ учрежденій, дарового судопроизводства, введенія единства въ законы, однообразія мѣръ и вѣсовъ. И рядомъ съ пожеланіями національнаго объединенія является не менѣе твердо выраженное желаніе установленія провинціальныхъ и муниципальных собраній,—то, что, говоря современнымъ языкомъ, мы назвали-бы требованіемъ децентрализаціи.

Гуманныя стремленія занимаютъ видное мѣсто въ тетрадяхъ. Въ нихъ предлагается смягченіе уголовныхъ законовъ. Смертную казнь, установленную за сто пятнадцать видовъ преступленій, предлагаютъ сохранить лишь для случаевъ поджога, убійства, отравленія и изнасилованія. Предлагаются уничтоженіе конфискаціи имущества и защита семейныхъ преступниковъ отъ позора.

Храмъ правосудія, загрязненный безграничнымъ количе-

ствомъ ошибокъ и беззаконій, доставлялъ реформаторамъ закона обильный запасъ неотразимыхъ аргументовъ. Извѣстны всѣмъ смѣлость и великодушіе, съ какими Вольтеръ выступилъ на защиту Калѣ, Сирвена и Лабарра. Мальзербъ заказалъ переводъ на французскій языкъ превосходной книги Беккарія «О преступленіяхъ и наказаніяхъ».

Президентъ бордосскаго парламента Дюпати и знаменитые адвокаты, какъ Эли де-Бомонъ и Серванъ, присоединили свои голоса къ мнѣніямъ философовъ. Считаемо умѣстнымъ упомянуть о нихъ, какъ о людяхъ, заслуживающихъ общей признательности.

Во многихъ тетрадахъ заявляется желаніе, чтобы правительство приступило къ уничтоженію невольничества въ колоніяхъ.

Во многихъ встрѣчаются протесты противъ лотерей и игорныхъ домовъ. Многія высказываются въ пользу организациі національнаго образованія.

Желають учрежденія гимназій въ наиболѣе значительныхъ городахъ и даровыхъ школъ во всѣхъ приходахъ. Многіе указываютъ на желательность включенія въ число предметовъ преподаванія этики и государственнаго права. Желають опредѣленія на кафедрѣ по конкурсу.

Является также во многихъ тетрадахъ требованіе устройства деревенскихъ богадѣленъ, благотворительныхъ конторъ и мастерскихъ, съ цѣлью доставленія работы здоровымъ, пособій убогимъ и дешеваго кредита земледѣльцамъ и ремесленникамъ.

Просимъ читателей не сѣтовать на это пространное перечисленіе желаній: ихъ перечень представляетъ картину того положенія, изъ котораго силилась выйти Франція. Сходство программъ почти во всѣхъ важныхъ пунктахъ свидѣтельствуетъ о единодушій націи: дѣйствительно, одна и та-же кровь течетъ въ жилахъ этого обширнаго тѣла, при всемъ разнообразіи кровеносныхъ сосудовъ.

Тонъ, которымъ выражены эти желанія, вполне умѣренъ, что доказываетъ глубокое сознаніе правоты и силы. Третье слово обнаруживаетъ явное стремленіе сохранить дружественныя отношенія съ дворянствомъ и духовенствомъ, и, проводя въ различныхъ формахъ ученіе о равенствѣ, оно не предлагаетъ

уничтоженія сословій; только въ одной тетради сдѣлано такое предложеніе, въ тетради города Ренна. Нигдѣ нѣтъ слѣда раздраженія ни противъ монархіи, ни противъ особы короля. Напротивъ, къ нему обращаются съ благодарностью за призваніе французовъ къ свободѣ. Народъ не выпускаетъ изъ виду своей цѣли, но надѣется достичь ее путемъ реформъ. Только послѣ долгихъ разочарованій онъ сталъ искать исхода въ революціонныхъ путяхъ. Принципы 89 года въ томъ видѣ, въ какомъ они разбросаны по тетрадамъ генеральныхъ штатовъ и, въ болѣе сжатомъ изложеніи ихъ, въ деклараціи правъ, сводятся къ слѣдующему:

Народовластіе.

Равенство передъ закономъ, какъ слѣдствіе равенства правъ. Свобода личности и обезпеченіе собственности.

Выборное начало, какъ основаніе всякой власти.

Независимая подача голосовъ, распространенная на всѣхъ гражданъ.

Отвѣтственность представителей власти.

Участіе управляемыхъ въ дѣлахъ управленія и контролированіе государственныхъ расходовъ представителями народа.

Независимость политическихъ и религіозныхъ мнѣній и свобода устнаго, письменнаго и печатнаго слова.

Нѣтъ сомнѣній, что въ основаніи всѣхъ перечисленныхъ требованій легли понятія христіанскаго милосердія. Однако христіанство долго уживалось съ социальнымъ неравенствомъ, даже съ рабствомъ. Но его задачей было создать религіозную и политическую свободу.

Поэтому пришлось сдѣлать дальнѣйшій шагъ. Можетъ-быть изъ сліянія латинскаго и гальскаго племенъ разовьется въ будущемъ нравственный прогрессъ, сѣмена котораго замѣтнѣе въ древнихъ памятникахъ французской исторіи, чѣмъ въ исторіи остальныхъ націй. Теперь всѣ конституціи, какъ республиканскія, такъ и монархическія, не исключая и хартій реакціоннаго происхожденія, носятъ болѣе или менѣе глубокіе слѣды принциповъ 89 года, которые легли въ основаніе государственнаго строя цивилизованныхъ народовъ.

ГЛАВА IV.

Генеральные штаты и національное собраніе.—Засѣданіе въ Jeu de paume.—Взятіе Бастиліи.

Провозглашеніе американцами своей *независимости* составляетъ міровое событіе, и день, когда актъ о рожденіи свободной націи былъ составленъ группою мыслителей — 4 іюля 1776 г.,—увѣковѣченъ навсегда.

Событія, совершившіяся во Франціи и изучаемыя нами, не менѣе, если еще не болѣе, важны.

Цѣлая нація, соединенная въ лицѣ своихъ представителей, обрекла на уничтоженіе старыя свои учрежденія и съ полной независимостью и спокойствіемъ начертала главные основанія тѣхъ, которыя должны были замѣнить ихъ.

Насколько былъ самостоятеленъ этотъ національный порывъ, сознается далеко еще не всеми. Когда какое-либо убѣжденіе западаетъ въ умъ народа, оно распространяется съ быстротой, равняющейся кровообращенію въ человѣческомъ тѣлѣ.

Многія провинціи приступили къ дѣйствію, не ожидая сигнала изъ столицы: составлялись добровольные отряды, учреждались мѣстныя власти, и словно какой то высшій инстинктъ подсказалъ всеѣмъ, что въ промежутокъ времени между паденіемъ стараго режима и водвореніемъ новаго Франція останется безъ правительства; поэтому избирательныя собранія во многихъ мѣстностяхъ учредили временныя комиссіи; онѣ продолжали существовать по отбытіи депутатовъ въ генеральные штаты, а позднѣе, во время междупарствія, оставались почти единственною властью, завѣдывавшею полиціей и общественными рабо-

тами. Старыя административныя власти сами передавали имъ дѣла: казалось, что удалявшіеся были въ соглашеніи съ ново-прибывшими. Въ то время, когда собраніе въ Версалѣ обсуждало теорію, нація приступила уже къ примѣненію ея на практикѣ.

Все это дѣлалось съ удивительнымъ пониманіемъ требованій положенія; всюду дѣйствовали съ чисто-французскимъ увлеченіемъ и энергіей. Одинъ изъ писателей той эпохи сравниваетъ радостное оживленіе людей съ движеніемъ, охватившимъ древній міръ при появленіи христіанства.

Генеральныя штаты были открыты 5-го мая 1789 г. среди восторженнаго возбужденія націи. Наканунѣ открытія населеніе Парижа наводнило Версалѣ, и шествіе депутатовъ до церкви Богоматери, гдѣ они должны были отслушать обѣдню, совершилось посреди несмѣтной толпы любопытныхъ. Депутаты третьяго сословія, облеченные согласно этикету, въ простые черныя плащи, были встрѣчены восторженными привѣтствіями, между тѣмъ какъ глубокое молчаніе сопровождало дворянъ, шедшихъ со шпагами на боку, въ парадныхъ костюмахъ, расшитыхъ золотомъ и разукрашенныхъ кружевами, и съ плюмажемъ на шляпахъ, равно какъ и духовныхъ сановниковъ въ пышномъ облаченіи, важной поступью подвигавшихся отдѣльной группой, старательно избѣгая общества смиренныхъ кюрэ. Во время королевскаго пріема депутатамъ-дворянамъ и духовнымъ открыли двери настѣжъ, и только черезъ полурастворенную дверь впустили членовъ третьяго сословія.

Король открылъ засѣданіе штатовъ незначительной рѣчью.

Хранитель печати Барантенъ говорилъ тоже очень безцвѣтно; что-же касается министра финансовъ Неккера, то онъ сказалъ рѣчь пространную и обстоятельную, но совсѣмъ спеціальную. Словно преднамѣренно заглушая мысль о великой преобразовательной задачѣ, всѣ три оратора говорили исключительно объ опустѣніи казны и о средствахъ наполнить ее; о конституціи ни слова. Такое умолчаніе выдало затаенныя намѣренія двора: генеральными штатами хотѣли воспользоваться, какъ орудіемъ противъ упорства привилегированныхъ классовъ, и заставить послѣднихъ развязать кошельки, — словомъ, собирались ограничить роль собранія одними финансовыми вопросами. Но вмѣсто прежнихъ скромныхъ депутатовъ собрались люди, сознававшіе силу

и значеніе своихъ полномочій. Собраніе состояло изъ тысячи двухсотъ депутатовъ.

Въ духовномъ сословіи городскіе и сельскіе кюрэ составляли двѣ трети, и только одна треть приходилась на долю представительства высшаго духовенства.

Почти всѣ дворянскіе депутаты принадлежали къ военному званію; гражданская администрація насчитывала въ ихъ средѣ не свыше двѣнадцати депутатовъ.

Въ группѣ третьяго сословія находилось: до 200 адвокатовъ, нотаріусовъ и законовѣдовъ; 158 судей второстепенныхъ инстанцій; 80 негоціантовъ, 40 земледѣльцевъ и 50 буржуа или рантье; нѣсколько докторовъ, литераторовъ, военныхъ; нѣсколько дворянъ, въ томъ числѣ Мирабо; нѣсколько лицъ духовнаго званія, въ числѣ которыхъ Сієсъ (оба уроженцы Прованса). Мирабо, исключенный изъ списка кандидатовъ своего сословія, получилъ большинство голосовъ въ двухъ округахъ: Э и Марсели.

Провѣрка полномочій положила начало пререканіямъ. Большинство дворянства и духовенства хотѣло, чтобы каждая группа провѣряла отдѣльно свои полномочія. Третье сословіе и меньшинство, ничтожное по численности со стороны дворянъ и очень значительное со стороны духовенства, благодаря контингенту, составленному изъ кюрэ, требовали соединенія сословій для общей провѣрки. Всѣ чувствовали, что отъ рѣшенія этого вопроса зависить судьба вопроса о поголовной или посословной подачѣ голосовъ. Были составлены комиссіи для обсужденія его: всѣ взаимно слѣдили другъ за другомъ недовѣрчиво. Дворъ интриговалъ съ цѣлью помѣшать сліянію; казалось даже, что король собирается воспрепятствовать силой его осуществленію, потому что онъ окружилъ войсками Парижъ и Версаль. Неккеръ, стараясь добиться примиренія, убѣждалъ короля, что французскія войска не согласятся идти противъ генеральныхъ штатовъ. Дворъ, вмѣсто того чтобы послушаться совѣта, воспользовался предупрежденіемъ: онъ выписалъ нѣмецкіе и швейцарскіе полки, считая ихъ болѣе надежными.

А время между тѣмъ шло понапрасну. Собраніе, на которое возлагалось такъ много надеждъ, бездѣйствовало. Неурожай начиналъ оказывать свои бѣдственные послѣдствія: голодные шайки рыскали по деревнямъ, распространяя ужасъ. Во мно-

гихъ городахъ и селахъ буржуазія организовалась въ вооруженныя отряды. Парижъ находился въ состояніи невообразимаго возбужденія. Партіи взаимно обвиняли другъ друга, слагая съ себя отвѣтственность за волненія. Это натянутое положеніе длилось около мѣсяца.

Чтобы положить ему конецъ, общины (имя, присвоенное себѣ депутатами третьяго сословія) рѣшили обратиться, по предложенію Сіэса, съ послѣднимъ приглашеніемъ къ дворянству и духовенству провѣрить полномочія въ соединенномъ собраніи, предупреждая, что въ противномъ случаѣ они обойдутся безъ нихъ и сочтутъ ихъ за отсутствующихъ.

Это происходило 10-го іюня. 12-го въ семь часовъ вечера началась провѣрка. Ни одного депутата изъ числа дворянъ и духовныхъ не явилось. Провѣрка продолжалась и на слѣдующій день. Явились три депутата, принадлежавшихъ къ духовенству Пуату, всѣ трое—кюрэ. Предъявленіе ихъ избирательныхъ полномочій и занятіе мѣстъ въ рядахъ собранія вызвало аплодисменты присутствующихъ. На слѣдующій день присоединилось къ собранію еще шесть священниковъ, въ томъ числѣ Грегуаръ, кюрэ Амбермениля, изъ Лотарингіи, искренній христіанинъ и горячій республиканецъ, смотрѣвшій на Евангеліе, какъ на кодексъ демократіи. Ихъ примѣръ нашелъ подражателей.

15-го числа по окончаніи провѣрки Сіэсъ предложилъ общинамъ принять слѣдующее, нѣсколько многословное названіе: *Собраніе извѣстныхъ и удостовѣренныхъ представителей французской націи*. Мирабо съ своей стороны внесъ предложеніе наименоваться *Представителями французскаго народа*; это имя привилось лишь позднѣе.

Въ моментъ, о которомъ идетъ рѣчь, слово *народъ* еще мало было опредѣлено и плохо понималось: подъ нимъ подразумѣвали лишь часть націи, не входившую въ составъ дворянства и духовенства. Предложеніе Мирабо не прошло. Наконецъ выраженіе, уже появлявшееся въ тетрадахъ и знакомое избирателямъ, пришло на память одному малоизвѣстному депутату—Леграну.

Сіэсъ тотчасъ подхватываетъ его, и общины, одобливъ найденную формулу, объявили себя организованными подъ наименованіемъ *національнаго собранія*. Рѣшеніе это было принято однако не второпяхъ, а торжественно и послѣ трехдневныхъ пре-

ній; оно состоялось 17-го іюня. Запомнимъ этотъ знаменательный для революціи день.

Парижъ, точно предугадывая значеніе его, отозвался изъясненіями радости.

Нѣсколько дней спустя духовное сословіе собралось въ полномъ составѣ, и, несмотря на оппозицію нѣсколькихъ епископовъ, большинство постановило провѣрку полномочій сообща. Не можемъ не упомянуть, что генеральные штаты 1355—1357 г., собиравшіеся во время плѣна короля Іоанна, подали тому примѣръ въ лицѣ низшаго духовенства; присоединившись къ третьему сословію, оно поддержало тогда реформы, предложенныя Этіеномъ Марселемъ, тогда какъ дворяне упорно отстранялись отъ этого.

20-го іюня, въ субботу, публика, ожидавшая, что большинство духовенства явится для присоединенія въ національное собраніе, толпами направилась къ зданію засѣданій, съ цѣлью привѣтствовать рукоплесканіями присоединенныхъ. Но герольды разбѣжали по улицамъ, объявляя, что собраніе отложено до понедѣльника, въ виду назначеннаго королемъ на тотъ-же день торжественнаго засѣданія.

Караулъ, поставленный у дверей залы засѣданія, не допустилъ президента и секретарей общины, подъ предлогомъ происходящихъ тамъ приготовленій. Это насиліе или, вѣрнѣе, безтактность разгорячила умы и вынудила депутатамъ смѣлое рѣшеніе. Они толпой отирались въ помѣщеніе, предназначенное для игры въ мячъ (*salle du jeu de paume*) и находившееся въ старомъ Версалѣ. Тутъ, среди голыхъ стѣнъ безъ скамей и трибуны, депутаты окружили стоя своего президента Балльи и, поднявъ руки, поклялись *не разставаться и собираться вездѣ, идѣ только позволяютъ обстоятельства, до тѣхъ поръ, пока конституція королевства не будетъ выработана и установлена на прочныхъ основаніяхъ.*

Толпа послѣдовала за депутатами. Военные, бывшіе въ рядахъ публики и движимые общимъ воодушевленіемъ, составили почетный караулъ кортежу.

Клятва, занесенная въ протоколъ, была скрѣплена подписями всѣхъ депутатовъ, за исключеніемъ одного Мартена (изъ Оша),—человѣка ни равнѣ, ни позже ничѣмъ не выдвинувша-

гося; но собраніе, столь-же величавое въ своемъ уваженіе къ чужому мнѣнію, какъ въ энергичномъ выраженіи собственнаго, внесло въ протоколъ и его протестъ. Кому неизвѣстна картина Давида, передающая эту замѣчательную сцену?

Королевское засѣданіе, назначенное на понедѣльникъ, 22-е іюня, было отсрочено до вторника. Лишенное своего обычнаго помѣщенія, лишенное и случайнаго помѣщенія въ залѣ *jeu de raquette* невѣжливымъ распоряженіемъ графа д'Артуа, объявившаго наканунѣ, что онъ желаетъ въ ней играть, собраніе перенесло въ понедѣльникъ свое засѣданіе въ церковь св. Людовика, куда большинство депутатовъ духовенства, въ числѣ 149 членовъ, явилось и предъявило полномочія на участіе въ общей провѣркѣ.

Нѣсколько депутатовъ-дворянъ отдѣлились также отъ своей группы.

Во вторникъ, 23 го іюня, въ назначенный для королевскаго засѣданія день, двери залы собраній штатовъ были открыты съ десяти часовъ. Но входъ представителямъ общинъ былъ разрѣшенъ не ранѣе того, какъ депутаты двухъ первыхъ классовъ успѣли занять мѣста. Пришлось ожидать очереди подъ проливнымъ дождемъ. По пути къ зданію были разставлены войска шпалерами. Публика, болѣе раздраженная, чѣмъ утраченная, присутствіемъ военной силы, и глубоко уязвленная оскорбленіемъ, нанесеннымъ депутатамъ, встрѣтила короля выразительнымъ молчаніемъ.

Разсчитывали поразить умы торжественностью обстановки. Тонъ тронной рѣчи былъ повелителенъ, какъ укоризненные выговоры, съ какими короли имѣли обыкновеніе обращаться въ случаяхъ «молчаливыхъ засѣданій» къ парламентамъ. Король черезъ хранителя печати приказалъ отмѣнить, «*какъ незаконныя и противныя конституціи*», рѣшенія депутатовъ третьяго сословія и сохранить «въ полной неприкосновенности раздѣленіе на отдѣльныя сословія», разрѣшая имъ лишь *на этотъ разъ* соединиться для обсужденія общихъ дѣлъ, подъ условіемъ, чтобы не были затронуты *полезныя и почетныя* права привилегированныхъ классовъ, а тѣмъ болѣе прерогативы королевской власти. Затѣмъ король сообщалъ о предположенныхъ имъ реформахъ. Въ перечнѣ задуманныхъ реформъ не были упомянуты

ни конституція, ни другія народныя права. Король ограничился заявленіемъ намѣренія утвердить тѣ отреченія отъ имущественныхъ льготъ, на какія согласятся духовенство и дворянство. Касательно организаціи арміи Людовикъ XVI объявилъ самымъ рѣшительнымъ образомъ, что хочетъ *сохранить ее въ неизмѣненномъ видѣ*. «Если генеральныя штаты не поддержать *моихъ плодотворныхъ начинаній*, то, — прибавилъ онъ — *я одинъ стану трудиться на благо подданныхъ моихъ и буду считать себя за единственнаго ихъ представителя.*» Въ заключеніе король повелѣлъ депутатамъ немедленно разойтись для продолженія занятій каждой группы, въ предназначенномъ для нея помѣщеніи.

Людовикъ XVI удалился, за нимъ послѣдовали почти все дворяне и все высшее духовенство. Остальные депутаты не трогались съ мѣста, храня молчаніе. Рабочіе, пришедшіе для уборки залы, почтительно остановились передъ этимъ зрѣлищемъ. Входитъ оберъ-церемоніймейстеръ де-Брезе со словами: «Вы слышали, господа, приказанія короля». — «Собравшаяся нація не можетъ получать приказаній», — возражаетъ президентъ Балли.

— Да, милостивый государь, — вмѣшивается Мирабо, вскакивая стремительно, — мы слышали намѣренія, внушенныя королю. Но вы не можете служить посредникомъ между нимъ и собраніемъ, вы — не имѣющій здѣсь ни мѣста, ни голоса, ни права говорить. Идите къ пославшимъ васъ и скажите имъ, что мы находимся здѣсь въ силу рѣшенія народа и что насъ отсюда вытѣснить можно лишь вооруженной силой.

Церемоніймейстеръ ушелъ.

— Милостивые государи, — сказалъ спокойно Сіэсъ: — вы остаетесь сегодня тѣмъ-же, чѣмъ были вчера. Приступимъ къ преніямъ.

И пренія начались. Собраніе постановило, что принятыя имъ предварительно рѣшенія остаются въ силѣ, санкціонировало неприкосновенность личности своихъ членовъ и объявило виновнымъ въ государственномъ преступленіи каждаго, кто вздумалъ-бы покуситься на ихъ свободу.

Благодаря энергіи и хладнокровію депутатовъ, государственный переворотъ не удался. На слѣдующій день большинство духовенства явилось въ собраніе. Спустился еще день къ собранію

присоединилось меньшинство отъ дворянства, въ числѣ 47 человекъ, между которыми находился герцогъ Орлеанскій, а 27-го іюня уже оба сословія, составлявшія оппозицію, явились на засѣданіе въ общую залу, и на этотъ разъ по настоянію самого короля; но дворянство, желая показать, что оно дѣлаетъ лишь вынужденную уступку, не садилось и не принимало участія въ преніяхъ.

Весьма разумный, но принятый слишкомъ поздно совѣтъ дозволить соединенное засѣданіе исходилъ отъ Неккера. Этотъ министръ отсутствовалъ на королевскомъ засѣданіи, предвидя его дурной исходъ. Отсутствіе Неккера, истолкованное въ смыслѣ оппозиціи, возвысило его въ общественномъ мнѣніи. Дворъ пользовался его услугами съ затаеннымъ намѣреніемъ отдѣлаться отъ него, какъ только удастся справиться съ собраніемъ, добившись его уступчивости или распущенія. Парижъ и Версаль были обложены иностранными войсками, а баттарей была расположена въ конюшняхъ королевы, противъ помѣщенія, занимаемаго генеральными штатами.

Напрасно депутаты просили объ удаленіи войскъ. Напрасно раздавались краснорѣчивыя увѣщанія Мирабо: «Предвидятъ-ли совѣтники этихъ мѣръ тѣ послѣдствія, какія онѣ могутъ имѣть для безопасности престола? Изучали-ли они въ исторіи народовъ, какъ начинались революціи? Наблюдали-ли они роковое стеченіе обстоятельствъ, выводящее самымъ благоразумныхъ людей за предѣлы умѣренности, и знаютъ-ли они силу страшнаго порыва, съ какимъ опьянѣвшій народъ совершаетъ злодѣянія, о которыхъ онъ въ первую минуту не могъ-бы даже помыслить безъ содрганія?»

Тщетно собраніе отправило къ королю депутацію для поднесенія адреса, соединявшаго почтительность тона съ твердостью: «Ваше величество, измѣрьте степень опасности силою опасеній, заставляющихъ насъ обратиться къ вамъ. Гораздо менѣе важныя причины порождали великія революціи; много потрясеній, роковыхъ для націи и государей, слѣдовали за менѣе мрачными и грозными предвѣстниками. Не вѣрьте тѣмъ, кто легкомысленно относится къ націи и согласно своимъ видамъ рисуетъ ее въ вашихъ глазахъ то дерзкой, бунтующей и строптивой, то покорной, съ поникшей головой и готовой преклониться предъ

силою. Оба предположенія одинаково невѣрны. Мы всегда готовы къ послушанію передъ вашимъ величествомъ, ибо вы повелѣваете нами во имя закона: наша вѣрность не имѣетъ границъ и не подлежитъ сомнѣнію. Но мы окажемъ сопротивленіе всякимъ произвольнымъ повелѣніямъ людей, злоупотребляющихъ вашимъ именемъ, потому что они—враги закона. Наши вѣрно-подданническія чувства побуждаютъ насъ къ такому сопротивленію, и мы всегда будемъ гордиться упреками, вызываемыми нашей твердостью.»

Король отвѣчалъ, что войска явились для защиты собранія, но что если послѣднее встревожено ихъ присутствіемъ, то оно можетъ перенести въ Нойонъ или Суассонъ свое мѣстопробываніе, причемъ самъ король переселится къ Компіенъ, чтобы облегчить сношенія съ собраніемъ. Заговорщики, считая свою побѣду обезпеченной, выхлопотали отставку Неккера. 14-го іюля онъ получилъ приказаніе немедленно удалиться изъ предѣловъ Франціи, скрывъ отъ всѣхъ свой отъѣздъ. Этотъ на видъ смѣлый поступокъ свидѣтельствовалъ въ сущности о трусости и безтактности заговорщиковъ. Со стороны Неккера нельзя было опасаться сильнаго сопротивленія; но онъ пользовался большою популярностью, и этимъ тяготились. Между тѣмъ отставка только значительно увеличивала его популярность. Она послужила сигналомъ къ началу беспорядковъ; въ Парижѣ произошло формальное возмущеніе.

Со времени засѣданія 23-го іюня столица находилась въ состояніи невыразимаго возбужденія: оказался недостатокъ въ продовольствіи; у дверей булочниковъ происходили драки; нищета сосѣднихъ деревень, переполненныхъ солдатами, вытѣсняла массу нуждающихся въ столицу, и ихъ наплывъ усиливалъ общее стѣсненіе. Всѣ власти бездѣйствовали за исключеніемъ Собранія. Около этой революціонной власти начинали группироваться. Французская гвардія,—лучшія войска, вербовавшіяся изъ парижанъ, расположенныя въ Парижѣ, любимыя жителями столицы и готовые браться съ ними, — была на сторонѣ Собранія.

Кризисъ становился неминуемымъ.

12-го іюля садъ Палэ-Рояля переполняется толпами взволнованнаго народа. Молодой человѣкъ вскакиваетъ на столъ и

держитъ рѣчь къ присутствующимъ: онъ рассказываетъ о ссылкѣ Неккера, указываетъ на угрожающее положеніе, занимаемое королевскими войсками, и восклицаетъ, что это сигналъ къ истребленію патріотовъ. Этотъ молодой человѣкъ, — бывшій воспитанникъ коллежа Людовика Великаго, оракулъ латинскаго квартала и памфлетистъ-республиканецъ въ то время, когда о республикѣ еще не было и помина. Съ именемъ Камиля Демулена мы встрѣтимся еще далѣе; его краткая карьера, начавшись героической выходкой, окончилась трагедіей эшафота. Сорвавъ съ дерева листокъ и припиливъ его вмѣсто кокарды, махая шпагой, онъ призываетъ присутствующихъ къ оружію и увлекаетъ за собой толпу.

Процессіей идутъ они по улицамъ, неся бюсты опальнаго министра, покрытый траурнымъ крепомъ, и герцога Орлеанскаго, выдвинувшагося своимъ присоединеніемъ къ собранію.

День былъ воскресный; на улицахъ, площадяхъ и въ садахъ вездѣ толпились массы народа. Процессія встрѣтилась съ нѣмецкимъ королевскимъ полкомъ, въ послѣдствіи перешедшимъ на сторону непріятеля.

Молодежь начала отпускать остроты насчетъ иностраннаго полка и бросать камнями въ солдатъ; тѣ отвѣтили выстрѣлами; французская гвардія является на защиту парижанъ; одинъ гвардеецъ убитъ, товарищи мстятъ за него.

Въ Тюльери драгуны принца Ламбеска наступаютъ на толпу и опрокидываютъ ее. Принцъ Ламбескъ — австріецъ и родственникъ королевы. Это служитъ новой причиной для раздраженія. Посреди этой сумятицы избиратели собираются въ городской ратушѣ, образуютъ *постоянный комитетъ* (прототипъ *парижской коммуны*) и организуютъ милицію, состоящую изъ 48.000 гражданъ, которымъ раздаются синія съ краснымъ (цвѣта города) кокарды. Это — первое ядро національной гвардіи; солдаты французской гвардіи вызываются быть ея инструкторами. Народъ останавливаетъ обозъ съ мукой, направляющійся на Марсово поле, гдѣ расположены три полка, овладѣваетъ лодкой, нагруженной порохомъ, предназначеннымъ для Версаля. Но ружей не могутъ достать. Городской голова Флесель старается обмануть людей, обращающихся къ нему съ просьбой о ружьяхъ, указывая на несуществующіе оружейные склады. Каждое раз-

очарованіе усиливаетъ недовольство. Слухи, переходящіе изъ устъ въ уста, далеко не успокоительнаго свойства: говорятъ, будто въ ночь съ 14-го на 15-е, главные депутаты и многіе изъ избирателей будутъ подвергнуты домашнимъ арестамъ, что король явится въ собраніе для распущенія послѣдняго, что городскія заставы будутъ закрыты, а батареи Монмартра направлены на Парижъ. Уже нѣсколько дней, какъ подвозили боевые припасы въ Бастилію, и комендантъ этой знаменитой государственной тюрьмы Лонэ исправляетъ подъемные мосты, пробиваетъ новыя амбразуры и разставляетъ пушки на башняхъ крѣпости. Замѣчено также, что комендантъ Дома Инвалидовъ Сомбрейль разставляетъ у рвовъ отряды въ полномъ вооруженіи.

Толпа раздѣляется на двѣ группы: одна направляется къ Бастиліи, другая къ Инвалидамъ. Послѣдняя, прибывъ къ стѣнамъ Дома Инвалидовъ, съ угрозами требуетъ отпереть ворота, сопровождая свое требованіе попыткой приступа. Комендантъ, сомнѣваясь въ преданности инвалидовъ, отворяетъ двери рѣшетки передъ прибывшими; послѣдніе врываются въ зданіе и захватываютъ 28,000 ружей и двадцать орудій.

Второе сконище подступило къ Бастиліи. Парламентеры приглашаютъ коменданта убрать пушки и просить выдать ружья. Въ отвѣтъ раздается громовой залпъ. Тогда разсвирѣпѣвшая толпа начинаетъ отчаянный приступъ, длившійся пять часовъ и стоившій жизни сотнѣ гражданъ, не считая раненыхъ. Наконецъ нападающимъ удается установить батарею противъ подъемнаго моста, который въ скоромъ времени опускается. Толпа жаждетъ мести и врывается во дворы; кровопролитныхъ расправъ однако совершается немного, даже швейцарскіе солдаты пощажены. Зато ломаютъ двери тюрьмы и выпускаютъ заключенныхъ. Съ любопытствомъ ходятъ по мрачнымъ сводчатымъ казематамъ, читаютъ надписи, начертанныя на стѣнахъ заключенными. Минутами этотъ страшный день походитъ на празднество; раненыхъ несутъ съ торжествомъ, носилки ихъ убираютъ цвѣтами и трехцвѣтными кокардами.

Однако этому дню было суждено окончиться печальными сценами. Взятаго въ плѣнъ коменданта вели подъ стражей въ ратушу. По пути горсть изступленныхъ завладѣваетъ имъ, убиваетъ его и насаживаетъ на пикъ его отрубленную голову. Въ

его карманѣ находятъ записку Флеселя: «Развлекаю парижанъ кокардами и общаніями. Продержитесь до вечера и получите подкрѣпленія». Записка эта послужила смертнымъ приговоромъ для парижскаго городского головы стараго режима.

На слѣдующей недѣлѣ въ развалинахъ крѣпости, глубокіе рвы и пятиэтажныя башни которой указывали на ея назначеніе и омрачали видомъ своимъ весь кварталъ, устроили публичный балъ, о которомъ было объявлено надписью: «Здѣсь танцуютъ».оборотливые мастеровые пускали въ продажу миниатюрныя модели Бастиліи, сдѣланныя изъ деревянныхъ и каменныхъ обломковъ ея стѣнъ. Лафайетъ послалъ въ подарокъ Вашингтону ключъ отъ главныхъ воротъ. Народъ, грома Бастилію, привелъ лишь въ исполненіе желаніе, выраженное въ программахъ депутатовъ.

Во время этихъ событій, происходившихъ въ Парижѣ, что-же дѣлалось въ Версалѣ?

9-го іюля національное собраніе слушало чтеніе записки Мунье о конституціи,—записки, содержащей главныя основы представительнаго правленія.

11-го оно слушало внесенный Лафайетомъ проэктъ деклараціи правъ, устанавливавшій принципъ народовластія и содержащій основныя начала политической свободы. Обѣ работы были замѣчательныя, но грѣшили неумѣстнымъ появленіемъ въ минуту, когда слѣдовало замѣнить разсужденія дѣйствіемъ.

12-е число приходилось на воскресный день: онъ прошелъ въ бездѣйствіи.

13-е протекло въ волненіяхъ. Отправлена была депутація къ королю съ ходатайствомъ объ удаленіи войскъ, какъ единственномъ средствѣ возратить Парижу спокойствіе и предотвратить начавшееся уже кровопролитіе. Людовикъ XVI отвѣчалъ сухо, что не намѣренъ измѣнять свои распоряженія; а королева съ герцогиней Полиньякъ, другомъ ея, и принцами посѣтили гусарскій нассаускій полкъ, квартировавшій въ Оранжереѣ, угощали солдатъ виномъ и осыпали ихъ ласками и подарками. Проэктъ государственнаго переворота въ ночь съ 14-го на 15-е оставался въ силѣ.

Втеченіи всей ночи собраніе, знавшее о намѣреніяхъ двора, не расходилось. Но для виду оно занялось очередными дѣлами:

разработало порядокъ образованія конституціоннаго комитета и выбрало членовъ комитета.

Ежеминутно приходили тревожныя извѣстія. Послѣдовательно были отправлены къ королю четыре депутаціи съ просьбой объ удаленіи войскъ; но безуспѣшно. При отправленіи пятой Мирабо напутствовалъ уполномоченныхъ слѣдующими словами: «Скажите ему, что чужеземныя полчища, навязанныя намъ, вчера удостоены посѣщеніемъ принцевъ, принцессъ, фаворитовъ и фаворитокъ, осыпаны ласками, одобреніями и подарками; скажите ему, что эти иноземные пособники, пресыщенные виномъ и деньгами, въ преступныхъ ищеньяхъ возвѣщали поработеніе Франціи и грубо взывали о гибели національнаго собранія; передайте ему, что въ стѣнахъ самаго дворца придворные танцовали подъ звуки этой дикой музыки и что подобныя-же сцены предшествовали Варооломеевой ночи».

Наконецъ побѣда парижскаго населенія сдѣлалась для всѣхъ очевидной. — «Такъ это бунтъ?» — спросилъ Людовикъ у герцога Ланкура. — «Нѣтъ, ваше величество, это — революція.» Тогда Людовикъ XVI рѣшилъ отправиться лично въ собраніе. Его встрѣтили рукоплесканіями.

— «Подождите, чтобы король сообщилъ намъ свои намѣренія, — сказалъ Мирабо. — Молчаніе народовъ — урокъ для королей.»

Но когда Людовикъ XVI объявилъ о состоявшемся распоряженіи удалить войска и въ особенности когда онъ въ первый разъ произнесъ слова: *Національное собраніе* и кротко заявилъ: «вѣрю ему свою безопасность!» — послѣдовалъ взрывъ нескончаемыхъ восторговъ. Разсказываютъ, будто одинъ изъ депутатовъ Безансона, Лебланъ, внезапно умеръ отъ радости. Повидимому всѣ вѣрили, что революція вступить на мирный путь вслѣдствіе союза народа и короля. Последняго до дворца провожали пѣшкомъ всѣ депутаты, послѣ чего сто членовъ собранія отправились сообщить столицѣ счастливую вѣсть о примиреніи.

Ихъ встрѣтили радушно. Балльи, президента собранія, провозгласили мэромъ города Парижа, а вице-президента Лафайета — начальникомъ *парижской милиціи*, для которой онъ предложилъ имя *національной гвардіи*, обобщавшее мысль о воору-

женіи гражданъ. Собраніе потребовало возвращенія Неккера, на которое король далъ свое согласіе. Равнымъ образомъ онъ согласился исполнить желаніе, выраженное столицей — появиться въ ея стѣнахъ, но онъ рѣшился на это лишь послѣ двухъ дней, проведенныхъ въ колебаніи и совѣщаніяхъ съ своими недалеко-видными совѣтниками, такъ что недовѣріе успѣло вернуться. Одна женщина изъ простонародья вѣрно выразила мысль парижанъ, сказавъ королю: «Ахъ, ваше величество, искренни-ли вы? Не заставятъ-ли они васъ снова перемениться?» — Однако-же пріемъ, оказанный Людовику XVI Парижемъ, отличался радостной восторженностью. Баллы при встрѣчѣ у заставы привѣтствовалъ его словами: «Генрихъ IV возвратилъ себѣ своихъ подданныхъ; здѣсь подданные возвращаютъ себѣ своего короля». Они вѣрно передавали чувства толпы, думавшей, что она вырвала короля изъ-подъ власти анти-революціонныхъ элементовъ. Въ ратушѣ Людовикъ XVI украсилъ свою шляпу трехцвѣтной кокардой; по предложенію Лафайета, къ двумъ первымъ цвѣтамъ былъ прибавленъ бѣлый, какъ изстари присвоенный Франціи. «Эта кокарда обойдетъ весь міръ» — общалъ генераль-патріотъ.

Радость и умиленіе были всеобщія, за исключеніемъ двора, не раздѣлявшаго этихъ чувствъ. Въ этотъ-же день графъ д'Артуа и семьи де-Кондэ, де-Контти и Полиньякъ уѣхали за границу. Началась эмиграція, и эмиграція преступная, потому что она обуславливалась не настоящей опасностью, а ненавистью къ нововведеніямъ. Повидимому фактъ уничтоженія государственной тюрьмы, служившей мѣстомъ заточенія преимущественно для дворянъ, долженъ былъ имѣть значеніе исключительно мѣстное и не произвести впечатлѣнія въ другихъ странахъ. Вышло наоборотъ. Ни одно изъ событій революціи не распространило такъ далеко своего вліянія на умы, какъ паденіе Бастиліи. Въ Европѣ пѣли благодарственные гимны. Поэты сочиняли оды въ честь побѣды 14-го іюля: Альфіери—въ Италіи, Эбелингъ—въ Германіи. Кэмбриджскій университетъ избралъ ее темой для студенческихъ работъ на премію. Въ Англіи въ честь этого событія состоялись общественныя празднества, а въ столицѣ другой страны (о чемъ повѣствуетъ французскій посланникъ) при встрѣчѣ на улицахъ обнимались съ восклицаніемъ: «Бастилія взята!»

Первые шаги французской революціи встрѣчены были все-

общимъ ликованіемъ. Всѣ угнетенные вострепнулись. Поздравительные адреса сыпались со всѣхъ сторонъ. Философы Кантъ и Фихте, ученый Пристлей, государственный мужъ Фоксъ въ одинъ голосъ привѣтствовали усилія народа, «взявшагося на собственный рискъ и страхъ за задачу вести дѣло человѣчества». Отовсюду стекались во Францію «подышать свободнымъ воздухомъ, пожить среди первой націи міра и полюбоваться вблизи зрѣлищемъ великихъ событій, совершающихся въ ея предѣлахъ». Во Францію поспѣшили: Томасъ Пенъ (впослѣдствіи, хотя и иностранецъ, членъ французскаго конвента), Гускисонъ, будущій министръ торговли Англіи, шотландецъ Макинтошъ, перувіанецъ Миранда, датчанинъ Баггезенъ; наконецъ нѣмцы: Фёрстеръ, Кампе, Эльснеръ, Клоотъ (Анахарзисъ) и многіе другіе.

Франція съ своей стороны сознавала свою миссію. Члены нашихъ національных собраній придавали имъ значеніе общеевропейскихъ конгрессовъ. «Вы призваны обновить исторію», писалъ одинъ изъ нихъ. — «Мы обязаны возвыситься до честолюбія служить примѣромъ для другихъ націй», — говоритъ другой. — «Революція существуетъ не для одной Франціи; мы отвѣтственны передъ человѣчествомъ», восклицаетъ третій.

ГЛАВА V.

Отъ взятія Бастиліи до праздника федераціи.

«Вотъ доблестный для французскаго сейма день; ожидавшіе сго трепещутъ отъ радости до мозга костей; взойди, новое солнце, солнце благотѣльное, о которомъ мы едва смѣли мечтать!»

Въ такихъ выраженіяхъ Клопштокъ, авторъ «Мессіады», при- вѣтствовалъ генеральныя штаты. Францію оглашали крики радости, надежды и довѣрія, всѣ взоры были устремлены на избранниковъ націи, всѣ руки протягивались къ нимъ; каждой мыслью, клонящейся къ общественной пользѣ, спѣшили дѣлиться съ со- браніемъ; всѣ жалобы на несправедливости наивно обращались къ нему-же.

Но переходъ отъ желанья къ нетерпѣнью не долговъ, и не- продолжительнѣе путь отъ нетерпѣнія къ дѣйствию; поэтому не будемъ удивляться наступленію волненій. Въ нѣкоторыхъ про- винціяхъ возстаніе началось до полученія извѣстій изъ столицы; взялись за оружіе и устремились на замки. Тамъ предавали огню феодальныя архивы, а случалось, что жгли и самыя замки.

Бывали и такіе случаи, что дѣло, начатое подъ вліяніемъ нафанатизированныхъ умовъ, довершалось руками разбойниковъ; иногда протестъ противъ налога на соль и внутреннихъ тамо- жень выражался поджогомъ заставъ и появленіемъ воору- женныхъ контрабандистовъ. Продолжительныя страданія голода при- давали движенію характеръ ожесточенія и мести. Грабили обозы съ хлѣбомъ, совершали нападенія на фермы, гдѣ предполагали существованіе складовъ хлѣба, и опустошали ихъ. Въ Парижѣ два человѣка, давно слывшіе въ народѣ за виновниковъ его бѣд- ствій, становятся жертвами его гнѣва: Фулонъ, бывшій постав-

щикъ арміи, обогатившійся, благодаря хлѣбной монополіи, и зять его, Бертъе де-Совиньи, начальникъ парижскаго финансоваго округа. Обоихъ убили безжалостно.

Въ правительствѣ, какъ и въ собраніи, одни стояли за мѣры энергическаго подавленія безпорядковъ, другіе мечтали о пресѣченіи зла путемъ удовлетворенія народныхъ нуждъ. Изъ этихъ двухъ стремленій депутаты избрали наиболѣе великодушное.

Два члена, принадлежавшіе къ высшему дворянству, служили его выразителями: виконтъ де Ноаль и герцогъ д'Эгильонъ. Въ вечернемъ засѣданіи 4-го августа они съ трибуны провозгласили, что совершенныя преступленія должно приписать страданіямъ народа и что, прежде чѣмъ издавать декреты о подавленіи возстанія, слѣдуетъ издать законы, обезпечивающіе благосостояніе населенія. Въ виду этого они предлагали: уравниеніе налоговъ, свободный выкупъ феодальныхъ правъ, безвозмездное уничтоженіе барщины, отмѣну неотчуждаемыхъ имуществъ и всѣхъ личныхъ сервитутовъ.

Вслѣдъ за ними на трибуну вошелъ одинъ изъ депутатовъ Нижней-Бретани, г. Легенъ-де-Керангаль, одѣтый въ крестьянское платье; онъ рисуешь мрачную картину феодальнаго строя: «пусть принесутъ сюда эти граматы, оскорбляющія чувства человѣческаго достоинства и цѣломудрія, и мы сожжемъ ихъ на алтарѣ отечества».

Маркизь де-Фуко требуетъ со стороны дворянъ, пользующихся милостями двора, жертвъ въ томъ-же духѣ.

За этимъ слѣдуетъ невѣроятная сцена: ораторы осаждаютъ трибуну и каждый изъ нихъ поочередно приподнимаетъ край завѣсы, скрывавшей притѣсненія, беззаконія или скандалы. Обвинительный актъ стараго режима публично составленъ свидѣтелями его злоупотребленій или тѣми, кто ими пользовался и отказывается впредь отъ ихъ выгодъ. Начинается борьба великодушія: одинъ отрекается отъ правъ феодальнаго суда, другой—отъ правъ охоты и рыбной ловли, иной—отъ привилегіи содержать голубятню или садокъ для кроликовъ.

Когда никто уже не требовалъ слова, Шапелье, предсѣдательствовавшій на этомъ засѣданіи, обратился къ духовенству съ словами: «Въ виду того, что никто изъ васъ не сдѣлалъ никакихъ заявленій, я не хотѣлъ-бы закрыть этого интереснаго

засѣданія, не выслушавъ вашего мнѣнія». Лукавое это обращеніе вынудило духовенство послѣдовать примѣру щедрости, поданному дворянствомъ. Нѣкоторые епископы дѣйствительно говорили вслѣдъ за этимъ, но рѣчи ихъ коснулись гораздо болѣе владѣтельныхъ правъ, чѣмъ льготъ, предоставленныхъ духовенству. Бѣдные приходскіе священники предложили пожертвовать своимъ скромнымъ жалованьемъ, но собраніе, отклонивъ именемъ націи это предложеніе, отмѣнило десятинный сборъ.

Члены судебного вѣдомства, отъ лица своего сословія, заявили объ отреченіи отъ привилегій, присвоенныхъ ихъ должностямъ: собраніе отмѣнило продажу доходныхъ мѣстъ и объявило судопроизводство безвозмезднымъ. Затѣмъ наступила очередь провинцій и городовъ; представители ихъ отреклись отъ льготъ и привилегій, которыми пользовались. Мѣстные обычаи и нестрая сѣтъ льготъ, опиравшихся на преданіяхъ и частномъ интересѣ, исчезли. Одной ночи было достаточно для того, чтобы сломить зданіе, сооруженное втеченіи нѣсколькихъ вѣковъ несправедливостью. Каждый безъ спора, безъ сожалѣнія приносилъ свой даръ. Въ принципъ были рѣшены: отмѣна феодальной системы и введеніе равенства всѣхъ французовъ передъ закономъ.

Нѣкоторые писатели не постыдились назвать этотъ взрывъ великодушія и честности: «законодательной оргіей и вакханаліей сумасшедшихъ и пьяницъ».

Послѣдующія событія служатъ этому опроверженіемъ: правда, что когда первый пылъ остылъ, нѣкоторые лица, не раздѣлявшія общаго увлеченія и разсчитывавшія на торжество эгоистическихъ стремленій, пытались затормозить дѣло, поднимая затрудненія. Вопросъ объ отмѣнѣ десятиннаго сбора вызвалъ въ особенности много возраженій; въ числѣ оппонентовъ встрѣчаемъ и Сіэса, вспомнившего въ этотъ день, что онъ — аббатъ. Однако же послѣ обсужденія разныхъ заявленій торжественная подача голосовъ утвердила всѣ отреченія 4-го августа. Настроеніе всего населенія Франціи, безъ сомнѣнія, вызывало необходимость этихъ жертвъ. Но даже съ точки зрѣнія личныхъ выгодъ онѣ оказывались желательными: замѣнить господство привилегій господствомъ права значило то-же, что укрѣпить сильнѣе права собственниковъ надъ собственностью и увеличить стоимость и условія производительности имѣній. Послѣ окончательнаго рѣшенія

собрание постановило выбить медаль въ честь этого событія, отслужить въ церквахъ молебствія и объявить Людовика XVI *возстановителемъ свободы Франціи*.

Эта честь была мало заслужена имъ, такъ какъ Людовикъ XVI писалъ слѣдующее арльскому архіепископу: «Я не раздѣляю восторженности, охватившей всѣ классы и скользящей по моей душѣ.—Никогда я не соглашусь обообразить мое дворянство и мое духовенство.—Я не дамъ ни за что санкціи декретамъ, ихъ грабящимъ».

Однако-же эту санкцію онъ далъ, хотя упорствовалъ долго. Онъ утвердилъ декреты 21-го сентября, когда весь Парижъ уже волновался отъ пущенныхъ слуховъ, что друзья короля хотятъ похитить и отвезти его въ лагерь г. де-Буллье, одного изъ вождей контръ-революціи, съ тѣмъ, чтобы начать оттуда междоусобицу.

1-го октября въ оперной залѣ версальскаго дворца происходилъ банкетъ, устроенный лейбъ-гвардіей въ честь офицеровъ фландрскаго, швейцарскаго и другихъ полковъ. На немъ провозглашали тосты за королевскую семью, но тостъ за націю отсутствовалъ. За десертомъ Людовикъ XVI и Марія Антуанета, послѣдняя, держа на рукахъ сына, явились въ залъ и обошли столы.

Оркестръ заигралъ, а присутствующіе хоромъ пропѣли гимнъ: «O Richard, ô mon roi, l'univers t'abandonne!» («О Ричардъ, о король мой, всѣ тебя покидаютъ!») Бѣлыя кокарды розданы были придворными дамами гостямъ, которые, бросивъ на полъ трехцвѣтныя кокарды, топтали ихъ ногами; праздникъ перешелъ въ оргію, а на другой день королева, вручая знамена національной гвардіи Версаля, объявила, что она «въ восторгѣ отъ вчерашняго дня».

Разсказъ объ этомъ пиршествѣ во время голода вывелъ изъ себя парижанъ.

Женщины страдаютъ сильнѣе всего отъ нужды семьи: онѣ и приняли на себя инициативу движенія, толкнувшаго населеніе къ королевской резиденціи. «У насъ нѣтъ хлѣба,—говорили онѣ,—пойдемте за булочникомъ.»

Утромъ 5-го октября гревская площадь покрылась несмѣтной толпой, кричавшей: «хлѣба! хлѣба и оружія!»

Эта толпа, почти исключительно состоявшая изъ женщинъ, направилась на Версаль, не взирая на дождь и грязь; прибыла она туда, изнемогая отъ усталости и голода. Сначала отправились въ собраніе; депутація, предводимая человекомъ, имя котораго получило скоро печальную извѣстность, судебнымъ приставомъ Малльяромъ, была допущена и выслушана. Она требовала «хлѣба и наказанія оскорбителей національной кокарды». Президентъ Мунье, ставъ во главѣ депутаціи, пошелъ къ королю; онъ изложилъ ему положеніе Парижа и требовалъ отъ министровъ, именемъ собранія, принятія безъ оговорокъ деклараціи правъ, утвержденной за нѣсколько дней передъ тѣмъ голосованіемъ. Людовикъ XVI успокоилъ женщинъ нѣсколькими ласковыми словами и раздачей хлѣба; что-же касается требованій собранія, то онъ продолжалъ уклоняться и рѣшился дать свою подпись только въ десять часовъ вечера, при полученіи извѣстія, что опасность возрастаетъ.

Дѣйствительно около полуночи въ Версаль прибыло изъ Парижа скопище, гораздо многочисленнѣе перваго. Лафайетъ, видя рѣшимость толпы отправиться въ путь, сталъ во главѣ ея, *надвѣвъ петлю на шею*, по выраженію Берка, и ему удалось своимъ авторитетомъ сохранить порядокъ въ этой очень смѣшанной толпѣ въ продолженіи всего перехода. Достигнувъ Версаля, онъ разсѣялъ по городу своихъ спутниковъ. Но, воспользовавшись очень распространеннымъ и въ сущности вѣрнымъ слухомъ о намѣреніи побѣга со стороны королевской семьи, нѣсколько вожаковъ увлекаютъ за собой горсть изступленныхъ и съ ними проникаютъ во дворецъ. Они пробираются до апартаментовъ королевы, которая едва успѣла укрыться на половину короля. Караульные слятся препятствовать вторженію, но ихъ убиваютъ.

Бушующая толпа занимаетъ дворъ и кричитъ: «Короля!» — Король выходитъ на балконъ. «Королеву!» Она колеблется. Лафайетъ, рискуя популярностью и жизнью, ведетъ Марію Антуанетту съ дѣтьми на балконъ и цѣлуетъ ей почтительно руку. Затѣмъ удаляется и приводитъ на балконъ-же одного изъ лейбъ-гвардейцевъ, головъ которыхъ народъ яростно требуетъ, и обнимаетъ его на глазахъ у толпы. Послѣдняя приходитъ въ восхищеніе, аплодируетъ, умиляется и въ заключеніе кричитъ:

«Да здравствуетъ генераль! да здравствуетъ королева! да здравствуетъ лейбъ-гвардія!»

«Въ Парижъ короля!»—повторяютъ въ заключеніе тысячи голосовъ. И вотъ толпа снимается съ мѣста, сопровождая карету съ королевской семьей, а сзади тянется обозъ съ хлѣбомъ и мукой. «Веземъ домой булочника, булочницу и маленькаго подпекаря!»—кричатъ женщины. Эти слова лишь на половину были шуткой.

Народная масса привыкла видѣть въ королѣ общественное провидѣніе.

Людвикъ XVI сначала нехотя, затѣмъ какъ-бы примирившись съ необходимостью, далъ обѣщаніе перенести резиденцію въ Парижъ, а собраніе заявило, что оно неразлучно съ особой короля.

Но парижане подмѣтили, что первымъ движеніемъ короля всегда является отказъ, и что онъ идетъ на уступки лишь тогда, когда требованія принимаютъ бурный характеръ; подмѣтили они также, что онъ охотно беретъ на себя роль жертвы. И его уступки перестали внушать благодарность и довѣріе. Тѣмъ не менѣе, вслѣдъ за его водвореніемъ, въ Парижѣ наступилъ двухлѣтній періодъ затишья, ненарушаемый народными волненіями и посвященный законодательнымъ трудамъ.

Дебаты по поводу деклараціи правъ начались 18-го августа; дебаты о конституціи, начавшись 28-го числа въ Версалѣ, продолжались въ Парижѣ.

Прежде чѣмъ познакомиться съ этими трудами въ совокупности, мы остановимся на нѣкоторыхъ важныхъ постановленіяхъ, выработанныхъ *Учредительнымъ собраніемъ*. Собраніе отнынѣ приняло это имя. Одинъ Людвикъ XVI довольно долго и упорно продолжалъ называть его *генеральными штатами*. Прежде всего вниманіе законодателей, движимыхъ чувствами гуманности, привлекли на себя цари современнаго общества: невольники и евреи. Для измѣненія ихъ положенія приходилось бороться противъ закоренѣлыхъ предрассудковъ.

Такъ какъ колоніи были объявлены нераздѣльной частью французскаго государства, то отъ негритянской и мулатской части ихъ населенія прислана была въ Парижъ депутація для требованія во имя принципа равенства, чтобы чернокожіе, ро-

двишіея свободными или вышедшіе на волю, были допущены наравнѣ съ бѣлыми къ пользованію гражданскими правами. Ихъ петиція нашла горячую поддержку въ средѣ собранія, въ которомъ засѣдало нѣсколько членовъ общества «*друзей чернокожихъ*», основаннаго Бриссо.

Это общество за-одно съ лондонскимъ стремилось постепенно привести невольниковъ къ пониманію свободы и разумному пользованію ею, но не требовало немедленнаго освобожденія. Оно хотѣло только уравниенія въ политическихъ и гражданскихъ правахъ всѣхъ свободныхъ людей, безъ различія расъ и цвѣта кожи.

Самъ Грегуаръ, ревностный апостолъ негрофильства, проводилъ этотъ умѣренный взглядъ при сообщеніи депутаціи успѣшнаго результата своихъ стараній, поддержанныхъ Мирабо, Траси, Ларошфуко и другими. «Наступитъ день,—сказалъ онъ имъ,—когда солнце будетъ свѣтить лишь однимъ свободнымъ людямъ; лучи его не будутъ тогда освѣщать ни оковъ, ни невольниковъ. Національное собраніе не распространило на послѣднихъ дарованныхъ вамъ правъ, потому что гражданское полноправіе, внезапно предоставленное людямъ, незнакомымъ съ обязанностями, связанными съ ихъ правами, могло-бы оказаться для нихъ вреднымъ даромъ. Но не забывайте, что, подобно вамъ, они родятся и остаются свободными.» Послѣднія слова заключали урокъ мулатамъ, хлопотавшимъ только за себя.

Собраніе, постановивъ рѣшеніе, согласное съ требованіями справедливости и логики, обставило его большими предосторожностями изъ боязни слишкомъ сильно поразить предрасудки. Несмотря на это, когда декретъ собранія дошелъ до колонистовъ, они встрѣтили его горячимъ протестомъ, сожгли изображеніе Грегуара и грозили отложиться отъ Франціи. Они достигли полнаго бездѣйствія декрета, закрывъ мулатамъ доступъ во всѣ мѣстныя собранія и запретивъ имъ даже ношеніе національной кокарды. Всѣ жалобы послѣднихъ были отвергнуты, а жалобщики—наказаны. Нѣсколько возникшихъ бунтовъ усмирены. И въ доказательство того, что вопросъ этотъ—вопросъ кастовый, нѣсколько бѣлыхъ, захваченныхъ въ рядахъ инсургентовъ, были казнены на отдѣльномъ эшафотѣ.

Борьба разгорѣлась, съ обѣихъ сторонъ призвали на помощь

невольниковъ, которые дрались, одни за бѣлыхъ, другіе за мулатовъ. Неосторожно привлеченные на поля битвъ, невольники научились тамъ сознать свои силы, и вскорѣ вспыхнуло страшное возстаніе, охватившее весь островъ С.-Доминго. Это событіе произошло 23-го августа 1791 г. А только въ февралѣ 1794 г. конвентъ постановилъ отмѣну невольничества. Необходимо возстановить хронологическій порядокъ событій для того, чтобы уничтожить заблужденіе, поддерживаемое врагами революціи въ людяхъ, мало знакомыхъ съ исторіей.

Беспорядки въ французскихъ колоніяхъ не были слѣдствіемъ освобожденія невольниковъ, совершившагося 2¹/₂ года позднѣе. Ихъ вызвало сопротивленіе бѣлыхъ противъ закона, уничтожавшаго *дворянство кожи*, какъ мѣтко выразился Грегуаръ.

Опять первымъ тотъ-же Грегуаръ возвысилъ голосъ въ пользу евреевъ, — народа, исторія котораго занесена кровавыми буквами въ лѣтописи почти всѣхъ остальныхъ народовъ. Общесмягченіе нравовъ мало-по-малу улучшало условія ихъ существованія; но надъ ними попрежнему тяготѣло отчужденіе. До 1789 года они были еще подчинены во Франціи ограничительнымъ, если не притѣснительнымъ законамъ, отдѣлявшимъ ихъ отъ остального общества. Они платили за право жительства и за право молиться, что было отмѣнено лишь въ іюлѣ 1789 г. Грегуаръ нарисовалъ картину притѣсненій, претерпѣваемыхъ ими въ особенности въ Эльзасѣ, и добился, хотя не безъ труда, ихъ гражданской эмансипаціи. Благодарность евреевъ выразилась въ оригинальной формѣ. Въ синагогахъ назначены были публичныя молитвы за христіанскаго священника.

Всѣ, лишеныя богатства и образованія, поочередно были предметомъ заботъ Учредительнаго собранія.

Труды его комитета *для искорененія нищенства* были настолько значительны, что нашли спеціальнаго историка въ лицѣ Мартена Дуази въ 1849 г.

Что-же касается народнаго образованія, то оно было предметомъ особаго доклада, часто цитируемаго и вполне этого заслуживающаго.

Старый режимъ заботился о классическомъ образованіи: въ 1789 г. при различныхъ университетахъ насчитывалось 562 гимназіи съ 72,747 учащимся. Народное-же образованіе, счи-

тавшееся дѣломъ благотворительнымъ, было довѣрено духовенству и не разъ вызывало жалобы въ собраніяхъ генеральныхъ штатовъ.

Въ программахъ окружныхъ собраній неоднократно повторяется желаніе о коренныхъ реформахъ. Братство христіанскихъ школъ, хотя и учрежденное съ религіозными цѣлями, основано было не духовенствомъ, а, наоборотъ, организовалось въ виду несостоятельности послѣдняго каноникомъ реймскимъ Ж. Б. Ласаллемъ, въ 1679 г., и, несмотря на болѣе чѣмъ вѣковое существованіе, обучало не свыше тридцати тысячъ дѣтей, т. е. менѣе половины числа учившихся въ коллежахъ.

Слѣдовательно, по этому вопросу предстояло создать все вновь. Учредительное собраніе положило начало дѣлу, но ни оно, ни послѣдующія собранія не могли завершить его, по недостатку времени. Проектъ закона, развиваемый въ замѣчательномъ докладѣ Талейрана, не дождался даже очереди.

Въ основѣ этого проекта легла свобода: всякому французу представлялось право преподавать.

Просвѣщеніе составляетъ всеобщее достояніе и должно распространяться на все возрасты и сословія. Женское образованіе имѣетъ важное значеніе. Предложенный планъ обнималъ все степени образованія, приведенныя въ соотвѣтствіе съ административнымъ дѣленіемъ страны.

Элементарная школа соотвѣтствуетъ сельскому собранію; средняя, коллежъ,—собраніямъ окружнымъ; третьей степенью являются профессиональныя школы: богословскія, юридическія, медицинскія и военныя—онѣ соотвѣтствуютъ провинціальнымъ собраніямъ. Четвертая степень—параллель представительству всей страны: это національный институтъ, состоящій изъ высшихъ представителей науки, литературы и искусствъ.—Это центральный очагъ прогресса, лучи котораго животворятъ все области ума, вкуса и воображенія. Къ институту примыкаютъ все научныя и литературныя учрежденія: музеи, библіотеки и лабораторіи. Институтъ—вѣнецъ зданія народнаго просвѣщенія.

Элементарное образованіе—общее и безвозмездное.

Нашъ краткій обзоръ проекта достаточно указываетъ на духъ, въ какомъ онъ составленъ.

Другіе проєкты, внесенные позднѣе въ національныя собранія, отмѣчены тѣмъ-же характеромъ всесторонности.

Измѣненія, внесенныя въ положеніе духовенства, вызвали громкія и не вполнѣ умолкшія до сихъ поръ жалобы. Установленъ былъ принципъ, что духовенство имѣетъ лишь право пользованія имуществами, предоставленными ему для общественныхъ цѣлей.

Въ силу этого государство, опираясь на свое право, объявило, что церковныя имущества «возвращаются націи», подъ условіемъ назначенія съ ея стороны приличнаго обезпеченія для церковныхъ расходовъ, содержанія церковнослужителей и благотворительныхъ дѣлъ.

При старыхъ порядкахъ всѣ эти обязанности, равно какъ и народное образованіе, лежали на духовенствѣ, которому, какъ средства для выполненія его благородной задачи, предоставлялись обширныя поземельныя владѣнія и значительный налогъ (десятина). При новомъ строѣ государство, принимая всѣ эти обязанности на себя, дало другое назначеніе и средствамъ. Оставляя за духовенствомъ однѣ обязанности церковной службы, оно вознаграждало его назначеніемъ опредѣленнаго жалованья. Кромѣ того, такъ какъ законъ пересталъ признавать обязательность пожизненныхъ монашескихъ обѣтовъ, то лицамъ, добровольно желавшимъ продолжать монастырскую жизнь, назначались пенсіи, соразмѣряемыя съ богатствомъ конгрегацій, къ которымъ они принадлежали. Желавшіе покинуть монастырь получали средства къ существованію внѣ его стѣнъ. Нельзя требовать большей осторожности, чѣмъ та, которой руководилось собраніе, приступая къ преобразованіямъ, вынужденнымъ переменой національныхъ учреждений. Прибавимъ, что новыя условія не были вовсе тягостны для духовенства, такъ какъ на долю его предоставлялось 134 милліона по бюджету. Конечно эта цифра не достигала прежняго его бюджета, доходившаго, по словамъ Талейрана, до 150 мил., но нужно принять въ расчетъ, что всѣ расходы, за исключеніемъ церковнослужебныхъ, государство приняло на свой счетъ.

Позднѣе собраніе сократило число епархій и привело количество приходовъ въ соотвѣтствіе съ размѣрами епархіальныхъ округовъ, а въ заключеніе примѣнило къ духовенству выбор-

ное начало, какъ существующее для всѣхъ общественныхъ должностей, предоставивъ народу избраніе епископовъ и священниковъ по примѣру того, какъ избирались администраторы и судьи. Король отложилъ подписаніе декрета до сообщенія его папѣ, а папа отложилъ отвѣтъ, тайно поддерживая короля въ сопротивленіи и желая дать время епископамъ организовать отпоръ. Оппозиція еще болѣе усилилась, когда дѣло дошло до гражданской присяги. Скажемъ нѣсколько словъ по поводу этого вопроса, породившаго столько превратныхъ толковъ и упрековъ.

Это обязательство вовсе не требовалось специально отъ одного духовенства; оно было формальностью, распространенной на всѣхъ должностныхъ лицъ: всѣ клялись просто въ соблюденіи законовъ страны. Но въ числѣ послѣднихъ были законы о духовенствѣ, возбуждавшіе въ его средѣ такое недовольство. Однако-же большинство священниковъ подчинилось формальности и принесло присягу, какъ ничѣмъ не противорѣчащую догматамъ вѣры; зато нашлись и такіе, которые отъ нея отказались, считая ее оскорбленіемъ религіи и власти папы. Отсюда — раздѣленіе на *присягнувшихъ* и *не присягнувшихъ* и безконечные раздоры въ частной и общественной жизни. Присягнувшіе священники были распределены по приходскимъ церквамъ, двери которыхъ по распоряженію собранія оставались однако открытыми и для неприсягнувшихъ; послѣднимъ не возбранялось служить обѣдни, и новое священство дѣлилось церковнымъ облаченіемъ съ тѣми, кто чистилъ его именами выскочекъ, узурпаторовъ и еретиковъ. Неприсягнувшіе священники теряли только званіе служителей оффиціальной религіи, но они сохраняли свободу исполнять всѣ требы своего званія въ частныхъ помѣщеніяхъ и продолжали получать пенсіи. Слѣдовательно, они неосновательно выдавали себя за мучениковъ и имъ напрасно вѣрили.

Въ наше время сторонники свободы вѣроисповѣданій требуютъ полнаго раздѣленія церкви и государства. Подобная мѣра была-бы конечно преждевременной въ 89 году; лучшимъ доказательствомъ этому служить то, что примѣненіе ея пять лѣтъ спустя (въ годъ III) послужило средствомъ для католическаго духовенства возвратитъ себѣ вліяніе. Впрочемъ и само Учредительное собраніе едва-ли согласилось-бы на полное раздѣленіе, такъ какъ предложеніе о провозглашеніи католической вѣры

религіей государства было отклонено только послѣ бурныхъ дебатовъ. Простая вѣротерпимость была уже такимъ громаднымъ успѣхомъ для того времени, что мы поймемъ препятствія, передъ которыми остановились всѣ, начиная съ Мирабо до Робеспьера.

Первый такъ превосходно изложилъ принципы религіозной свободы, что мы не можемъ устоять противъ желанія привести его слова: «Національными въ государствѣ могутъ быть только учрежденія, имѣющія цѣли политическія; религія-же, будучи исключительно стремленіемъ человѣческой мысли и нравственнаго чувства найти путь къ мысли божественной или міровой, не можетъ принять форму гражданскаго и законнаго обязательства. Христіанство-же преимущественно по самому существу своему чуждо всякихъ системъ мѣстныхъ узаконеній.

«Этотъ свѣточъ предназначенъ Богомъ не для того, чтобы придать форму и цвѣтъ соціальной организаціи Франціи; онъ возженъ среди вселенной, дабы служить точкой соединенія и центромъ союза всему человѣчеству. Почему не упрекнуть насъ послѣ этого и за то, что мы не объявили солнца *національнымъ свѣтиломъ* и не присвоили ему одному права вызывать ночь и день.»

Средній путь, избранный собраніемъ изъ чувства справедливости и миролюбія, привелъ однако-же къ самому ложному положенію вещей. Духовенство Франціи раздѣлилось на два лагеря: одна сторона считала себя католической, несмотря на то, что она отказывалъ ей въ признаніи; другая своей запальчивостью и строптивостью заставила революціонеровъ измѣнить принципамъ вѣротерпимости, провозглашеннымъ ими самими, и дѣйствовать несогласно съ изданными ими законами.

При объявленіи бывшихъ владѣній духовенства національнымъ имуществомъ, собраніе возложило на государственное казначейство обязательство уплатить всѣ его долги. Между тѣмъ земли духовенства могли служить государству дѣйствительнымъ средствомъ къ уплатѣ долговъ только подъ условіемъ какого-нибудь оборота. Придумали выпустить въ обращеніе подъ залогъ ихъ бумажныя деньги или *ассигнаціи*, первый выпускъ которыхъ состоялся въ размѣрѣ 400 мил. Цѣнность залога во стократъ превышала сумму выпуска бумажныхъ знаковъ, слѣ-

довательно эта финансовая мѣра была безусловно честная; она должна была облегчить продажу земель и способствовать раздробленію и демократизаціи собственности. Слѣдовательно и со стороны политической мѣра была вполне хороша. Она удалась. Но успѣхъ ея, рядомъ съ возрастающими нуждами, побудилъ собраніе прибѣгнуть въ скоромъ времени ко второму выпуску, превышавшему вдвое первый и съ принудительнымъ курсомъ; министръ финансовъ Неккеръ рѣшительно отсовѣтывалъ этотъ шагъ, но его не послушали. Этотъ первый примѣръ увлекъ за собой и послѣдующія правительства на опасный, но быть-можетъ неизбѣжный путь.

Продажа церковныхъ имуществъ, за которой послѣдовала въ непродолжительномъ времени продажа дворянскихъ земель, имѣетъ особенно важное значеніе съ точки зрѣнія соціальной. Путемъ этихъ продажъ совершился полный переворотъ въ сферѣ собственности.

Дворянство, бѣлое духовенство и монастыри удерживали въ своихъ рукахъ въ неподвижномъ состояніи громадную массу земель, которыя поступили теперь въ обращеніе: это была реформа первостепенной важности.

До революціи, не взирая на тысячу затрудненій, опутывавшихъ промышленность, городской житель могъ еще пріобрѣтать капиталъ своимъ трудомъ. Деревенскій-же житель былъ гораздо болѣе стѣсненъ привилегіями поземельной собственности: онъ рѣдко пріобрѣталъ землю и на долю его выпадала только эксплуатация земли, принадлежавшей или феодалу, или духовенству. Въ 1789 г. Франція дѣлилась еще на семьдесятъ тысячъ ленныхъ и полуленныхъ удѣловъ, хотя нѣкоторый прогрессъ уже проявлялся, такъ какъ извѣстно, что двѣ седьмыхъ территоріи составляли собственность буржуазіи. Три седьмыхъ, почти половина всей Франціи, принадлежали дворянству. Одна седьмая была удѣльной собственностью принцевъ, и одной седьмой владѣло духовенство. Всѣ эти перечисленные нами земли были свободны отъ сборовъ и сервитутовъ, падавшихъ исключительно на долю третьяго сословія, и очень плохо разрабатывались въ рукахъ наемщиковъ.

Для серьезныхъ успѣховъ земледѣлія было необходимо, чтобы земля перешла въ собственность самого хлѣбопаша. Это

осуществилось довольно быстро. Съ августа 1791 года, благодаря различнымъ льготамъ, предложеннымъ покупателямъ, изъ національныхъ имѣній, представлявшихъ стоимость въ четыре милліарда, считая одни бывшія владѣнія духовенства, продано было земли на милліардъ. Новые владѣльцы освоились скоро съ своимъ положеніемъ, и сельское хозяйство пошло несравненно удовлетворительнѣе прежняго.

Отмѣна права первородства и новый законъ о наслѣдствахъ завершили эти благодѣянія. Мирабо не дожилъ до разрѣшенія этого великаго вопроса. Но его посмертное мнѣніе, сохранившееся въ оставленной имъ запискѣ и прочтенное въ собраніи, имѣло рѣшающее вліяніе на постановленія послѣдняго. Мысли, высказанныя имъ, слишкомъ значительны для того, чтобы ихъ обойти молчаніемъ.

«Вы начали съ ломки феодальной системы, теперь вы продолжаете это дѣло, уничтожая послѣдствія феодализма. Вы намѣрены включить въ число нашихъ реформъ пересмотръ несправедливыхъ законовъ, введенныхъ обычаемъ въ порядокъ наслѣдства. Но не одни наши законы, а умы и привычки запятнаны принципами и пороками феодальной системы. Вы должны, слѣдовательно, обратить взоры ваши на произвольные распорядки, отсюда вытекающіе.

«Основной вопросъ по этому предмету заключается въ слѣдующемъ: долженъ-ли законъ допускать свободу распоряженія имуществами, наслѣдуемыми по прямой линіи? Говоря другими словами: должно-ли отцу или матери, дѣду или бабкѣ быть предоставлено право произвольной передачи состоянія, путемъ договора или завѣщанія, а слѣдовательно и возможность вводить неравенство во владѣніе семейнымъ имуществомъ?

«Не природа, а общество даруетъ гражданину право распорядиться собственностью на то время, когда его уже не будетъ въ живыхъ. Собственность, наравнѣ съ другими выгодами, находящимися въ распоряженіи общества, подчинена законамъ и условіямъ. Нужно лишь опредѣлить: обязанъ-ли законодатель дѣлать то, что въ его власти? долженъ-ли онъ отказать гражданину, имѣющему дѣтей, въ правѣ *избирать* изъ среды послѣднихъ своихъ наслѣдниковъ?

«Римскіе законы допускаютъ это право, что служитъ вѣс-

скимъ аргументомъ для нѣкоторыхъ юристовъ. Но быть-можетъ уже настала пора, послѣ долгаго подчиненія авторитету римскаго права, подчинить и послѣднее авторитету нашего разсудка. Быть-можетъ настала уже пора отбросить законы, освящающіе неволю дѣтей рабствомъ, допускаемымъ тѣми-же законами. Быть-можетъ для французовъ настала пора выйти изъ ученическихъ отношеній какъ къ древнему, такъ и къ современному Риму. Пусть они выработаютъ себѣ гражданское право, подобно тому, какъ имѣютъ уже собственные политическіе законы.

«Не знаю, какъ возможно было-бы согласовать новую конституцію Франціи, гдѣ все опирается на великомъ и удивительномъ принципѣ политическаго равенства, съ существованіемъ закона, дозволяющаго отцу или матери забывать относительно дѣтей своихъ законъ естественнаго равенства, — съ существованіемъ закона, потворствующаго распоряженіямъ, заслуживающимъ полного порицанія и ведущимъ къ усиленію въ обществѣ неравенствъ, создаваемыхъ различіемъ таланта и труда, вмѣсто того, чтобы служить къ смягченію ихъ равнымъ раздѣломъ семейнаго имущества.

«При предшествующемъ режимѣ варварство феодальныхъ правъ и честолюбіе отцовъ приносили безчисленное множество жертвъ праву первородства. Въ это время различныя братства, бенефиціи, монастыри и почетныя синекуры составляли убѣжище для обойденныхъ. Эти два зла служили одинъ другому поправкой. Нынѣ, благодаря смѣлой мудрости нашего собранія, эти убѣжища упразднены. Но въ виду этого необходимо, чтобы не было болѣе угнетенныхъ и нуждающихся въ пріютѣ. Если съ одной стороны алтари наши ограждены отъ посягательствъ алчнаго разсчета, то пусть съ другой — не станетъ болѣе отверженныхъ собственными отцами дѣтей, которыя могли-бы сожалѣть объ уничтоженіи старыхъ злоупотребленій.

«Воспитаніе дѣтей въ семействахъ естественно ведется примѣнительно къ долѣ наслѣдства, которая ихъ ожидаетъ при будущемъ раздѣлѣ семейнаго имущества. Неравенство наслѣдства ведетъ къ неравенству попеченій, чувствъ и даже любви со стороны родителей.

«Старшій, привилегированный сынъ, составляющій по пре-

имуществу предметъ гордости и надеждъ родителей, получаетъ заботливое воспитаніе. Онъ прекрасно сознаеть, что его судьба въ свѣтъ обезпечена, что его роль заключается скорѣе въ томъ, чтобы казаться, чѣмъ быть, наслаждаться, а не трудиться, и пользуется своимъ льготнымъ положеніемъ и общими попеченіями какъ должнымъ. Остальная-же часть семьи, обреченная на неизвѣстность, получаетъ воспитаніе, соответствующее нѣкоторымъ образомъ участи, которую ей готовятъ. Такимъ-то образомъ все искажается подъ вліяніемъ дурныхъ законовъ »

Учредительное собраніе предприняло и довело до благополучнаго конца обширный трудъ національнаго объединенія. Провинціи старой Франціи, постепенно присоединенныя завоеваніями или договорами, управлялись на основаніи весьма различныхъ хартій и льготныхъ условій, сохранившихся въ силѣ до революціи. Такъ напримѣръ, послѣднія присоединенныя провинціи: Бретань, Бургундія и Лангедокъ имѣли совѣщательныя собранія, чѣмъ и обусловливалось ихъ названіе *Pays d'Etats*; въ свою очередь собранія эти и между собой различались существенно какъ въ отношеніи порядка организаціи, такъ и относительно предметовъ ихъ компетентности. Каждая провинція имѣла свои законы, администрацію, налоги, такъ-же какъ и собственные обычаи, языкъ и преданія. Каждая изъ нихъ составляла отдѣльное цѣлое и совокупность ихъ являлась менѣе націей, чѣмъ федеративнымъ союзомъ съ монархомъ во главѣ.

«Провинціи Франціи,—писалъ Мирабо за нѣсколько лѣтъ до революціи,—находятся въ состояніи такого разнообразія условій и скажемъ почти соперничества, какое можно встрѣтить только между мелкими германскими государствами.» Приступили къ новому дѣленію Франціи, принявъ за основаніе только пространство территоріи и соблюдая почти геометрическую соразмѣрность частей.

Изъ тридцати-двухъ провинцій самаго различнаго размѣра выкроили восемьдесятъ-шесть департаментовъ или административныхъ, юридическихъ, финансовыхъ и религіозныхъ единицъ, такъ какъ число епархій сокращено было противъ прежняго по количеству департаментовъ. Цѣль этого дѣленія не заключалась ни въ усиленіи централизаціи, достигшей крайнихъ предѣловъ уже при старомъ режимѣ, ни въ ослабленіи муниципаль-

наго элемента, но исключительно въ желаніи объединить управленіе страню. Эта мѣра вытекала изъ соображеній высшей политики: ея примѣненіе не могло обойтись безъ ломки нѣкоторыхъ географическихъ удобствъ, но Франція обязана ей въ значительной степени своимъ національнымъ единствомъ. Департаменты были раздѣлены на округа или уѣзды (district), а каждый уѣздъ подраздѣленъ на муниципалитеты. Главный совѣтъ департамента, состоявшій изъ тридцати-шести членовъ, избранныхъ по примѣру депутатовъ собраніями низшей инстанціи, въ свою очередь избиралъ изъ своей среды восемь членовъ, составлявшихъ *исполнительное правленіе* (directoire exécutif)— учреждение постоянное, завѣдывавшее администраціей. Уѣздное правленіе имѣло также свой совѣтъ, равно какъ и муниципалитетъ. Вездѣ контрольная инстанція была поставлена рядомъ съ исполнительной и вездѣ было проведено выборное начало.

Но отсутствіе сильной политической власти составляло слабое мѣсто этого превосходнаго плана организаціи. Это обнаружилось подъ давленіемъ событій, и требованія минуты породили централизацію власти, болѣе энергичной, чѣмъ правильной, но восторжествовавшей надъ громадными затрудненіями. Впрочемъ мѣстный административный механизмъ не встрѣтилъ и въ тотъ исключительный моментъ большихъ стѣсненій въ своей дѣятельности. Да и могло-ли быть иначе при существованіи свободы печати и собраній? Стремленія къ свободѣ и къ единству, не исключаяющія другъ друга, составляютъ характерную черту великой революціи.

Введеніе единства въ судебныя учрежденія послѣдовало за преобразованіемъ въ томъ-же направленіи администраціи. По упраздненіи парламентовъ, духовныхъ и дворянскихъ судовъ, были учреждены суды трехъ инстанцій, соотвѣтствующіе территоріальному дѣленію: мировой судъ или кантональный, гражданскій или уѣздный и апелляціонный судъ въ главномъ городѣ департамента; а надъ ними, въ столицѣ,—кассационный судъ, наблюдавшій за правильнымъ примѣненіемъ закона. Для усиленія гарантій судебный персоналъ составлялся путемъ выборовъ, а для всѣхъ уголовныхъ дѣлъ былъ введенъ судъ присяжныхъ,— учреждение совершенно новое во Франціи,

Законы при старомъ монархическомъ режимѣ не были обоб-

щены. На югѣ руководствовались обычнымъ правомъ. На сѣверѣ традиціи, отчасти унаслѣдованныя отъ древнихъ обитателей края, отчасти занесенныя завоевателями-варварами, были единственными законами. Отсюда возникало раздѣленіе на *право писанное* и *право обычное*. Но первое въ своемъ примѣненіи часто видоизмѣнялось различными мѣстными обычаями; что касается второго, то оно разнообразилось настолько, что насчитывали не менѣе шестидесяти общихъ видовъ, не говоря о трехстахъ мѣстныхъ, составлявшихъ достояніе извѣстныхъ городовъ и даже извѣстныхъ деревень. Нѣкоторые изъ французскихъ королей, Карлъ Великій и Людовикъ Святой въ особенности, дѣлали попытки внести какой-нибудь порядокъ въ этотъ хаосъ. Но исполнить это намѣреніе суждено было революціи. Учредительное собраніе положило первыя основанія новому законодательству, разработанному послѣдующими собраніями и кодифицированному консульствомъ.

Не меньшую путаницу представлялъ кругъ вѣдомства центральныхъ учреждений. Юстиція и духовныя дѣла входили въ вѣдомство министра двора. Генераль-контролеръ завѣдывалъ госпиталями и тюрьмами, горнозаводствомъ и путями сообщенія. Гражданская администрація провинцій была безпорядочно распредѣлена между разными министрами. Дофинэ, Франшъ-Конте, Эльзасъ и Руссильонъ были подвѣдомственны военному министру. Нормандія, Шампань и Гвіенна подчинены власти министра иностранныхъ дѣлъ. Въ сущности это не было раздѣленіемъ труда, а дѣлежемъ власти и доходовъ. Учредительное собраніе внесло порядокъ и въ эту сферу.

Ему-же принадлежитъ честь первой постановки вопроса о введеніи единства мѣръ и вѣсовъ, о которомъ серьезно помышлялъ уже Тюрго. Но нынѣшняя метрическая система выработана Конвентомъ.

Эти реформы, равно какъ и масса другихъ, менѣе важныхъ, перечислить которыя мы даже не беремся здѣсь въ виду ихъ многочисленности, прошли безъ особеннаго сопротивленія, даже при содѣйствіи короля и сановниковъ, пока они приписывали имъ исключительно экономическое значеніе. Но какъ только явились на сцену мысли о свободѣ и эмансипаціи народа, старая Франція возстала. Замѣчательно то, что эта старая Франція,

имѣвшая въ рядахъ собранія не мало родовитыхъ представителей, нашла самыхъ горячихъ защитниковъ не между ними, а въ лицѣ двухъ людей, не принадлежащихъ къ родовитой аристократіи: аббата Мори и капитана Казалеса. Не служить-ли эта апатія дворянства и духовенства доказательствомъ торжества демократическихъ началъ? Роялистская оппозиція выступала преимущественно въ мелкихъ случаяхъ, создавая охотно затрудненія собранію, и воздерживалась отъ подачи голоса по важнымъ законодательнымъ вопросамъ, храня презрительное и насмѣшливое молчаніе.

Итакъ, въ преніяхъ, прославившихъ Учредительное собраніе, участвовали почти исключительно депутаты, приверженные въ общемъ принципамъ революціи, но придерживавшіеся въ частныхъ различныхъ мнѣній. Это были: Мунье, Малюзэ, Дюпоръ, Барнавъ, Шапелье, Ламетъ, Турэ, Грегуаръ, Камю и Робеспьеръ; послѣдній начиналъ привлекать на себя вниманіе не столько ораторскимъ талантомъ, сколько настойчивостью и рѣзкостью. Затѣмъ выдѣлялись еще два лица, горделиво сторонившіеся отъ прочихъ, но господствуя надъ всѣми: одинъ своей репутаціей мыслителя, другой—неподражаемой силой ораторскаго краснорѣчія; то были: Сіэзъ и Мирабо. «Мирабо былъ по преимуществу человѣкомъ революціи»—сказалъ про него Лагарпъ. Борясь съ дѣтскихъ лѣтъ противъ подавляющаго семейнаго гнета, Мирабо вынесъ изъ этой борьбы ненависть къ деспотизму и былъ самымъ горячимъ глашатаемъ личныхъ правъ, опредѣляя свободу слишкомъ одностороннимъ выраженіемъ: «неприкосновенность личности», какъ будто общество, во всей его совокупности, не имѣло также своихъ правъ. Выдающіяся его способности, громадность услугъ, оказанныхъ имъ революціи, ставятъ его имя въ ряды самыхъ знаменитыхъ людей. Но для званія великаго гражданина требуется нѣчто большее: заслужить его можно, лишь подавая собою примѣръ добродѣтели въ общественной и частной жизни. Мирабо былъ рабомъ страстей, унижался до полученія денегъ отъ двора на удовлетвореніе своего разврата. Однако слѣдуетъ отдать ему справедливость: онъ никогда не поступался независимостью мысли. Его выходки противъ двора были вызваны болѣе увлеченіями пылкаго темперамента, чѣмъ политической ненавистью. Роялистъ конституціонной окраски, не болѣе, онъ и

остался таковымъ въ своихъ совѣтахъ королю. Онъ говорилъ, что «возстановленіе монархіи на старыхъ основаніяхъ, уничтоженныхъ революціей, было-бы предпріятіемъ, превышающимъ человѣческія силы, и что контръ-революція была-бы дѣломъ столь-же безтактнымъ съ политической точки зрѣнія, сколько опаснымъ и преступнымъ». Но его блестящій умъ, не уравновышенный нравственнымъ чувствомъ, измыслилъ цѣлую систему хитросплетеній, чтобы уничтожить вліяніе собранія и обмануть народъ, давъ ему нѣсколько матеріальныхъ облегченій взамѣнъ прочныхъ политическихъ учрежденій. Мирабо принялъ на себя задачу служить посредникомъ между престоломъ и свободой,—задачу, прельщавшую и Лафайета, но оказавшуюся настолько трудною, что съ ней не совладали ни талантъ перваго, ни честность послѣдняго.

Республиканскія теоріи угрожали въ болѣе или менѣе близкомъ будущемъ существованію монархіи, но въ данный моментъ никто не отрицалъ власти короля; споръ касался только границъ ея. Партія, желавшая условій, выгодныхъ для престола, и склонная къ созданію аристократіи на новыхъ началахъ, партія англійской школы, представителями которой были Мунье, Лалли-Толандаль, Клермонъ-Тонерръ, министр Неккеръ и проч., была побѣждена: во время преній объ организаціи Законодательнаго корпуса она потребовала раздѣленія на двѣ палаты; собраніе-же рѣшило организацію его въ смыслѣ единого учрежденія. Члены этой партіи, отчаявшись въ успѣхѣ своихъ мнѣній, частью замолкли, частью покинули политическую дѣятельность. Людовикъ XVI врядъ-ли охотнѣе согласился-бы на принятіе ихъ конституціи, чѣмъ на предложенную ему въ 1791 г. собраніемъ: онъ смотрѣлъ на ограниченіе своей власти, какъ на узурпацію.

Такимъ образомъ сошла со сцены группа политическихъ дѣятелей, искренно работавшихъ вначалѣ на пользу революціи, но пожелавшихъ остановить ее, когда увидѣли, что она заходитъ далѣе ихъ идеала. Что-же касается людей, стремившихся подавить ее, то тѣ не отчаявались; но они возлагали всю свою надежду исключительно на такія средства, какъ козни и заговоры.

Они поддерживали короля въ его неосторожномъ сопротивленіи: они побудили его завязать тайныя сношенія съ иностран-

ными державами; они-же, съ цѣлью помѣшать разработкѣ конституціи, старались внушить собранію убѣжденіе о необходимости распущенія и обращенія къ націи за новыми полномочіями; они-же устраивали въ Парижѣ заговоры съ цѣлью похитить короля и убить главныхъ членовъ собранія, а въ департаментахъ подстрекали къ политическимъ и религіознымъ бунтамъ. Всѣ средства казались имъ хорошими, лишь-бы посѣять раздоръ: одинъ бретонскій дворянинъ публично развивалъ въ 1789 г. мысль о томъ, чтобы поднять, какъ онъ выразился, нижній слой третьяго сословія противъ верхняго.

Популярность, почти совершенно утраченная королемъ, возрождалась однако всякій разъ, когда онъ проявлялъ желаніе къ сближенію съ націей. 4-го февраля 1790 г., когда ему пришла счастливая мысль явиться въ собраніе и засвидѣтельствовать свою преданность новымъ учрежденіямъ, его встрѣтили съ изъясненіями восторга, охватившаго всю Францію. Было предложено отпраздновать завоеваніе свободы торжествомъ, на которомъ присутствовали-бы депутаціи отъ всей національной гвардіи и полковъ арміи.

Въ деревняхъ и многихъ городахъ устроены были союзы для защиты революціи. Были провинціальныя федераціи, были и такія, гдѣ въ союзъ вступало по нѣсколько провинцій. Со всѣхъ концовъ страны началось движеніе, дороги покрылись паломниками, встрѣчавшими по пути гостепріимство со стороны мѣстнаго населенія. Сборнымъ пунктомъ былъ Парижъ, столица революціи; назначенный день встрѣчи былъ 14 іюля—день годовщины взятія Бастиліи.

Парижъ разукрасился для пріема гостей. Онъ имѣетъ свой огромный салонъ подъ открытымъ небомъ, окрещенный именемъ Марсова Поля. Дво превращенія площади въ амфитеатръ, вмѣщающій четыреста тысячъ зрителей, нужно было расчистить средину площади и обнести ее насыпью. Наемныхъ рукъ не могло хватить на эту гигантскую работу. За нее взялись сами парижане: толпы ихъ стекались на работу. Ежедневно шестьдесятъ тысячъ землекоповъ орудовали лопатами, таскали корзины и возили тачки. Женщины и дѣти, старики и школьники,—всѣ участвовали въ общемъ трудѣ; сюртуки и блузы, шелковыя и ситцевыя платья трудились сообща. Ремесленники различныхъ

отраслей производства изящныхъ предметовъ спѣшили окончить дневной трудъ, чтобы удѣлить часть-другой на патріотическую работу. Сами приготовленія къ празднеству принимали видъ праздника: люди пѣли, плясали, вели дружескія бесѣды.

Наконецъ наступилъ торжественный день: король, члены собранія, сановники, — всѣ принесли гражданскую присягу на алтарь отечества. Не произошло ни малѣйшаго замѣшательства: никакія несчастныя случайности не нарушили всеобщей радости.

Въ Лондонѣ, въ Гамбургѣ, въ Голландіи происходили тоже празднества въ честь годовщины 14-го іюля.

Провозглашались тосты за прекращеніе національныхъ распрей.

Французская федерація переходила въ обще-европейскую.

ГЛАВА VI.

Отъ праздника федераціи до закрытія Учредительнаго собранія.

Свѣтлые дни продолжались однако не долго; они не могли нравиться людямъ, смотрѣвшимъ на революцію, какъ на несчастную случайность, или проклинавшимъ ее за нарушеніе законныхъ своихъ правъ. Эти люди не признавали союзниками ни тѣхъ, кто готовъ былъ довольствоваться достигнутымъ, ни тѣхъ, кто хотѣлъ идти впередъ. И борьба возобновилась съ удвоеннымъ ожесточеніемъ.

Газеты и памфлеты посыпались со стороны революціонеровъ. Выходили: «*Le point du jour*» («Разсвѣтъ»), — листокъ, основанный Бареромъ при открытіи генеральныхъ штатовъ, «*Le courrier de Provence*» («Провансальскій курьеръ»), изданіе Мирабо, «*Le courrier de Brabant*» («Брабантскій курьеръ») Камиля Демулена, «*L'ami du peuple*» («Другъ народа») и «*L'orateur du peuple*» («Народный ораторъ») Марата и Фредона, «*Les revolutions de Paris*» («Парижскія революціи»), самый распространенный изъ всѣхъ листовъ, изданіе Лустало, печатавшійся иногда въ 200,000 экземпляровъ. Органами роялистскаго лагеря служили: «*L'ami du roi*» («Другъ короля») аббата Рою, «*L'apocalypse*» («Апокалипсисъ»), «*Les actes des apôtres*» («Дѣянія апостоловъ») и «*Le journal des Halles*» («Газета рынка»).

Листки послѣдней партіи, превосходившіе грубымъ цинизмомъ революціонную прессу, широко оплачивались субсидіями изъ королевской шкатулки, о чемъ свидѣлствуютъ показанія двухъ министровъ: Монморена и Бертрана-де-Мольвиля. Послѣдній сообщаетъ также цифру расхода изъ того-же источника и на первыя схватки и взрывы ярости въ Учредительномъ со-

браніи. Замышляли пробудить въ революціи отвращеніе къ самой себѣ.

Клубы также размножались и поощряли Собраніе идти впередъ. Многіе изъ членовъ послѣдняго ихъ посѣщали, по крайней мѣрѣ депутаты крайняго направленія, и этимъ путемъ приходили въ соприкосновеніе съ національнымъ настроеніемъ. Въ клубахъ происходили дебаты по очереднымъ вопросамъ, которые въ Собраніе поступали уже въ подготовленномъ видѣ. У нѣкоторыхъ клубовъ были спеціальныя задачи, какъ-то: добиться свободы печати, уничтоженія права первородства и т. д.; другіе занимались общей политикой, во всей ея совокупности. Общество друзей конституціи, основанное въ Версалѣ подъ именемъ *Бретонскаго клуба* депутатами Бретани и переименованное въ *клубъ якобинцевъ* при перенесеніи его засѣданій въ Парижъ, имѣло въ департаментахъ много развѣтвленій. Клубъ этотъ занималъ помѣщеніе церкви бывшаго монастыря якобинцевъ въ улицѣ Сентъ-Оноре; засѣданія его происходили подъ мрачными и убогими сводами, среди старыхъ могильныхъ плитъ. И здѣсь-то раздавались рѣчи, нерѣдко переходившія въ дѣйствія на улицахъ Парижа. По мѣрѣ того какъ партіи расходились въ Учредительномъ собраніи, возникали расколы и у якобинцевъ. Роялисты конституціоннаго оттѣнка отдѣлились и открыли новый клубъ: *общество 1789 г.*, въ роскошномъ помѣщеніи, принадлежавшемъ ранѣе монахамъ фельянтинцамъ и соединенномъ непосредственно съ помѣщеніемъ Учредительнаго собранія длиннымъ корридормъ. Названіе *клубъ фельянтинцевъ* замѣнило скоро первоначальное наименованіе. Но департаменты остались вѣрны клубу якобинцевъ, руководимому честолюбивыми и дѣятельными людьми, между которыми самымъ честолюбивымъ и дѣятельнымъ былъ Робеспьеръ. По мѣрѣ того какъ жизнь потухала въ Собраніи, она прилиwała къ народнымъ клубамъ и по преимуществу къ самымъ рьянымъ, такъ что подъ конецъ многіе фельянтинцы вернулись снова въ свое старое якобинское гнѣздо.

Распри въ самомъ Собраніи принимали нерѣдко очень рѣзкій характеръ и приводили даже къ дуэлямъ между депутатами. Распавшееся на два враждебныхъ лагеря Собраніе раздѣлилось на группы, занимавшія опредѣленныя мѣста по правую и лѣвую

стороны президентскаго кресла; это раздѣленіе повторилось во всей остальной Франціи, и названія правой и лѣвой съ тѣхъ поръ остались навсегда за партіями для обозначенія двухъ мнѣній: приверженцевъ и противниковъ революціи.

Однако-же ретрограды не смѣли возвышать голосъ въ Собраніи: бывший членъ парламента Дюваль д'Эпремениль, за нѣсколько лѣтъ передъ тѣмъ такъ рѣзко вступившій въ оппозицію, попытался было однажды наивно предложить возвращеніе къ старому режиму, но его слова были встрѣчены взрывомъ хохота даже со стороны тѣхъ, кто въ душѣ соглашался съ нимъ. Это была просто выходка *enfant terrible*. Члены старыхъ парламентовъ, заявившіе первые требованіе о созывѣ генеральныхъ штатовъ, видя возникновеніе новаго судебного строя, опиравшагося на избирательное начало, ударились въ отчаянную реакцію. Они протестовали не только противъ распущенія парламентовъ, но и противъ всѣхъ «*постановленій мнимаго собранія*», злоупотребляющаго полномочіями и покушающагося на всѣ виды собственности». Нѣкоторые изъ этихъ протестовъ были заявлены публично, другіе сохранены втайнѣ; протестъ парижскаго парламента между прочимъ хранился у президента Розамбо, у котораго онъ былъ найденъ въ 1793 году.

Въ арміи несогласіе царствовало между офицерами, принадлежавшими почти поголовно къ дворянству и раздраженными реформами, и солдатами, преданными новому режиму и мало расположенными выносить строгое или оскорбительное обращеніе. Это вызвало много случаевъ нарушенія дисциплины. Самый извѣстный и печальный изъ нихъ произошелъ въ Нанси, въ августѣ 1790 г. Швейцарцы полка Шатовъ, недовольные хозяйственной частью полковаго управленія, потребовали отчета, въ чемъ получили грубый отказъ. Они взбунтовались; а подавленіе бунта сопровождалось большой жестокостью: двадцать-семь чело-вѣкъ были приговорены къ повѣшанію и сорокъ-одинъ—къ каторжнымъ работамъ. Это событіе глубоко потрясло и раздражило всю страну.

Декретъ, отмѣнявшій титулы, гербы и ливреи, хотя и состоялся по предложенію депутатовъ, принадлежавшихъ къ высшему дворянству, породилъ больше ссоръ и неудовольствій, чѣмъ отмѣна самихъ феодальныхъ привилегій: тщеславіе притязательнѣе личныхъ выгодъ.

Враждебность противъ новаго порядка однако ярче всего проявилась со стороны духовенства. Священники, подстрекаемые епископами, слова и зажигательныя посланія которыхъ они распространяли среди своихъ прихожанъ, обвиняли Собраніе въ намѣреніи уничтожить религію, громили проклятіями покушниковъ церковныхъ имуществъ, дискредитировали во имя неба ассигнаціи и проповѣдывали отказъ отъ платежа налоговъ. Исповѣдальни превращались въ очаги заговоровъ, съ церковной каѳедры проповѣдывалось возмущеніе. Церковь объявила войну революціи, и, чтобы это вполнѣ подтвердить, когда соединенными усиліями духовенства и дворянства удалось поднять западныя провинціи, контръ-революціонной арміи присвоено было характерическое наименованіе *католической и королевской*.

Агенты принцевъ и эмигрантовъ такъ и сновали на югѣ. По ихъ наущеніямъ тамъ образовалась армія яко-бы федеративная, но въ сущности бывшая ничѣмъ инымъ, какъ арміей контръ-революціи. Главной квартирой ея служилъ замокъ Жалесь въ Ардешѣ; новые крестоносцы носили на шляпахъ значекъ, заимствованный у южныхъ братствъ, и признавали вождемъ своимъ аббата. Они открыто говорили о намѣреніи двинуться на Нимъ, а съ цѣлью привлечь ліонцевъ на свою сторону обѣщали перевести въ ихъ городъ столицу возстановленнаго королевства, лишивъ Парижъ этого званія, въ наказаніе за его революціонное рвеніе.

Въ Парижѣ происки роялистовъ заставили народъ предположить, что въ Венсенѣ строится новая Бастилія для политическихъ преступниковъ. Толпа двинулась къ указанному мѣсту, но не нашла тамъ ничего, оправдывающаго опасенія. На обратномъ пути узнали, что много возвратившихся эмигрантовъ и дворянъ, вызванныхъ изъ провинцій, находятся въ Тюльери, куда ихъ тайно впустили. Національная гвардія поспѣшила туда и дѣйствительно застала тамъ множество переодѣтыхъ и вооруженныхъ людей, которыхъ безъ церемоніи немедленно прогнала. Эти лица говорили, что прибыли во дворецъ для защиты особы короля, но вѣроятноѣ то, что они тутъ находились для прикрытія его бѣгства. Народная молва дала имъ прозвище *рыцарей кинжала* (*chevaliers du poignard*). Бѣгство занимало

всѣ умы въ Тюльери. Роялисты понимали, что монархія Людовика XVI, павшая при отѣздѣ изъ Версаля, находилась въ плѣну въ Парижѣ. Но они ошибались жестоко, воображая, что король возвратитъ себѣ прежнюю власть, лишь только ему удастся переступить черту мятежнаго города. По ихъ мнѣнію слѣдовало препроводить короля за границу, чтобы, опираясь на иностранныя державы, онъ могъ оттуда продиктовать свою волю и возвратиться въ государство во всеоружіи власти.

Уже съ октября мѣсяца 1790 г. баронъ де-Бретейль, снабженный полномочіями для веденія переговоровъ съ вѣнскимъ дворомъ, заручился обѣщаніемъ внимательства со стороны послѣдняго *въ случаѣ возникновенія междоусобной войны*. «Буде окажется нужнымъ сжечь Парижъ,—говорилъ онъ,—его сожгутъ, а жителей его уничтожатъ. Противъ великаго зла нужны великія средства.» Людовикъ XVI позаботился очистить свою совѣсть заранѣе, препроводивъ на имя своего кузена, короля Испаніи, протестъ противъ всѣхъ декретовъ, которые онъ официально подпишетъ. Надѣли личину покорности, «чтобы усыпить Собраніе». Послѣднее выраженіе заимствовано изъ переписки шведскаго короля съ г. де-Булье. Смерть Мирабо ускорила рѣшенія двора; до этого момента полагались на его вліяніе, чтобы остановить революціонный потокъ.

Городъ Монмеди (небольшая крѣпость, лежащая въ двухъ лѣхъ отъ австрійской границы) былъ избранъ мѣстопребываніемъ короля на время предполагаемой экспедиціи. Де-Булье, начальствовавшій надъ войсками, расположенными въ Лотарингіи, командировалъ кавалерійскіе отряды вдоль всего пути, по которому долженъ былъ прослѣдовать король. Густавъ III, король шведскій, ожидалъ въ Спа извѣстій о побѣгѣ.

20-го іюня, около полуночи, король и его семья, всѣ перелѣтые, выѣхали въ большой каретѣ изъ Парижа. Только въ восемь часовъ утра слѣдующаго дня отѣздъ сталъ извѣстенъ. Собраніе поспѣшило открыть засѣданіе, призвало министровъ, предписало имъ продолжать вести дѣла и объявило, что декреты, которые появятся хотя-бы и безъ подписи короля, будутъ имѣть законную силу. Оно потребовало также къ себѣ интенданта королевскихъ расходовъ, которому была вручена Людовикомъ XVI объяснительная записка, полная укоровъ Собранію.

Въ этой запискѣ король отрекался отъ всего, имъ сдѣланнаго, отказывался отъ собственной подписи на актахъ, возмущался противъ ограниченія его власти и жаловался, забывая чувство собственного достоинства, на плохое состояніе своихъ апартаментовъ въ Тюльери и недостаточность суммы въ двадцать-пять милліоновъ, опредѣленной ему на содержаніе (*liste civile*), по его-же собственному желанію. Чтеніе этой записки не взволновало Собранія. Оно передало королевскую рукопись въ конституціонный комитетъ и спокойно перешло къ очереднымъ занятіямъ, принявъ только необходимыя мѣры для охраненія общественной безопасности. Сохраняя полное уваженіе къ принципу, имъ самимъ установленному, оно отказалось отъ чтенія частныхъ писемъ: одного, адресованнаго королемъ на имя интенданта, и другого, найденнаго толпой въ апартаментахъ королевы. Отданъ былъ уже приказъ о преслѣдованіи бѣжавшихъ, не взирая на то, что считали это почти бесполезнымъ, когда пришла вѣсть объ ихъ задержаніи.

Они были узнаны въ Сентъ-Менегу во время перемѣны лошадей. Сынъ почтмейстера, Друэ, обогнавъ ихъ, прискакалъ въ Вареннъ, гдѣ они должны были опять мѣнять лошадей, и предупредилъ муниципальных властей.

Король пытался сначала сбить съ толку людей, явившихся арестовать его, но это ему не удалось. Была минута, когда онъ надѣялся на солдатъ, выставленныхъ де-Буллье и выбранныхъ имъ лично, но тѣ отказались повиноваться офицерамъ, и Людовикъ XVI увидѣлъ себя окруженнымъ одними угрюмыми и сердитыми лицами солдатъ національной гвардіи.

Карету повернули, и короля отравили ѣхать обратно по дорогѣ къ Парижу въ сопровожденіи густой и враждебно-настроенной толпы. Въ Шалонѣ поѣздъ встрѣтили комиссары Собранія, присланные послѣднимъ для защиты королевской семьи во время путешествія. Парижане привѣтствовали короля гнѣвнымъ и строгимъ молчаніемъ. На торжественномъ допросѣ о причинахъ побѣга король объяснилъ его желаніемъ доказать свою свободу, необходимостью охранять на границѣ безопасность королевства отъ внѣшнихъ враговъ, ссылаясь на намѣреніе точнѣе узнать общественное мнѣніе и прибавилъ въ заключеніе, что такъ какъ теперь оно окончательно выяснилось въ его глазахъ, то онъ, не колеблясь, будетъ сообразоваться съ общей волей.

Этотъ побѣгъ къ непріятелю, эта неудачная попытка, обставленная такими подробностями, это возвращеніе на престолъ на условіяхъ, противъ которыхъ онъ только что успѣлъ заявить протестъ, окончательно уронили Людовика XVI передъ общественнымъ мнѣніемъ и возстановили противъ него населеніе. Къ тому-же во время отсутствія короля дѣла государственныя шли обычнымъ порядкомъ, спокойствіе не нарушалось; послѣ перваго минутнаго волненія все сгруппировалось вокругъ Собранія, и по примѣру его мѣстныя власти дѣйствовали твердо и благоразумно. Казалось, что легко обойтись безъ королевской власти, и вездѣ стали вычеркивать имя короля и разбивать его изображенія. Мысль о республикѣ озарила умы, и въ тотъ моментъ признаніе ея быть-можетъ встрѣтило-бы менѣе препятствій, чѣмъ это случилось позднѣе. «Всѣ взоры были обращены на Собраніе,—пишетъ одинъ изъ публицистовъ того времени:— «вотъ нашъ король, слышалось со всѣхъ сторонъ: Людовикъ XVI можетъ идти собѣ, куда ему угодно».

Эта временная диктатура, длившаяся нѣсколько дней, свято соблюдала всѣ законы страны.

Государственные люди не желали ареста Людовика XVI; его возвращеніе стѣсняло ихъ болѣе его отсутствія. Его пребываніе на границѣ, среди завѣдомыхъ враговъ революціи, создавало конечно опасность; но его присутствіе въ Парижѣ, во главѣ заговорщиковъ, было-ли безопаснѣе? Спокойствіе немыслимо въ странѣ, гдѣ глава исполнительной власти находится въ состояніи безпрерывной оппозиціи противъ существующихъ учрежденій.

Нельзя поэтому удивляться всеобщей нерѣшимости, послѣдовавшей за возвращеніемъ короля изъ Варенна и охватившей какъ крайнюю, такъ и умѣренную партіи. Пытались выдать бѣгство короля за похищеніе, наперекоръ собственнымъ его признаніямъ. Провозгласили неприкосновеннымъ того, кого держали въ плѣну, и всю вину свалили на Булье и второстепенныхъ его помощниковъ.

Но въ народной массѣ преобладали совершенно иныя впечатлѣнія: народъ чувствовалъ себя обманутымъ. Образъ дѣйствій короля до того оттолкнулъ отъ него сердца, что вскорѣ взаимныя отношенія короля и націи стали невыносимыми. Народъ ненавидитъ фальшь.

Вдобавокъ, если въ собраніи выходки Булье вызывали только смѣхъ, когда онъ грозилъ «не оставить въ Парижѣ камня на камнѣ, если упадетъ одинъ волосъ съ головы короля», то народъ вовсе не смѣялся, когда его называли «*людоудомъ, достойнымъ всемірнаго презрѣнія*», и грозили гнѣвомъ *всѣхъ королей*. Слово «низложеніе», произнесенное прессой и клубами, начало переходить изъ устъ въ уста. Собраніе ограничилось объявленіемъ «временнаго изыятія изъ рукъ Людовика XVI исполнительной власти до принятія имъ конституціи».

Тогда въ Парижѣ произошелъ взрывъ гнѣва. Толпа хлынула на Марсово Поле къ алтарю отечества, гигантскому помосту, остававшемуся на площади послѣ праздника федераціи, для подписанія петиціи къ Собранію, съ просьбою объ отмѣнѣ этого декрета и о провозглашеніи низложенія Людовика XVI, какъ слѣдствія его побѣга. •

Петиція была покрыта безчисленнымъ множествомъ подписей. На площади было многолюдно и шумно, но толпа состояла преимущественно изъ гуляющихъ и ихъ семействъ, такъ какъ день былъ воскресный, слѣдовательно посвященный досугу. Однако-же Собраніе и муниципальныя власти, вѣроятно ошибочно понявъ характеръ сборища, распорядились бить сборъ и вывесить въ окнахъ ратуши красное знамя, служившее объявленіемъ военнаго положенія.

Національная гвардія и регулярные полки двинулись на Марсово Поле и заняли позиціи. Внезапно въ нихъ полетѣли камни, брошенные изъ группы, въ которую вмѣшалось вѣроятно нѣсколько изъ тѣхъ негодяевъ, какіе всегда втираются въ каждое сборище для удовлетворенія своихъ алчныхъ или буйныхъ инстинктовъ. Національная гвардія дала залпъ на воздухъ, ради устрашенія, и дѣйствительно нагнала страхъ, не рани и не убивая никого. Но вслѣдъ затѣмъ регулярные отряды дали залпъ по безоружной и ни въ чемъ неповинной толпѣ, оставшейся на ступеняхъ помоста. Ступени обогрились кровью. Ни Балли, мэръ Парижа, ни Лафайетъ, командовавшій національной гвардіей, не отдавали приказа стрѣлять. Напротивъ, послѣдній круто повернулъ лошадь къ пушечнымъ жерламъ. Было-ли это страшное несчастіе слѣдствіемъ недоразумѣнія или преступленіемъ? Хотѣли-ли поразить воображеніе? Хотѣли-ли повторить трагедію,

разыгравшуюся въ Нанси, какъ это утверждаетъ одинъ очевидецъ, и компрометировать армию и народъ? Подобныя тайны никогда вполнѣ не выясняются. Достоверно лишь одно, что роялисты не скрывали своего желанія вызвать столкновение, которое погубило-бы популярность умѣренной и конституціонной партіи, и что это желаніе осуществилось. Память о событіи 17-го іюля 1791 г. привела Баля къ эшафоту, а Лафайета — къ изгнанію.

Уже до этого рокового дня въ Собраніи замѣчалось утомленіе; публика охладѣвала къ нему, и засѣданія его пустѣли. Жизнь перемѣстилась въ клубы и прессу. Разрушители, съ двухъ противоположныхъ сторонъ, какъ бы стремясь перегнать другъ друга, старались уронить въ общественномъ мнѣніи національное представительство. Выпустили оскорбительную книгу подъ заглавіемъ: «*Возвратите намъ наши восемнадцать франковъ*». Это былъ размѣръ вознагражденія, которое ежедневно получали депутаты. Къ этому недостойному орудію борьбы прибѣгали и въ болѣе близкое къ намъ время. Для того, чтобы обмануть народъ, очевидно во все эпохи существуютъ одни и тѣ-же средства.

Съ этого момента наступаетъ путаница: нити интриги перекрещиваются, заключаются и расторгаются самые невѣроятные союзы.

Вожаки реакціи сдѣлали послѣднюю попытку, удавшуюся, отчасти благодаря побоищу на Марсовомъ Полѣ, отчасти благодаря раздорамъ. Предстоялъ общій пересмотръ конституціи для введенія большаго порядка въ расположеніе ея параграфовъ и въ редакціонныхъ поправкахъ. Группа депутатовъ, состоявшая изъ смѣшанныхъ элементовъ: конституціонныхъ роялистовъ и простыхъ роялистовъ, хотѣла воспользоваться этимъ случаемъ для того, чтобы внести въ текстъ значительныя измѣненія въ пользу монархической власти. Энергическая оппозиція другой группы депутатовъ и заносчивая требовательность приверженцевъ стараго режима помѣшали полному успѣху этого парламентскаго заговора. Тѣмъ не менѣе основной демократическій характеръ закона сильно пострадалъ отъ этой передѣлки.

Редакціонная работа по составленію конституціи была окончена 3-го сентября, а десять дней спустя король согласился

утвердить ее, съ многознаменательной оговоркой: «Согласенъ, чтобы опытъ былъ ей судьей». Это рѣшеніе послѣдовало послѣ долгихъ колебаній и совѣщаній, на которыхъ австрійскій дипломатъ Кауницъ изъ осторожности, Мальзербъ, другъ Людовика XVI, изъ преданности, а Барнавъ и другіе конституціоналисты изъ убѣжденія подали совѣтъ за ея признаніе. *«Я рѣшился остаться въ Парижѣ»*, — сказалъ король депутаціи Собранія.

А въ перепискѣ съ братьями, перебравшимися удачнѣе его за границу, онъ опротестовалъ собственное согласіе; принцы опубликовали за-границей его протестъ.

Королева, въ свою очередь, только-что заявивъ депутатамъ, что раздѣляетъ преданность короля къ новымъ учрежденіямъ, обратилась къ приближеннымъ со словами:

«Люди эти не хотятъ болѣе государей. Они разносятъ зданіе монархіи камень за камнемъ.»

И она не ошиблась. Какъ представители общественнаго мнѣнія, депутаты при всякомъ удобномъ случаѣ повторяли, что верховная власть переходитъ къ народу.

Торжественное засѣданіе, на которомъ король долженъ былъ принести присягу, обрисовало лучше всего всю натянутость положенія. Церемоніймейстеръ распорядился поставить для короля кресло подъ балдахиномъ—но его заставили убрать и замѣнили простымъ кресломъ, одного образца съ кресломъ президента Собранія. Депутаты выслушали сидя слова Людовика XVI. «Ахъ,—сказалъ король по возвращеніи домой королевѣ,—вы присутствовали при моемъ униженіи.» Послѣдовали празднества, на которыхъ народъ веселился искренно и шумно. Считали революцію оконченной. Собраніе послѣшило сойти со сцены, на которой оно подвизалось втеченіи двухъ лѣтъ; роль его была сыграна. Печальный закатъ послѣ радостной утренней зари!

ГЛАВА VII.

Труды и дѣатели Учредительнаго собранія.

При составленіи своихъ программъ въ 1789 г. избиратели не имѣли намѣренія измѣнять образа правленія и соціальныхъ условій Франціи, а хотѣли только отмѣны злоупотребленій старой конституціей, страдавшей такой неопредѣленностью, что само существованіе ея составляетъ до сихъ поръ историческую гипотезу. Когда депутаты генеральныхъ штатовъ организовались въ Національное Собраніе, они тоже не задавались цѣлью низвергнуть монархію, а стремились лишь къ обновленію ея. Однако и тѣ, и другіе дѣйствовали подъ вліяніемъ философскихъ ученій, которыя неминуемо должны были привести къ этимъ результатамъ, — такъ велика власть идеи надъ умами, даже и тогда, когда она сознается ими смутно.

Учрежденія, основанныя первымъ національнымъ сеймомъ Франціи, естественно составляютъ родъ договора между обломками стараго, исчезавшаго общества и слабо сгруппированными элементами новаго. Поэтому неудивительно, если встрѣчаются въ нихъ бокъ о бокъ самыя противорѣчивыя принципы: божественное право въ лицѣ наследственной королевской власти и верховное право народа, проявившееся въ установленіи избирательнаго принципа для всѣхъ прочихъ должностей. На всѣхъ ступеняхъ политической лѣстницы законодательство допустило тотъ-же дуализмъ, а это придавало временной характеръ многимъ изъ его актовъ, несмотря на частыя ссылки на предвѣчные принципы справедливости.

Предпринятая съ чувствомъ искренняго увлеченія и съ радужными надеждами, конституція 91 года была дописана среди раздоровъ и разочарованій. Искаженная во многихъ подробностяхъ

редакторами, хотя послѣднимъ и не удалось внести въ нее преобладанія ретроградныхъ своихъ намѣреній, она никого вполнѣ не удовлетворила. Несмотря однако-же на непослѣдовательность, въ которой ее можно справедливо упрекнуть, она является внушительнымъ законодательнымъ памятникомъ.

Дадимъ краткій обзоръ ея содержанія.

На монархическомъ фундаментѣ создана цѣлая система гарантій противъ исполнительной власти, вызванныхъ недовѣріемъ къ Людовику XVI и его приближеннымъ. Такъ и чувствуется, что законодатели писали законъ, то оглядываясь на прошлое, возвращенія котораго они опасались, то всматриваясь въ будущее, которое они призывали.

«Исполнительная власть сосредоточивается исключительно въ рукахъ короля», — гласитъ конституція; но король царствуетъ лишь въ силу закона и только во имя его-же можетъ требовать повиновенія.

Ему принадлежитъ право выбирать министровъ; но онъ не можетъ брать ихъ ни изъ національнаго собранія, ни изъ кассационнаго суда — двухъ высшихъ учрежденій государства.

Ему принадлежитъ назначеніе дипломатическихъ агентовъ; онъ-же раздаетъ высшіе чины въ арміи и часть остальныхъ чиновъ, сообразуясь съ закономъ о повышеніи; по судебному вѣдомству ему принадлежитъ право назначенія комиссаровъ, на обязанности которыхъ лежитъ только наблюденіе за исполненіемъ закона и приговоровъ. Судьи и прокуроры избираются лишь на опредѣленный срокъ.

Касательно мѣстныхъ административныхъ органовъ, избираемыхъ населеніемъ, королю предоставляется лишь право отрѣшенія ихъ отъ должности въ важныхъ случаяхъ, съ условіемъ сообщенія о томъ Законодательному Корпусу, имѣющему право отмѣнить отрѣшеніе, утвердить его или-же предать обвиняемаго уголовному суду.

Законодательное собраніе, не ожидая созванія, возобновляетъ ежегодно свои сессіи и закрываетъ ихъ по своему усмотрѣнію. Король имѣетъ также право созывать его, когда признаетъ, что благо государства того требуетъ, но права распускать Собраніе онъ не имѣетъ. Составъ Собранія возобновляется черезъ каждые два года.

Король не можетъ отказывать въ своемъ согласіи декретамъ и въ крайнемъ случаѣ отказъ его—только отсрочка. Если законопроектъ пройдетъ черезъ три законодательныя сессіи, королевская санкція становится обязательной.

Случаи, когда король считается отрекшимся отъ престола, предусматриваются закономъ; ихъ три: если король не присягнетъ конституціи или отречется отъ принесенной присяги; если онъ станетъ во главѣ арміи съ цѣлью направить силы ея противъ своего отечества или-же не воспротивится формальнымъ образомъ противъ подобнаго начинанія; если, удалившись изъ королевства, онъ не возвратится въ него по приглашенію Законодательнаго Корпуса.

Выборы происходятъ въ слѣдующемъ порядкѣ: въ собраніяхъ низшаго разряда участвуютъ всѣ *активные граждане*; подъ этимъ названіемъ подразумѣваются всѣ подданные страны, достигшіе 25-ти-лѣтняго возраста и платящіе прямой налогъ въ размѣрѣ, равняющемся суммѣ трехдневной заработной платы.

(Декретомъ разрѣшалась мѣстнымъ властямъ оцѣнка рабочего дня ниже 30 коп.)

Собранія низшаго разряда назначаютъ изъ среды своей по одному избирателю на сто человѣкъ активныхъ гражданъ, а эти избиратели въ свою очередь избираютъ депутатовъ. Кандидаты на званіе депутата не подчинены никакимъ особеннымъ условіямъ избираемости.

Республиканцы требовали поголовной подачи голосовъ; ихъ желаніе почти осуществилось, такъ какъ право голосованія распространялось на три или четыре милліона гражданъ. Однако слѣдуетъ признать, что, раздѣляя французовъ на избирательныя категоріи, собраніе измѣняло провозглашенному имъ принципу равенства и открывало путь ограничительнымъ законамъ, которые вплоть до 1848 г. превращали избирательное право въ монополію.

На Законодательный Корпусъ возлагается обязанность предлагать и издавать законы; онъ-же опредѣляетъ размѣръ налоговъ, распредѣляетъ и контролируетъ употребленіе государственныхъ доходовъ; устанавливаетъ способы вербовки арміи и опредѣляетъ численный ея составъ, передаетъ суду, буде явится необходимость, министровъ и высшихъ агентовъ исполнительной

власти; законодательнымъ путемъ устанавливаетъ знаки отличія, предназначаемые для награды личныхъ заслугъ гражданъ, и ему одному принадлежитъ право присужденія общественныхъ почестей памяти великихъ людей. Онъ рѣшаетъ вопросы войны и мира; ему принадлежитъ ратификація мирныхъ, союзныхъ и торговыхъ трактатовъ.

Конституція не можетъ быть признана неизмѣняемой, но пересмотръ ея допускается лишь въ силу постановленія, прошедшаго черезъ три сессіи.

Конституціонная хартія начинается съ *декларации правъ человека и гражданина*, съ цѣлью «постояннаго напominанія о ней гражданамъ, дабы требованія ихъ всегда опирались на неизблѣнные принципы и направлены были къ охраненію закона и ко всеобщему благу».

Грегюаръ предлагалъ присовокупить къ этому *декларацию обязанностей*, что было-бы совершенно разумно: когда люди являются съ требованіемъ какихъ-либо правъ, необходимо, чтобы общество могло задать имъ вопросъ: какія обязанности исполняете вы относительно меня?

Вспоминая условія, при какихъ разрабатывалась конституція, нельзя удивляться, что она начинается съ проклятія прошлому. Первоначальный набросокъ ея былъ внесенъ въ собраніе Лафайетомъ 11-го іюля 1789 г. за три дня до взятія Бастиліи и сообщенъ королю 1-го октября, въ день пресловутаго банкета, на которомъ нанесено было оскорбленіе національнымъ цвѣтамъ новой Франціи. Собраніе провозглашало права народа въ моментъ, когда эти права подвергались презрительному отрицанію. Впрочемъ декларация и декреты Учредительнаго собранія представляютъ собою не болѣе, какъ сводъ желаній, изложенныхъ въ программахъ депутатовъ, а желанія эти являются въ свою очередь лишь отголоскомъ философіи восемнадцатаго столѣтія, на которой воспитался французскій народъ.

Итакъ, прежде всего честь за совершенное принадлежитъ внушеніямъ философіи; ей обязаны французы своей новой уголовной теоріей и реформой тюремной системы, бывшей ея послѣдствіемъ: осужденный переставалъ считаться проклятымъ, и тюрьма естественно должна была превратиться изъ застѣнка въ исправительное учрежденіе. Ей-же они обязаны эмансипаціей

евреевъ и освобожденіемъ негровъ, такъ какъ философія замѣнила догматъ мистическаго братства людей провозглашеніемъ ихъ реальнаго равенства. То-же вліяніе руководило усиліями революціи организовать народное образованіе и изъ простаго дѣла благотворительности превратить его въ предметъ попеченій государства; требованія образованія для женщинъ, заявленныя въ первомъ собраніи, имѣли тотъ-же источникъ.

Много разъ повторялось мнѣніе, что революціонныя собранія, измѣнивъ политическій строй Франціи, не коснулись соціальныхъ условій ея жизни. Это большое заблужденіе.

Ограничиваясь разборомъ дѣятельности Учредительнаго собранія, мы уже встрѣчаемъ опроверженіе этого взгляда.

Уничтожая привилегіи рожденія въ государствѣ и семьѣ, объявляя равенство гражданъ передъ закономъ и равенство дѣтей въ семьѣ, развѣ Учредительное собраніе не измѣняло положенія лица въ обществѣ?

Отмѣняя феодальныя права и податныя льготы, рѣшая, что почетныя и доходныя мѣста и должности перестаютъ быть наслѣдственной привилегіей, развѣ собраніе не измѣнило условій собственности?

Замѣняя монополіи корпорацій и ремесленныхъ союзовъ свободой торговли и промышленности, развѣ оно не измѣняло условій труда?

Крайне несправедливо было-бы видѣть только политическую революцію въ томъ, что одновременно и очень осязательно было соціальной реформой. Мы утверждаемъ даже, что послѣдняя была существеннѣе первой, такъ какъ никакая реакція не могла уже поколебать ее, между тѣмъ какъ Франція утратила многія изъ своихъ политическихъ вольностей.

Даже при старомъ режимѣ, несмотря на всѣ его путы, соціальное развитіе мало-по-малу двигалось впередъ, такъ какъ не существуетъ эпохи, когда-бы прогрессъ вполнѣ останавливался. Собственность дробилась, налоги становились равномѣрнѣе, а третье сословіе даже значительно шагнуло впередъ: въ его средѣ практиковались уже раздѣлы отцовскаго и материнскаго наслѣдства между дѣтьми и общность имущества, прибрѣтеннаго супругами. Въ этомъ отношеніи третье сословіе далеко опередило дворянство. Не подлежитъ сомнѣнію однако, что по-

требовалось-бы много лѣтъ при обычномъ ходѣ дѣлъ для завершенія того фазиса развитія, какого Франція достигла сразу посредствомъ политической эмансипаціи.

«Ни одна крупная революція не совершилась съ меньшимъ пролитіемъ крови и слезъ»,—сказалъ одинъ роялистъ въ 1791 г. Если надежды, выраженные въ этихъ словахъ, не сбылись, то причину этого слѣдуетъ прежде всего искать въ безумномъ упорствѣ, встрѣченномъ осуществленіемъ принциповъ, съ которыми всѣ повидимому сначала соглашались. А затѣмъ главная причина лежитъ въ гибельномъ вмѣшательствѣ иностранныхъ державъ,—вмѣшательствѣ тѣмъ болѣе преступномъ, что Учредительное собраніе торжественно заявило отъ имени французскаго народа, что отказывается отъ войнъ съ завоевательными цѣлями. Это обѣщаніе, свято сохраненное республикой, содержитъ зародышъ мира и международныхъ союзовъ, которыми увѣнчается вся наша цивилизація.

Окончивъ оцѣнку задачи, исполненной Учредительнымъ собраніемъ, нельзя обойти молчаніемъ людей, трудившихся надъ нею; обязательно перечислить хотя-бы имена всѣхъ участниковъ, многіе изъ которыхъ пропущены въ нашемъ бѣгломъ очеркѣ. Каждый вправѣ задать себѣ вопросъ о судьбѣ людей, начавшихъ революцію.

Мирабо, котораго приходится всегда называть первымъ, умеръ рано и въ полномъ ореолѣ славы, что быть-можетъ случилось къ его счастью, потому что трудно представить себѣ роль, какая выпала-бы ему на долю поздиѣе.

Ноаль и Монморанси, два аристократа, участвовавшіе въ американской экспедиціи и бравшіе на себя починъ по многимъ важнымъ вопросамъ въ первый періодъ революціи, пережили эпоху ея катастрофъ. Послѣдній изъ нихъ окончилъ свое поприще покаяніемъ въ убѣжденіяхъ молодости.

Талейранъ не ограничился однимъ отреченіемъ. Этотъ человѣкъ не способенъ привлечь къ себѣ симпатіи честныхъ людей. Но безпристрастіе требуетъ, чтобы имя его было названо въ связи съ первыми трудами Учредительнаго собранія по народному образованію и декретами о передачѣ церковныхъ имуществъ въ собственность націи.

Ларошфуко-Ліанкуръ, преданный королю въ силу личной

привязанности и народу изъ филантропіи, оставался до конца вѣренъ этому двойственному чувству.

Лафайетъ и Балли, опереженные демократическими стремленіями, честно подали въ отставку: первый — отъ занимаемой имъ должности начальника національной гвардіи, второй — отъ мѣста мэра Парижа.

Богарне и Биронъ, впоследствии республиканскіе генералы, пали оба, по крайней мѣрѣ такъ увѣряютъ, жертвой мести своего сословія, отъ котораго отреклись. Лепельтье Сень-Фаржо, также республиканецъ изъ аристократовъ, погибъ отъ руки гвардейца. Барнавъ, Шапелье, Дюпоръ, Мунъ, Лалли-Толяндаль и Малуэ были созданы для того, чтобы блистать на парламентской аренѣ. Два первые погибли въ водоворотѣ революціи, третій умеръ въ ссылкѣ, а остальные, пережившіе ихъ, не отреклись отъ своего прошлаго.

Вольней, Гара и Траси остались до конца тѣмъ, чѣмъ были, то есть смѣлыми мыслителями и осторожными дѣятелями. Имъ посчастливилось пережить нѣсколько режимовъ, не отрекаясь отъ любви къ свободѣ, почерпнутой въ изученіи философіи, науки и словесности.

Турэ сдѣлался президентомъ, а Бареръ — членомъ новаго кассационнаго суда.

Робеспьеръ по выходѣ изъ Учредительнаго собранія принялъ главенство надъ якобинцами. Петіонъ замѣнилъ Балли въ должности мэра Парижа: дворъ заставилъ своихъ приверженцевъ подать голосъ за него, съ цѣлью во что-бы то ни стало отстранить Лафайета отъ вліятельной должности, на которую его прочли избиратели умѣреннаго оттѣнка. Грегуаръ занялъ мѣсто епископа въ Блуа, по выбору населенія. Сіэсъ самъ добровольно устранился до новаго появленія своего на политической сценѣ.

За немногими исключеніями, всѣ эти дѣятели различныхъ оттѣнковъ остались вѣрны избранному ими пути. Они обладали вѣрой. Рядомъ съ ними въ собраніи засѣдали граждане менѣе извѣстные, но просвѣщенные, трудолюбивые, благонамѣренные, голоса которыхъ часто давали перевѣсъ мудрымъ рѣшеніямъ.

Мы не встрѣчаемъ въ рядахъ членовъ Законодательнаго собранія ни одного имени, принадлежащаго къ составу Учредительнаго: послѣднее само закрыло двери новаго учрежденія

своимъ членамъ. Это самоотверженное рѣшеніе, предложенное Робеспьеромъ, намѣревающимся перенести очагъ дѣятельности въ другія сферы, было принято почти единогласно и при рукоплесканіи членовъ. Публика трибунъ хранила смущенное молчаніе и колебалась: она чувствовала, что удаленіе отъ дѣятельности законодателей, испытанныхъ на дѣлѣ, работавшихъ на глазахъ у всѣхъ, обрекаетъ будущее страны всѣмъ случайностямъ революціонныхъ страстей. Но съ другой стороны дѣятельность Собранія за послѣдніе мѣсяцы такъ мало удовлетворяла горячихъ приверженцевъ прогресса, что случайность внушала имъ болѣе надеждъ, чѣмъ истощенная и неустойчивая традиція.

Учредительное собраніе засѣдало въ послѣдній разъ 30-го сентября 1791 г. Открытіе Законодательнаго собранія послѣдовало 1-го октября; въ парламентской жизни не произошло перерыва даже на одинъ день.

«Воля вашихъ согражданъ собрала васъ со всѣхъ концовъ государства въ національный конгрессъ, — сказалъ Грегуаръ новымъ депутатамъ, обращаясь къ нимъ съ рѣчью отъ имени *друзей конституціи*. — Наступила пора для основателей юной Франціи передать вамъ бразды правленія, начинавшія ослабѣвать въ ихъ рукахъ. Нѣкоторые изъ насъ еще шли бодрымъ шагомъ, но очень многіе уже еле тащились и частыя паденія свидѣтельствовали объ истощеніи, о безсиліи, а иногда и о продажности. Встревоженная и уязвленная свобода простираетъ къ вамъ руки. Взоры двадцати-пяти милліоновъ гражданъ обращены на васъ. Всѣ надѣются, что вы упрочите наши начинанія. Привѣтъ нашимъ преемникамъ!»

ЗАКОНОДАТЕЛЬНОЕ СОБРАНІЕ.

ГЛАВА I.

Физиономія собранія. Первыя столкновенія съ дворомъ.

Въ первоначальномъ составѣ Учредительнаго собранія партія демократическая или крайняя лѣвая была такъ малочисленна, что Мирабо могъ обратиться къ ней однажды съ презрительнымъ возгласомъ: «Замолчите, тридцать!» Но она быстро усиливалась подъ вліяніемъ общественнаго мнѣнія, и ей Франція обязана тѣмъ, что пересмотръ конституціи не превратился въ контръ-революцію.

Въ Законодательномъ собраніи эта партія была уже не ничтожной горстью людей, а составляла большинство. Реакція, по крайней мѣрѣ открыто, не имѣла даже въ ней представителей, правая сторона состояла изъ приверженцевъ ограниченной монархіи, признавшихъ принципы 1789 г. и называвшихъ себя конституціоналистами; на лѣвой появилась новая партія съ искренними республиканскими стремленіями, но понимавшая республиканскія начала съ точки зрѣнія черезчуръ книжной. Въ партіи этой было много рвенія, много мужества, но и много театральной рисовки; окрещена она была именемъ жирондистовъ, потому что самые выдающіеся изъ членовъ ея были уроженцами Жиронды. Собраніе слѣдовательно дѣлилось на партіи, соотвѣтствующія тѣмъ, на какія распадалось Учредительное собраніе. Измѣнилось лишь численное соотношеніе партій: перевѣсъ оказался на сторонѣ демократической партіи.

Центръ состоялъ, какъ и во всѣхъ собраніяхъ, изъ консерваторовъ,—людей, стоящихъ за существующее, безъ политическихъ пристрастій и безъ опредѣленныхъ убѣжденій; многіе изъ нихъ были людьми почтенными, даже стойкими и въ высшей степени *полезными*, но большинство все-таки способно было подчиняться всякимъ вліяніямъ; особенно подъ давленіемъ страха оно могло переходить отъ робости къ ярости и готово было преклонить колѣна передъ побѣдителемъ и растерзать побѣжденнаго.

Избиратели, въ силу легко объяснимаго недовѣрія, систематически устранили кандидатовъ, принадлежавшихъ къ бывшимъ привилегированнымъ классамъ. Съ другой стороны члены Учредительнаго собранія сами закрыли себѣ доступъ къ кандидатурѣ; Франціи пришлось отыскивать второе поколѣніе законодателей и ораторовъ. И они нашлись. Нельзя не изумляться плодovitости страны, едва пригрѣтой лучами свободы.

Законодательное собраніе насчитывало въ своихъ рядахъ массу юристовъ: изъ 750 членовъ 400 принадлежали къ этому званію. Эта профессія была въ то время почти единственной средой, соприкасавшейся съ политикой. Остальные члены были ученые, писатели и должностныя лица не высокаго чина: Верньо, Гадэ, Жансонсэ были адвокаты съ хорошей репутаціей; Ламуреттъ и Клодъ Фоме — провинціальныя конституціонныя епископы; Приёръ (депутатъ Котъ-д'Ора) и братья Карно—капитаны инженернаго вѣдомства, служившіе съ отличіемъ, Пнарь и Дюко—уважаемые негоціанты. Все это были люди, извѣстные своей преданностью новымъ идеямъ. За исключеніемъ академика Кондорсэ и публициста Бриссо, не многіе изъ нихъ имѣли случай выказать ранѣе свои дарованія публично, на широкой аренѣ.

На правой тоже засѣдали люди, пользовавшіеся хорошей репутаціей, но мало извѣстные. Главные изъ нихъ были: Матьё Дюма, участвовавшій въ американской экспедиціи, Станиславъ Жирарденъ, ученикъ Ж.-Ж. Руссо, натуралистъ Рамонъ, Пасторэ и Вобланъ.

Учредительному собранію не пришлось прибѣгнуть къ мѣрамъ устрашенія, чтобы доставить побѣду теоретическимъ принципамъ, соотвѣтствовавшимъ требованіямъ народной совѣсти. Но слѣдовало предвидѣть, что примѣненіе этихъ прин-

циповъ въ жизни, затрогивая интересы многихъ, вызоветъ оппозицію. Слѣдовало въ особенности опасаться столкновѣнія съ иностранными державами. 89 годъ засталъ Европу въ условіяхъ, созданныхъ Вестфальскимъ договоромъ. Заявленіе новаго принципа о народовластіи передъ лицомъ Европы равнялось объявленію войны старому строю,—войны отвлеченной, правда, но можно было предвидѣть, что она кончится пушечными выстрѣлами.

Между тѣмъ Учредительное собраніе не приняло никакихъ мѣръ предосторожности противъ этой случайности. Оно оставило своимъ преемникамъ великія опасности въ наслѣдство. Послѣдніе-же мало знали почву, на которую вступали; они мало знали и другъ друга. Они очутились лицомъ къ лицу съ исполнительной властью, находившейся въ стачкѣ съ врагами революціи, и не имѣли въ рукахъ другого оружія, кромѣ пробной конституціи, полной пробѣловъ и противорѣчій.

Конституція эта, далеко не соотвѣтствовавшая ни желаніямъ революціонеровъ, ни требованіямъ минуты, опиралась однако на либеральныя начала, о чемъ свидѣтельствовало противодѣйствіе, оказанное ей всѣми представителями стараго строя въ самой Франціи и остальной Европѣ. Когда конституціонная хартія, снабженная санкціей короля, была сообщена иностраннымъ кабинетамъ, то одни изъ нихъ промолчали, другіе дали уклончивые отвѣты или просто ограничивались заявленіемъ о полученіи ея. Шведскій король Густавъ провозгласилъ, что не считаетъ Людовика XVI свободнымъ въ его поступкахъ; Испанія высказала то-же мнѣніе. И дѣйствительно Людовикъ XVI въ частной перепискѣ протестовалъ противъ официальныхъ своихъ заявленій. Мы уже ранѣе дали характеристику конституціи: она вся была проникнута недовѣріемъ къ королю. Каждый изъ ея параграфовъ казался личностью противъ него. Поэтому было вполнѣ естественно, что онъ относился къ ней враждебно, но лицемѣрія и лжи ни въ какомъ случаѣ одобрить нельзя.

Большинство Учредительнаго собранія, вполнѣ сознавая ответственное свое положеніе, искренно хотѣло выполнить свою задачу, состоявшую въ введеніи въ дѣйствіе конституціи; въ виду этого оно пыталось поднять ее въ общественномъ мнѣніи, обставивъ присягу депутатовъ религіозной обрядностью: почет-

ная депутація сопровождала архивариуса Камю, несшаго торжественно книгу новаго уложенія. Роялистскіе листки осмѣяли эту церемонію.

Первое соприкосновеніе депутатовъ съ дворомъ обнаружило глубину взаимной непріязни и невозможность совмѣстной дѣятельности. Съ одной стороны замѣчалось презрительное пренебреженіе, съ другой—раздраженіе уязвленного самолюбія. Людовикъ XVI заставилъ долго ждать въ пріемной депутацію, присланную сообщить ему объ открытіи законодательнаго собранія; собраніе отвѣтило на эту невѣжливость декретомъ, отмѣнявшимъ титулы короля: *sire* и *majesté* (*государь* и *ваше величество*). Но затѣмъ, опомнясь, собраніе устыдилось своей запальчивости и взяло декретъ назадъ. Пріемъ, оказанный Людовику XVI, когда онъ явился для открытія сессіи, былъ вполне приличный.

Но вслѣдъ за первой стычкой, устранившей возможность спокойныхъ отношеній, произошли вскорѣ и болѣе серьезныя столкновенія. Когда-же стали извѣстны цѣли эмигрантовъ и сношенія съ ними двора, послѣдовалъ окончательный и безповоротный разрывъ.

Цѣль-же эмигрантовъ была ясна. Въ манифестѣ говорилось о «возвращеніи королевской власти ея древнихъ и незабываемыхъ правъ».

На границѣ, на территоріи, окрещенной именемъ «внѣшней Франціи», въ Кобленцѣ, происходили многочисленныя сборища самаго воинственнаго характера; тамъ были устроены склады оружія и происходили военныя ученія. Эти сборища состояли главнымъ образомъ изъ дворянъ, дезертировъ-офицеровъ и молодыхъ священниковъ, превращенныхъ въ солдатъ.

Отсюда велись сношенія съ департаментами и отправлялись эмиссары для подстрекательства къ эмиграціи, принявшей характеръ моды въ дворянской средѣ. Дворянамъ, медлившимъ слѣдовать ей, посылали веретѣна, въ знакъ посрамленія, а простолюдинамъ за участіе въ монархическомъ крестовомъ походѣ сулили дворянство; но этимъ не ограничивались: на отечество натравливали иностранныя державы и указывали имъ пункты, удобныя для вторженія. Наказать во что-бы то ни стало мятежный народъ—таковъ былъ лозунгъ дня.

Собрание обратилось къ главѣ эмигрантовъ, графу Прованскому, брату короля (царствовавшему впоследствии подъ именемъ Людовика XVIII), съ декретомъ, требовавшимъ его возвращенія во Францію не позднѣе двухмѣсячнаго срока подъ угрозою утраты правъ на регентство. Людовикъ XVI облекъ своей санкціей декретъ и написалъ братьямъ оффиціальное письмо, уговаривая ихъ возвратиться. Братья отвѣчали иронически, что они признаютъ его какъ-бы находящимся въ плѣну и не послѣдуютъ его приглашенію. Что-же касается до требованія собранія, то на него они отвѣчали оскорбительнымъ посланіемъ. Правда, что Людовикъ XVI подъ рукою посылалъ сказать имъ, чтобы они не впали въ заблужденіе и «не повѣрили, чтобы онъ предпочелъ имъ гнусныхъ негодяевъ помощи близкихъ родственниковъ и вѣрныхъ слугъ».

Не забудемъ упомянуть для полноты картины, что вѣрные слуги, получавшіе тайныя субсидіи изъ королевской шкатулки и дѣлавшіе займы отъ имени французскаго короля, не щадили его особы; его слабости служили мишенью для очень дерзкихъ шутокъ. Вѣрные эти слуги замыслили вырвать власть изъ его рукъ и передать ее королевѣ.

Въ лагерѣ эмигрантовъ царствовали раздоры; первые выходцы обращались надменно съ вновь прибывшими, а тѣмъ, кто принималъ ранѣе какое-либо участіе въ реформахъ, выказывали просто ненависть. Помимо розни, основанной на различіи политическихъ убѣжденій, высшее дворянство вообще плохо ладило съ мелкопомѣстнымъ, а чиновники—съ военными. Они сходились лишь въ одномъ: въ ненависти къ новой Франціи. «Это—странствующій версальскій дворъ», писалъ Дюмурье объ эмигрантахъ.

Въ именныхъ спискахъ эмигрантовъ насчитывалось до 150.000 семействъ. Но дѣйствительная численность ихъ, какъ кажется, не превышала 80.000, изъ которыхъ 36.000 принадлежали духовному званію.

Священники, отказавшіеся отъ гражданской присяги, вели внутри страны систематическую борьбу противъ распоряженій Собранія. У нѣкоторыхъ изъ нихъ найдены при обыскахъ инструкціи, въ которыхъ запрещается служить обѣдни въ конституціонныхъ церквахъ, предписывается вести секретные списки

крещеній, свадебъ и похоронъ вѣрныхъ католиковъ, считать вѣнчанья, совершенныя присягнувшими священниками, недѣйствительными, а дѣтей, рожденныхъ въ подобномъ бракѣ,— обреченными небесной карѣ. Устрашая такими средствами робкихъ людей, духовенство нарушало семейный миръ. Переходя отъ религіозной ненависти къ ненависти политической, неприягнувшее духовенство проповѣдывало неповиновеніе новымъ властямъ и за-одно съ агентами эмиграціи подстрекало къ междоусобной войнѣ. Вліяніе его распространялось преимущественно на западные и южные департаменты. Вслѣдъ за жалобами на небывалыя притѣсненія, оно такъ назойливо принялось бросать вызовы революціонной власти, что вызвало дѣйствительныя преслѣдованія. На первый разъ Собраніе ограничилось требованіемъ гражданской присяги отъ всѣхъ лицъ духовнаго званія; упорствовавшихъ въ отказѣ оно лишило пенсій, а тѣмъ, кто принималъ участіе въ агитаціи, пригрозило административнымъ удаленіемъ изъ мѣста жительства и арестомъ. Людовикъ XVI отказался утвердить декретъ.

Собраніе пригласило короля обратиться съ энергическимъ продостереженіемъ къ нѣмецкимъ владѣтельнымъ князьямъ, на территоріи которыхъ происходили приготовленія, угрожавшія спокойствію Франціи. Послѣ двухнедѣльнаго молчанія король явился лично для сообщенія Собранію, что онъ просилъ германскаго императора о посредничествѣ и что въ случаѣ безуспѣшности этого шага онъ намѣренъ объявить войну. Рѣчь свою онъ заключилъ горячими увѣреніями въ искренней преданности конституціи. «Глубоко сознаю, сказалъ онъ, какое счастье быть королемъ свободной націи». Вслѣдъ за сообщеніемъ военнаго министра, что сто пятьдесятъ тысячъ солдатъ будутъ двинуты на Рейнъ, раздѣленные на три арміи подъ начальствомъ генерала Лафайета и маршаловъ Люкнера и Рошамбо, Собраніе постановило ассигновать дополнительный кредитъ въ двадцать милліоновъ на военные расходы.

Но всѣ эти мѣры не оказали никакого вліянія на образъ дѣйствій эмиграціи. Военный министръ (постъ этотъ занималъ Люи-Нарбоннъ, пользовавшійся поддержкой жирондистовъ) явился вскорѣ въ Собраніе съ извѣстіемъ о побѣгѣ за границу тысячи девятисотъ офицеровъ. Морской министръ Бертранъ-де-Моль-

вилль, болѣе близкій къ двору, скрывалъ цифру многочисленныхъ побѣговъ изъ флота, въ которомъ преобладалъ дворянскій элементъ. Эмигранты вооружались подѣ начальствомъ принца Кондэ. Виконтъ Мирабо, братъ знаменитаго оратора, сформировалъ отрядъ въ шестьсотъ человѣкъ подѣ именемъ *черной армии*. Дѣлались попытки подкупа комендантовъ пограничныхъ крѣпостей. Оскорбляли французовъ, прославившихся своими революціонными убѣжденіями, и національные цвѣта.

Терпѣніе Собранія лопнуло. Король и его приближенные перестали быть въ его глазахъ простыми политическими противниками, — это были уже враги отечества.

Пользуясь тѣмъ, что конституціей не требовалось санкціи короля для декретовъ о привлеченіи къ суду, оно издало такой декретъ противъ братьевъ короля, принца Кондэ, виконта де-Мирабо и другихъ. Графъ Прованскій былъ объявленъ лишеннымъ права на регентство. На имущества эмигрантовъ наложили секвестръ, а доходы съ нихъ опредѣлили собирать въ пользу государства, для возмѣщенія военныхъ издержекъ. Король на этотъ разъ не рѣшился оказать сопротивленіе.

ГЛАВА II.

Вопросъ о войнѣ.—Начало непріязненныхъ дѣйствій.

Открывая собраніе 7-го октября, Людовикъ XVI въ своей рѣчи расточалъ увѣренія о продолжительности мира, словно ничего не зналъ о коалиціи, составленной его братьями противъ Франціи, не стѣсняясь даже присутствіемъ графа д'Артуа, бывшаго въ то время въ Парижѣ. Между тѣмъ 27-го августа въ замкѣ Пильницъ, близъ Дрездена, императоромъ Леопольдомъ и королемъ Вильгельмомъ была подписана декларація, гласившая, что «интересы короля Франціи солидарны съ интересами всѣхъ вѣнценосцевъ Европы, и что послѣдніе примутъ всѣ зависящія отъ нихъ мѣры для оказанія содѣйствія ему въ дѣлѣ упроченія его правленія на монархическихъ основахъ, приличествующихъ правамъ престоловъ и благоденствію французской націи».

Секретными нараграфами договора предоставлялось подписавшимъ его сторонамъ право располагать судьбою Польши, также только-что совершившей свою революцію (1791 г.).

Угрозы коалиціи однако не были немедленно приведены въ исполненіе: чувство осторожности сдерживало гнѣвъ; но это была не болѣе какъ отсрочка, такъ какъ каждое изъ правительствъ имѣло еще свои частныя причины желать войны.

Габсбурговъ и испанскихъ Бурбоновъ воодушевляло желаніе выручить своихъ вѣнценосныхъ родственниковъ и отомстить за нихъ. Въ Англіи кормило правленія находилось въ рукахъ перваго министра, служившаго воплощеніемъ старой національной вражды, подогрѣтой еще американскими событіями. Россія и Пруссія выжидали лишь случая, чтобы справиться съ Польшей. Шведскій король Густавъ, самый самоотверженный и самый горячій сторонникъ солидарности монарховъ, спѣшилъ основать «*сѣверную лигу*» противъ революціи. Гордясь удачей, давшей ему возможность однимъ ударомъ возстановить

свою неограниченную власть, онъ увѣрялъ, что достаточно было бы одной кавалерійской атаки, чтобы разсѣять толпу, осаждавшую Бастилію.

Мадридъ, Стокгольмъ и С.-Петербургъ отозвали своихъ посланниковъ, а мелкіе нѣмецкіе владѣтельные князья, покровительствовавшіе эмигрантамъ, въ свою очередь находились подъ защитой войскъ германскаго императора. Слѣдовало-ли Франціи выжидать нападенія, пока ея врагамъ не вздумалось-бы совершить его, или-же предупредить его однимъ изъ тѣхъ быстрыхъ натисковъ, которые почти всегда удаются націямъ, находящимся въ революціонномъ напряженіи? Вотъ вопросъ, волновавшій всю страну и обсуждавшійся въ Собраніи, въ прессѣ, на народныхъ сходбищахъ и въ особенности въ клубѣ якобинцевъ. Зрѣлище, представляемое цѣлымъ народомъ, обсуждающимъ одинъ изъ важнѣйшихъ интересовъ своей жизни, во всякомъ случаѣ полно величія и напоминаетъ невольно классическую древность.

Разногласіе, вызванное этимъ жгучимъ вопросомъ, имѣло слѣдующую любопытную особенность: необходимость наступательной войны проповѣдывалась представителями умѣреннаго образа мыслей — жирондистами, а противоположнаго мнѣнія держались якобинцы; конечно это происходило не отъ недостатка вѣры въ силу новыхъ принциповъ или въ средства Франціи, но существованіе исполнительной власти, которую они считали способной на предательство, склоняло ихъ къ недовѣрію. Робеспьеръ служилъ выразителемъ этого мнѣнія: «Эта война—не война одной націи противъ другихъ націй, ни даже война одного короля противъ нѣсколькихъ другихъ королей; это—война всѣхъ враговъ французской конституціи противъ французской революціи».

Бриссо былъ главнымъ выразителемъ противоположнаго мнѣнія: онъ считалъ войну необходимой какъ для уничтоженія конспиративнаго очага, существовавшаго на границѣ, такъ и для обезоруженія внутреннихъ враговъ.

«Народъ, завоевавшій свою свободу послѣ десятилѣтняго рабства, нуждается въ войнѣ для упроченія результатовъ своей революціи»—говорилъ онъ.

«Больное мѣсто—Кобленцъ»,—утверждалъ Бриссо.

«Больное мѣсто—Тюльери»,—возражалъ Робеспьеръ.

Въ этихъ словахъ заключается вся суть ихъ спора.

Якобинцевъ тревожила мысль, что армія будетъ въ распоряженіи короля; жирондисты-же надѣялись сохранить руководящую роль за собой черезъ посредство министра Нарбонна; двору они довѣряли не болѣе своихъ противниковъ, и однимъ изъ аргументовъ ихъ въ пользу наступательной войны было то, что дворъ не желалъ ея, хотя и притворялся, что желаетъ. Въ дѣйствительности-же и при дворѣ мнѣнія раздѣлились: тѣ, кто замышлялъ измѣну и кто во что-бы то ни стало желалъ восстановления стараго режима, хотя-бы для этого пришлось превратить Францію въ развалины, не боялись общаго пожара. Другіе-же, т. е. конституціоналисты, рассчитывали на военныя удачи отдѣльных отрядовъ для усиленія значенія арміи, что дало-бы правительству средство къ обузданію требовательности всѣхъ партій.

Вопросъ о войнѣ возбуждался нѣсколько разъ въ Собраніи, не смотря на протесты короля, которому конституція исключительно предоставляла право вести политическіе переговоры.

Мнѣнія жирондистовъ преобладали въ Собраніи; они поддерживали Нарбонна, популярность котораго росла. Внезапно, въ минуту раздраженія, король оставилъ его. Этотъ необдуманнѣйшій поступокъ не прошелъ даромъ. Недовольство и недовѣріе усилились и вызвали со стороны Верньо жестокія слова, сказанныя имъ съ трибуны: «Я вижу отсюда окна дворца, гдѣ затѣваются контръ-революціонные заговоры, гдѣ измышляются средства свергнуть насъ снова во всѣ ужасы рабства послѣ бѣдствій анархіи и неистовствъ междоусобной войны». Затѣмъ нападеніе его перешло въ личную угрозу противъ королевы: «Въ прежнее время изъ этого знаменитаго дворца перѣдко во имя деспотизма распространялись ужасъ и страхъ. Пусть-же нынѣ во имя закона ужасъ и страхъ остаются въ его стѣнахъ. Пусть всѣ, живущіе въ немъ, помнятъ, что король одинъ неприкосновененъ; законъ безразлично преслѣдуетъ всѣхъ виновныхъ; ни одна преступная голова не можетъ укрыться отъ меча правосудія!»

Чтобы успокоить поднявшуюся бурю, Людовику XVI пришлось принять изъ рукъ жирондистовъ весь составъ новаго ми-

нистерства. «Этимъ лицамъ служить рекомендаціей ихъ популярныя убѣжденія»,—такъ выразился въ Собраніи самъ король, сообщая списокъ новыхъ министровъ. Постъ министра иностранныхъ дѣлъ занялъ генераль Дюмурье,—дѣятель живой, смѣлый, ловкій, смѣтливый и находчивый, въ особенности въ дѣлѣ интригъ; но человѣкъ распущенной нравственности и поверхностныхъ убѣжденій. Онъ появлялся въ фригійскомъ колпакѣ у якобинцевъ и цѣловался съ Робеспьеромъ, но въ то-же время дружилъ съ жирондистами, что ему не мѣшало поддерживать хорошія личныя отношенія къ Лапорту, завѣдывавшему цивильнымъ листомъ.

Королева безъ обиняковъ объявила ему съ первыхъ-же дней его назначенія, что ни она, ни король не признаютъ конституціи; но его не испугала такая сложность положенія. Министромъ финансовъ былъ назначенъ женевецъ Клавьеръ, авторъ нѣсколькихъ солидныхъ сочиненій по финансамъ, человѣкъ неподкупный, умный и мужественный. Во главѣ министерства внутреннихъ дѣлъ сталъ Роланъ или, вѣрнѣе, супруги Роланъ, такъ какъ жена была министромъ не менѣе мужа, отчего дѣла шли не хуже. Роланъ ранѣе занималъ должность инспектора торговли и мануфактуръ, былъ сотрудникомъ энциклопедистовъ; онъ былъ человѣкомъ ума строгаго и холоднаго, знающимъ и опытнымъ, пуританиномъ по чувствамъ и привычкамъ. Г-жа Роланъ, молодая, красивая, горячая республиканка, плакавшая въ двѣнадцать лѣтъ о томъ, что не родилась спартанкой, была однако королевой,—королевой жиронды, какъ выразился Мишлэ, и душой блестящей группы людей, къ которой принадлежалъ ея мужъ. Что-же касается до военнаго министерства, то Дюмурье не могъ захватить заразъ два портфеля и поэтому передалъ портфель военнаго министра Граву,—человѣку, который слѣпо ему подчинялся.

Смерть германскаго императора, изнуреннаго излишествомъ, и смерть шведскаго короля, убитаго дворянствомъ,—эти двѣ смерти, случившіяся въ двухнедѣльный промежутокъ времени, ничего не измѣнили во внѣшнихъ отношеніяхъ Франціи. Въ лицѣ Густава коалиція теряла дѣйствительно усерднаго и искренняго сподвижника; со смертью его «сѣверъ опустѣлъ», какъ говорили эмигранты. Зато медлительнаго и апатичнаго Леопольда

смѣнилъ племянникъ его Францъ II, человѣкъ молодой и дѣятельный. Этотъ новый государь началъ съ того, что двинулъ 40,000 къ Нидерландамъ и 20,000 на Рейнъ и послалъ французскому правительству очень высококомѣрную ноту, требовавшую возвращенія папѣ Авиньонскаго графства, присоединеннаго къ Франціи декретомъ Собранія, уступки нѣмецкимъ князьямъ земель, лежащихъ въ Эльзасѣ, на которыя тѣ заявляли притязанія, и въ болѣе или менѣе ясныхъ выраженіяхъ отмѣны новой конституціи.

Собраніе встрѣтило сообщеніе этой ноты призывомъ къ оружію, а совѣтъ министровъ высказался въ пользу энергическаго постановленія. Людовикъ XVI, послѣ многихъ колебаній, явился въ Собраніе съ слѣдующимъ заявленіемъ: «На основаніи конституціи, предлагаю,—сказалъ онъ взволнованнымъ голосомъ,—объявить войну венгерскому и чешскому королю». Францъ II въ то время еще не былъ коронованъ императоромъ.

Вечеромъ произошло очень бурное засѣданіе; нѣсколько роялистовъ конституціоннаго оттѣнка: Бекэ, Жокуръ и Матьё Дюма выступили противъ предложенія короля; но его поддерживали революціонеры всѣхъ фракцій.

Мерленъ де-Тіонвилль воскликнулъ: «Слѣдуетъ объявить войну королямъ и миръ націямъ».

«Ваше постановленіе, правда, приговариваетъ къ смерти нѣсколько тысячъ человѣкъ, но рядомъ съ этимъ быть можетъ ему суждено привести къ всеобщему освобожденію»,—сказалъ Майль.

Декретъ прошелъ единодушно, за исключеніемъ семи голосовъ. Редактировалъ его Жансонъ. Въ немъ подтверждено еще разъ, что «французская нація, вѣрная принципу, установленному конституціей, *не предпринимать войнъ съ завоевательными цѣлями и не употребляетъ военныхъ силъ противъ свободы націй*, берется за оружіе лишь для защиты собственной свободы и независимости».

А Кондорсэ тутъ-же изложилъ мотивы, въ которыхъ пояснялось съ большой убѣдительностью, что Собраніе оказалось вынужденнымъ отвѣтить на вызовъ. Съ своей стороны Людовикъ XVI составилъ протестъ противъ только что имъ самимъ предложеннаго объявленія войны и положилъ этотъ документъ въ желѣзный шкафъ, выкованный имъ собственноручно, въ которомъ онъ хранилъ свои секретныя бумаги (обстоятельство, засвидѣтель-

ствовавшее г-жей Кампанъ, горничной королевы); затѣмъ отправилъ за-границу слѣдующіе совѣты своимъ союзникамъ: объявить какъ можно громче съ цѣлью выдѣлить якобинцевъ изъ остальной націи, что война предпринимается не противъ Франціи, а только противъ анархической шайки; энергично заявить Собранію, административнымъ и муниципальнымъ учрежденіямъ, а равно и министрамъ, что они отвѣчаютъ личной свободой и имуществомъ за всякое покушеніе на неприкосновенность королевской семьи, и въ заключеніе объявлять, при переходѣ черезъ границу, что союзники ни съ кѣмъ, кромѣ короля, вступать въ переговоры не намѣрены. Что-же касается до эмигрантовъ, то король просилъ ихъ воздержаться отъ участія въ войнѣ, чтобы не придать ей характера междоусобицы, а въ награду за послушаніе обѣщаль не терять изъ виду ихъ интересовъ, когда наступитъ къ тому время. Таковъ сводъ инструкцій, данныхъ женеvcу Малле-дю-Панъ, секретно аккредитованному при иностранныхъ дворахъ. Инструкціи были одобрены державами; объ этомъ мы узнаемъ изъ признаній Бертрана Мольвилля, довѣреннаго лица роялистовъ, отличавшагося болтливостью.

Объявленіе войны было встрѣчено во Франціи почти единодушной радостью: всѣ чувствовали облегченіе послѣ тяжелыхъ колебаній; но походъ начался несчастливо. Согласно плану Дюмурье, состоявшему въ быстромъ движеніи для занятія Бельгій, два генерала арміи, Рошамбо Биропъ и Дилльонъ, выступивъ, первый изъ Валансьена, а второй—изъ Лилля, двинулись на Монсъ и Турнэ. При встрѣчѣ съ непріателемъ кавалерія Дилльона съ крикомъ: «Измѣна! Спасайтесь!» бросилась въ ряды пѣхоты и распространила панику. Всѣ въ безпорядкѣ возвратились въ Лилль, увлекая съ собою генерала, обвиненнаго солдатами въ томъ, что онъ ихъ завелъ въ западню. Генераль былъ изрубленъ.

Эта паника, парализовавшая движеніе Лафайета, внушила непріателю презрѣніе къ французскимъ солдатамъ, ободрила роялистовъ и подтвердила опасенія якобинцевъ. Чтобы поднять духъ арміи и внушить непріателю уваженіе нужны были военныя удачи.

Г Л А В А III.

Партіи и дворъ.—20-е іюня.—Отечество въ опасности.

Мы уже указали на широкіе размѣры, принятые преніями о войнѣ, какъ на явленіе совершенно небывалое во Франціи. Эти пренія дали партіямъ возможность яснѣе обозначиться.

Бриссо и Робеспьеръ были главными выразителями двухъ противоположныхъ мнѣній.

Бриссо не былъ самымъ выдающимся дѣятелемъ своей партіи: Верньо, какъ ораторъ, Кондорсэ, какъ мыслитель, стояли несравненно выше его. Но онъ отличался энергіей и сектаторскимъ рвеніемъ и овладѣвалъ вопросомъ съ необычайной быстротой. Онъ игралъ видную роль въ Учредительномъ собраніи, не будучи членомъ его, а въ Законодательномъ сдѣлался настоящей силой. Его именемъ называли цѣлую политическую партію (брисотеновъ). «Мое уваженіе расло по мѣрѣ того, какъ я ближе узнавала его»,—сказала о немъ г-жа Роланъ. Въ томъ-же духѣ отзывался о немъ Грегуаръ. Скажемъ въ заключеніе, что Бриссо одинъ изъ первыхъ заговорилъ о республикѣ.

Петіонъ, землякъ и другъ его, охотнѣе и чаще признавался главою жирондистовъ и обязанъ былъ этимъ репутации неподкупной честности: народъ цѣнитъ эту добродѣтель выше всего. Неодаренный выдающимся талантомъ, Петіонъ тѣмъ не менѣе отлично понималъ положеніе. «Союзъ народа съ буржуазіей»—былъ его лозунгомъ. «Они совершили соединенными силами революцію и могутъ ее упрочить только сообща». Онъ пользовался такимъ личнымъ вліяніемъ, что прочтеніе въ клубѣ якобинцевъ письма, въ которомъ онъ порицалъ фригійскія шапки, какъ знакъ, могущій послужить къ разъединенію гражданъ, оказалось достаточнымъ для того, чтобы всѣ присутствующіе,

начиная съ президента, попрятали красныя шапки въ карманы. Робеспьера такъ поразило это замѣчаніе, что онъ формально выразился противъ всякихъ эмблемъ, за исключеніемъ трехцвѣтныхъ кокардъ и знаменъ. Пренія о войнѣ главнымъ образомъ выдвинули Робеспьера, хотя онъ въ этомъ вопросѣ и шелъ противъ теченія. Вызванныя имъ ненависть и поклоненіе равно свидѣлствуютъ о томъ, какое важное мѣсто онъ счумѣлъ занять съ этой минуты въ общественномъ мнѣніи. Оставивъ постъ публичнаго обвинителя (прокурора), «какъ бросаютъ щитъ, чтобы свободнѣе драться», онъ посвятилъ все свое время клубамъ и прессѣ. Рѣчи Робеспьера на тему о войнѣ обнаружили гораздо больше его ораторскія дарованія, чѣмъ все то, что онъ говорилъ въ Учредительномъ собраніи. Мы этимъ не хотимъ сказать, чтобы его вычурный, сентенціозный и недовольный тонъ могъ увлекать слушателей, но онъ поражалъ ихъ контрастомъ ледяной формы съ страстностью содержанія, подавлялъ рѣзкимъ догматизмомъ, прикрывавшимъ однако нерѣдко скудость мысли. Странная исповѣдь религіозныхъ убѣжденій среди скептицизма жирондистовъ способствовала привлеченію къ нему людей, склонныхъ къ мистицизму, и въ особенности располагало въ его пользу женщинъ, на которыхъ онъ всегда производилъ сильное впечатлѣніе. Къ тому-же дурныя стороны его характера начали проявляться уже въ то время: завистливый, гордый, недовѣрчивый онъ только и дѣлалъ, что нападалъ и обвинялъ. Онъ злился на людей нечестныхъ, потому что онъ самъ былъ честенъ, злился и на людей безупречныхъ, потому что ихъ добрая слава ставила ихъ на одну доску съ нимъ. «Онъ — жалкій трусъ», — говоритъ о немъ г-жа Роланъ, вспоминая его растерянный видъ въ минуты опасности. Онъ охотно раздувалъ пламя, но осторожно сторонился отъ него, что не мѣшало ему быть неустрашимымъ въ извѣстномъ смыслѣ: ни порицаніе, ни клевета не могли поколебать его. Таковымъ является передъ нами Робеспьеръ втеченіи всей революціи. Его внѣшность соответствовала нравственному его облику: лицо у него было блѣдное, съ рѣзкими чертами, манеры — нервныя, но холодныя, одѣвался онъ тщательно, но все сидѣло на немъ въ обтяжку.

Рядомъ съ Робеспьеромъ приобрѣлъ популярность другой дѣятель, но совсѣмъ другими средствами. О нравственномъ об-

ликъ Дантона также можно было судить по его лицу и манерамъ: губы у него были толстыя, наглыя, но онъ умѣлъ улыбаться; глаза—смѣлые, но подчасъ добродушные; лобъ—морщинистый; черты лица смятыя. Увлекаясь одинаково и интригой, и серьезной дѣятельностью, этотъ человекъ былъ воплощенной бурей. Онъ былъ весь движеніе, страсть, энергія, порывъ и импровизація. Мало у него было знаній, философскихъ обобщеній, глубокихъ и дальновидныхъ мыслей, но зато у него было необычайное вѣрное практическое чутье: онъ сразу понималъ людей и обстоятельства. Онъ не писалъ, не произносилъ рѣчей, а раздражался съ трибуны громовыми ораторскими ударами. Революціонеръ-реалистъ онъ соединялъ въ себѣ чудовищную смѣсь порока и великодушныхъ чувствъ. Дантонъ, ораторъ клуба Кордельеровъ, публицистомъ котораго былъ Камилъ Демуленъ, обладалъ всѣми качествами, правящимися массамъ и увлекающими ихъ.

Было еще третье лицо, пользовавшееся почти такой-же популярностью, какъ названные нами корифеи революціи: то былъ Маратъ, журналистъ, издававшій «Другъ народа». Никто менѣе его не былъ способенъ на роль вождя партіи. Да онъ имъ и не былъ. Онъ писалъ въ уединеніи и дѣйствовалъ на толпу издали, опьяняя ее своими яростными статьями. Современники описываютъ его, какъ человека, страстно преданнаго общему благу. Но самая благородная страсть, доведенная до бреда, переходитъ въ отвратительное изступленіе: она зажигаетъ костры и воздвигаетъ эшафоты. Марата нельзя причислить ни къ какой политической школѣ: онъ не былъ ни роялистомъ, ни республиканцемъ; онъ былъ помѣшанъ на идеѣ необходимости кровавой диктатуры. Чудовищное умопомѣшательство!

Но въ тотъ моментъ, о которомъ идетъ рѣчь, всѣ трое шли еще по одному пути и казались союзниками; ихъ называли даже тріумвирами.

Въ началѣ жирондисты стояли за-одно съ якобинцами во всѣхъ вопросахъ, касавшихся успѣха революціи; это было хорошимъ средствомъ сохранить за собой вліяніе и этимъ умѣрять движеніе. Но затѣмъ они подчинились заговорившему въ нихъ чувству соперничества, пожелали создать самостоятельную партію и принять на себя роль посредниковъ; задача—

безплодная въ эпоху волненій. Съ этого момента можно было предвидѣть уже, что господство надъ движеніемъ ускользнетъ изъ ихъ рукъ и перейдетъ въ руки людей, болѣе предприимчивыхъ.

Быстрый ходъ революціи уже озадачилъ многихъ дѣятелей, отличавшихся въ началѣ инициативой, а теперь встревоженныхъ и дававшихъ ей отпоръ.

Фельянтинцы, монархисты конституціонной окраски, соединились съ бывшими привилегированными, такъ что *партія короля*, состоявшая въ началѣ не болѣе какъ изъ сотни членовъ, достигла постепенно цифры 250 членовъ.

Къ партіямъ той эпохи возможно уже приложить обозначенія, получившія право гражданства на парламентскомъ языкѣ только позднѣе. Итакъ, скажемъ мы, якобинцы составляли *левую*. Жирондисты занимали *левый центръ*. *Правый центръ* составляли фельянтинцы. Что касается до *правой*, въ тѣсномъ смыслѣ слова, то она безмолвствовала въ собраніи, и представителемъ ея являлся дворъ. Сами же партіи выдумали для себя и своихъ противниковъ различныя прозвища. Жирондисты титуловались *патріотами*, называя якобинцевъ *бѣшенными* и *крамольниками*, фельянтинцевъ — *умѣренными*. Послѣдніе же именовали *анархистами* всѣхъ, кто не состоялъ въ ихъ рядахъ, точно такъ же, какъ на языкѣ якобинцевъ, всѣ, за исключеніемъ ихъ самихъ, были *интриганами*.

У каждой партіи былъ свой клубъ. Подобныя общества имѣли громадное значеніе въ первый періодъ революціи. Безъ этого сближенія самыхъ разнородныхъ людей, безъ воодушевленія, вызваннаго ихъ столкновеніями, безъ электричества, распространяемаго живымъ словомъ, принципы философовъ и публицистовъ остались бы достояніемъ единичныхъ читателей.

Каждая партія имѣла кромѣ того свои газеты и своихъ публицистовъ. На первомъ планѣ стояли: «Другъ народа» и «Другъ короля» — Марата и аббата Рою, изувѣровъ двухъ противоположныхъ направленій. Затѣмъ шли «Les Révolutions de Paris» («Парижскія революціи»), — листокъ, издававшійся Прюдомомъ, «Annales patriotiques» («Патріотическая лѣтопись») — Карра, «Le patriote français» («Французскій патріотъ») — Бриссо, «Le Courrier» («Курьеръ») — Горса, «Le défenseur de la Constitu-

tion» («Защитникъ конституціи») — Робеспьера. Всѣ эти листки служили органами различныхъ республиканскихъ фракцій.

И, какъ обыкновенно случается, самая горячая борьба велась между болѣе близкими отѣнками. Тщетно фельянтинцы старались сблизиться съ роялистами; они возбуждали въ послѣднихъ болѣе ненависти, чѣмъ жирондисты и даже чѣмъ сами якобинцы, а послѣдніе съ большимъ ожесточеніемъ нападали на жирондистовъ, чѣмъ на роялистовъ. Всѣ стороны искали случая подчеркнуть свой антагонизмъ. Стоило революціонерамъ устроить празднество въ честь солдатъ Шатовъ, приговоренныхъ къ казни за нарушение субординаціи, какъ роялисты тотчасъ-же спѣшили устроить торжественныя похороны Симонно, мэра Этамна, убитаго во время бунта, происшедшаго по случаю дороговизны хлѣба. Роялисты назвали этотъ день *Праздникомъ закона*, въ параллель *Празднику свободы*, устроенному революціонерами.

Дворъ лавировалъ среди этой путаницы. Онъ содержалъ съ большими издержками (10,000 франк. въ день, — говоритъ Тьеръ) *національный клубъ*, состоявшій изъ людей очень рѣшительныхъ, имѣвшихъ тайный складъ оружія въ помѣщеніи своихъ засѣданій. У него были подкупленные агенты въ клубѣ якобинцевъ, подкупленные клакеры въ трибунахъ Собранія. Его тактика состояла въ томъ, чтобы усилить раздраженіе, утомить Францію конституціонными порядками и такимъ образомъ вызвать сожалѣніе о прежнемъ строѣ.

Людвигъ XVI держался этой системы осторожно, чтобы не *попасться* (это было его любимымъ выраженіемъ). Онъ постоянно носилъ въ карманѣ экземпляръ конституціи, стараясь ввести всѣхъ въ обманъ, а въ особенности своихъ министровъ. «Онъ или честнѣйшій человекъ, — говорилъ Роланъ, — или величайшій плутъ: такъ притворяться невозможно». Однако обыкновенно натуры, лишенныя энергіи, лишены въ то-же время и искренности.

Мальзербъ, въ качествѣ умнаго друга, совѣтовалъ ему отречься отъ престола. Королева, болѣе сильная и страстная, не умѣла ни сдерживать, ни скрывать своей антипатіи къ революціи; она не хотѣла обязываться никому, кромѣ коалиціи, и तोпила ее дѣйствовать. «Лучшій способъ оказать намъ помощь, —

писала она министру брата своего, императора австрійскаго,—
напасть на насъ».

Уже давно пресса сообщала публикѣ, а 23-го мая Жансонэ донесъ и Собранію о существованіи тайнаго *австрійскаго комитета*, которому приписывался планъ похищенія королевской семьи и избіенія Собранія.

Существовала и вторая причина къ постоянной тревогѣ. Прежнюю *королевскую стражу* замѣнили *конституціонной гвардіей*; но перемѣна ограничивалась названіемъ. Этотъ отрядъ, составленный изъ молодыхъ роялистовъ и рубакъ, готовыхъ на все, казался Собранію опаснымъ для общественной свободы; оно рѣшило распустить его, и Людовикъ XVI, по настоянію Дюмурье, подписалъ декретъ. Но распушеніе состоялось только на бумагѣ: армія продолжала получать жалованье.

Серванъ, ревностный жирондистъ, замѣнившій военнаго министра Гравы, рѣшился помѣшать двору въ исполненіи его намѣреній, предложивъ Собранію организовать отрядъ въ двадцать тысячъ федералистовъ для защиты представителей націи въ Парижѣ.

За нѣсколько дней до этого постановленія Собраніе, получавшее безпрерывно со всѣхъ сторонъ донесенія о враждебной агитаціи неприсягнувшаго духовенства, приняло противъ него строгія мѣры; на основаніи донесенія двадцати полноправныхъ гражданъ, подтвержденнаго сообщеніемъ уѣздной директоріи, мѣстной администраціи предоставлялось право высылать обвиненныхъ изъ кантона въ двадцать четыре-часа, за предѣлы департамента—въ трехдневный срокъ и за предѣлы страны—въ мѣсячный срокъ.

Король подъ разными предлогами отсрочивалъ утвержденіе этихъ двухъ декретовъ, заранѣе рѣшивъ не давать имъ своей санкціи. Когда онъ сообщилъ свой отказъ совѣту министровъ, послѣдовала очень бунная сцена, послѣ которой Роланъ обратился къ Людовику XVI съ письмомъ, въ которомъ находятся слѣдующія энергическія предостереженія: «Скоро настанетъ время, когда у опечаленнаго народа возникнетъ подозрѣніе, что король—другъ и сообщникъ заговорщиковъ».

Письмо это было событіемъ. Оно ярко освѣщало фактъ, смутно мелькавшій до тѣхъ поръ въ сознаніи страны. Людо-

викъ XVI грубо отставилъ трехъ министровъ-жирондистовъ; а Собраніе отвѣтило на это заявленіемъ, что вся страна сожальетъ о нихъ.

— Избавьте меня отъ этихъ трехъ бунтовщиковъ,—сказалъ король Дюмуре, и тотъ расстался съ своими коллегами подъ условіемъ, чтобы декреты были подписаны; но такъ какъ король отказывался сдержать слово, то по истеченіи трехъ дней самому Дюмуре пришлось отказаться отъ портфеля, что нѣсколько возстановило его пошатнувшуюся популярность.

Нѣсколько человѣкъ, совершенно неизвѣстныхъ, взятыхъ изъ клуба фельянтинцевъ, образовали новое министерство. Людовикъ XVI зналъ прекрасно, что у этой партіи не было ни определенной окраски, ни значенія. Но онъ стремился лишь къ одному, т. е. хотѣлъ выиграть время, ибо находился уже нѣсколько дней въ состояніи полной апатіи, изъ котораго его вывели только усилія окружающихъ.

Все способствовало усиленію волненій: избытокъ бумажныхъ денегъ и недостатокъ звонкой монеты, затруднявшіе торговые сдѣлки и благопріятствовавшіе ажіотажу; скорѣе искусственная, чѣмъ дѣйствительная дороговизна, и слухи о тайныхъ захватахъ съѣстныхъ припасовъ; мѣстные бунты, вызванные подстрекательствами мятежнаго духовенства и агентовъ эмиграціи.

Въ довершеніе генераль Лафайетъ изъ лагеря, расположеннаго въ Мобѣжѣ, прислалъ Собранію письмо отъ 16-го іюня, въ которомъ заявлялъ свое удовольствіе по поводу отставки министровъ-жирондистовъ, громко обвиняя во всѣхъ безпорядкахъ *якобинскую шайку*. Онъ приглашалъ депутатовъ замѣнить господство клубовъ господствомъ закона, окружить уваженіемъ королевскую власть и обратить вниманіе на нужды арміи, защитницы отечества.

Повелительный тонъ письма ободрилъ реакціонеровъ и поднялъ бурю негодованія въ лагерѣ ихъ противниковъ. «Невозможно, чтобы это письмо было написано Лафайетомъ, воскликнулъ Гадэ:—сподвижникъ Вашингтона не можетъ подражать рѣчамъ, произнесеннымъ Кромвелемъ въ моментъ гибели свободы Англіи».

На слѣдующій день новое министерство, какъ-бы желая бросить вызовъ Собранію, явилось для сообщенія королевскаго

veto на декреты, касавшіеся агитаціи духовенства и арміи федералистовъ.

Населеніе Парижа взялось отвѣтить какъ на письмо Лафайета, такъ и на королевское *veto*.

20-го іюня, въ годовщину засѣданія въ Jeu de paume'ъ, съ самаго утра толпа высыпала на улицы праздновать память этого событія и посадить дерево свободы. На развѣвającychся флагахъ и знаменахъ красовались надписи: *Конституція или смерть!* Сантерръ, богатый пивоваръ Сентъ-Антуанскаго предмѣстья, начальникъ баталіона національной гвардіи, взялъ на себя роль распорядителя и сталъ во главѣ движенія. Процессія, увеличиваясь по дорогѣ, дошла до подъѣзда Собранія и просила разрѣшенія дефилировать передъ депутатами. Законъ воспрещалъ сборища вооруженныхъ людей для представленія петицій. Но законъ этотъ часто нарушался при Учредительномъ собраніи съ его согласія, и трудно было требовать его исполненія въ данномъ случаѣ, не рискуя вызвать повтореніе кровавыхъ сценъ Марсова Поля. Это и высказалъ Верньо, прося для прибывшихъ гражданъ чести быть допущенными въ засѣданіе. Ихъ впустили. Они приступили къ чтенію адреса, очень развязно написаннаго, гдѣ вслѣдъ за увѣреніями въ уваженіи къ конституціи шли жалобы на разладъ между исполнительной властью и Собраніемъ, на бездѣйствіе арміи и требованія строгихъ мѣръ противъ враговъ революціи, а въ заключеніе провозглашалось право *сопротивленія противъ негта*.

Законодательное собраніе продолжало занимать импровизированное помѣщеніе, куда перенесены были засѣданія Учредительнаго собранія изъ Версаля; это было зданіе стараго манежа, находившееся на углу улицъ Риволи и Кастильонъ.

Тюльерійскій дворецъ былъ въ двухъ шагахъ. Изъ Собранія толпа направилась туда, но ея шествіе замедлилось движеніемъ колесницы, везшей изъ предмѣстья дерево свободы, громадный тополь, который намѣревались посадить передъ дворцомъ. Во время невольной остановки въ бывшемъ огородѣ капуциновъ, примыкавшемъ къ старому манежу, часть толпы, окружавшая дерево, не имѣя возможности двинуться впередъ или назадъ, занялась его посадкой тутъ же. Между тѣмъ голова колонны, значительно опередивъ остальныхъ, дошла до Тюль-

ери и проникла безъ сопротивленія во дворець. Толпа болѣе любопытная, чѣмъ враждебная, переходила изъ одного салона въ другой, не догадываясь, что нарушаетъ законъ неприкосновенности чужого жилища. Въ безпорядкѣ посѣтители подходятъ къ королевскому покою и ломятся въ дверь. Король, кликнувъ нѣсколько солдатъ національной гвардіи, велѣлъ имъ окружить себя, сѣлъ на кресло, поставленное на высокій подоконникъ, и приказалъ приставу отпереть дверь. Зала немедленно наполнилась самой пестрой толпой мужчинъ, женщинъ и дѣтей; нѣкоторые были вооружены кто пикой, кто топоромъ, кто старой саблей, а кто и штыкомъ или желѣзнымъ остріемъ, воткнутыми въ конецъ палки; даже пушка, внесенная на рукахъ, явилась посреди сутолоки; но многіе, напротивъ, входили съ цвѣтами или зелеными вѣтками въ рукахъ. Раздались крики, брань, угрозы, но рядомъ съ этимъ возгласы радости и удивленія; послѣдніе даже преобладали. Королю кричали: «Верните министровъ-патріотовъ! Подпишите декреты!» Кто-то протянулъ ему фригійскій колпакъ. Онъ надѣлъ его. Толпа начинаетъ рукоплескать. Королю подаютъ бутылку, онъ пьетъ изъ нея *за націю*. Новый взрывъ рукоплесканій. Впрочемъ самообладаніе не покидало короля, онъ не сдѣлалъ никакихъ уступокъ. Толпа разсѣялась только по прибытіи Петіона, мэра Парижа, и депутатовъ, присланныхъ для защиты особы короля. Сборы продолжались до утра, а занятіе дворца длилось два часа.

Запоздалое вмѣшательство Собранія и муниципалитета, находившихся одинаково подъ вліяніемъ жирондистовъ, подало поводъ заподозрить послѣднихъ въ намѣреніи произвести давленіе на короля съ цѣлью добиться отъ него возвращенія своихъ друзей въ министерство и санкціи декретовъ. Быть-можетъ они мечтали и о болѣе серьезномъ переворотѣ. Впрочемъ въ исторіи сохранилось такъ много примѣровъ аналогичныхъ сценъ, объясняющихся исключительно увлеченіемъ народныхъ массъ, что и на этотъ разъ можно допустить неосновательность упомянутой догадки.

Но, какъ-бы то ни было, Петіонъ, на слѣдующій-же день отправившійся во дворець успокоить короля на счетъ настроенія Парижа, былъ встрѣченъ Людовикъ XVI очень сурово, а придворные позволили себѣ даже оскорбить его. Директорія депар-

тамента, преданная королю, отставила его отъ должности мэра, равно какъ Манюэля—отъ должности синдика парижской общины за соучастіе въ возмущеніи. Но это послужило только новымъ пораженіемъ для двора. Собраніе возстановило обоихъ въ ихъ должностяхъ.

Слухи объ этихъ событіяхъ побудили Лафайета отлучиться изъ арміи и прибыть въ Парижъ. Въ собраніи, согласившемся его выслушать, онъ заявилъ, что уполномоченъ говорить отъ имени ввѣренныхъ ему войскъ. «Отъ имени всѣхъ французовъ, любящихъ отечество и дорожащихъ свободой, спокойствіемъ и законами, которые они сами себѣ дали», онъ требовалъ, «чтобы зачинщики насилій, совершенныхъ 20-го іюня въ тюльерійскомъ дворцѣ, были наказаны, какъ совершившіе преступленіе противъ націи». Далѣе онъ потребовалъ уничтоженія «шайки, захватившей верховную власть и тиранствующей надъ гражданами. Публичныя пренія не оставляютъ ни малѣйшаго сомнѣнія на счетъ ужасающихъ плановъ руководителей этой шайки».

Сказавъ эти слова, генералъ вернулся на свое мѣсто при громкихъ рукоплесканіяхъ. Внезапно поднялся съ мѣста Гадэ съ слѣдующими ироническими словами:

«Въ первую минуту, когда я узналъ о пріѣздѣ г. Лафайета въ Парижъ, мнѣ пришли въ голову самыя утѣшительныя мысли. Итакъ, сказалъ я себѣ, у насъ нѣтъ болѣе внѣшнихъ враговъ. Австрійцы побѣждены! Но эта иллюзія длилась недолго: наши враги существуютъ попрежнему и наше внѣшнее положеніе не измѣнилось, а между тѣмъ г. Лафайетъ въ Парижѣ! Какія важныя событія могли привести его сюда? Наши внутреннія волненія? Развѣ онъ предполагаетъ, что Національное собраніе не достаточно предусмотрительно, чтобы подавить ихъ? Онъ выдаетъ себя за органъ арміи и честныхъ людей; но гдѣ же эти честные люди? Что же касается до арміи, то какъ могла она совѣщаться, не нарушая конституціи?»

Затѣмъ онъ указалъ на опасность предоставленія генераламъ права подачи петицій. Лафайетъ, движимый рыцарскимъ чувствомъ, за которое дворъ не платилъ ему благодарностью, создалъ своимъ поступкомъ роковой прецедентъ, противорѣчившій убѣжденіямъ всей его жизни: прецедентъ вмѣшательства военнаго элемента въ политику.

Дворъ отказывался поддержать конституціоналистовъ изъ боязни, чтобы они взаимно не потребовали отъ него какихъ-нибудь вольностей. Лафайетъ по преимуществу былъ нелюбимъ королевой. Мы уже видѣли ранѣе, что она предпочла ему Петіона въ должности мэра Парижа. Ея непріязнь обнаружилась и вторично. Лафайетъ предполагалъ сдѣлать смотръ національной гвардіи, причемъ хотѣлъ сказать рѣчь солдатамъ. Королева постаралась довести это до свѣдѣнія Петіона, чтобы тотъ отмѣнилъ смотръ. «Лучше погибнуть,—сказала она,—чѣмъ быть обязаннымъ спасеніемъ Лафайету и конституціоналистамъ».

Генералъ напрасно пытался собрать вокругъ себя волонтеровъ, чтобы совершить маленькій государственный переворотъ противъ якобинцевъ: по первому призыву явилось сто человѣкъ, по второму—только тридцать. Опечаленный, онъ возвратился въ свой лагерь, откуда написалъ Собранію письмо въ томъ же духѣ, какъ и первое, но также не имѣвшее успѣха. Въ день его отъѣзда въ Палероялъ была сожжена изображавшая его кукла.

Отлучаясь изъ арміи, Лафайетъ не пренебрегъ никакими предосторожностями для обезпеченія ея безопасности. Но во время его отсутствія его помощники, принявъ выжидательное положеніе, пропустили черезъ Кобленцъ восемьдесятъ тысячъ пруссаковъ, т. е. авангардъ союзной арміи. Люкнеръ отступилъ на Лилль и Валансьенъ. Поднялись вопли о предательствѣ. Собраніе, желая уничтожить средства борьбы, которыми могла бы воспользоваться контръ-революція, поспѣшило издать декретъ о распусценіи главныхъ штабовъ національной гвардіи Парижа и другихъ большихъ городовъ.

Это произошло 2-го іюля; 3-го—Верньо произнесъ рѣчь, которая составила событіе и была образцомъ политическаго краснорѣчія. Онъ изложилъ опасности, окружавшія Францію, и умолялъ Собраніе предотвратить ихъ своей энергіей. Если войска коалиціи угрожаютъ нашей независимости,—говорилъ онъ,—то не потому, что у насъ не достаетъ силъ противиться имъ, а лишь потому, что силы эти находятся въ рукахъ людей, которые или не умѣютъ, или не хотятъ употребить ихъ согласно интересамъ націи. Ораторъ порицалъ увольненіе популярныхъ министровъ въ моментъ, когда согласіе властей было такъ необходимо, и грозилъ новымъ совѣтникамъ двора страшной отвѣт-

ственностью, если они будутъ настаивать на отказѣ подписать декреты, предложенные Собраніемъ.

«Но еще недостаточно сбросить министровъ въ пропасть, вырытую ихъ собственной небрежностью или злонамѣренностью,—восклицалъ ораторъ:—я хочу еще сорвать съ глазъ короля повязку, надѣтую на него интригой и лестью, и показать ему, куда его влекутъ коварные его друзья. Французскіе принцы *отъ имени короля* силились поднять противъ насъ все дворы Европы. Договоръ въ Пильницѣ заключенъ *для огражденія достоинства короля*. Для защиты короля и для оказанія помощи королю идетъ на насъ войной венгерскій и чешскій король, а эмигранты просятъ дозволенія поступить въ его армію. Все бѣды, которыя стараются обрушить на наши головы, имѣютъ причиной или предлогомъ *имя короля*.»

«Однако въ конституціи сказано: «Если король становится во главѣ арміи и направляетъ ее противъ націи или же не воспротивится формальнымъ дѣйствіемъ подобному предпріятію, совершаемому отъ его имени, то онъ признается лишеннымъ престола».

«Что подразумѣвать подъ словами «воспротивиться формальнымъ дѣйствіемъ»?—Разумъ говоритъ мнѣ, что это означаетъ сопротивленіе, соразмѣренное съ опасностью. Если бы въ настоящую войну сто тысячъ австрійцевъ направились на Фландрію и сто тысячъ пруссаковъ—на Эльзасъ, а король выставилъ бы противъ нихъ лишь десять или двадцать тысячъ, то было ли бы это *формальнымъ дѣйствіемъ*, предписываемымъ конституціей?—Если король, зная о движеніи прусской арміи, не дѣлаетъ никакихъ сообщеній Національному собранію; если король медлитъ приготовленіями къ защитѣ, отказывается въ образованіи резервной арміи, признанной необходимою для пріостановленія успѣховъ непріятеля; если король оставляетъ командованіе надъ арміей въ рукахъ подозрительнаго генерала и отказывается въ подкрѣпленіяхъ генералу, заслуживающему довѣріе націи, то исполняетъ ли онъ этимъ свой конституціонный долгъ?»

И, дополняя эти убѣдительныя предположенія, ораторъ заявилъ еще: «А затѣмъ, если бы король вмѣсто всякихъ оправданій отвѣтилъ: я не нарушилъ и не превысилъ моихъ правъ; конституція предоставляетъ мнѣ выборъ министровъ, органи-

зацію и передвиженіе войскъ, санкцію законодательныхъ декретовъ; я не совершилъ ни одного противоконституціоннаго дѣянія, слѣдовательно я остался ей вѣренъ, — словомъ, если бы онъ говорилъ о своей преданности конституціи съ такой презрительной ироніей, то не были ли вправѣ французы сказать ему:

«О король, вѣрившій по примѣру тирана Лизандра, что истина не дороже лжи и что можно забавлять людей клятвами, какъ забавляютъ дѣтей игрушками, надѣвавшій личину любви къ закону лишь для того, чтобы сохранить власть, какъ средство насмѣяться надъ нимъ, не думаете ли вы, что и теперь можете обмануть насъ лицемѣрными увѣреніями? Развѣ, выставляя противъ непріятеля силы, малочисленность которыхъ обезпечиваетъ ихъ пораженіе, вы защищаете насъ? Развѣ можно считать защитой непрерывныя смѣны министерствъ, парализующія дѣятельность правительства? Предоставляетъ ли вамъ конституція выборъ министровъ для нашего блага или для нашей гибели? Поставила ли она васъ во главѣ арміи для прославленія или для посрамленія нашего имени? Предоставила ли она вамъ право санкціи, цивильный листъ и столько другихъ важныхъ прерогативъ для того, чтобы вы могли губить конституцію и страну конституціоннымъ путемъ? Нѣтъ, тысяча разъ нѣтъ. Человѣкъ, котораго не могло тронуть великодушіе французовъ, которому доступна только жажда власти, не долженъ пожать плодовъ своего клятвопреступленія. Вы уже ничто въ глазахъ конституціи, такъ недостойно поправленной вами, вы ничто для народа, такъ низко преданнаго вами!»

Ораторъ предложилъ провозгласить *отечество въ опасности*.

Это было очень серьезнымъ рѣшеніемъ, потому что оно на основаніи конституціи влекло за собою непрерывность засѣданій всѣхъ совѣтовъ: департаментскихъ, уѣздныхъ и общинныхъ, равно какъ и дѣятельности всѣхъ общественныхъ властей, и призывало къ знаменамъ національную гвардію и всѣхъ гражданъ, способныхъ носить оружіе.

Собраніе обсудило эту мѣру въ комиссіяхъ и въ общемъ засѣданіи. Было необходимо, чтобы она явилась не какъ крикъ отчаянія, а какъ обдуманное воззваніе къ патріотическому чувству націи. 11-го іюля, среди глубокаго молчанія, председатель

Обэръ-Дюбайэ, вставъ съ мѣста и съ торжественностью, которую усиливала еще его величавая и воинственная осанка, произнесъ узаконенную формулу: *Граждане, отечество въ опасности.*

Сообщеніе этой мѣры населенію Парижа состоялось 22-го при очень внушительной обстановкѣ: пушечные выстрѣлы раздавались черезъ каждый часъ; муниципальныя власти, конвоируемые отрядами національной гвардіи, кавалеріи и артиллеріи, обходили городъ съ знаменами и военной музыкой, игравшей національные мотивы. Шествіе по временамъ останавливалось для прочтенія воззванія. Этотъ внушительный церемоніаль имѣлъ цѣлью указать населенію на серьезность положенія, не поселяя въ умахъ ужаса и страха. На площадяхъ были устроены амфитеатры, гдѣ помѣщались бюро для приѣма рекрутовъ. Около десяти тысячъ волонтеровъ записались въ Парижѣ. Горячія рукоплесканія привѣтствовали новобранцевъ. Скоро всѣ дороги покрылись молодыми людьми, шедшими изъ провинцій для поступленія въ ряды войскъ; они шли съ мѣшкомъ за плечами, еще въ партикулярномъ платьѣ, распѣвая національный гимнъ, сочиненный въ Рейнской арміи однимъ инженернымъ офицеромъ Руже-де-Лилемъ. Гимнъ успѣлъ уже облетѣть всю Францію и назывался «Марсельезой», потому что федералисты Марсея первые распѣвали его на пути въ Парижъ. Воодушевленіе этой минуты отличалось глубиной и серьезностью.

«Французы, на васъ взирають всѣ народы», — говорится въ прокламаціи Собранія: — «удивите ихъ зрѣлищемъ вашей силы и твердости. Да руководятъ вами единодушіе, уваженіе къ закону и непоколебимое мужество. Скоро побѣда увѣнчаетъ ваши труды, и народы, вооружаемые нынѣ противъ нашей конституціи, пожелаютъ соединиться съ вами узами братства.»

Г Л А В А IV.

Прозкты въ пользу Людовика XVI.—Манифестъ герцога Брауншвейгскаго.—10-е августа.

Военная комиссія Собранія дѣятельно работала надъ приведеніемъ страны въ оборонительное положеніе. Уже съ ноября мѣсяца предыдущаго года для пополненія недочетовъ, происшедшихъ въ войскахъ вслѣдствіе эмиграціи, по докладу д'Альбитта было разрѣшено служащимъ въ національной гвардіи всѣхъ городовъ Франціи участвовать въ соискательствѣ на офицерскій чинъ. Карно старшій предложилъ замѣстить офицеровъ-дезертировъ сержантами; тотъ же депутатъ въ іюнѣ предложилъ декретъ о раздачѣ 300,000 ружей національной гвардіи пограничныхъ мѣстностей и о заказѣ 200,000 пикъ, которыми предполагалось замѣнить недостававшее огнестрѣльное оружіе. Братъ его Карно-Феленъ настоялъ на увеличеніи наличнаго состава арміи до 450,000 ч. Привели въ исправность нѣсколько крѣпостей и издали декретъ, запрещавшій капитуляцію до пробитія значительной бреши и до приступа. Военные начальники, не внушавшіе довѣрія, получили приказъ даже и въ вышеупомянутыхъ случаяхъ не вступать въ переговоры съ непріятелемъ иначе, какъ по соглашенію съ гражданскими властями.

Всѣ люди, хорошо знавшіе положеніе, считали его крайне опаснымъ. Министръ Нарбоннъ всегда преувеличивалъ цифру военныхъ силъ; его преемникъ Серванъ опредѣлилъ не свыше 93,000 ч. число войскъ, защищавшихъ границы, между тѣмъ какъ непріятель располагалъ силами, превышавшими вдвое эту цифру.

Парижъ встрѣтилъ празднествами прибытіе федералистовъ

изъ провинцій. Бретонцамъ былъ данъ банкетъ 26-го іюля на площади Бастиліи. Марсельцы прибыли 30-го. Они пустились въ путь не только для участія въ борьбѣ съ иноземнымъ врагомъ; они явились по зову парижскихъ демократовъ для защиты революціи. «Это была самая наэлектризованная часть населенія города, отличающагося вообще своей страстностью» — сказалъ о нихъ ихъ землякъ Тьеръ. Это вовсе не были бѣглецы каторжники, какъ нѣкоторые утверждали; напротивъ, «по большей части это были люди порядочные и опытные воины». Послѣдній отзывъ принадлежитъ очевидцу осады Тюльери, почтенному Моро-де-Жоннесу *). Ихъ численность впрочемъ сильно преувеличена: ихъ было не болѣе 500 ч. Демократы устроили въ честь ихъ банкетъ въ Елисейскихъ Поляхъ. Въ тотъ же день и въ томъ же мѣстѣ роялисты чествовали національныхъ гвардейцевъ (квартала монахинь св. Өомы, гдѣ преобладали ихъ сторонники). Между двумя группами произошло столкновеніе, окончившееся кровопролитіемъ.

Умы въ то время были сильно возбуждены обвиненіями, посылавшимися на Лафайета со стороны ораторовъ Учредительнаго собранія, клуба якобинцевъ и журналистики. Послѣ несчастнаго путешествія въ Парижъ, генералъ вступилъ въ переговоры съ Люкнеромъ объ освобожденіи короля изъ-подъ гнета, которому онъ-де подвергался. Письма Лафайета и показанія Люкнера не оставляютъ ни малѣйшаго сомнѣнія относительно существованія такого плана, который впрочемъ изложенъ Лали-Толандалемъ. Планъ этотъ былъ слѣдующій: «Возстановленіе законной власти короля. Широкое и необходимое расширеніе его священныхъ правъ. Установленіе истинной монархіи съ истиннымъ монархомъ и истинной свободой. Пересмотръ конституціи; отмѣна нѣкоторыхъ частей ея; измѣненіе и улучшеніе другихъ. Возстановленіе старыхъ привилегій дворянства, не политическихъ, а гражданскихъ, согласующихся съ общественнымъ мнѣніемъ, какъ-то: титуловъ, гербовъ, ливрей и проч.»

Но и этотъ планъ контръ-революціи, по мнѣнію двора, оставлялъ слишкомъ много простора свободѣ. «Лучшій совѣтъ, кото-

*) «Aventures de guerre au temps de la République et du Consulat» («Военныя приключенія эпохи Революціи и Консульства»).

рый можно дать Лафайету, — отвѣчалъ король, — это попрежнему наводить страхъ на мятежниковъ хорошимъ исполненіемъ обязанностей главнокомандующаго. Этимъ путемъ онъ упрочить довѣріе къ себѣ арміи и получить возможность распорядиться ею по своему усмотрѣнію».

Судя по всему, Людовикъ XVI не былъ противъ военнаго переворота и если не одобрилъ его, то единственно лишь потому, какъ онъ самъ выразился, что этотъ «способъ не удобоисполнимъ». И онъ, и его приближенные полагались только на иноземное вторженіе. Но и эта помощь была не безопасна. «Я содрагаюсь отъ ужаса при мысли о бѣшенствѣ, которое овладѣетъ всѣми этими сумасбродными головами при извѣстїи о взятїи перваго изъ нашихъ городовъ». Вотъ что говорилъ Лали-Толандаль. И его тревога была основательна. Взятіе Лонгви послужило сигналомъ къ сентябрьскимъ измѣненіямъ.

Со всѣхъ сторонъ требовали преданія суду Лафайета. Жирондисты громко высказывались противъ него. Однако нѣкоторые изъ нихъ, какъ увѣряютъ, пытались въ виду борьбы, которая могла окончиться лишь побѣдой одной изъ крайнихъ партій, пойти на компромиссъ съ королевской властью. Они совѣтовали Людовику XVI пустить въ ходъ свое вліяніе для прекращенія непріязненныхъ дѣйствій со стороны державъ, совѣтовали уволить скомпрометированнаго Лафайета отъ должности главнокомандующаго, составить министерство изъ патріотовъ и по возможности возвратить себѣ довѣріе населенія заявленіемъ, что онъ ни въ какомъ случаѣ не согласится на увеличеніе своей власти помимо свободнаго и формальнаго желанія націи. 26-го іюля Гадэ прочелъ проэктъ адреса на имя короля, редактированный Кондорсэ, гдѣ въ строгихъ выраженіяхъ указывалось на опасность образа дѣйствій короля и на недовѣріе, которое онъ вызываетъ. Къ нему обращались съ приглашеніемъ «спасти отечество и корону» возвращеніемъ на конституціонный путь. Совѣты эти, исходившіе отъ партій, всѣмъ извѣстной своимъ революціоннымъ направленіемъ, были приняты, какъ и слѣдовало ожидать, не лучше предложеній Лафайета. Король рѣзко отклонилъ ихъ. Въ то же время проэктъ Кондорсэ отвергли и ярые патріоты, не вѣрившіе въ искренность короля и считавшіе всякую сдѣлку съ нимъ за западню.

Попытка жирондистовъ свидѣтельствуеть о тревогѣ, которую возбуждалъ въ нихъ приближавшійся исходъ кризиса. «Часто втеченіи іюля,—разсказываетъ г-жа Роланъ,—мы бесѣдовали съ Серваномъ и Барбару и, видя, какъ дѣла ухудшаются, благодаря лицемѣрію двора и приближенію непріятельскихъ войскъ, ломали себѣ головы надъ вопросомъ, какъ спасти свободу». Барбару совѣтовалъ перенести собраніе въ Провансъ, его родину, духъ которой онъ хвалилъ. «Но надѣюсь,—говорилъ онъ,—что прибывшіе марсельцы помогутъ парижанамъ справиться съ дворомъ и что такимъ образомъ возникнетъ республика». Въ различныхъ тайныхъ собраніяхъ обсуждались планы народнаго возстанія, но настоящихъ вождей не было: какъ жирондисты, такъ и якобинцы держались выжидательнаго положенія. Робеспьеръ не явился на засѣданіе инсуреціоннаго комитета, происходившее въ его собственномъ домѣ. Дантонъ, даже самъ отважный Дантонъ, послѣ громовыхъ рѣчей въ клубѣ кордельеровъ, не появлялся въ немъ и нигдѣ не показывался. И онъ подъ конецъ началъ колебаться и воздерживался отъ всякой дѣятельной роли. Совершенно неизвѣстные люди стали во главѣ движенія. Народъ въ порывѣ отчаянія искалъ насильственнаго выхода изъ невыносимаго положенія, чтобы отдѣлаться отъ власти, утратившей его довѣріе. Беспорядочныя банды кинулись очертя голову на хорошо вооруженныя регулярныя военныя силы, занимавшія прекрасно укрѣпленную позицію: разсудокъ подсказалъ бы больше осторожности, но неизвѣстно еще, доставила-ли бы она успѣхъ.

Дѣйствительно всѣ шансы казались на сторонѣ двора. «При дворѣ не только не боялись нападенія,—говоритъ маркизъ Феррьеръ, но надѣялись даже воспользоваться имъ, чтобы овладѣть Парижемъ». Собраніе также не ждало иной развязки. Доказательство этому находимъ въ его постановленіи по дѣлу Лафайета: 406 голосовъ противъ 224 отвергли предложеніе предать суду генерала, такъ открыто выступившаго на защиту королевской власти. Въ этомъ знаменательномъ фактѣ дворъ почерпнулъ новыя надежды. Онъ впрочемъ рассчитывалъ на опору пятидесяти тысячъ хорошо вооруженныхъ войскъ и двѣнадцати орудій; но мы увидимъ скоро, какъ онъ заблуждался относительно преданности солдатъ.

Однимъ лишнимъ поводомъ къ раздраженію, ускорившимъ катастрофу, было слѣдующее обстоятельство. Герцогъ Брауншвейгскій, главнокомандующій союзныхъ войскъ, вступая на французскую территорію, издалъ знаменитый манифестъ, за которымъ сохранилось его имя, хотя авторомъ его было другое лицо, и самъ герцогъ признавалъ его неудовлетворительность. Документъ этотъ приписываютъ перу одного эмигранта, Симона Гельвена. Многіе утверждали, будто узнаютъ въ немъ слогъ Калонна, бывшего министра финансовъ. Но, какъ бы то ни было, во всякомъ случаѣ основаніемъ манифесту послужили документы, доставленные иностраннымъ дворомъ Малэ-Дюпаномъ, уполномоченнымъ Людовика XVI, и поэтому газеты того времени не ошибались, говоря, что онъ исходитъ изъ Тюльери. Послѣ изложенія мотивовъ неудовольствія со стороны императора австрійскаго и короля прусскаго противъ Франціи, обвиняемой въ отмѣнѣ владѣтельныхъ правъ нѣмецкихъ князей въ Эльзасѣ и Лотарингіи, въ нарушеніи порядка и ниспроверженіи законнаго правительства, главнокомандующій союзныхъ армій возвѣщалъ французамъ, что ему поручено возвратить имъ счастье и миръ, и что въ случаѣ сопротивленія «они будутъ наказаны со всей строгостью военныхъ законовъ, а дома ихъ срыты и сожжены». «Городъ Парижъ и всѣ его жители, безъ различія, обязаны немедленно заявить о своей покорности королю и возвратить ему полную свободу, гарантировать какъ ему, такъ и всѣмъ особамъ королевской семьи, неприкосновенность и уваженіе, вмѣняемая подданнымъ въ обязанность естественнымъ и международнымъ правомъ. Ихъ императорское и королевское величества за всѣ событія признаютъ лично отвѣтственными головой и подлежащими военному суду, безъ надежды на помилованіе, всѣхъ членовъ національнаго собранія, членовъ департаментскихъ, уѣздныхъ и муниципальных совѣтовъ, всю парижскую національную гвардію, мировыхъ судей и всѣхъ, кого обстоятельства укажутъ. Кромѣ того ихъ величества даютъ императорское и королевское свое слово, что въ случаѣ оскорбленія Тюльерійскаго дворца или совершенія насилія надъ нимъ, въ случаѣ малѣйшаго оскорбленія или насилія, направленныхъ на особы короля, королевы или членовъ королевской семьи, въ случаѣ, если не приняты будутъ мѣры къ

сохраненію ихъ безопасности, неприкосновенности и свободы,— ихъ величества отомстятъ за это примѣрнымъ и на вѣки памятнымъ наказаніемъ, предавъ Парижъ военной экзекуціи и полному разрушенію, а виновныхъ въ покушеніяхъ—казнямъ, ими заслуженнымъ».

Документъ этотъ, помѣченный 25-мъ іюля, былъ перепечатанъ 28-го числа роялистскими газетами, какъ бы заявлявшими громко о своей солидарности съ нимъ. Переписка отца Ланфана, духовника Людовика XVI, удостовѣряетъ, что манифестомъ очень восхищались въ томъ кружкѣ, гдѣ онъ жилъ. Въ особенности одобряли параграфъ, касающійся Парижа, и когда говорили объ арміи союзниковъ, то называли ее не иначе, какъ *нашей арміей*.

А между тѣмъ вся Франція пришла въ величайшее негодованіе при чтеніи оскорбительнаго вызова; что же касается до угрозъ, то никто не имѣлъ причинъ сомнѣваться въ ихъ серьезности, такъ какъ небольшой городъ Сіеркъ, оказавшій сопротивленіе прусскимъ авангардамъ, былъ подвергнутъ военной экзекуціи.

Общественное мнѣніе относилось съ возраставшимъ раздраженіемъ къ Людовику XVI, какъ къ сообщнику всѣхъ этихъ нападеній. Въ петиціяхъ среди федералистовъ, въ газетахъ и клубахъ требовали его низложенія. Всѣ 48 секцій города Парижа, за исключеніемъ одной, рѣшили ходатайствовать объ этомъ передъ Собраніемъ.

«Быть-можетъ никогда еще,—говоритъ одинъ историкъ,— не проявлялось такого единодушія въ многочисленномъ народѣ по поводу такого труднаго и важнаго вопроса». Одна изъ секцій Парижа (секція Моконсель) отважилась даже объявить, что не признаетъ болѣе Людовика XVI королемъ. Совѣтъ парижской общины проявилъ не больше уваженія къ административнымъ властямъ: онъ отправилъ прямо своихъ комиссаровъ въ Суассонскій лагерь какъ-бы съ цѣлью наблюдать, въ интересахъ семей, за содержаніемъ національныхъ волонтеровъ. Мѣстные администраціи позволяли себѣ такія же самовольныя дѣйствія. Одинъ изъ генеральныхъ совѣтовъ (совѣтъ Кальвадоса), не принимая въ расчетъ королевскаго *veto*, примѣнялъ на практикѣ законопроектъ о неприсягнувшихъ и мятежныхъ

священникахъ, измѣняя даже и эти мѣры по собственному усмотрѣнію. Другой совѣтъ, департамента Устьевъ-Роны, приостанавливалъ взносъ платежей въ государственное казначейство и употреблялъ эти суммы на уплату жалованья волонтерамъ. Эта анархія повсемѣстно увеличивалась вплоть до учрежденія республики. Однако нельзя не признать во всѣхъ этихъ неправильныхъ поступкахъ единства цѣли и намѣреній, свидѣтельствующихъ о единодушій революціоннаго направленія.

Секціи Парижа поручили Петіону внести въ Собраніе ихъ просьбы о низложеніи. Это желаніе, выраженное мѣромъ Парижа, принимало очень серьезный характеръ. Петіонъ исполнилъ возложенную на его миссію 3-го августа. Въ тотъ же день Людовикъ XVI сообщилъ Собранію о манифестѣ герцога Брауншвейгскаго, уже всѣмъ извѣстномъ и напечатанномъ пятью днями раньше. Онъ сопровождалъ официальное сообщеніе увѣреніями въ преданности конституціи, встрѣченными ироническимъ ропотомъ.

Собраніе назначило пренія о низложеніи на 9-ое августа. Одна изъ секцій Сентъ-Антуанскаго предмѣстья объявила, не встрѣчая опроверженій со стороны прочихъ, что если до одиннадцати часовъ народъ не получитъ удовлетворенія, то въ полночь ударятъ въ набатъ. Собраніе сочло однако же нужнымъ отложить рѣшеніе вопроса, основываясь на томъ, что воля народа казалась ей недостаточно выясненной. Это послужило сигналомъ къ взрыву.

Среди ночи, свѣтлой и теплой, начался сборъ секцій. Онѣ выбрали каждая по три комиссара, снабженныхъ полномочіями для *спасенія отечества*; болѣе точныхъ указаній имъ не было дано. Комиссары, въ числѣ восьмидесяти двухъ чловѣкъ (между которыми не было ни одного изъ извѣстныхъ народныхъ вождей: ни Робеспьера, ни Дантона, ни Марата), отправились отдѣльно и безъ оружія въ городскую ратушу. Войдя въ зданіе, они заняли комнату рядомъ съ помещеніемъ, гдѣ обыкновенно происходили засѣданія законнаго совѣта общины; затѣмъ при ударѣ набата перешли въ залъ засѣданій, развернули свои полномочія, заставили признать себя и заняли пустыя мѣста членовъ упраздненнаго совѣта. Это было для всѣхъ полной неожиданностью. Овладевъ положеніемъ, они начали съ дезор-

ганизациі защиты Тюльерійскаго дворца, потребовавъ въ ратушу начальника національной гвардіи Манда, тайнаго приверженца роялистовъ. Онъ былъ однимъ изъ шести начальниковъ, командовавшихъ по очереди. Манда явился, предполагая, что приказъ исходитъ отъ прежняго муниципальнаго совѣта, и очутился передъ возставшей парижской общиной. Ему предъявили изданный имъ приказъ войскамъ разсѣять народную колонну, когда она отправится къ дворцу, *ударивъ на нее съ тылу*. Его тотчасъ же отправили въ тюрьму. Но слухъ о его предательствѣ успѣлъ разнестись и его убили на ступеняхъ ратуши.

Однако во дворцѣ смерть его была еще неизвѣстна. Продолжали разсчитывать на его распоряженія и считали себя въ безопасности. Дворецъ и его окрестности были заняты, какъ кажется, — такъ какъ показанія по этому предмету сильно расходятся, — тремя швейцарскими полками, къ которымъ присоединялись, носившіе тотъ же красный мундиръ, прежаіе солдаты королевской стражи, продолжавшіе получать жалованье и не распушенные вопреки декрету Собранія. Сверхъ того тамъ было до тысячи преданныхъ королю дворянъ и нѣсколько батальоновъ національной гвардіи.

На разсвѣтѣ король вышелъ сдѣлать смотръ всему гарнизону. Роялисты позволили себѣ контръ-революціонныя демонстраціи, вызвавшія крики неодобренія со стороны солдатъ національной гвардіи. На крики: «да здравствуетъ король!» отвѣчали криками: «да здравствуетъ нація!». Многіе національные гвардейцы присоединились къ нападающимъ. Король возвратился во дворецъ въ большомъ смущеніи. Вскорѣ показались первые отряды народной толпы, понятно самые ярые, вооруженные пиками, вертелами и разными другими желѣзными орудіями. Крупные отряды были лучше вооружены: у нихъ были ружья, но мало зарядовъ, между тѣмъ какъ у cadaго швейцарца было по сорока патроновъ. При приближеніи атакующихъ большинство національных гвардейцевъ, оставшихся въ Тюльери, объявили, что не будутъ стрѣлять въ народъ, и артиллеристы побросали на мостовую ядра и порохъ.

Къ восьми часамъ утра всѣ были на ногахъ. Возстаніе вербовало свои силы не въ однихъ предмѣстьяхъ, какъ нѣкоторые утверждаютъ: оно охватило весь Парижъ; всѣ кварталы, всѣ

классы имѣли въ немъ своихъ представителей. Но самыми страшными ея элементами были пять сотъ марсельцевъ, триста бретонцевъ, парижскіе федералисты и нѣкоторое число бывшихъ французскихъ гвардейцевъ.

Совѣтъ департамента, съ прокуроромъ-синдикомъ Редеромъ во главѣ, явился къ королю съ представленіями относительно опасности оставаться во дворцѣ во время осады и предложилъ ему укрыться въ національнымъ собраніи. Королева отвергла предложеніе съ жестомъ негодованія. Король колебался. Но шумъ усиливался, толпа росла. Король рѣшился удалиться, вызывая этимъ поступкомъ негодованіе среди защитниковъ дворца. Королевская семья, пройдя пѣшкомъ черезъ садъ и террасу фельянтинцевъ, вступила въ залу Собранія, встрѣтившаго ее глубокимъ молчаніемъ. Однако же король нашелся сказать нѣсколько благородныхъ словъ: «Я пришелъ сюда во избѣжаніе страшнаго преступленія. Я всегда буду считать себя въ опасности среди представителей націи». — «Ваше величество, — отвѣтилъ президентъ (Верньо), — вы можете положиться на твердость Собранія. Члены его поклялись умереть, защищая права народа и установленныхъ властей». Людовика XVI и его семью впустили въ трибуну, находившуюся за президентскимъ кресломъ.

Въ моментъ, когда король вышелъ изъ дворца, послѣдній былъ уже обложенъ, но непріязненные дѣйствія еще не начались. Король былъ уже далеко, когда триста или четыреста человѣкъ безъ огнестрѣльнаго оружія ворвались въ переднюю дворца. Швейцарцы, стоявшіе на площадкахъ большой лѣстницы, дали сверху залпъ по сплошной толпѣ и смяли ее.

Но возмездіе въ лицѣ федералистовъ и жителей предмѣстій—цѣлаго лѣса штыковъ—было уже близко. Дворы уже были заняты, дворецъ еще держался, но швейцарцы не соглашались прекратить огня до полученія приказа короля. Приказъ былъ полученъ только черезъ два часа, хотя перестрѣлка и слышна была въ Собраніи. Швейцарцы отступили черезъ садъ, нѣсколько разъ давая энергическій отпоръ народной толпѣ. Они обратились въ бѣгство только у большого бассейна: одни изъ нихъ пали защищаясь, другіе спаслись, благодаря мужественному гостепріимству нѣкоторыхъ лицъ. Тѣ изъ нихъ, кото-

рымъ удалось укрыться въ стѣнахъ Собранія, нашли тамъ безопасное убѣжище. Дамы штата королевы, взятые въ плѣнъ и снячала напуганныя угрозами, были пощажены и нашли себѣ покровителей.

Король изъ своей трибуны присутствовалъ при агоніи королевской власти. Не смотря на то, что Собраніе говорило только о *временномъ отрѣшеніи* отъ исполнительной власти и занялось вопросомъ о воспитаніи дофина, какъ бы устраняя мысль объ окончательномъ упраздненіи престола, однако никто не сомнѣвался въ значеніи совершившагося. Монархическому началу нанесенъ былъ смертельный ударъ, хотя первоначально предназначенный вовсе не ему.

Приведемъ слова одного изъ дѣйствующихъ лицъ въ событіяхъ 10-го августа: «Это сраженіе, самое кровопролитное изъ всѣхъ битвъ революціи на улицахъ Парижа, не было нападеніемъ, направленнымъ ни противъ короны, ни противъ конституціонной монархіи, ни даже противъ короля Людовика XVI. Это было просто отчаянное усиліе парижскаго населенія и федералистовъ, буржуазіи и народа спасти страну и революцію отъ олигархіи, дѣйствовавшей заодно съ иностранными дворами и готовившей намъ участь Польши» (Моро де-Жоннесь).

Тотъ же писатель рассказываетъ, что во время перестрѣлки одинъ національный гвардеецъ, богатый булочникъ, исполнявшій свои военныя обязанности бокъ-о-бокъ съ нимъ, говорилъ: «грѣшно убивать такъ христіанъ; но по крайней мѣрѣ эти не откроютъ воротъ австрійцамъ». Эти слова бросаютъ свѣтъ на темные сентябрьскіе дни, о которыхъ намъ придется говорить въ слѣдующей главѣ.

Король и семья его изъ Собранія попали въ заточеніе. Сначала ихъ помѣстили въ зданіи министерства юстиціи съ содержаніемъ въ 500.000 ливровъ. Затѣмъ перевели изъ предосторожности въ цитадель Тампля, уцѣлѣвшую отъ древняго жилища тамплиеровъ, съ тѣхъ поръ срытаго.

Въ то же засѣданіе было постановлено, что декреты, на которые король не согласился дать санкціи, получаютъ силу закона; рѣшено отправить въ армію комиссаровъ для сообщенія защитникамъ отечества о перемѣнахъ, происшедшихъ въ правительствѣ, и для приведенія ихъ къ новой присягѣ. Рѣшено было, что

Собрание изберетъ новое министерство внѣ своего состава. Роланъ, Серванъ и Клавьеръ были призваны вторично. Дантонъ втерся въ качествѣ трибуна, котораго народъ желалъ видѣть у власти; ему дали министерство юстиціи. «Вступаю въ правительство черезъ Тюльерійскую брешь»,—сказалъ онъ. Коммиссары, отправленные въ рейнскую армію, Карно, Пріеръ и Кустаръ удачно выполнили свое порученіе: генералы Биронъ и Кюстинъ признали власть Законодательнаго собранія. Наоборотъ, Лафайетъ приказалъ арестовать посланныхъ къ нему Керсена, Антонелли и Перальди и протестовалъ противъ революціи 10-го августа. Онъ пытался организовать противъ нея сопротивление, опираясь на муниципальныя и департаментскія учрежденія занятаго имъ края. Но вмѣсто криковъ: «да здравствуетъ Лафайетъ!», къ которымъ онъ привыкъ, солдаты встрѣтили его крикомъ: «да здравствуетъ Собрание!» Преданный суду декретомъ, онъ перебрался за границу, но не для присоединенія къ эмигрантамъ, а съ намѣреніемъ отправиться въ Голландію, а оттуда—въ Америку. Однако австрійцы, какъ-бы оберегая его репутацію патріота, схватили его и таскали по тюрьмамъ до тѣхъ поръ, пока французская республика, успокоившись достаточно для того, чтобы вынять голосу справедливости, вытребовала его, какъ одного изъ первыхъ представителей свободы.

Законодательное собраніе не сочло себя компетентнымъ рѣшить окончательно вопросъ о монархіи и судьбѣ монарха. Въ томъ-же декретѣ, отрѣшавшемъ Людовика XVI отъ власти, Собрание приглашало народъ вручить полномочія національному Конвенту. Будущее Собрание должно было состоять изъ 750 членовъ, избранныхъ тѣмъ-же порядкомъ, какъ и депутаты предыдущихъ собраній, но для того, чтобы подачу голосовъ сдѣлать общей, было отмѣнено возбудившее столько неудовольствій раздѣленіе гражданъ на активныхъ и не-активныхъ: каждый французъ получилъ право подачи голоса по достиженіи возраста двадцати одного года, и право быть избраннымъ—по достиженіи двадцати пяти лѣтъ. Собранія низшаго разряда для выбора избирателей были созваны на 26-е августа, а послѣдніе должны были собраться для выбора депутатовъ 2-го сентября.

Начиная съ 10-го августа, революціонное движеніе господствуетъ, увлекаетъ, подавляетъ все. Однако слѣдуетъ отмѣтить

одно изъ послѣднихъ дѣйствій Законодательнаго собранія. Оно почтило званіемъ французскихъ гражданъ знаменитыхъ иностранцевъ въ награду за услуги, оказанныя ими дѣлу свободы. Въ этомъ почетномъ списокѣ красуются имена Вашингтона, героя независимости Америки; Вильберфорса и Кларксона, филантроповъ-проповѣдниковъ уничтоженія невольничества; Клопштока и Шиллера, національныхъ поэтовъ Германіи; Пристлея, великаго ученаго, юриста Бентама, блестящаго оратора Анахарзиса Клоотса, воспитателей юношества: Кампе и Песталоцци. Этотъ декретъ, подписанный 26-го августа, въ моментъ, когда арміи союзниковъ врываются въ границы Франціи, доказываетъ, что второе Національное собраніе понимало не менѣе перваго великій духъ французской революціи. Избиратели города Парижа откликнулись на мысль Собранія выборомъ въ члены Конвента многихъ изъ новыхъ и знаменитыхъ своихъ согражданъ. Робеспьеръ былъ достаточно безтактенъ, чтобы воспротивиться кандидатурѣ Пристлея и предпочесть ему Марата.

30-го августа, по предложенію Обера-Дюбайэ, Законодательное собраніе признало право развода, а по инициативѣ Гранжнѣва назначило комиссію для разработки вопроса объ усыновленіи.

За исключеніемъ этихъ законовъ, напоминающихъ по характеру своему лучшія времена Учредительнаго собранія, Законодательное собраніе до своего закрытія посвятило все время борьбѣ противъ вмѣшательства парижской общины въ сферу правительственныхъ дѣлъ. Она старалась удержать власть, захваченную ею во время движенія. Роль ея, какъ она сама отлично сознавала, была не въ административномъ управленіи столицей, а въ поддержаніи революціоннаго движенія. Засѣданія ея были непрерывны. Президентъ часто совѣтовался съ галлерейми и заставлялъ ихъ участвовать въ голосованіи; каждое требованіе свое ратуша сопровождала угрозой поднять Парижъ. Она стремилась распространить свою власть даже на провинціи, а въ ней самой каждый мнилъ себя диктаторомъ. Это собраніе было образцомъ анархическаго деспотизма.

Тщетно Законодательное собраніе пыталось образовать новую департаментскую директорію и измѣнить составъ муниципальнаго совѣта посредствомъ законныхъ выборовъ. Подъ пере-

крестнымъ огнемъ различныхъ вліяній Собранію пришлось измѣнить свои намѣренія. Однако-же ему удалось настоять на отказѣ учредить чрезвычайный военный судъ надъ преступниками, вызвавшими кровопрлитіе 10-го августа. Оно отвѣчало также отказомъ Робеспьеру, явившемуся во главѣ депутаціи общины съ жалобой на медленность судопроизводства съ двумя инстанціями, установленнаго закономъ. Отказавъ въ учрежденіи военного суда, избраннаго секціями Парижа и федералистами, оно изъяло дѣло, вызванное событіями 10-го августа, изъ вѣдѣнія уголовного суда, не пользовавшагося довѣріемъ республиканцевъ, и объявило, что разбирательство его будетъ передано особымъ судьямъ, избраннымъ двойными выборами согласно предписанію конституціи. Это происходило 17-го, и новый судъ вступилъ въ дѣйствіе немедленно. То былъ еще не знаменитый революціонный судъ, а только предвѣстникъ его: онъ произнесъ много приговоровъ. Однако тяжелому кризису суждено было разрѣшиться не дѣйствіемъ правосудія.

Г Л А В А V.

Нашествіе иностранцевъ.—Сентябрьскія избіенія.—Побѣда подъ Вальми.—Закрытіе Законодательнаго собранія.

26-го августа 1792 года вечернее засѣданіе началось съ сообщенія военнымъ министромъ письма маршала Люкнера, извѣщавшаго о капитуляціи Лонгви: гарнизонъ могъ еще защищаться, но онъ согласился на капитуляцію по настояніямъ обезумѣвшей отъ страха буржуазіи. Извѣстіе это было встрѣчено негодованіемъ; Собраніе постановило лишить населеніе города на десять лѣтъ званія французскихъ гражданъ и разрушить дома его, какъ только націи удастся изгнать непріятеля. Оно постановило смертную казнь для всякаго, кто осмѣлится говорить о сдачѣ въ осажденномъ городѣ. Рѣшено было набрать тридцать тысячъ человѣкъ въ Парижѣ и сосѣднихъ департаментахъ и раздать на границахъ оставшіяся на-лицо ружья. Патріотическое соревнованіе овладѣло всѣми; парижская національная гвардія пожертвовала двадцать четыре артиллерійскихъ орудія и предложила выставить къ нимъ прислугу; всѣ секціи занялись пріисканіемъ людей, годныхъ къ военной службѣ, и предложили обмундировать ихъ на свой счетъ. Средняя цифра ежедневныхъ отправокъ волонтеровъ въ армію за сентябрь равняется 1,800 ч. Женщины собирались въ церквахъ для изготовленія лагерныхъ принадлежностей. Пожертвованія сыпались со всѣхъ сторонъ: кто давалъ лошадей, кто доставлялъ телѣгу или платье. Солдаты несли часть своего жалованья, школьники—выручку съ полученной награды, женскія драгоценныя вещи жертвовались во множествѣ и скромностью своей указывали на демократическое ихъ происхожденіе. Президентъ Верньо предложилъ Национальному собранію, «составляющему въ данное время скорѣе обширный военный комитетъ, чѣмъ законодательное учрежденіе», отпра-

вить въ лагерь комиссаровъ, не столько для поощренія гражданъ къ труду, сколько для того, чтобы подавать примѣръ собственнымъ трудомъ.

Секція и сама община не удовольствовались этимъ: онѣ предложили довести контингентъ Парижа до шестидесяти тысячъ волонтеровъ и приказали употребить желѣзныя рѣшетки на пики, бронзу статуй—на пушки, а свинець гробовъ переплавить на пули.

Но среди этихъ великодушныхъ порывовъ случилось самое гнусное преступленіе, послужившее неоднократно врагамъ революціи поводомъ къ окловетанію ея принциповъ: избіеніе заключенныхъ въ тюрьмахъ, происшедшее 23-го сентября.

Для того, кто мало-мальски изучалъ человѣческую природу и исторію, причины этой народной расправы въ такой роковой моментъ кажутся понятными. Военныя неудачи, приписанныя предательству, радость роялистовъ при полученіи печальныхъ извѣстій и очевидная опасность привели всѣ умы въ лихорадное состояніе. Кромѣ того во всѣхъ даже наиболее здоровыхъ и благоустроенныхъ обществахъ всегда существуютъ группы темныхъ личностей, не затронутыхъ прогрессомъ, сохранившихъ нравы варварскаго состоянія и появляющихся на сценѣ для удовлетворенія своихъ дурныхъ инстинктовъ въ смутные моменты.

Тѣмъ не менѣе тяжелая отвѣтственность лежитъ на нѣкоторыхъ дѣятеляхъ: рѣчи, пресса, прокламаціи Марата не переставали подстрекать къ убійствамъ. Зажигательныя воззванія Дантона передъ избіеніемъ, его добровольное бездѣйствіе во время этихъ ужасовъ доказываютъ по меньшей мѣрѣ то, что онъ не осуждалъ убійцъ. Что касается Робеспьера, то хотя онъ и не принималъ никакого участія въ борьбѣ 10-го августа, тѣмъ не менѣе выступилъ немедленно послѣ боя, требуя жестокихъ мѣръ противъ побѣжденныхъ. Онъ нападалъ на жирондистовъ, на собраніе, на министровъ и предложилъ парижской общинѣ *передать власть народу*. Рѣчь его была произнесена 1-го; на слѣдующій день полилась кровь.

27-го августа былъ устроенъ праздникъ въ честь павшихъ 10-го,—праздникъ мрачный, который долженъ былъ разжечь чувства ненависти и мести. Распорядителемъ этого торжества была парижская община.

28-го Дантонъ являлся въ Собраніе, чтобы получить въ качествѣ министра юстиціи разрѣшеніе произвести домовые обыски у подозрительныхъ лицъ съ цѣлью отобрать у нихъ оружіе и провѣрить число лошадей и экипажей, пригодныхъ для войны: «Все принадлежитъ отечеству въ моментъ опасности!» — сказалъ онъ.

Эти мѣры, быть можетъ и оправдываемыя крайностью положенія, казавшагося безнадежнымъ, были приведены въ исполненіе въ ночь съ 29 на 30.

Онѣ имѣли роковыя послѣдствія.

Внезапно, среди ночной тишины уснуваго города, нѣкоторые улицы и дома были заняты войсками во имя закона. Весь городъ пришелъ въ смятеніе. Обыски производились подъ прикрытіемъ вооруженной силы и часто оканчивались арестами. Спасаться не было никакой возможности. Заставы были заперты, и даже у Сены были разставлены караулы. Скоро около трехъ тысячъ арестованныхъ были препровождены въ тюрьмы, словно заранѣе позаботились о томъ, чтобы наполнить ихъ жертвами. Арестованные представляли самую пеструю смѣсь: между ними были эмигранты, пробравшіеся домой съ тѣмъ, чтобы служить контръ-революціи, неприсягнувшіе священники и люди, навлекшіе подозрѣніе своимъ положеніемъ, семейными или другими связями, какой-нибудь неосторожностью. Многіе были освобождены на слѣдующее утро, но къ несчастью все-же слишкомъ много осталось подъ замкомъ.

Неизвѣстно, откуда вдругъ пронесся слухъ, что эти несчастные пользуются своимъ случайнымъ сближеніемъ, чтобы приготовить заговоръ, и что немедленно послѣ выступленія волонтеровъ тюрьмы раскроются, а Парижъ, этотъ очагъ революціи, будетъ преданъ непріятелю. Утверждали, будто слышали, какъ заключенные въ Шатлэ кричали: «Да здравствуютъ австрійцы!» «Да здравствуетъ Кондэ!» «Долой націю!» Въ то же время извѣстія съ театра военныхъ дѣйствій становились все безотраднѣе: Тіонвиль и Вердѣнъ были осаждены; о послѣднемъ говорили даже, что онъ взятъ; непріятель уже подступилъ къ Шалону и форсированнымъ маршемъ идетъ на Парижъ. Говорили о депутаціяхъ роялистовъ, встрѣтившихъ пруссаковъ съ развернутыми бѣлыми знаменами. Эти толки возбуждали воображеніе: они на-

рождали солдатъ, но въ то же время создавали и убійцъ. «Граждане,—взывала парижская община въ прокламаціи, распространенной при звукѣ трубъ по улицамъ столицы,—непріятель у воротъ Парижа; пусть сегодня-же, не теряя ни минуты, всѣ друзья свободы станутъ подъ знамена; соединимся всѣ на Марсовомъ Полѣ; пусть немедленно соберется армія въ шестьдесятъ тысячъ человѣкъ и идетъ на врага съ тѣмъ, чтобы самой лечь костями или уничтожить его!»

Муниципальный совѣтъ объявилъ Собранію, что по его приказанію сейчасъ ударятъ въ набатъ и начнется пушечная пальба для сбора гражданъ на Марсовомъ Полѣ. Дантонъ присовокупилъ: «Набатъ—не сигналъ погибающихъ, это—зовъ на бой съ врагами отечества. Чтобы побѣдить ихъ, милостивые государи, намъ нужна смѣлость, смѣлость и смѣлость.»

Но какихъ враговъ подразумѣвалъ Дантонъ? Онъ пояснилъ это словами: «Надо нагнать страхъ на роялистовъ.»

Избіеніе длилось двое сутокъ въ аббатствѣ и четверо сутокъ въ Бисетрѣ.

«Не оставимъ въ Парижѣ за собою ни одного живого врага, который могъ бы радоваться нашей неудачѣ и въ наше отсутствіе напасть на женъ и дѣтей нашихъ!» Это кровавое воззваніе имѣло успѣхъ.

Неужели оружіе, приготовленное противъ иноземнаго врага, должно было получить крещеніе въ этомъ чудовищномъ самосудѣ? Страхъ порождаетъ жестокость! Но такое предположеніе теряетъ силу передъ фактомъ крайней малочисленности палачей. А послѣдніе—по чьему приказу дѣйствовали они? Распоряженіе это было ли измыслено съ расчетомъ спасти революцію терроромъ или быть-можетъ обратнымъ расчетомъ погубить ее собственными крайностями? Бываютъ люди, мнящіе себя великими политиками на томъ основаніи, что они умѣютъ пренебрегать всѣми законами правосудія и человѣколюбія. Но какой бы мотивъ ни лежалъ въ основѣ преступленія, да будетъ оно предано вѣчному проклятію!

Въ аббатствѣ палачей было не болѣе пятнадцати человѣкъ,—говоритъ г-жа Роланъ, а она имѣла возможность получить вѣрную справку, такъ какъ сама ожидала смерти въ этой тюрьмѣ. Общій итогъ всѣхъ участниковъ въ этихъ отвратительныхъ экс-

педиціяхъ не превышаетъ двухсотъ человѣкъ. Они казались многочисленнѣе потому, что переходили изъ одной тюрьмы въ другую и не даромъ получили свою презрѣнную плату: они умертвили тысячу сто человѣкъ. Только треть жертвъ были политическими арестантами; въ Шатлэ погибло много воровъ, въ тюрьмѣ Бернардинцевъ—шестьдесятъ каторжниковъ, а въ Бисетрѣ и Сальпетріерѣ—много больныхъ и бѣдныхъ.

Нельзя представить себѣ ничего постыднѣе ослѣпленія этихъ злодѣевъ за исключеніемъ развѣ тупого любопытства кучки зрителей, сопровождавшихъ ихъ и присутствовавшихъ при рѣзнѣ. Словно въ насмѣшку, а вѣрнѣе всего изъ смутнаго чувства уваженія въ порядку, эту незаконную рѣзню окружили пародіей суда. Въ канцеляріи аббатства засѣдалъ импровизированный судъ. Вытребованы были тюремные реестры, производился краткій допросъ подсудимымъ, и затѣмъ *народные судьи*, какъ они величали себя, произносили обвинительный или оправдательный приговоръ. Да, были и оправданія: ихъ насчитывается болѣе восьмидесяти въ тюрьмахъ Шатлэ и аббатства. Оправдали даже нѣсколько человѣкъ, громко признавшихъ себя роялистами. И когда на долю подсудимаго выпадалъ оправдательный приговоръ, палачи выражали свою радость и торжественно уводили оправданнаго подальше отъ мѣста избіенія.

Между этими своеобразными судьями въ качествѣ председателя фигурировалъ приставъ Мальяръ, одинъ изъ героев осады Бастиліи и предводитель женщинъ, отправившихся въ Версаль 5-го октября 1789 г. Въ числѣ ихъ былъ и журналистъ Геберъ, извѣстный *Père Duchêne* (отецъ Дюшенъ), давшій впослѣдствіи свое имя цѣлой политической партіи. Въ числѣ жертвъ погибла принцесса Ламбалль, родственница и другъ королевы, убитая въ тюрьмѣ Ла-Форсъ и изувѣченная самымъ звѣрскимъ образомъ. Между помилованными находились аббатъ Сикаръ, наставникъ глухо-нѣмыхъ, и Журніакъ-де-Сень-Меаръ, редакторъ «*Actes des Apôtres*» («Посланій Апостоловъ»),—листка монархическаго и клерикальнаго направленія.

Вслѣдъ за этими ужасами послѣдовала реакція: Франція протестовала противъ подобнаго оскверненія ея революціи. Армія заявила свое негодованіе, изгнавъ и даже изрубивъ одного изъ убійцъ, осмѣливагося втереться въ ея ряды, и многіе изъ тѣхъ,

кого истерія обвиняетъ въ подстрекательствѣ къ этому преступленію, были глубоко имъ огорчены.

Побѣда, одержанная народомъ 10-го августа, не требовала этого возмутительнаго дополненія. Она достигла своей цѣли, обезкураживъ враговъ революціи, поднявъ національный духъ и устранивъ Людовика XVI отъ вліянія на государственныя дѣла.

Послѣдствіемъ ея было кромѣ того удаленіе нѣсколькихъ изъ военныхъ начальниковъ, не внушавшихъ довѣрія солдатамъ: Люкнера замѣнилъ Келлерманъ, а Лафайета — Дюмуре. Послѣдняго не любила и даже не уважала ни одна партія, но, несмотря на это, всѣ указывали на него, какъ-бы угадывая въ немъ человѣка, пригоднаго для даннаго положенія. Хотя уже очень пожилой, онъ сохранилъ живость молодости, соединенную съ большимъ военнымъ опытомъ; честь, оказанная ему выборомъ, повидимому настолько подняла его въ собственныхъ глазахъ, что заставила его отказаться отъ свойственныхъ ему интригъ. Вначалѣ встрѣченный холодно арміей, находившейся еще подъ впечатлѣніемъ побѣга главнокомандующаго, онъ съумѣлъ скоро плѣнить ее своимъ бойкимъ остроуміемъ и внушить ей вѣру въ свои дарованія. Келлерманъ также оправдалъ оказанное ему лестное предпочтеніе, совершивъ военный подвигъ, оставшійся единственнымъ выдающимся дѣломъ его карьеры. Со стороны французовъ было потеряно даромъ много времени. По счастью и союзники тратили его столь-же непроизводительно. Эмигранты обѣщали имъ побѣду почти безъ боя: предательство однихъ, неудовольствіе другихъ должны были открыть имъ путь въ Парижъ. Ихъ увѣряли, что имъ предстоитъ не болѣе какъ «военная прогулка». И они двинулись параднымъ маршемъ, ожидая, что населеніе будетъ встрѣчать армію спасителей поднесеніемъ ключей отъ городовъ. Старый герцогъ Брауншвейгскій, главнокомандующій союзныхъ войскъ, повидимому не раздѣлялъ этихъ близорукихъ мнѣній. Онъ дѣйствовалъ осмотрительно и старался охладить, насколько могъ, пылкое нетерпѣніе короля Вильгельма. Выступивъ изъ Кобленца 31-го іюля, пруссаки подошли къ Лонгви 19-го августа, пройдя не болѣе 40 миль въ двадцать дней. Лонгви сдался послѣ непродолжительной обороны. Съ той же медлительностью они направились на Верденъ и заняли этотъ пунктъ 31-го августа. Здѣсь повтори-

лось тоже, что и въ Лонгви: населеніе струсило, а военный совѣтъ оказался малодушнымъ. Храбрый Борепэръ, начальникъ батальона волонтеровъ Мэна и Луары, видя, что совѣтъ, власть котораго превышала его собственную, рѣшился на слачу, пустил себѣ пулю въ лобъ. Національное собраніе постановило похоронить его останки въ Пантеонѣ, на ряду съ прахомъ великихъ людей.

Во всѣхъ мѣстностяхъ, которыми союзникамъ удалось овладѣть, они обезоруживали милиціи, изгоняли конституціонныхъ священниковъ, замѣняли ихъ неприсягнувшими, слѣдовавшими въ большомъ количествѣ за ихъ арміей, и возвращали монахамъ имущества, отнятыя у нихъ революціей. Тотчасъ по вступленіи въ Верденъ они возстановили отставленнаго епископа.

Франція не могла сомнѣваться относительно подготовляемой ей судьбы: предстояло или возвращеніе къ старому режиму, или расчлененіе.

Для вступленія въ равнины Шампаньи и движенія на Парижъ пруссакамъ надо было пересѣчь Аргонскій лѣсъ, — мѣстность очень неровную, прорѣзанную горами, болотами и ручьями, площадь которой занимаетъ тридцать миль. Пять ущелій пересекаютъ это пространство. «Вотъ наши Өормопилы, — восклицалъ Дюмурье: — если я успѣю занять ихъ раньше пруссаковъ, мы спасены!» И въ припадкѣ чисто-гасконскаго юмора онъ написалъ Собранію: «Я буду счастливѣе Леонида».

При помощи ловкаго и смѣлаго маневра ему удалось занять первымъ ущелья Аргонны, но силы его были незначительны: онъ располагалъ всего 25,000 чел. противъ 70,000 и рискнулъ оставить свободнымъ одинъ изъ проходовъ: *Croix-au-Bois*. Его немедленно занялъ австрійскій генераль Клерфе. Если бы послѣдній проявилъ болѣе энергіи, Дюмурье былъ бы отрѣзанъ отъ обоза и запертъ между двумя рѣками, что неминуемо заставило бы его сложить оружіе. Но съ быстрой находчивостью онъ предупредилъ опасность измѣненіемъ всей диспозиціи, и въ моментъ, когда герцогъ Брауншвейгскій считалъ его запертымъ въ Аргоннѣ, французы повернули фронтъ, и самъ герцогъ очутился между Парижемъ и грозной арміей. Дюмурье успѣлъ болѣе чѣмъ удвоить свои силы, стянувъ всѣ войска, расположенныя по сосѣдству, и въ особенности присоединивъ къ нимъ корпусъ Келлермана въ 20,000 ч.

Парижъ дрогнулъ: непріятель былъ отъ него ближе, чѣмъ защитникъ.

Прусскій король, понимая затруднительность положенія союзныхъ войскъ, рѣшился на атаку. Но онъ съ трудомъ уговорилъ на нее герцога Брауншвейгскаго, и три дня прошли въ колебаніяхъ. Наконецъ обѣ арміи, выстроившись одна противъ другой на возвышенностяхъ, покрытыхъ артиллеріей, обмѣнялись двадцатью тысячами ядеръ и причинили другъ другу уронъ въ девятьсотъ человекъ. Но пруссакамъ пришлось прекратить огонь первымъ. Французскіе новобранцы: ремесленники, буржуа и крестьяне, только-что вышедшіе изъ-за прилавка, изъ мастерской или оставившіе паши, выдержали трудное испытаніе перваго сраженія такъ, что удивили самыхъ опытныхъ служакъ Европы. Бой подъ Вальми получилъ свое названіе отъ высокой мельницы, около которой нѣсколько рискованно расположился Келлерманъ для разгрома непріятеля. Эта первая побѣда надъ коалиціей имѣла громадное нравственное значеніе; послѣдствія ея не укрылись отъ пророческаго взора великаго германскаго поэта Гёте: «Нынѣ наступила,—сказалъ онъ,—новая эра всемірной исторіи».

Дюмуре могъ-бы воспользоваться своимъ успѣхомъ, но онъ предпочелъ дать арміи бороться съ диссентеріей и недостаткомъ съѣстныхъ припасовъ среди топкой грязи дорогъ Шампани. И дѣйствительно, когда она достигла границы Люксембурга 23-го октября, оказалось, что ряды ея сократились на одну треть, хотя не болѣе двухъ тысячъ пало отъ руки французовъ. Парижское правительство не пожелало впрочемъ разстроить окончательно своихъ отношеній къ пруссакамъ, надѣясь, что они отдѣлятся отъ коалиціи, съ которой соединились не изъ рыцарскихъ чувствъ, а просто изъ-за личныхъ выгодъ. Пруссаки поспѣшили возвратить Франціи Лонгви и Верденъ и вступить въ переговоры объ окончательной очисткѣ французской территоріи. Они занимали французскія провинціи втеченіи двухъ мѣсяцевъ и пяти дней.

Послѣдовала перемѣна декораціи. Отъ обороны Франція переходитъ къ наступленію. Горсть новобранцевъ и національныхъ гвардейцевъ проникла въ Пьемонтъ. Генералъ Ансельмъ съ четырнадцатью драгунами овладѣлъ Виллафранкой, крѣпостью

и морскимъ портомъ. Графство Ницца превратилось въ департаментъ Франціи. Населеніе Шамбери выбѣжало навстрѣчу генералу Монтеस्कью, явившемуся безъ войска, и Савойя неожиданно просила о своемъ присоединеніи къ Франціи. Городъ Майнцъ открылъ свои ворота Кюстину и чествовалъ его, какъ освободителя.

Дюмурье, справившись съ пруссаками, двинулъ свои силы на сѣверъ противъ австрійцевъ, варварски, хотя и безуспѣшно, бомбардировавшихъ Лилль; побѣда подъ Жеммапомъ упрочила его военную славу. Въ нѣсколько дней онъ завоевалъ Бельгію. Франція вездѣ торжествовала. Устами національнаго Конвента она провозгласила республику и объявила, что всякая нація, желающая освободиться, найдетъ съ ея стороны поддержку и братскій союзъ.

Республиканскій духъ руководилъ выборами; почти всѣ члены двухъ прежнихъ Собраній, доказавшіе свою преданность демократическимъ принципамъ, вошли въ составъ Конвента. Къ нимъ присоединились новые товарищи: однимъ работникамъ перваго періода было уже не подъ силу справиться съ новой задачей.

Революція съ этого момента принципиально завершена; начала ея формулированы закономъ. И еслибы законы эти управляли французскимъ народомъ достаточно долго, чтобы окончить его политическое воспитаніе, то будущее демократіи было бы всюду обезпечено. Старый строй узналъ отнынѣ всю глубину угрожавшей имъ опасности. Пруссаки, принявшіе на себя миссію наказать Францію, какъ буйнаго ребенка, встрѣтились съ новымъ Геркулесомъ въ колыбели, и всѣ руки соединились теперь, чтобы задушить его. Но въ то время какъ революція занята была защитой своихъ пріобрѣтеній противъ иноземныхъ враговъ, неблагодарные сыны ея начали ослаблять ее внутренними раздорами. Она ополчается и противъ нихъ, и законный гнѣвъ ея жестокъ до ослѣпленія. Суровость ея отталкиваетъ отъ нея многихъ прежнихъ друзей.

Одни мечтали только о реформахъ и, встрѣтаясь съ революціей, испугались ея послѣдствій. Другіе утомились и потеряли энергію; многіе, возненавидѣвъ дѣло, которому искренно служили въ началѣ, стали ему противиться въ послѣдствіи.

Сохраняя живѣйшую симпатію къ тѣмъ, чья преданность революціи не поколебалась въ трудныя минуты, мы не вычеркнемъ изъ нашей книги имена тѣхъ, кто счелъ нужнымъ отстать отъ движенія раньше другихъ.

Пусть одни не заходили въ своихъ желаніяхъ далѣе конституціонной монархіи и довольствовались для Франціи долей свободы, какой пользуется Англія. Пусть другихъ смущали народныя волненія при взятіи Бастиліи или при посѣщеніи Версаля парижанами, или-же при арестѣ короля въ Вареннѣ. Пусть иныхъ оттолкнули событія 20-го іюня или 10-го августа, а многихъ испугала кровь, пролитая 2-го сентября. Я все-таки не могу не воздать должное Мунье за его службу въ провинціальныхъ штатахъ Дофине, за клятву въ Jeu-de-Paume, состоявшуюся по его предложенію, и за редактированіе первыхъ проектовъ конституціи. Не менѣе благодарности чувствую я къ Барнаву и Дюпору за услуги, оказанныя ими общему дѣлу. Я не могу забыть ни усилій послѣдняго, направленныхъ къ отмѣнѣ смертной казни, ни трудовъ Малуэ на пользу благотворительныхъ учрежденій, послужившихъ основой французской общественной филантропіи. Не могу не благодарить Лафайэта, привезшаго намъ изъ отчизны Вашингтона и Франклина декларацію правъ, организовавшаго первую національную гвардію и бывшаго втеченіи всей жизни апостоломъ разумной свободы.

Каждый изъ нихъ заслужилъ свою долю признательности со стороны націи.

НАЦІОНАЛЬНЫЙ КОНВЕНТЪ.

Г Л А В А I.

Упраздненіе королевской власти и осужденіе короля.

Законодательное собраніе, удаляясь съ политической сцены, понимало, что чрезвычайныя событія, приближеніе которыхъ было очевидно, потребуютъ и чрезвычайной власти, въ силу чего оно и предложило созваніе національнаго Конвента.

«Названіе *конвента* присвоивается представительному собранію цѣлой націи, которая, не имѣя правительства, желаетъ создать себѣ таковое.»

Опредѣленіе это принадлежитъ аббату Мори, оратору Учредительнаго собранія, роялисту, не признававшему за послѣднимъ такого характера. «Вы—не конвентъ»—говорилъ онъ членамъ его.

И опредѣленіе это безусловно вѣрно. Задача Учредительнаго собранія ясно указана самимъ его названіемъ, между тѣмъ какъ Конвентъ соединяетъ въ себѣ всѣ виды власти и обязанностей: онъ олицетворяетъ націю и облеченъ верховной властью.

Кругъ дѣятельности Законодательнаго собранія еще уже. Собраніе, только-что окончившее свои труды, вполне сознавало недостаточность своихъ полномочій послѣ событія 10-го августа. Когда народъ побѣдилъ короля, оно одобрило совершившійся фактъ, отрѣшило отъ дѣлъ монарха, не упразднило монархической власти, а только принудило къ бездѣйствію лицо, злоупотребившее властью, оставляя его безнаказаннымъ. Для того-же, чтобы облечь эти постановленія въ законъ, оно предложило

націи избрать новыхъ представителей съ *неограниченными полномочіями*.

Итакъ, Конвенту предоставлялись всѣ верховныя права; ему поручалось учредить правительство, а до установленія послѣдняго — править страной, возлагавшей на него всѣ свои упованія.

Выборы начались въ Парижѣ при самыхъ мрачныхъ предзнаменованіяхъ, въ день 2-го сентября, т. е. совпали съ началомъ избіеній въ тюрьмахъ. На основаніи конституціи 1791 г., они должны были быть двухстепенными. Собранія первой инстанціи назначали изъ среды своей одного изъ ста человѣкъ избирателей, которому и поручалось избраніе депутатовъ. Парижскіе избиратели первоначально заняли помѣщеніе въ архіепископскомъ домѣ, которое оказалось однако слишкомъ тѣснымъ, и они перенесли свои засѣданія къ *якобинцамъ*, продолжавшимъ еще называться *друзьями конституціи*. Предсѣдательство на этихъ собраніяхъ принялъ на себя Колло д-Эрбуа, а секретарскія обязанности — Робеспьеръ.

На выборахъ закрытая баллотировка не примѣнялась. Каждый избиратель громогласно называлъ своего кандидата, что составляетъ невыгодное условіе для независимости выборовъ въ подобныхъ бурныхъ сборищахъ. Первымъ депутатомъ былъ избранъ Робеспьеръ, вслѣдъ за нимъ избраны: Дантонъ, Колло, Манюэль, Бильо-Вареннъ, Камиль, Демуланъ, Марать, Ла-Виконтри и проч. Филиппъ Эгалитэ (демократическое имя, принятое герцогомъ Орлеанскимъ) занесенъ послѣднимъ въ списокъ двадцати четырехъ представителей города Парижа.

За исключеніемъ двухъ или трехъ человѣкъ, всѣ избранные принадлежали къ послѣдователямъ самыхъ крайнихъ убѣжденій; многіе изъ нихъ принимали дѣятельное участіе въ послѣднихъ волненіяхъ. Продолжались выборы вплоть до 19-го сентября. На слѣдующій день депутаты собрались на засѣданіе въ одной изъ залъ Тюльери — ихъ было 371 человѣкъ. Въ президенты почти единогласно избрали Петіона, а секретарями — Бриссо, Кондорсэ, Рабо-Сентъ-Этіенна, Верньо, Лазурса и Камю. Фактъ краснорѣчивый: такъ какъ Петіонъ и Бриссо оказались несчастными соперниками Робеспьера и Дантона на выборахъ города Парижа, то жирондисты, преобладавшіе въ собраніи, имъ отомстили. Обѣ

партіи, вступившія съ этой минуты въ борьбу за первенствующую роль въ революціонномъ движеніи, стояли лицомъ къ лицу.

Національный конвентъ открылъ 21-го сентября свои засѣданія въ залѣ стараго манежа, гдѣ помѣщались до него два предшествовавшія собранія. По предложенію Колло д-Эрбуа и Грегуара на первомъ же засѣданіи была упразднена королевская власть и провозглашено республиканское правленіе. Начиная съ 22-го сентября 1792 г. всѣ государственные документы носятъ помѣтку: «Первый годъ Французской Республики.»

«На нѣсколько дней я отъ радости лишился сна и аппетита», — говорилъ Грегуаръ, похваляясь починомъ въ этомъ дѣлѣ. Общее настроеніе было восторженное: поздравительные адреса получались со всѣхъ концовъ Франціи, и государственный кредитъ немедленно поправился. Установленіе республики было новымъ шагомъ на избранномъ пути: Учредительное собраніе, вдохновленное наказами 1789 года, начертало нравственную хартію народовъ, т. е. принципы свободы и равенства, служащіе основаніемъ современнаго общества во всѣхъ цивилизованныхъ государствахъ. Работу Учредительнаго собранія мы называли ранѣе *періодомъ созидательнымъ*. Національный конвентъ завершилъ этотъ первый періодъ исторіи французской революціи, сдѣлавъ изъ доктрины о свободѣ и равенствѣ политическій выводъ.

Съ этого момента старый режимъ, понявъ, что вопросъ идетъ о дальнѣйшемъ его существованіи, повсюду объявилъ революціи непримиримую и беспощадную войну. Конвентъ, который несъ обязанность охранять и блюсти плоды завоеваній и пріобрѣтеній новой Франціи, мужественно и побѣдоносно велъ внѣшнюю борьбу, а внутри страны боролся противъ всѣхъ враговъ прогресса. Онъ организовалъ, руководствуясь идеалами равенства и свободы, учрежденія государственныя, научныя и образовательныя, какъ самый вѣрный оплотъ для защиты сокровищъ цивилизаціи. Вотъ почему мы называли время правленія Конвента *періодомъ охранительнымъ*.

Почти всѣ знаменитости учредительнаго и законодательнаго собранія фигурировали въ Конвентѣ. Изъ членовъ Учредительнаго собранія были на-лицо: Сіэсъ, Грегуаръ, Робеспьеръ, Пе-

тiонъ, Бареръ, Ланжюинъ, Бюзо, Рабо Сентъ-Этiеннъ, Буаси д-Англа, Мерленъ и другіе; изъ членовъ законодательнаго: Бриссо, Кондорсэ, Верньо, Робертъ Лендэ, Карно старшій, двое Пріеръ и друг.

Сверхъ того выступили знаменитости, не принимавшія до того времени участія ни въ какихъ политическихъ собраніяхъ: живописецъ Давидъ, поэтъ Шенье, юристъ Камбасересъ, ученые: Гюитонъ Морво, Фуркруа, Ромъ и Дону.

Наконецъ въ Конвентъ попали совсѣмъ молодые люди, выказавшіе талантъ и яркія убѣжденія въ прессѣ или въ народныхъ собраніяхъ, какъ-то: Барбару, Камиль Демуланъ Луво, Сень-Жюсть, Кутонъ, Талльенъ.

Жирондисты, составлявшіе лѣвую въ законодательномъ собраніи, заняли въ Конвентѣ правую, — мѣсто, принадлежавшее ихъ противникамъ, *фелъянтинцамъ*. Депутаты города Парижа и ихъ единомышленники помѣстились на верхнихъ скамьяхъ противоположной стороны; отсюда произошло присвоенное имъ названіе: *монтаньяровъ*. Перемѣщеніе партій было аналогично тому, которое произошло при замѣнѣ законодательнымъ собраніемъ учредительнаго.

Центръ представлялъ собою *равнину*, которую вскорѣ стали называть попросту *болотомъ*; тамъ засѣдало численное большинство, — безцвѣтная толпа, надъ которой жирондисты рассчитывали господствовать въ силу таланта, но которая подпала подъ власть Робеспьера и друзей его вслѣдствіе чувства страха. Страхъ однако не долговѣченъ, и наступилъ день, когда Робеспьеру пришлось тщетно обращаться къ скамьямъ центра и звать: «Люди чистые и безупречные». Эти люди, нисколько не измѣнившись, остались глухи къ голосу падающаго вождя.

Новые депутаты сначала размѣстились какъ попало, не имѣя предвзятыхъ убѣжденій; въ сущности болѣе двухъ третей собранія не были ни монтаньярами, ни жирондистами, а просто искренними республиканцами. Раздѣленіе произошло лишь постепенно.

Конвентъ, принявъ полномочіе управлять страной, распредѣлил между нѣсколькими законодательными комитетами веденіе финансовыхъ, военныхъ и дипломатическихъ дѣлъ.

Такъ называемый исполнительный совѣтъ, составленный

изъ министровъ, дѣйствовалъ подъ руководствомъ комитетовъ. Одной изъ первыхъ мѣръ, принятыхъ собраніемъ, было переизбраніе всѣхъ должностныхъ лицъ судебного и административнаго вѣдомства.

Мы уже раньше указывали, что провозглашеніе республики совпало съ побѣдой подъ Вальми (20-го сентября 1792 г.) и съ отступленіемъ прусской арміи. Однако-же берлинскій кабинетъ не рѣшился начать переговоры о мирѣ; его удерживалъ страхъ лишиться своей части добычи въ раздѣлѣ Польши, если онъ возбудитъ противъ себя неудовольствіе союзныхъ кабинетовъ.

Дюмуре пріѣзжалъ въ Парижъ отпраздновать свою побѣду, показаться въ клубъ якобинцевъ и переговорить съ министрами насчетъ экспедиціи въ Бельгію, давно уже имъ задуманной.

Австрійцы, занимавшіе эту страну, ожидали его въ Жеммапъ, расположившись на холмахъ, укрѣпленныхъ редутами и признанныхъ ими неприступными. Но французы ихъ вытѣснили оттуда. На этотъ разъ сраженіе не было артиллерійскимъ поединкомъ, какъ подъ Вальми. Дѣло было выиграно дружной атаккой въ штыки и послужило новымъ доказательствомъ храбрости молодыхъ французскихъ солдатъ (6-го ноября).

Жеммапъ открылъ французамъ путь въ имперскіе Нидерланды. Бельгійцы, радуясь возможности сбросить съ себя вѣковое иго австрійскаго владычества, ходатайствовали о присоединеніи своихъ земель къ французской республикѣ, которое и было утверждено Конвентомъ, наряду съ присоединеніемъ Савойи, графства Ниццы и Монако, вслѣдъ за полученіемъ удостовѣренія въ подлинномъ и свободно выраженномъ желаніи населенія этихъ мѣстностей. «Политическая честность—долгъ, столь же обязательный, какъ и личная честность»,—сказалъ по этому поводу Грегуаръ.

Въ то время, какъ французскіе генералы Ансельмъ и Монтеスキю чествовались въ Приморскихъ Альпахъ и Савойѣ, Кюстинъ оказывались такіе-же почести на берегахъ Рейна. Его солдаты вступили въ Шпейеръ раньше, чѣмъ непріятель успѣлъ оттуда удалиться, и затѣмъ прошли черезъ Вормсъ. Жители города Майнца, прельщенные демократическими прокламаціями, сдали ему городъ безъ боя. Но Кюстинъ вмѣсто того, чтобы воспользоваться радушнымъ настроеніемъ населенія, идти на Коб-

ленцъ, вытѣснить оттуда пруссаковъ и очистить отъ непріятеля всю линію Рейна, ворвался въ Германію, овладѣлъ Франкфуртомъ и обложилъ его жителей тяжелой контрибуціей. Последніе оказали содѣйствіе возвращенію гессенцевъ и пруссаковъ, и Кюстинъ потерялъ всѣ свои завоеванія. Дорого заплатился онъ за свои ошибки, справедливо названныя однимъ историкомъ *непомянутыми* и посѣявшія въ народныхъ массахъ сѣмена недовѣрія къ военнымъ начальникамъ.

Со стороны Испаніи, гдѣ царствовали Бурбоны, слѣдовало ожидать самаго непріязненнаго настроенія, и потому во второмъ же засѣданіи Конвента было рѣшено командировать шесть членовъ собранія для приведенія границы въ состояніе обороны. Одинъ изъ нихъ, Карно, прислалъ отчетъ о возложенной на нихъ миссіи. Въ отчетѣ говорилось, что генералы Дюгомье, Дагоберъ и мужественный Ла-Туръ-д'Овернь снабжены всѣми средствами для отраженія нападенія, и это не замедлило подтвердиться на дѣлѣ.

Но революція не могла удовольствоваться одними военными успѣхами: ея главной задачей было пріобрѣтеніе симпатій народовъ. Одинъ изъ самыхъ свѣтлыхъ дѣятелей революціи, Грегуаръ, дѣйствительно формулировалъ мысль о солидарности народовъ въ знаменитомъ декретѣ: «Національный конвентъ объявляетъ отъ имени французскаго народа, что будетъ оказывать братскую помощь всѣмъ націямъ, желающимъ освобожденія».

Этотъ декретъ, изданный 19-го ноября 1792 г., былъ дополненъ декретомъ отъ 15-го декабря. Въ инструкціяхъ военнымъ властямъ относительно образа дѣйствій въ мѣстностяхъ, занятыхъ республиканскими войсками, предписывалось повсемѣстно упразднить привилегіи стараго строя и содѣйствовать народамъ въ дѣлѣ свободнаго избранія себѣ правительствъ. *«Война съ замками, миръ жижинамъ»*, — гласили инструкціи. Къ гражданамъ онѣ обращались со словами: *«Вы свободны»*; приверженцамъ старыхъ злоупотребленій онѣ говорили: *«Вы — наши враги»*.

Въ то время, какъ нарождающейся республикѣ приходилось защищаться противъ многочисленныхъ вѣйшихъ враговъ, ея внутренніе противники не дремали. Эмигранты, возвращавшіеся втайнѣ, несмотря на суровые законы, направленные противъ

нихъ, волновали сельское населеніе. Священники, отказавшіеся отъ присяги, подстрекали къ мятежу невѣжественныя массы, увѣряя ихъ, что религіи грозитъ опасность, тогда какъ на дѣлѣ весь вопросъ сводился только къ личному ихъ положенію. Не взирая на то, что урожаи были удовлетворительны, хлѣбъ былъ дорогъ; агенты-подстрекатели пользовались этимъ обстоятельствомъ для распространенія тревожныхъ слуховъ и создавали искусственную дороговизну, заставляя опасаться дороговизны естественной. Они выдавали за скупщиковъ всѣхъ лицъ, хранившихъ малѣйшіе запасы. Вооруженныя шайки являлись къ фермерамъ съ требованіемъ везти хлѣбъ на рынокъ и продавать его по произвольно установленной цѣнѣ. Руководило-ли этими людьми заблужденіе или злонамѣренность—неизвѣстно, но въ результатѣ эти помѣхи къ свободному обращенію припасовъ увеличивали зло, вмѣсто того чтобы устранить его. Коммиссары собранія, отправленные для возстановленія порядка и успокоенія умовъ, были встрѣчены оскорбленіями, угрозами, переходившими иногда даже въ дикія расправы.

Нужно было просвѣтить невѣжественныя массы. Но многіе изъ экономическихъ вопросовъ, признаваемые нами теперь, благодаря просвѣщенію, рѣшенными, были тогда спорными.

Относительно торговли жизненными припасами на примѣръ въ самомъ Собраніи мнѣнія расходились, совершенно независимо отъ политическихъ убѣжденій. Одни указывали на свободу торговли какъ на средство къ спасенію, другіе вѣрили во всемогущество протекціонной системы. Послѣдніе предлагали ограниченіе хлѣбной торговли внутри страны, закупку большими партіями зерна за-границей и устройство продовольственныхъ складовъ на счетъ государства. Якобинцы и парижская община, несмотря на склонность льстить народнымъ предразсудкамъ, были противъ установленія *maximum*'а. Для выхода изъ этихъ затрудненій было предложено предпринять обширное изслѣдованіе. Между тѣмъ требовалось прежде всего быстрое дѣйствіе, и на скорую руку, въ качествѣ временной мѣры, былъ изданъ декретъ, разрѣшавшій свободную торговлю хлѣбомъ внутри страны, но запрещавшій, подъ угрозою строжайшихъ взысканій, вывозъ его за-границу.

Впрочемъ нельзя ставить въ вину тогдашнимъ дѣятелямъ,

что они оставили безъ рѣшенія экономическіе вопросы, и теперь еще спорные.

И въ другой области, въ вопросѣ объ отношеніи церкви къ государству, мыслители той эпохи не пришли къ соглашенію. Вопросъ этотъ остался открытымъ, и состояніе умовъ дѣйствительно затрудняло крутое его рѣшеніе. Когда докладчикъ финансоваго комитета, Камбонъ, завелъ рѣчь объ уничтоженіи расходовъ на духовныя дѣла и предоставленіи частной инициативѣ попеченія о церковнослужебныхъ нуждахъ, поднялось страшное волненіе. Самые смѣлые революціонеры, Робеспьеръ, Дантонъ и клубъ якобинцевъ высказались первые противъ этой мѣры, опираясь на нравственные, политическія и финансовыя соображенія.

Помимо этихъ вопросовъ будущаго, у собранія было достаточно поводовъ для разногласія и по текущимъ требованіямъ минуты. Народъ нетерпѣливо настаивалъ на слѣдствіи надъ бывшимъ королемъ.

6-го ноября 1792 года Валазе, докладчикъ спеціальной коммисіи, прочелъ обвинительный актъ, исчислявшій преступленія, приписанныя Людовику XVI.

На слѣдующій день Майль отъ имени законодательнаго комитета внесъ докладъ по вопросу о компетентности и далъ заключеніе о подвѣдомственности дѣла Конвенту. Вѣдѣнію этого колоссальнаго суда присяжныхъ, состоявшему изъ представителей націи, подлежало преступленіе противъ самой націи, совершенное ею уполномоченнымъ. «Это единственное исключеніе изъ правила, что никто не можетъ быть судьей въ собственномъ дѣлѣ», — замѣтилъ депутатъ Азема.

Пренія по процессу открылись 3-го декабря; они велись съ спокойнымъ достоинствомъ въ присутствіи обвиненнаго, но принимали бурный характеръ, когда приверженцы различныхъ партій оставались съ глазу на глазъ.

Робеспьеръ первый подалъ мнѣніе. Людовикъ XVI, — сказалъ онъ, — составляя заговоръ противъ свободы и безопасности французской націи, самъ разорвалъ конституцію, гарантировавшую его неприкосновенность. Рѣшеніе начать процессъ равносильно признанію двухъ тяжущихся сторонъ — его и націи, равносильно сомнѣнію, кто изъ нихъ виновенъ, даже равносильно допущенію

мысли о невиновности обвиняемаго. Этого не должно быть: право свергать съ престола тирановъ и право наказывать ихъ—одно и то же. Передъ нами не обвиняемый, а преступникъ и мятежникъ. Мы—не судьи, а государственные люди, рѣшающіе вопросъ общественнаго спасенія. Нанесемъ ударъ не медля, *въ силу возстанія*: «Людовикъ долженъ умереть, потому что существованіе отечества необходимо».

Но Конвентъ отвергъ эту точку зрѣнія; онъ принялъ на себя роль суда. Этимъ онъ создалъ большія затрудненія, но оградилъ самого себя отъ увлеченія страсти.

Людовикъ явился передъ судомъ Собранія 11-го декабря. По прочтеніи обвинительнаго акта президентъ (предсѣдательствовалъ Бареръ) приступилъ къ допросу, относясь съ полнымъ уваженіемъ къ несчастію. Людовикъ отвѣчалъ очень кратко, ограничиваясь почти исключительно отрицаніемъ взведенныхъ на него обвиненій. Онъ отрекся даже отъ собственной подписи на нѣкоторыхъ документахъ и утверждалъ, что не знаетъ желѣзнаго шкафа, найденнаго въ Тюльери съ секретными бумагами. Эта ложь произвела самое неблагоприятное впечатлѣніе на слушателей.

Въ его виновности тогда никто не сомнѣвался; она стала еще очевиднѣе теперь, когда исторія подтвердила обвиненія Конвента. Людовикъ XVI тайно протестовалъ противъ своихъ публичныхъ клятвенныхъ обѣщаній; онъ поддерживалъ сношенія съ непріателемъ посредствомъ писемъ и черезъ агентовъ. Онъ велъ заговоръ противъ довѣреннаго ему государства, онъ вызвалъ нашествіе вооруженной арміи на національную территорію, т. е. совершилъ преступленіе до того великое, что даже защитникъ его воскликнулъ: «Оно вмѣщаетъ въ себя всѣ остальные преступления; подготовительныя дѣйствія къ нему представляютъ совокупность всѣхъ предательствъ; по послѣдствіямъ своимъ оно совмѣщаетъ всѣ ужасы, всѣ бѣдствія и всѣ напасти». Единственнымъ извиненіемъ для низложеннаго короля являлось полученное имъ воспитаніе. Ему было внушено съ дѣтства, что наследственный король имѣетъ право собственности надъ управляемымъ имъ народомъ и что всякое ограниченіе его власти—узурпація. Мудрено-ли было послѣ этого придти къ выводу, что всѣ средства позволительны для восстановленія этихъ правъ?

Съ другой стороны іезуитскія правила, которыя были внушены королю, допускали примѣненіе всякихъ средствъ: его религіозная совѣсть покрывала его политическую совѣсть.

Конечно народу трудно было объяснить, что убѣжденія, враждебныя революціи, какъ-бы искренни они ни были, служатъ смягчающимъ обстоятельствомъ въ пользу преступника. А между тѣмъ другого способа оправданія, другихъ мотивовъ для спасенія обвиняемаго и для огражденія его памяти не было.

Людовикъ XVI избралъ своими защитниками бывшаго своего министра Мальзерба и Десеа, молодого адвоката изъ Бордо. Въ засѣданіи 26-го декабря рѣчь держалъ послѣдній. Вслѣдъ за рѣчью защитника завязался споръ. Жирондисты раздѣляли общее мнѣніе о виновности бывшаго короля, но они желали, чтобы жизнь его была пощажена. Нѣкоторые предлагали подвергнуть постановленный Конвентомъ приговоръ усмотрѣнію перворазрядныхъ собраній; другіе стояли за предоставленіе народу лишь выбора карательной мѣры. Робеспьеръ оспаривалъ эти различныя предложенія политическими доводами: созваніе сорока четырехъ тысячъ секцій, на которыя дѣлилось населеніе Франціи, и превращеніе ихъ въ сельскіе суды, по его мнѣнію, повели бы къ созданію такого же количества центровъ, гдѣ былъ бы возбужденъ споръ о монархіи и республикѣ, а слѣдовательно явились-бы всѣ задатки для безконечной междоусобицы. Его рѣчь произвела впечатлѣніе, котораго не удалось изгладить даже краснорѣчію Верньо, защищавшаго принципъ обращенія къ народу.

Но и самъ народъ инстинктивно отвергалъ эту сложную процедуру, чувствуя скрытыя въ ней опасности.

Собранію были предложены три вопроса, на которые каждый депутатъ обязанъ былъ дать или простой, или мотивированный отвѣтъ; многіе отвѣчали очень пространно.

Вопросъ 1-й. Повиненъ-ли Людовикъ въ заговорѣ противъ свободы націи и общей безопасности государства?

Вопросъ этотъ былъ рѣшенъ утвердительно почти единогласно. Было нѣсколько оговорокъ, но ни одного отрицанія.

Вопросъ 2-й. Каковъ-бы ни былъ приговоръ, долженъ ли онъ быть подвергнутъ на усмотрѣніе народа?

На него послѣдовало отрицательное рѣшеніе, постановленное большинствомъ 423 голосовъ противъ 281.

Вопросъ 3-й. Какому наказанію подвергнуть Людовика?

Изъ 721 голосовавшихъ 387 подали мнѣніе за смертный приговоръ, 334 человекъ—за различныя наказанія, какъ-то: изгнаніе, каторга и тюремное заключеніе.

Верно, предсѣдательствовавшій на этомъ засѣданіи, прочелъ приговоръ съ горестнымъ волненіемъ, хотя самъ подаль голосъ за смертную казнь.

Защита просила отсрочки. Большинство 70 голосовъ было рѣшено въ ней отказать.

Приговоръ приведенъ въ исполненіе 21-го января 1793 г. Людовикъ умеръ съ чисто-христіанской покорностью. Населеніе, находившееся въ крайне взволнованномъ и угрожающемъ настроеніи во время процесса, успокоилось сразу послѣ развязки.

Вражда, возбужденная Людовикомъ XVI, несмотря на многія личныя его качества, легко объяснима. Какъ послѣдній представитель стараго строя, онъ роковымъ образомъ унаслѣдовалъ всю ненависть, накопившуюся вѣками противъ него. Но эта первая причина раздраженія еще усиливалась тѣмъ обстоятельствомъ, что отъ его имени и, какъ вездѣ было извѣстно, съ его согласія эмигранты въ союзъ съ иноземными войсками вторглись въ предѣлы Франціи, грозили возстановить старую монархію со всѣми ея злоупотребленіями и казнить всѣхъ участниковъ революціи.

Собраніе получило поздравительные адреса отъ всѣхъ департаментовъ, поспѣшившихъ присоединиться къ суровому приговору. Армія высказалась слѣдующимъ образомъ: «Благодаримъ васъ за то, что вы поставили насъ въ необходимость побѣждать». Проявленіе національнаго чувства отличалось единодушіемъ, глубоко поразившимъ Жозефа-де-Местра, защитника старины. Онъ съ горестью обратился къ французамъ съ слѣдующимъ укоромъ: «Никогда еще столь великое преступленіе не имѣло такъ много сообщниковъ».

Нѣсколько дней послѣ кончины Людовика XVI братья его признали наслѣдникомъ престола оставшагося въ тюрьмѣ сына его. Графъ Прованскій принялъ титулъ регента, а графъ д'Артуа—намѣстника королевства. Марія-Антуанетта при обращеніи

съ сыномъ воздавала ему всѣ почести, присвоенныя королямъ. Все это были протесты противъ верховныхъ правъ народа. Восемь мѣсяцевъ спустя послѣ казни Людовика XVI его жена и сестра взошли на эшафотъ. И та, и другая поддерживали его въ сопротивленіи. Марію-Антуанетту народъ ненавидѣлъ. Она погибла въ такое время, когда иностранцы, которыхъ она натравила на Францію, накинулись на нее съ наибольшимъ ожесточеніемъ, и въ тотъ самый день, когда сестра ея, королева Неаполитанская, объявила войну республикѣ. Между тѣмъ для этихъ двухъ несчастныхъ женщинъ воспоминаніе и среда, въ которой онѣ прожили, несомнѣнно служили смягчающими обстоятельствами. Какія политическія затрудненія могли вызвать эти двѣ плѣнницы? Если нельзя назвать несправедливостью ихъ обвиненіе, то ихъ казнь была безспорно жестокостью.

ГЛАВА II.

Жирондисты и монтаньяры.

Французская революція казнью короля вызвала окончательный разрывъ со всѣми старыми правительствами Европы. Борьба, вспыхнувшая между двумя противоположными принципами, не могла окончиться иначе, какъ рѣшительной побѣдой одного изъ нихъ. Это убѣжденіе выразилось въ призывѣ къ оружію, въ которомъ республиканцы, не скрывая опасности, превозносили нравственную высоту своей миссіи. Никогда еще обращеніе къ массамъ не составлялось въ такомъ духѣ.

«Побѣдители подъ Вальми, Шнейеромъ и Жеммапомъ, вы не дадите погибнуть спасенному вами отечеству. Ваше пораженіе обрекло бы міръ на трауръ и слезы. Европа простилась бы съ свободой, и вмѣстѣ съ тѣмъ исчезли-бы надежды вселенной. Побѣда же ваша вызоветъ братство народовъ, они провозгласятъ васъ преобразователями міра и въ лѣтописяхъ исторіи не встрѣтятся подвиговъ болѣе славныхъ, чѣмъ ваши дѣянія.»

Гнѣвъ европейскихъ державъ нисколько ни удивилъ Конвента. Лондонскій кабинетъ потребовалъ удаленія французскаго посла изъ Англіи въ восьмидневный срокъ. Въ Голландіи нанесены были оскорбленія французамъ. Испанскіе Бурбоны не скупились на проявленія своей ненависти.

Утомленная безконечными вызовами, равносильными объявленіямъ войны, французская республика сама объявила войну сначала Англіи, затѣмъ Голландіи, наконецъ Испаніи. Предварительно же она обнародовала мотивы своего рѣшенія, чтобы убѣдить народы въ правотѣ своего дѣла. Въ Римѣ 13-го января былъ убитъ секретарь французскаго посольства Басвилль во время замѣны королевскаго герба гербомъ республики. Конвентъ по-

требовалъ блестящаго удовлетворенія за нанесенное Франціи оскорбленіе.

Республика располагала однако на сушѣ не болѣе какъ 200,000 солдатъ противъ двойного количества непріятельскихъ силъ. На морѣ она могла выставить всего 66 линейныхъ кораблей противъ 158 англійскихъ судовъ и флота Голландіи. «Развинченную машину коалиціи снова собрали»,—такъ выразился прусскій министръ Гарденбергъ. Было подписано семь союзныхъ договоровъ и шесть договоровъ о субсидіяхъ, которыя Англія обязалась выплатить нѣмецкимъ князьямъ въ видѣ вознагражденія за ихъ участіе въ войнѣ. Сравнительная слабость военныхъ и финансовыхъ средствъ не остановила Собранія. Прибѣгли къ новому выпуску ассигнацій на сумму 800 милліоновъ. Обезпеченіемъ служила національная поземельная собственность, увеличивавшаяся ежедневно приростомъ покинутыхъ эмигрантами дворянскихъ имѣній. Благодаря такому быстрому увеличенію, ихъ продажа становилась почти невозможной, такъ что они представляли собою мертвый капиталъ. Былъ изданъ декретъ о новой организаціи арміи и о наборѣ въ размѣрѣ 300,000 ч. Кромѣ того всѣ французскіе подданные, въ возрастѣ отъ 18 до 40 лѣтъ, объявлены были постоянно подлежащими призыву.

Голландскій намѣстникъ, подчиняясь англійскому вліянію, относился особенно враждебно къ Франціи. Противъ него и направились первые удары: рѣшено было занять Голландію. Дюмурье, торопясь отличиться по личнымъ соображеніямъ, предпринялъ походъ съ недостаточными силами. 17-го февреля онъ вступилъ на батавскую территорію, сопровождая вторженіе распространеніемъ прокламацій, успокоительныхъ для населенія. Но вскорѣ нѣсколько неудачъ, понесенныхъ его отрядами, заставили его отступить, а самъ онъ былъ разбитъ на голову при Нервиндѣ 18-го марта.

Тогда онъ принялся обвинять безъ разбора всѣхъ въ своихъ неудачахъ. Сваливалъ вину на своихъ помощниковъ, будто бы не поддержавшихъ его; на комиссаровъ Конвента, революціонными поведеніями будто бы оттолкнувшихъ отъ него симпатіи населенія; на правительство, не давшее въ его распоряженіе достаточныхъ силъ. Очертя голову, онъ пустился въ честолюби-

вые и преступные замыслы, повидимому носившіеся въ его головѣ уже до начала похода. Онъ замышлялъ забрать въ руки начальство надъ всѣми военными силами Нидерландовъ и основать новую республику; мечталъ сдѣлаться вершителемъ судебъ путемъ соглашенія съ союзными державами; предполагалъ идти на Парижъ, сокрушить тамъ партіи, распустить Конвентъ и возстановить монархическое правленіе по хартіи 1791 г. въ пользу герцога Шартрскаго, старшаго сына Филиппа-Эгалитэ.

Конвентъ, предупрежденный относительно его измѣны, поручилъ пяти своимъ членамъ отправиться въ лагерь Дюмурье съ приказаніемъ доставить его немедленно въ Парижъ для оправданій или лишить его начальства надъ арміей. Онъ однако арестовалъ посланныхъ и предалъ ихъ австрійцамъ, рассчитывая найти въ своихъ солдатахъ преторіанцевъ. Но они оказались гражданами: вождь, нѣкогда боготворимый своими подчиненными, едва спасся отъ ихъ гнѣва. Онъ перебрался къ австрійцамъ, но, холодно принятый, удалился и среди всеобщаго равнодушія и презрѣнія влачилъ до конца жалкую жизнь, начавшуюся доблестными подвигами.

Одинъ изъ комиссаровъ Конвента—Карно, задержанный по пути даннымъ ему порученіемъ къ сѣвернымъ крѣпостямъ, избѣгъ участи своихъ товарищей. Онъ воспользовался своей свободой для того, чтобы принять нужныя мѣры, и вручилъ начальство надъ арміей Дампьерру, помощнику Дюмурье, энергически протестовавшему противъ поступковъ своего начальника. Франція однако пользовалась его услугами недолго: онъ вскорѣ погибъ геройской смертью.

Что же происходило въ Парижѣ во время этихъ событій на театрѣ военныхъ дѣйствій?

По окончаніи процесса Людовика XVI Конвентъ принялся немедленно за очередныя дѣла, но вмѣстѣ съ тѣмъ снова разразились бурныя пренія. Парижская община, захвативъ 10-го августа власть въ столицѣ, старалась распространить ее на всю Францію. Коммиссары ея, разосланные въ департаменты, творили тамъ разныя политическія, административныя и финансовыя беззаконія. По ихъ распоряженію произведены были многочисленные аресты. Населеніе большинства департаментовъ однако возстало противъ этихъ злоупотребленій, уполномочивъ

свою администрацію противодѣйствовать комиссарамъ и не подчиняться нѣкоторымъ диктаторскимъ предписаніямъ, считавшимся исходящими отъ мнимаго тріумvirата—Дантона, Робеспьера и Марата.

Монтаньяры поспѣшили отклонить отъ себя обвиненіе, которое, какъ они чувствовали, висѣло надъ ихъ головами. При открытіи собранія Бутонъ, Базиръ и Дантонъ поочередно потребовали слова и въ рѣчахъ своихъ предавали позору и смертной казни всякаго, «кто бы ни осмѣлился покуситься на свободу и власть народа, кто бы подъ именемъ диктатора, тріумvира или протектора ни стремился къ ограниченію правъ нація». Дантонъ кромѣ того предложилъ объявить «навѣки неприкосновенными все виды собственности: поземельную, личную и промышленную». Это служило отреченіемъ отъ нѣкоторыхъ анархическихъ прокламацій, обнародованныхъ эмиссарами парижской общины.

Но неизбѣжное тѣмъ не менѣе совершилось: непріязненныя столкновенія между монтаньярами и жирондистами начались. Слѣдуетъ признать, что послѣдніе были зачинщиками; въ печатныхъ своихъ органахъ и съ трибуны они осыпали противниковъ насмѣшками и проявляли духъ горделивой исключительности. Но главной ихъ ошибкой было то, что они выступили сторонниками соперничества провинцій съ столицей и подняли одно знамя противъ другого.

Уже 25-го сентября, слѣдовательно черезъ три дня послѣ открытія Конвента, нетерпѣливый Лазурсъ, протестантскій пасторъ изъ Севеннскихъ горъ, вносившій въ сферу политики страстность религіозныхъ распрей, выступилъ съ предостереженіемъ противъ властолюбивыхъ стремленій нѣкоторыхъ изъ своихъ сочленовъ. «Я опасуюсь деспотизма Парижа,—воскликнулъ онъ въ заключеніе:—слѣдуетъ низвести его вліяніе до 93-ей доли». Какъ будто Парижъ,—городъ инициативы и фактическій представитель всего населенія страны,—не былъ въ то-же время носителемъ нравственной жизни департаментовъ.

Вслѣдъ за Лазурсомъ говорилъ другой нетерпѣливый—марсельскій депутатъ Ребеки; онъ не обинуясь назвалъ Робеспьера главой партіи, указанной предшествующимъ ораторомъ. Барбару, также марселецъ, въ свою очередь предложилъ немедленно «подписать подъ обвиненіемъ»,—какъ онъ выразился.

Дантонъ взошелъ на трибуну, явно принимая обвиненія на свой счетъ. Онъ съ жаромъ опровергъ ихъ и требовалъ смерти для сторонниковъ диктатуры. Затѣмъ переходя въ свою очередь къ наступленію, онъ впрочемъ довольно спокойно заговорилъ о слухахъ, распространенныхъ въ публикѣ относительно плана нѣкоторыхъ членовъ Собранія раздѣлить Францію на нѣсколько федерацій и требовалъ смерти для каждого, виновнаго въ попыткѣ нарушить единство націи. По его предложенію изданъ былъ слѣдующій декретъ: «Французская республика едина и нераздѣльна». Но Дантонъ старательно отдѣлилъ себя отъ Марата, «существа озлобленнаго и нелюдимаго», странности котораго онъ впрочемъ объяснялъ испытанными имъ несправедливостями.

Робеспьеръ тоже потребовалъ слова. Хотя онъ лично былъ указанъ только въ одномъ мѣстѣ рѣчи Ребеки, но превратилъ общее обвиненіе въ частный вопросъ и словоохотливо пустился въ апологію своихъ заслугъ.

Тогда Барбару точнѣе выяснилъ сущность своего обвиненія при взрывѣ рукоплесканій со стороны жирондистовъ.

Затѣмъ взошелъ на трибуну Маратъ, встрѣченный ропотомъ. «У меня въ собраніи есть враги, — началъ онъ: — много враговъ». — «Всѣ! всѣ!» — раздалось въ залѣ. — «Призываю ихъ къ стыдливости!» (Это было его излюбленное выраженіе.) Затѣмъ онъ заявилъ, что мысль о диктатурѣ принадлежитъ ему. — «Я предлагалъ диктатора подъ именемъ народнаго трибуна. Но чтобы привязать его къ отечеству, я требовалъ, чтобы къ ногамъ его привязано было пушечное ядро и чтобы власть его ограничивалась правомъ рубить головы виновнымъ». Смѣлость и странность этого человѣка сосредоточили на немъ вниманіе и гнѣвъ жирондистовъ. «Въ тюрьму аббатства!» — кричало большинство. Маратъ вынулъ изъ кармана пистолетъ и, приставивъ его дуло къ головѣ, воскликнулъ: «Я пушу себѣ пулю въ лобъ, если пройдетъ предложеніе отдать меня подъ судъ». — По волѣ жирондистовъ и къ ихъ несчастью предложеніе это было вскорѣ принято.

Въ одномъ изъ ближайшихъ засѣданій Бюзо, по соглашенію съ своими друзьями, предложилъ учредить отрядъ, набранный во всѣхъ девяноста трехъ департаментахъ по выбору

генеральныхъ совѣтовъ. Обязанности этой гвардіи должны были состоять въ охраненіи безопасности Конвента и казначействъ. Предложеніе это свидѣтельствовало о недовѣріи къ парижскому населенію. Столичныя секціи поручили своимъ делегатамъ протестовать противъ него, между тѣмъ какъ нѣкоторые департаменты прислали сочувственные адреса.

Сора обострилась; противники обмѣнивались бранными эпитетами: прозвища «*уравнители*», «*дезорганизаторы*», «*аристократы*», «*федералисты*», «*сентябристы*», «*роялисты*» уснащали всѣ рѣчи. Марать думалъ превзойти всю терминологию ругательствъ, назвавъ жирондистовъ *шайкой государственныхъ людей*.

27-го октября Бюзо произнесъ въ Конвентѣ рѣчь о *подстрекателяхъ къ убійствамъ*. На слѣдующій день Робеспьеръ въ клубѣ якобинцевъ сказалъ знаменитое свое слово о *вліяніи клеветы*. 29-го числа Роланъ въ Конвентѣ сдѣлалъ обзоръ положенія Парижа съ 10-го августа. Въ рѣчи своей онъ обвинилъ парижскую общину въ анархическомъ захватѣ власти, а Робеспьера—въ стремленіи къ диктатурѣ. Послѣдній въ свою очередь снова началъ перечислять собственные заслуги. При словахъ его: «Здѣсь не найдется человѣка, который осмѣлился бы обвинить меня въ лицо», раздалось нѣсколько протестовъ. «Прошу слова для обвиненія Робеспьера»,—воскликнулъ Лувэ. Это былъ человѣкъ небольшого роста и невзрачный, но одаренный блестящимъ умомъ и мужественный, менѣе извѣстный въ то время политическими своими сочиненіями, чѣмъ романомъ «Фоблазъ», въ которомъ описывались распущенные нравы эпохи, предшествовавшей революціи. Это нападеніе, заранѣе подготовленное, было однако не болѣе, какъ краснорѣчивымъ, но лишеннымъ точныхъ фактовъ обвинительнымъ актомъ противъ парижской общины, Робеспьера, Дантона и Марата.

Робеспьеръ просилъ недѣльной отсрочки, чтобы приготовить защиту. Его рѣчь очень искусная и несравненно болѣе содержательная, чѣмъ рѣчи его обвинителей, вызвала рукоплесканія и послужила основаніемъ для его ораторскихъ успѣховъ въ Конвентѣ. Даже обвиненіе въ диктаторскихъ замашкахъ не было ему непріятно, служа косвеннымъ доказательствомъ возможности для него разсчитывать на такую роль и возвышая

его въ собственныхъ глазахъ. Надо признаться, что единоличная борьба этого человѣка противъ враждебно настроеннаго большинства, противъ всей могущественной и краснорѣчивой жиронды въ полномъ составѣ носила героическій характеръ. Его стойкость естественно доставила ему громадную популярность въ Парижѣ, защитникомъ котораго онъ выступалъ. Въ собраніи будущіе союзники его, Кутонъ и Сентъ-Жюстъ, не пріобрѣли еще значенія, и онъ встрѣчалъ только слабую поддержку со стороны Дантона; его армія находилась на другомъ мѣстѣ — въ клубѣ якобинцевъ.

Всѣ эти люди, готовившіеся подъ названіемъ монтаньяровъ и жирондистовъ растерзать другъ друга, первоначально засѣдали бокъ-о-бокъ въ *обществѣ друзей конституціи* и въ первое время существованія законодательнаго собранія голосовали за одно.

Жирондисты вступили побѣдоносно на арену революціонной дѣятельности. Глашатаи новыхъ идей, окруженные блескомъ таланта, они стали вождями Собранія и изъ нихъ формировались всѣ министерства.

Но они убѣдились вскорѣ въ невозможности осуществить задуманныя ими реформы въ сотрудничествѣ съ королемъ, выросшимъ въ принципахъ наследственнаго права, и тогда они начали нападать на дворъ. 14-го января 1792 г., за годъ до процесса Людовика XVI, Гадэ сказалъ: «Отведемъ заравѣе мѣсто измѣнникамъ, и пусть этимъ мѣстомъ будетъ плаха».

Декретъ о пожизненномъ изгнаніи всѣхъ эмигрантовъ подъ угрозой смертной казни для всякаго, кто осмѣлится возвратиться въ предѣлы Франціи, былъ изданъ Конвентомъ по предложенію Бюзо. «Безполезно доказывать виновность этихъ презрѣнныхъ пигмеевъ, пародирующихъ титановъ», — сказалъ Верньо, а Инаръ подтвердилъ: «Доказательства излишни». — «Гнѣвъ народа, подобно гнѣву Божію, слишкомъ часто является только дополненіемъ безмолвствующаго закона» — восклицалъ тотъ же Инаръ при рукоплесканіяхъ Марата.

Наконецъ утромъ 2-го сентября Лазурсъ заявилъ: «Нужно призвать къ оружію общественное мнѣніе», а Верньо прибавилъ: «Время рѣчей миновало, надо рыть могилу врагамъ, потому что каждый ихъ шагъ приближаетъ насъ самихъ къ могилѣ».

Должно быть, опасность, угрожавшая странѣ, представлялась имъ значительнѣе, чѣмъ какою она представляется намъ по истеченіи столькихъ лѣтъ, если такіе люди могли выражаться съ жестокостью, которая оскорбляла ихъ собственное человѣколюбіе не меньше нашего.

Когда патріотическія опасенія стихли, чувство великодушія опять восторжествовало. Многие изъ депутатовъ пріѣхали изъ провинціи въ Парижъ въ такомъ настроеніи, и жирондисты хотѣли взвалить отвѣтственность за пролитую кровь на своихъ парижскихъ товарищей.

Стараясь выяснитъ себѣ причины обоюднаго озлобленія, мы находимъ, что оно коренилось гораздо болѣе въ личномъ соперничествѣ, чѣмъ въ противоположности убѣжденій. Знаменитый споръ между Робеспьеромъ и Бриссо по вопросу о войнѣ, послужившему источникомъ общаго разрыва, не обусловливался столкновеніемъ между двумя принципами, а представлялъ скорѣе споръ изъ-за различія политической оцѣнки подробностей.

Въ одномъ только случаѣ распря приняла принципиальный характеръ. Случилось это, когда Робеспьеръ, редактируя адресъ якобинцевъ къ союзнымъ обществамъ, помѣстилъ фразу о покровительствѣ, оказанномъ Провидѣніемъ французской революціи. Гадѣ возсталъ противъ мысли о божественномъ вмѣшательствѣ. Одинъ выступилъ деистомъ и спиритуалистомъ, другой — нетерпимымъ скептикомъ; Гадѣ упрекалъ Робеспьера въ стремленіи замѣнить политическое рабство суевѣріемъ, и друзья его, жирондисты, одобрили его.

Послѣдователи двухъ школъ — Вольтера и Руссо — сказались въ этомъ случаѣ, но изъ ихъ разногласія вовсе не слѣдуетъ заключать, чтобы одни вѣрили менѣе другихъ въ существованіе Бога. Это вполнѣ обнаружилось, когда пробилъ послѣдній часъ жирондистовъ.

Во время процесса короля въ каждомъ засѣданіи поднималась буря, обѣ стороны угрожали другъ другу криками и жестами и казались готовыми перейти врукопашную. Жирондисты, злоупотребляя своимъ численнымъ превосходствомъ, прерывали противниковъ криками и ругательствами.

Однажды они вызвали слѣдующій упрекъ Марата: «Эти люди говорятъ о свободѣ мнѣй, а не позволяютъ мнѣ оста-

ваться при моемъ мнѣніи». Въ другой разъ дѣло дошло до того, что большинство отвергло мнѣніе Марата, мотивируя это просто презрѣніемъ, внушаемымъ его личностью.

Эти увлеченія оттолкнули отъ нихъ нѣсколькихъ депутатовъ и въ томъ числѣ весьма почтенныхъ, какъ-то: Камбона, Лендэ и Жанъ-Бонъ-Сентъ-Андрэ, бывшихъ сначала ихъ союзниками. Видя, что вліяніе ихъ ослабѣваетъ, они изо всѣхъ силъ старались сохранить его и дѣлали реакціи уступки, заставлявшія ихъ вступитъ въ противорѣчіе съ собственными убѣжденіями. Послѣ каждаго сраженія, хотя побѣда и оставалась за ними въ стѣнахъ Собранія, они теряли почву въ общественномъ мнѣніи.

Приведемъ нѣсколько примѣровъ.

Жирондисты вызвали изъ своихъ департаментовъ федералистовъ съ цѣлью создать себѣ опору въ Парижѣ. Большинство этихъ федералистовъ перешло на сторону парижанъ.

Они подбили ихъ къ подачѣ адресовъ, въ которыхъ требовалось изгнаніе герцога Орлеанскаго, пользовавшагося благо-расположеніемъ монтаньяровъ. Изгнаніе его было постановлено декретомъ, но вслѣдствіе контръ-демонстраціи парижской общины исполненіе декрета пришлось отсрочить.

При возобновленіи состава комитета общественной безопасности монтаньяры замѣнили жирондистовъ: мэромъ Парижа избранъ Пашъ, ихъ открытый врагъ, вмѣсто преданнаго партіи Шамбона.

Слѣдствіе по сентябрьскимъ избіеніямъ, назначенное по требованію жирондистовъ 20-го января, прекращено 8-го февраля.

Въ это время усилились и волненія, вызванныя недостаткомъ съѣстныхъ припасовъ; вздорожалъ не только хлѣбъ, но и всѣ остальные продукты. Въ Парижѣ удверей лавокъ, по преимуществу около магазиновъ, торговавшихъ колоніальными товарами, начали собираться толпы недовольныхъ. На сахаръ, кофе, мыло и свѣчи назначили принудительную таксу. Были случаи разграбленія лавокъ.

Марать, по обыкновенію одержимый маніей подстрекательства къ безпорядкамъ, напечаталъ гнусную статью: «Нельзя находить страннымъ, что народъ въ пылу отчаянія беретъ за самосудъ. Во всѣхъ странахъ, гдѣ права народа — не пустая

слова, торжественно красующіяся въ мертвой деклараціи, достаточно было бы разграбить нѣсколько лавокъ и у ихъ дверей повѣсить скупщиковъ, чтобы положить конецъ всѣмъ злоупотребленіямъ».

Чтеніе этихъ строкъ подняло въ Конвентѣ цѣлую бурю негодованія. Заявлено было нѣсколько требованій о судебномъ преслѣдованіи автора; мѣра эта прошла большинствомъ голосовъ, но и на этотъ разъ осталась мертвой буквой.

Жирондисты энергично и мужественно противились установленію таксы на зерновой хлѣбъ, высокая цѣна на который приписывалась невѣжественными массами систематической скупкѣ, организованной будто бы врагами революціи. Махімш сдѣлался пунктомъ помѣшательства населенія, и когда Дюко сталъ доказывать съ трибуны непригодность этой мѣры, галереи разразились угрозами.

Изстуженныя подстрекательства Марата приходились на руку роялистскимъ и иностраннымъ агентамъ, между которыми были переодѣтые священники, лакеи аристократическихъ домовъ и бывшіе дворцовые слуги. Они даромъ раздавали самые зажигательные нумера его изданія и требовали въ секціяхъ изданія аграрнаго закона. Внушить ненависть къ республикѣ посредствомъ страха—тактика, пускаемая въ ходъ противъ нея во всѣ эпохи. «Не слѣдуетъ дозволить этимъ людямъ создать что-либо прочное»,—писалъ одинъ изъ эмигрантовъ.

Даже Робеспьеръ былъ выведенъ подъ конецъ изъ терпѣнія людьми, упрекавшими якобинцевъ въ «мягкости». «Они куплены иностранцами,—говорилъ онъ:—чтобы побудить народъ къ низверженію собственнаго правительства».

Патріоты-фанатики и заговорщики фигурировали бокъ-о-бокъ въ *инсуррекціонныхъ комитетахъ*. Нити двухъ различныхъ разговоровъ скрещивались. Одинъ изъ этихъ заговоровъ имѣлъ цѣлью отдѣлаться отъ умѣренныхъ, тормазившихъ движеніе революціи, другой стремился воспользоваться безпорядками для восстановленія королевской власти.

Была минута, когда дѣятели этихъ постыдныхъ происковъ могли надѣяться на успѣхъ. Появилась въ обращеніи масса листовъ, проповѣдовавшихъ междоусобную войну и распушеніе Конвента. Однажды отрядъ волонтеровъ передъ отбытіемъ

въ армію проходилъ церемоніальнымъ маршемъ передъ членами Конвента, когда замѣтили, что чья-то предательская рука украсила ихъ знамя бѣлыми лиліями и бѣлымъ шарфомъ. Волонтеры растоптали ногами эти эмблемы и замѣнили ихъ фригійской шапкой, затѣмъ стали требовать громкими криками учрещенія чрезвычайнаго суда надъ измѣнниками.

Волненіе достигло крайнихъ предѣловъ 9-го и 10-го марта, бывшихъ для жиронды тѣмъ-же, чѣмъ было 20-е января 1792 г. для королевской власти. Лихорадочное безпокойство овладѣло умами. Парижская община, секціи, клубы не прерывали своихъ засѣданій; всѣ были вооружены. Составлялись петиціи; доносы такъ и сыпались. Въ Конвентъ ворвалась толпа изступленныхъ, требуя головы Бриссо и друзей его. Ужасный прецедентъ создали эти вторженія вооруженныхъ народныхъ шакъ въ собранія: они указали путь военной силѣ, на погибель свободы. Въ типографіяхъ журналистовъ Горса и Фьеве разбили станки. По улицамъ раздавался барабанный бой, отъ прохожихъ требовали свидѣтельствъ цивизма, въ домахъ производили обыски. Такова была картина, которую представлялъ Парижъ. Мужественные люди были на ногахъ, трусливые прятались.

Фраза Верньо, столько разъ повторенная въ послѣдствіи, была сказана какъ разъ въ это время: «Можно опасаться, что революція, пожирающая, подобно Сатурну собственныхъ дѣтей, окончить тѣмъ, что породить деспотизмъ съ неразлучными его бѣдствіями».

Чтобы справиться съ опасностью, партія монтаньяровъ стала дѣйствовать рѣшительнѣе. Она предложила учредить *чрезвычайный уголовный судъ* надъ заговорщиками.

«Да это инквизиція, во сто разъ худшая венеціанской», — возражалъ Верньо.

Это предложеніе, внесенное противъ воли Лендэ въ качествѣ докладчика, поддержанное Робеспьеромъ, Камбасересомъ, Тюріо и Инаромъ и встрѣтившее отпоръ со стороны Барера и Камбона, было-бы вѣроятно отсрочено, но Дантонъ кинулся на трибуну съ громовымъ возгласомъ: «Призываю всѣхъ добрыхъ патріотовъ не покидать своихъ мѣстъ!» Всѣ устояли.

Онъ осмѣлился напомнить сентябрьскія избіенія: «Добрые граждане были ими опечалены, но никакая человѣческая власть

не въ силахъ была остановить потока національной мести. Воспользуемся ошибками нашихъ предшественниковъ: будемъ грозны, чтобы избавить народъ отъ необходимости быть жестокимъ».

Единогласно рѣшено было учрежденіе суда, и онъ началъ дѣйствовать на слѣдующій-же день (11-го марта 1793 г.). Но сохранившееся за нимъ названіе *революціоннаго суда* онъ получилъ лишь въ послѣдствіи.

Затѣмъ послѣдовалъ цѣлый рядъ жестокихъ, скажемъ, даже возмутительныхъ по своей жестокости мѣръ: учрежденіе во всѣхъ общинахъ комитетовъ для надзора за иностранцами, послужившихъ ядромъ для образованія *революціонныхъ комитетовъ*; отобраніе оружія у лицъ подозрительныхъ и приказаніе вывѣсить въ воротахъ каждаго дома списокъ жильцовъ; смертная казнь въ двадцать четыре часа для всякаго эмигранта или изгнанника, вернушагося во Францію; смертная казнь для всякаго, предложившаго аграрный законъ или какую-нибудь иную мѣру противъ собственности поземельной, торговой или промышленной; объявленіе внѣ закона всѣхъ аристократовъ и *враговъ республики*.

Большинство этихъ мѣръ носить печать революціоннаго генія Дантона, разгоравшагося по мѣрѣ увеличенія опасности. Въ этотъ періодъ онъ служилъ воплощеніемъ лихорадочнаго настроенія народа.

Инициатива исходила несомнѣнно отъ самого населенія. 28-го марта секція города Парижа явились въ Конвентъ и высказали слѣдующее: «10-го августа Законодательное собраніе имѣло мужество признать себя безсильнымъ спасти отечество; поднялся народъ, и отечество было спасено. Мы спрашиваемъ васъ, чувствуетъ-ли себя при настоящихъ обстоятельствахъ Конвентъ въ силахъ спасти отчизну или онъ согласенъ принять въ этомъ дѣлѣ услуги народа, которыя мы пришли предложить ему?»

Извѣстія съ театра войны были не успокоительнѣе внутренняго положенія. Въ первыхъ числахъ марта распространились слухи, что французская армія въ Бельгіи находится въ критическомъ положеніи; пришлось обратиться къ чрезвычайнымъ мѣрамъ. Карно предложилъ послать 92 членовъ Конвента въ департаменты для ускоренія набора и отправки отрядовъ къ границамъ. Это предложеніе было принято.

«Отправляйте комиссаровъ, — воскликнулъ Дантонъ: — вдохните въ нихъ вашу энергію; пусть они выйдутъ сегодня-же ночью. Взгляните, граждане, какая васъ ожидаетъ блестящая судьба. Рычагомъ вамъ служить цѣлая нація, точкой опоры — разумъ, и вы до сихъ поръ не перевернули міра!»

Впечатлѣніе, произведенное его рѣчью, было громадное; въ заключеніе онъ призывалъ всѣхъ къ примиренію: «Пусть исчезнутъ ссоры и препирательства, и отечество будетъ спасено!»

Дантонъ былъ искрененъ; онъ добивался примиренія, но его усилія разбивались о недовѣріе и гордость обѣихъ партій. Во все продолженіе борьбы онъ видимо колебался между раздраженіемъ, которое вызывали въ немъ нападки жирондистовъ, и заботой о безопасности отечества, располагавшей его къ примиренію. Однажды, выведенный изъ терпѣнія, онъ воскликнулъ: «Долой перемиріе между патріотами, добивавшимися смерти тирана, и подлецами, которые, желая спасти его, оклеветали насъ передъ Франціей!». А два дня спустя, подъ вліяніемъ болѣе тактичныхъ и широкихъ соображеній, онъ же говорилъ: «При всемъ различіи мнѣній большинство Конвента желаетъ республики. (Всѣ хотятъ ее, — отвѣтило собраніе). Сблизится же по-братски; отъ этого зависить общее спасеніе».

Конвентъ подчинился бы охотно примирительному духу, но опасность положенія мало-по-малу привела его опять къ раздорамъ.

Два тревожныхъ извѣстія получены были имъ одновременно: одно о пораженіи при Нервиндѣ, другое о первыхъ попыткахъ возстанія въ Вандеѣ.

Тотчасъ былъ основанъ *комитетъ общей обороны*, въ которомъ Дантонъ и Робеспьеръ сидѣли рядомъ съ Верньо, Петіономъ, Бюзо и Жансонэ.

Вскорѣ измѣна Дюмуре выяснила необходимость болѣе сосредоточенной власти. Рѣшено было сократить съ двадцати-пяти на девять число членовъ *комитета общественнаго спасенія*. Это еще не знаменитый комитетъ того же названія, который дѣйствовалъ позднѣе среди еще болѣе трудныхъ обстоятельствъ, но и онъ имѣлъ тѣ же полномочія: «наблюдать за дѣятельностью министерствъ и ускорить дѣлопроизводство; принимать въ случаѣ надобности мѣры къ общей безопасности — внутрен-

ней и виѣшней». Монтаньяры наравнѣ съ жирондистами поддерживали связи съ Дюмуре; всѣ безъ исключенія дорожили имъ, какъ способнымъ военнымъ начальникомъ. Но по обнаруженіи измѣны поднялись обоюдные упреки самого оскорбительнаго свойства. Что касается до Робеспьера, то слишкомъ недовѣрчивый и сухой, чтобы раздѣлять благородныя колебанія Дантона, онъ доносилъ, не обинуясь, на генераловъ, требовалъ изгнанія всѣхъ Бурбоновъ, остававшихся еще во Франціи, и суда надъ Маріей-Антуанеттой; но особенно неутомимо онъ преслѣдовалъ Бриссо какъ въ Конвентѣ, такъ и въ клубѣ якобинцевъ. Наконецъ 10-го апрѣля онъ появился на трибунѣ съ обвинительной рѣчью, старательно и давно подготовленной, въ которой представилъ очеркъ дѣятельности партіи жирондистовъ съ момента вступленія ея на политическое поприще. Робеспьеръ изобразилъ членовъ партіи въ роли рьяныхъ ораторовъ народныхъ клубовъ въ тотъ періодъ, когда дѣло шло о пріобрѣтеніи власти, затѣмъ въ періодъ власти изобразилъ ихъ надѣвающими личину умѣренности, пользующимися народомъ для пріобрѣтенія вліянія, пускающими въ дѣло возстаніе, чтобы запугать дворъ, съ которыми они вели переговоры. Онъ обвинялъ ихъ въ томъ, что они обманывали Францію и Европу относительно характера революціи и что, обвиняя другихъ въ посползновеніяхъ на диктатуру, сами помогали себѣ, а въ довершеніе представилъ ихъ раздувающими вражду между департаментами и столицей. Онъ сваливалъ на жирондистовъ нравственную отвѣтственность за сентябрьскія жестокости и упрекалъ ихъ за обращеніе къ народу, какъ за призывъ къ междоусобной войнѣ, и на нихъ же обрушивалъ упреки за столкновеніе съ Европой. Въ заключеніе онъ потребовалъ преданія революціонному суду всѣхъ членовъ орлеанской фамиліи и эксъ-королевы, предоставляя вопросъ объ участи *знаменитыхъ* депутатовъ, дѣянія которыхъ онъ только что изложилъ, на благоусмотрѣніе Конвента.

Эта рѣчь была настоящимъ шедевромъ коварства; разрушить ея хитросплетенія могло только горячее слово Верньо, отвѣчавшаго на нее одной изъ самыхъ блестящихъ импровизацій. Вслѣдъ за нимъ возражалъ Робеспьеру Гадэ; съ обычной своей рѣзкостью, нерѣдко компрометировавшей его друзей, онъ вставилъ въ рѣчь обвиненія противъ Дантона и Марата и прочель

статью за подписью послѣдняго, гдѣ Конвентъ выдавался за жертву «шайки, подкупленной Англіей».

Раздался крикъ: «Марата въ аббатство!» «Предать его суду!» И дѣйствительно было постановлено рѣшеніе объ его арестѣ, несмотря на пророческое предостереженіе Дантона: «Не трогайте Конвента!»

Марать первый предлагалъ отнять у депутатовъ «опасный талисманъ неприкосновенности»; жирондисты, считая себя хозяевами Собранія, воспользовались его идеей. Преданіе его суду было величайшей ошибкой. Раскрывая дверь всеѣмъ послѣдующимъ посягательствамъ на національное представительство, это насиліе не доставило даже мимолетнаго удовлетворенія его виновникамъ. Отводя Марату роль жертвы и ставя его этимъ на пьедесталъ, жирондисты добились лишь того, что навлекли на себя народную ненависть.

На слѣдующій же день тридцать-пять секцій города Парижа (изъ сорока восьми) прислали адресъ съ требованіемъ изгнать изъ собранія главныхъ жирондистовъ въ числѣ двадцати-двухъ человѣкъ. Оправданный единогласно революціоннымъ трибуналомъ, Марать былъ торжественно внесенъ на рукахъ въ залу Собранія съ лавровымъ вѣнкомъ на отвратительной головѣ. Съ этой минуты Марать уже не переставалъ преслѣдовать своихъ противниковъ, пока не добился мести. Гадѣ съ безразсудной отвагой потребовалъ измѣненія состава парижской администраціи и немедленнаго переселенія запасныхъ членовъ Конвента въ Буржъ, гдѣ ихъ свобода была бы болѣе гарантирована, чѣмъ въ Парижѣ. На скамьяхъ лѣвой началось волненіе. «Вотъ заговоръ и обнаружень!» — воскликнулъ Коло д'Эрбуа. Барерь предотвратилъ опасность, замѣнивъ это задорное предложеніе другимъ: учредить комиссію изъ двѣнадцати членовъ для обсужденія дѣятельности парижской общины.

Коммиссія двѣнадцати, организованная жирондистами исключительно изъ ихъ друзей, постановила арестовать нѣсколькихъ лицъ, въ томъ числѣ Гебера, помощника прокурора парижской общины, и когда послѣдняя предъявила протестъ, Инаръ, предсѣдательствовавшій въ этомъ засѣданіи, давъ волю своей горячности, позволилъ себѣ слѣдующую неосторожную угрозу: «Еслибы возстаніе нарушило неприкосновенность національнаго

представительства, Франція жестоко отомстила бы за такое преступленіе и скоро на берегахъ Сены пришлось бы отыскивать мѣсто, гдѣ находился Парижъ.»

Коммиссія объявила, что будетъ преслѣдовать измѣнниковъ вездѣ, «не исключая горы», и окружила Конвентъ тремя секціями, преданными жирондѣ. Парижъ взволновался и принялъ грозный видъ. Непопулярная коммиссія была распущена и вторично созвана. Непріязненные отношенія партій усилились.

Въ четвергъ, 31-го мая, делегаты секцій, собравшись въ архіепископскомъ домѣ и снабженные революціонными полномочіями, объявили себя «возставшими противъ аристократическихъ фракцій, угнетающихъ свободу». Они говорили о «*нравственномъ возстаніи*, уважающемъ личность и собственность». Какъ и дѣятели 10-го августа, это были люди темные, дѣйствовавшіе независимо отъ монтаньяровъ, якобинцевъ и парижской общины и находившіеся подъ вліяніемъ Марата. Да и самъ ходъ дѣла имѣлъ большое сходство съ событіями 10-го августа: делегаты отправились въ муниципальный совѣтъ и объявили отъ имени народа, что власть его уничтожается. Члены совѣта покорно подчинились. Тогда черезъ нѣсколько мгновеній делегаты снова возстановили совѣтъ, объяснивъ, что распушеніе было только формальностью съ цѣлью облечь его революціонной санкціей. Затѣмъ послѣдовало назначеніе временнаго главнокомандующаго надъ вооруженной силой и избранъ былъ на этотъ постъ Анріо, смѣлость котораго много способствовала успѣху дня.

Ударили въ набатъ, забили тревогу и раздались пушечные залпы. Въ Собраніе потянулись депутаціи. Одна изъ нихъ сообщила объ открытіи большого революціоннаго заговора, на что Гадэ отвѣтилъ храбро: «Да это вы сами приводите его въ исполненіе». Другая депутація требовала наказанія Инара, оклеветавшаго Парижъ, и мести противъ сообщниковъ роялизма, подразумѣвая подъ этимъ названіемъ всѣхъ членовъ правой. Эта депутація усѣлась на скамьяхъ лѣвой, члены которой подвинулись, чтобы дать ей мѣсто.

Робеспьеръ началъ говорить въ защиту требованій, но говорилъ неувѣренно; тогда Верньо крикнулъ ему: «Скорѣе къ выводу».

— Да я и собираюсь его сдѣлать, и противъ васъ,—отвѣ-

тилъ онъ холодно и вслѣдъ затѣмъ предложилъ предать суду всѣхъ лицъ, указанныхъ подателями петицій.

Этотъ грубый ударъ не произвелъ однако дѣйствія, какого ожидалъ отъ него Робеспьеръ. Въ этотъ день (31-е мая) ограничили постановленіемъ объ упраздненіи *коммисіи двѣнадцати* и пересмотрѣ ея протоколовъ.

Побѣда тѣмъ не менѣе осталась на сторонѣ пылкихъ головъ, въ первый разъ получившихъ поддержку въ рядахъ равнины и превратившихся, благодаря этому обстоятельству, въ большинство. Они рѣшили воспользоваться этой побѣдой на слѣдующій же день для довершенія пораженія противниковъ. Нѣкоторые политическіе стратеги задались однако мыслью устранить конечныя послѣдствія этой безпощадной дуэли посредствомъ добровольнаго остракизма вождей обѣихъ партій. Всю ночь длились переговоры. Дантонъ соглашался съ такой постановкой вопроса, но Робеспьеръ отвергъ ее. То-же повторилось въ средѣ жирондистовъ: Инаръ соглашался удалиться, Лапжюинэ же напротивъ отвѣтилъ: «Не ждите отъ меня ни отставки, ни временнаго удаленія; жертвы приносятся свободно, а вы не свободны». Затѣмъ, возражая на оскорбительныя слова бывшаго священника Шабо, онъ сказалъ: «Въ древности существовалъ обычай украшать цвѣтами жертвы, но никогда священникъ, наносившій смертный ударъ, не оскорблялъ ихъ».

На слѣдующее утро вниманіе Собранія было привлечено уличнымъ шумомъ. По справкѣ оказалось, что зданіе окружено войсками, препятствующими движенію. «Франція не согласится принять законы, исходящіе отъ порабощеннаго Собранія», — сказалъ Бареръ и предложилъ своимъ сотоварищамъ отправиться къ народу, который безъ сомнѣнія защититъ Конвентъ. Дантонъ выразилъ также мнѣніе, что «надо отомстить за оскорбленіе, нанесенное національному достоинству».

Собраніе подъ предсѣдательствомъ президента Геро де-Сешелля и сопровождаемое Маратомъ, осыпавшимъ его ругательствами, обошло зданіе, окруженное войсками. Анріо находился во главѣ ихъ. Онъ встрѣтилъ депутатовъ съ покрытой головой и съ саблѣй на-голо. Увидѣвъ процессію, онъ обернулся къ артиллеристамъ съ командою: «Къ орудіямъ!»

Законодатели возвратились въ залу засѣданій, смущенные

видомъ своего безсилія. Кутонъ проситъ слова: «Граждане,—сказалъ онъ съ ироніей:—члены Конвента должны были успокоиться на счетъ своей свободы: они убѣдились, что народъ добръ и великодушенъ, но негодуетъ на заговорщиковъ. Я требую, чтобы члены *коммисіи двѣнадцати* и депутаты, указанные подателями петицій, были арестованы въ мѣстахъ ихъ жительства».

Вотъ фізіономія дня 2-го іюня: не было пролито ни одной капли крови, но партія жирондистовъ перестала существовать.

Приговоръ былъ приведенъ въ исполненіе въ ту же ночь, Тридцать-два депутата были арестованы. Нѣкоторые изъ нихъ добровольно подчинились домашнему аресту, сохраняя быть-можетъ надежду, что ихъ несчастіе вызоветъ негодованіе въ народѣ; другіе бѣжали въ провинцію съ цѣлью организовать междоусобную войну, еще сильнѣе компрометируя этимъ оставшихся въ столицѣ товарищей.

Такимъ образомъ была разсѣяна доблестная группа людей, своими талантами и добродѣтелями украшавшая республику. Виновики удара казались сами пристыженными своимъ поступкомъ. Дантонъ, озадаченный и встревоженный, воскликнулъ: «Я не могу ихъ спасти!». А глубоко опечаленный Камилъ Демуланъ каялся: «Вѣдь это я, несчастный, погубилъ ихъ!»

Что случилось бы однако, если бы въ описанной нами борьбѣ жирондисты одержали верхъ? Принявъ на себя отвѣтственность за безопасность республики, которую они любили не менѣе горячо, чѣмъ ихъ противники, сѣумѣли ли бы они выказать среди угрожавшихъ ей опасностей такую же стойкость, какъ послѣдніе? Одинъ историкъ, дружески къ нимъ расположенный, выражаетъ свои сомнѣнія на этотъ счетъ въ слѣдующихъ словахъ: «Какъ могли бы они посредствомъ справедливыхъ законовъ достигъ того, что было сдѣлано монтаньярами при помощи насилія? Какъ могли бы они побѣдить внѣшнихъ враговъ безъ фанатизма, поборотъ партіи безъ устрашенія, накормить массы безъ *taxe-tit*'а и содержать арміи безъ реквизицій?». Это — слова Минье. Дополнимъ его проникательную оцѣнку свидѣтельствомъ одного жирондиста, пережившаго почти всѣхъ остальныхъ членовъ партіи. «Между ними,—говоритъ Ш. Бальель,—было много людей талантливыхъ, но ни одной головы, способной управлять такимъ обширнымъ механизмомъ».

Жирондисты очутились въ свою очередь въ положеніи, въ которомъ послѣдовательно находились Мирабо, Мунье и Лафайетъ: они оказались не въ силахъ продолжать начатаго ими самими дѣла. Буржуазія доиграла свою роль. Нельзя было ступить впередъ ни одного шага безъ участія массъ, пробужденіе которыхъ вселяло въ нихъ ужасъ, какъ появленіе таинственной силы, никому неизвѣстной. Клодъ Фоше выразилъ это трепетное ожиданіе словами: «Мы приближаемся къ предѣламъ человѣческаго предвидѣнія».

Союзъ жирондистовъ и монтаньяровъ обезпечилъ бы побѣду революціи. Но разъ завязалась между ними борьба, и одна изъ двухъ партій должна была погибнуть; историкъ, обладающій чутьемъ государственнаго человѣка, не откажется признать, что лучше было погибнуть первой. Духъ соперничества увлекъ жирондистовъ на скользкій путь, и за спиной ихъ стояли уже реакціонеры, готовые воспользоваться ихъ побѣдой, чтобы повернуть революцію въ другую сторону и погубить все ея дѣло.

Отношеніе депутатовъ центра къ партіямъ очень поучительно. Сначала они поддерживали жирондистовъ, но мало-по-малу удалились отъ нихъ. Нельзя предположить, чтобы монтаньяры были имъ болѣе симпатичны. Но центръ всѣхъ собраній, какъ мы уже замѣтили ранѣе, всегда образуется изъ дѣятелей, отстаивающихъ существующее. Въ данномъ же случаѣ лица, охранявшія республику, инстинктивно понимали, что только лѣвая способна была доставить государственному суду лоцмана, одареннаго запасомъ достаточной смѣлости, чтобы править имъ во время бури.

Начертавъ съ горестью картину смертельной вражды, раздѣлившей на два лагеря людей, желавшихъ одинаково искренно служить одному дѣлу и воодушевленныхъ одинаковымъ мужествомъ, мы имѣемъ лишь одно утѣшеніе: мы можемъ повторить слова выдающагося историка (Мишле): «Въ Конвентѣ не нашлось ни одного измѣнника».

ГЛАВА III.

Конституція и революціонное правительство.

Посреди ожесточенной борьбы и непрерывных непріязненных дѣйствій, когда жизнь каждаго изъ отважныхъ борцовъ стояла на картѣ, и никто изъ нихъ не могъ съ увѣренностью рассчитывать, что доживетъ до слѣдующаго дня, они однако не теряли изъ виду цивилизаціонной миссіи, возложенной на нихъ геніемъ Франціи. Они работали надъ основами новой конституціи и организаціей народнаго просвѣщенія. «Повидимому насъ разъединяють несогласія, — говорилъ Дантонъ: — но лишь только мы принимаемся работать на пользу людей, между нами устанавливается единодушіе». Справедливость этихъ словъ подтверждается различными конституціонными хартіями, оставленными намъ въ наслѣдство революціей, и еще быть-можетъ ярче выразилась въ системахъ народнаго образованія, составленныхъ тремя ея законодательными собраніями.

До какой степени первое изъ нихъ считало этотъ вопросъ важнымъ, видно уже изъ того факта, что оно торжественно передало его на обсужденіе конституціоннаго комитета.

Мы говорили уже о докладѣ Талейрана. Онъ былъ окончень передъ самымъ распущеніемъ Учредительнаго собранія, и послѣднее успѣло лишь одобрить его и передать въ Законодательное собраніе, которое поручило Кондорсэ составленіе новаго доклада по тому же предмету. Его докладъ подвергся той же участи. Внесенный слишкомъ поздно, онъ не былъ разсмотрѣнъ Законодательнымъ собраніемъ, которое въ свою очередь передало его Конвенту, согласившемуся принять наслѣдство. Эти два документа можно считать основаніемъ всего того, что сдѣлано было во Франціи позднѣе по части народнаго просвѣщенія.

Въ конституцію 1891 г. включенъ слѣдующій принципъ, признанный всѣми послѣдующими законодательствами: «Устанавливается система народного образованія, общая для всѣхъ гражданъ и безмездная въ тѣхъ своихъ частяхъ, которыя необходимы всякому человѣку». Но такъ какъ польза образованія не ограничивается начальными познаніями и общество заинтересовано въ томъ, чтобы лица, одаренныя выдающимися способностями, могли развить ихъ, то предположено было учредить многочисленныя стипендіи, предназначенныя для дѣтей бѣдныхъ родителей.

Кондорсэ раздѣлилъ образованіе на четыре разряда, сохранившіеся и впослѣдствіи подъ другими наименованіями.

1) Онъ предлагалъ учредить на каждую группу домовъ, вмѣщающихъ 400 жителей, по одной элементарной школѣ, сообщающей познанія, нужныя при исполненіи самыхъ простыхъ гражданскихъ обязанностей, напримѣръ: присяжнаго засѣдателя и муниципального чиновника; въ каждомъ же городѣ съ 1,500 жителей—по одной школѣ для дѣвочекъ, что было совершеннымъ нововведеніемъ.

2) На каждый округъ или городъ съ 4.000 ж.—по одной школѣ второго разряда съ небольшою библіотекою, естественно-научною коллекціей и кабинетами метеорологическихъ инструментовъ, моделей машинъ и станковъ.

3) На каждый департаментъ—по одному коллежу съ преподаваніемъ предметовъ по расширеннымъ программамъ.

4) Девять лицеевъ, соотвѣтствующихъ тому, что называется въ наше время факультетами, и во многомъ напоминающихъ университеты Англіи, Германіи и Италіи. Это должны были быть образовательныя учрежденія, предназначенныя для лицъ, желающихъ посвятить свою жизнь умственному труду.

Способъ назначенія преподавателей имѣлъ въ виду согласовать требованія общественнаго интереса съ принципомъ свободы, именно выборъ преподавателей предоставлялся муниципалитетамъ, но съ условіемъ, чтобы они избирались только изъ числа лицъ, подходившихъ подъ условія, установленныя высшею учебною инстанціей.

Во главѣ учебной іерархіи Кондорсэ, какъ и Талейранъ, желалъ поставить *національное общество наукъ и искусствъ*

съ цѣлью дать общее направленіе образованію, равно какъ и трудиться надъ расширеніемъ знаній и поощрять открытія и изслѣдованія. Члены этого общества, живущіе частью въ Парижѣ, частью въ департаментахъ, должны были пользоваться полной независимостью положенія и мнѣній. Въ нѣсколько измѣненной формѣ эта мысль осуществлена была позднѣе учрежденіемъ *академіи*.

Кондорсэ не выдѣлялъ предлагаемаго имъ закона изъ общей рамки національныхъ учреждений; онъ вводилъ его въ ихъ составъ, какъ неотъемлемую часть цѣлаго. Такой широкій взглядъ на народное просвѣщеніе является отличительной чертой всѣхъ проэктвъ революціоннаго періода.

Ни Талейранъ, ни Кондорсэ не рѣшились объявить образованіе обязательнымъ, боясь этимъ нарушить права отцовъ семействъ. Мирабо въ своей рѣчи о *національномъ образованіи*, какъ извѣстно, рекомендовалъ даже полную свободу. Лепельтье-де-Сенъ-Фаржо не раздѣлялъ подобной щепетильности: его планъ общественнаго образованія, посмертный, какъ и проэктъ Мирабо, чисто-спартанскаго характера: онъ предлагалъ, чтобы воспитаніе мальчиковъ отъ пяти до двѣнадцати лѣтъ, а дѣвочекъ отъ пяти до одиннадцати было общее и безмездное. Всѣ эти дѣти должны были получать одинаковую одежду и пищу, пользоваться одинаковымъ уходомъ и развиваться физически ручной работой, по преимуществу земледѣльческой, а нравственное развитіе черпать изъ преподаванія общей нравственности.

Эти взгляды не встрѣтили сочувствія, хотя возвратъ къ классическимъ идеаламъ составляетъ характеристическую черту той эпохи.

Сенъ-Жюсть выступилъ еще рѣшительнѣе Лепельтье въ одной изъ главъ своего уложенія *республиканскихъ учреждений*. Но ранѣе ихъ жирондистъ Дюко уже говорилъ объ обязательности и общности воспитанія, такъ что эта идея не принадлежитъ исключительно якобинцамъ.

Конвентъ нѣсколько разъ возвращался къ вопросу о народномъ образованіи, и притомъ съ такимъ рвеніемъ, что, по минованіи тревожныхъ кризисовъ, рѣшилъ посвящать три засѣданія на десять разработкѣ этого вопроса. Въ свое время мы укажемъ на выработанные имъ законы и учрежденія.

Немедленно послѣ провозглашенія республики былъ созданъ комитетъ для составленія конституціи. Этотъ комитетъ, въ которомъ засѣдали Сіэсъ, Томасъ Пенъ, Бриссо, Петіонъ, Верньо, Жансонэ, Бареръ, Дантонъ и докладчикомъ котораго былъ Кондорсэ, объявилъ, что желаетъ сотрудничества всѣхъ приверженцевъ свободы, причемъ обратился «къ конвенту, къ Франціи, къ Европѣ, и вообще ко всѣмъ, кто можетъ сообщить контингентъ идей», а когда черезъ четыре мѣсяца работа значительно подвинулась впередъ, послѣдовало новое обращеніе ко всѣмъ членамъ Собранія съ приглашеніемъ сообщить плоды своихъ размышленій.

Призывъ былъ услышанъ и вызвалъ сильное движеніе въ умахъ. Посреди общихъ волненій все связывали съ обѣщанной конституціей надежды и ожидали отъ нея умиротворенія.

Однако проектъ, редактированный Кондорсэ и принадлежавшій почти всецѣло жирондистамъ, вызвалъ многочисленныя и запальчивыя возраженія со стороны ихъ противниковъ. Якобинцы приступили къ составленію контръ-проекта въ двухнедѣльный срокъ, но, оставшись побѣдителями послѣ катастрофы 31-го мая, они избрали новый комитетъ, окончившій свою задачу въ нѣсколько засѣданій. Комитетъ общественнаго спасенія употребилъ всего одно засѣданіе на его пересмотръ, и 10-го іюня Геро-де-Сешель внесъ въ собраніе проектъ въ окончательной редакціи.

Мы имѣемъ слѣдовательно въ рукахъ работы Кондорсэ и Геро, сверхъ того еще *очеркъ конституціи* Сенъ-Жюста, прочитанный имъ въ Конвентѣ (24-го апрѣля), и *Декларацию Правъ* Робеспьера,—вещь, часто цитируемую въ качествѣ *profession de foi* монтаньяровъ. Изученіе этихъ документовъ не лишено интереса, особенно при сопоставленіи ихъ съ конституціей 1791 года. Сличеніе ихъ свидѣтельствуетъ съ необычайной ясностью о единствѣ духа французской революціи.

Какъ жирондисты, такъ и якобинцы, при опредѣленіи задачи государства, употребляютъ почти тѣ же выраженія, какъ и конституціоналисты: «Цѣль его охранять естественныя и неоспоримыя права человѣка».

Ихъ опредѣленія свободы, равенства и собственности болѣе или менѣе точны, болѣе или менѣе полны, и все сходны въ

главныхъ чертахъ. Вслѣдствіе этого законодатели различныхъ отѣнковъ, не исключая дѣятелей 1791 г., приходятъ къ одинаковымъ выводамъ: народовластію, равноправности всѣхъ гражданъ, свободѣ мысли и ея личнаго или коллективнаго выраженія и къ сопротивленію гнету.

Кондорсэ, Робеспьеръ, Сенъ-Жюсть и Геро-де-Сешель признаютъ одинаково республику единой и нераздѣльной. Если законодатели 1791 г. не вывели того же заключенія, то единственно по той причинѣ, что ихъ трудъ долженъ былъ служить переходной ступенію отъ прошедшаго, длившагося нѣсколько вѣковъ, къ установленію свободы.

Просимъ читателя вспомнить сдѣланный нами обзоръ первой конституціи. Власть короля фигурировала въ ней на ряду съ властью Собранія, которому предоставлялся рѣшающій голосъ въ случаѣ разногласія. Король не имѣлъ права распускать Собраніе. Послѣднее возобновляло свои засѣданія по собственной инициативѣ, назначило размѣръ налоговъ и численность войскъ, рѣшало вопросы о войнѣ и мирѣ. За исключеніемъ наслѣдственной королевской власти, все это уже очень походитъ на республику, и въ довершеніе предусмотрѣнъ былъ даже случай низложенія.

Принципы 93 года, наравнѣ съ принципами 91 г., тождественны съ предначертаніями знаменитыхъ наказовъ 89 года, въ которыхъ революціонный геній Франціи воплотилъ ученія своихъ философовъ и публицистовъ. Всѣ черпали изъ одного источника.

Преобразованія, начатыя нашими предками, не ограничиваются политической сферой въ узкомъ смыслѣ; онѣ распространяются и на соціальныя условія всего народа и всякой отдѣльной личности.

Мысль о братствѣ народовъ повторяется во всѣхъ официальныхъ документахъ. Члены Учредительнаго собранія заявили, что «французская нація никогда не употребитъ оружія противъ свободы другихъ народовъ». Члены Конвента подтверждаютъ это обѣщаніе, прибавляя къ нему обязательство помогать тѣмъ, кто будетъ стремиться къ завоеванію себѣ свободы. Грегуаръ въ проэктѣ провозглашенія международныхъ правъ говоритъ: «То, что составляетъ долгъ между частными лицами, обязательно должно быть долгомъ и между народами». Кондорсэ

требуетъ учрежденія европейскаго сейма для разработки основъ общаго мира.

Французскія конституціонныя хартіи заботятся одинаково о личномъ и объ общемъ интересѣ. Образованіе признается ими священнымъ долгомъ государства относительно гражданъ. Общественное призрѣніе равно обязательно. Законы 91 и 93 года гарантируютъ помощь немоющимъ и работу здоровымъ, заботясь въ равной мѣрѣ о доставленіи пищи душѣ и тѣлу. Бареръ, въ превосходномъ докладѣ о средствахъ уничтожить нищенство, выражаетъ слѣдующими словами чувство солидарности: «Никогда не слѣдуетъ забывать, что гражданинъ республики не можетъ ступить шагу, не касаясь ногой своей территоріи, своей собственности».

Итакъ социализмъ, въ обширномъ значеніи слова,—родное дѣтище французской революціи, и школа Сень-Симона, ставившая своимъ идеаломъ *всемирную ассоціацію*, нашла готовую программу для своихъ реформъ въ мысляхъ все того же столько разъ нами цитированнаго Кондорсэ. «Всѣ учрежденія должны имѣть цѣлью поднятіе уровня нравственности, умственнаго развитія и благосостоянія самаго многочисленнаго и бѣднаго класса населенія». Прекрасная эта мысль служитъ связующимъ звеномъ между прогрессивными ученіями XVIII вѣка и стремленіями современнаго социализма.

Что же касается до социализма въ тѣсномъ значеніи, приданномъ этому слову сектаторскимъ духомъ, то его и слѣда нѣтъ ни въ рѣчахъ, ни въ дѣйствіяхъ революціонныхъ партій той эпохи. Приписывать его источникъ якобинцамъ можно только, произвольно сопоставляя цитаты изъ ихъ писаній и рѣчей, въ которыхъ встрѣчаются утопическія обмолвки многихъ философовъ, начиная съ Платона и кончая Фенелономъ. Никакихъ проэктговъ преобразованія собственности, ни въ смыслѣ коммунизма, ни въ смыслѣ равнаго раздѣла, монтаньяры не составляли. Право наслѣдства такъ мало возбуждало сомнѣній въ тѣ времена, что первое примѣненіе его къ литературной собственности было именно дѣломъ Конвента (законъ 19-го іюля 1793 г.). Революція положила въ основу новаго общественнаго строя личную собственность. Политическая выгода согласовалась здѣсь вполне съ ея теоретическими воззрѣніями, такъ какъ

она стремилась поддержать цѣнность поземельныхъ имуществъ корпорацій для сбыта ихъ въ частныя руки. Дантонъ потребовалъ провозглашенія *вѣчной* неприкосновенности собственности, а Робеспьеръ сказалъ по этому поводу: «Въ этомъ не представлялось надобности для выясненія убѣжденій Дантона; всѣмъ извѣстно и безъ того, что защитники свободы никогда не проповѣдывали аграрнаго закона; это — призракъ, созданный негодями для запугиванія дураковъ». Наконецъ при переходѣ имущества эмигрантовъ и духовенства въ вѣдѣніе государства представлялся удобный случай для опытовъ любой соціалистической системы, а между тѣмъ и якобинцы, и Мирабо, какъ и всѣ прочіе революціонные дѣятели помышляли лишь о томъ, какъ бы распродать эти земли, раздробивъ ихъ на участки, увеличить какъ можно болѣе число землевладѣльцевъ и доставить новыя средства государственному казначейству.

Тѣмъ не менѣе революція вызвала глубокія перемѣны въ области собственности, какъ она измѣнила и все остальное. Но эта реформа не носитъ печати партійнаго духа; она обусловлена общимъ теченіемъ событій. Со дня отмѣны феодальныхъ правъ и барщины безъ всякаго вознагражденія собственность преобразовалась. Освобожденные одновременно земля и человѣкъ получили возможность вступить въ свободный союзъ. Въ тотъ день, когда произошла отмѣна права первородства, преобразовалась семья. Послѣдствія этого шага не ограничивались уравниемъ женщинъ въ правахъ наслѣдства; онъ привелъ въ принципѣ къ признанію абсолютнаго равенства половъ. Въ самомъ началѣ революціи женщины третьяго сословія заявили требованіе этого рода въ одной изъ своихъ петицій. И Кондорсэ, все тотъ же Кондорсэ, философъ революціи, смѣло поднялъ вопросъ, волнующій еще и понынѣ многіе выдающіеся умы, — вопросъ о распространеніи на женщинъ политическихъ правъ. Шометь, апостолъ крайнихъ, на этотъ разъ выступилъ консерваторомъ; онъ отстаивалъ мнѣніе о неправопособности женщинъ и добился удаленія изъ ратуши гражданокъ, явившихся въ фригійскихъ шапкахъ съ петиціей къ общинному совѣту.

Соціалисты часто упрекаютъ революцію въ томъ, что она исключительно создала реформы политическія; либералы винятъ ее напротивъ за то, что она ограничилась соціальными рефор-

мами; это двойное обвиненіе даетъ намъ поводъ заключить, что она совершила какъ политическія, такъ и соціальныя реформы, или вѣрнѣе, что, осуществляя первыя, она вызвала и вторыя. Мы утверждаемъ это потому, что нѣтъ той политической реформы, которая не имѣла бы послѣдствіемъ улучшенія условій жизни людей. Не станемъ удаляться отъ широкихъ путей, предложенныхъ революціей; они ведутъ вѣрно къ цѣли, — ведутъ къ свободѣ, составляющей силу и достоинство человѣка, къ равенству правъ, согласному съ требованіями справедливости, и къ братству, превращающему право въ дѣйствительность.

Мы уже говорили о томъ, какъ быстро монтаньяры составили конституцію. Но дѣло въ томъ, что они ограничились пересмотромъ и передѣлкой труда жирондистовъ. Ланжюинэ высказываетъ мнѣніе, что они исказили его, хотя признаетъ нѣкоторыя качества за ихъ работой. «При недостаткѣ точности и ясности, нельзя не признать, что изложеніе отличается красотой и сжатостію». Робеспьеръ же находилъ, что въ новой конституціи уцѣлѣло слишкомъ многое изъ доктринъ жирондистовъ.

Эта конституція грѣшила тѣмъ, что представляла въ практическомъ отношеніи массу затрудненій. Доводя принципъ неприкосновенности верховныхъ правъ народа до крайности, она не признавала даже передачи ихъ путемъ полномочія и создавала тѣмъ самымъ такую систему прямого народнаго законодательства, которая среди тогдашнихъ самыхъ грозныхъ опасностей должна была окончательно парализовать дѣятельность правительства.

Но въ сущности безразлично, какой конституціи было бы въ то время отдано предпочтеніе. Едва успѣли утвердить проэктъ, составленный монтаньярами, какъ пришлось отсрочить дѣйствіе конституціи, чтобы предоставить исполнительной власти полный просторъ для защиты отечества. Было объявлено, что правительство Франціи до заключенія мира будетъ *революционнымъ*. Это было равносильно объявленію осаднаго положенія. Никогда еще диктатура не провозглашалась болѣе откровенно.

Эта диктатура выпала на долю *комитета общественнаго спасенія*, одно имя котораго уже достаточно указываетъ на ту власть, какая ему вручалась.

Основанный декретомъ 18-го марта 1793 года и организо-

ванный 6-го апрѣля, немедленно послѣ измѣны Дюмурье, комитетъ нѣсколько разъ мѣнялъ свой составъ. Робеспьеръ вошелъ въ него 27-го іюля. «Комитетъ пожелалъ имѣть своимъ членомъ этого популярнаго дѣятеля», — говоритъ Бареръ въ своихъ мемуарахъ. Въ составъ его не было военныхъ, и поэтому 14-го августа призваны были Карно и Приёръ (Котъ-д'Орскій). 6-го сентября назначеніе Коло-д'Эрбуа и Бильо-Варена довело составъ комитета до одиннадцати членовъ; число его не увеличилось до паденія Робеспьера и уже послѣ этого событія оно было доведено сначала до двѣнадцати, а затѣмъ даже до шестнадцати.

Конвенту предоставлено было право каждые три мѣсяца замѣнять трехъ членовъ новыми. Но втеченіи цѣлаго года онъ на ежемѣсячныхъ выборахъ возобновлялъ прежній составъ комитета.

Вся отвѣтственность и руководство высшей политической исключительно лежали на комитетъ общественнаго спасенія. Онъ вносилъ всѣ важныя мѣры въ собраніе, но въ случаѣ необходимости могъ принимать ихъ и самостоятельно. Однако по прошествіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ онъ призналъ необходимымъ еще болѣе усилить свою власть и ускорить дѣлопроизводство, «сплотить ядро республики», какъ выразился Карно, докладчикъ этого предложенія. Министерства были упразднены и замѣнены исполнительными комиссіями, состоявшими каждая изъ двухъ членовъ и помощника. Назначеніе членовъ комиссій и смѣщеніе ихъ предоставлено было комитету. Каждая комиссія находилась въ непосредственномъ вѣдѣніи одного изъ членовъ комитета.

Послѣдніе раздѣлили работу между собой, руководствуясь специальными знаніями cadaго, помимо всякаго вмѣшательства со стороны собранія. Сень-Жюсть и Робеспьеръ разрабатывали конституціонное законодательство и вели надзоръ за настроеніемъ общества. При содѣйствіи друга своего Кутона они учредили бюро высшей полиціи и управляли имъ.

Бильо и Коло вели сношенія съ гражданскими властями и съ депутатами, отправленными съ порученіями въ департаменты. Они въ сущности несли обязанности министра внутреннихъ дѣлъ.

Карно, Пріёръ (Котъ д'Орскій) и Робертъ Лендэ завѣдывали военной частью. Составъ и передвиженіе армій находились на попеченіи Карно; Пріёръ заботился о матеріальной части армій и о военныхъ госпиталяхъ, Лендэ—о продовольствіи, обмундированіи и средствахъ передвиженія.

Жанъ-Бонъ-Сентъ-Андре, принявшій на себя завѣдываніе флотомъ, находился по большей части въ разѣздахъ по портовымъ городамъ.

Пріёръ (Марнскій), вѣдавшій торговлю, также часто отсутствовалъ, такъ что въ Парижѣ находилось на лицо рѣдко болѣе девяти членовъ правительства.

Бареръ управлялъ иностранными дѣлами, совѣщаясь съ комитетомъ въ полномъ составѣ по всѣмъ важнымъ вопросамъ; на немъ же лежала администрація искусствъ и общественныхъ зданій. Но спеціально на него была возложена должность докладчика комитета передъ собраніемъ.

И такъ, образъ правленія былъ коллективной диктатурой, анонимной въ томъ смыслѣ, что ни одинъ изъ диктаторовъ лично не могъ принимать никакихъ мѣръ и каждое распоряженіе должно было быть скрѣплено подписью по крайней мѣрѣ двухъ третей всѣхъ членовъ. Члены комитета продолжали жить на частныхъ квартирахъ и приходили въ Тюльери только работать съ своими подчиненными, едва успѣвая отобѣдать въ какомъ-либо изъ сосѣднихъ ресторановъ. Они получали самое скудное вознагражденіе и не пользовались никакими внѣшними знаками отличія. Словомъ, всѣ заботы и отвѣтственность высшей власти лежали на нихъ, но они отказались отъ тѣхъ ея преимуществъ, которыя льстятъ тщеславію.

Двѣ отрасли правительственной дѣятельности не вошли въ сферу компетентности комитета: 1) Государственное казначейство. «Оно останется подъ непосредственнымъ наблюденіемъ Конвента»,—сказано въ декретѣ, которымъ учрежденъ комитетъ. 2) Юстиція. Тотъ же декретъ воспрещаетъ комитету «отдавать приказы объ арестѣ и заключеніи въ тюрьму кого-либо, за исключеніемъ его собственныхъ исполнительныхъ органовъ».

Судебная полиція принадлежала *комитету общественной безопасности*, низшей инстанціи исполнительной власти, въ которомъ главными членами состояли: Амаръ, Вадье, Леба, Рюль,

Давидъ и Моисей Байль. Но полицейское бюро, учрежденное Робеспьеромъ, мало-по-малу захватило сферу дѣятельности этого комитета и вызвало столкновѣнія, разрѣшившіяся 9-мъ термидоромъ. Мѣстная администрація продолжала находиться подъ контролемъ двухъ выборныхъ учреждений, основанныхъ Учредительнымъ собраніемъ: генеральнаго совѣта и директоріи, избранной этимъ совѣтомъ.

Къ этому слѣдуетъ еще прибавить, что депутаты, которые посылались съ порученіями, служили проводниками предначертаній Конвента въ арміи и департаментахъ и что клубы и разныя секціи развивали непрерывную и лихорадочную дѣятельность. Вотъ правительственный механизмъ, дѣйствовавшій въ критическое время республики.

Всѣ поклонники деспотизма восторгались имъ. Въ особенности же онъ восхищалъ Наполеона и Жозефа-де-Мэстра. «Слѣдуетъ, — говорилъ послѣдній, — имѣть всегда передъ глазами комитетъ общественнаго спасенія, который совершилъ чудеса и духъ котораго до сихъ поръ еще одерживаетъ побѣды».

Трудно раздѣлять мнѣніе этихъ двухъ людей. Но нельзя не признать, что комитетъ никогда не преодолѣлъ бы страшныхъ препятствій, окружавшихъ его, еслибы не былъ удивительно приспособленъ къ своей задачѣ.

Одинъ изъ знаменитыхъ ораторовъ, умѣющій ставить патріотизмъ выше различія въ убѣжденіяхъ, Берье, однажды воскликнулъ отъ полноты души: «Я никогда не забуду, что Конвентъ спасъ мое отечество!».

Г Л А В А IV.

Семнадцатимѣсячный походъ.

Въ моментъ образованія комитета общественнаго спасенія французскія арміи были отчасти дезорганизованы, отчасти вынуждены къ отступленію. Крѣпость Конде занята была австрійцами, Валансьеннъ—англичанами, Майнцъ—пруссаками; союзники осаждали Мобѣжъ, составлявшій быть можетъ послѣдній оплотъ Франціи, и расположились лагеремъ между Перонной и Сень-Кентеномъ. Съ другой стороны возстаніе разгоралось въ Провансѣ, Жирондѣ, Вандеѣ и Нормандіи, ему стоило перешагнуть небольшое пространство, чтобы подать руку иноземному вторженію. Въ общемъ шестьдесятъ департаментовъ были во власти непріятеля или объаты междоусобной войной. «Никогда еще ни одно государство не находилось въ такомъ опасномъ положеніи и не казалось столь близкимъ къ гибели», — говоритъ одинъ военный историкъ (Жомини).

Подъ вліяніемъ очевидной опасности, комиссары перворазрядныхъ собраній, съѣхавшіеся въ Парижъ со всѣхъ концовъ Франціи для признанія новой конституціи, потребовали поголовнаго призыва къ знаменамъ всѣхъ гражданъ, способныхъ носить оружіе. Конвентъ колебался принять такую смѣлую мѣру и передалъ рѣшеніе вопроса комитету общественнаго спасенія. Тогда въ комитетъ былъ призванъ Карно, и двѣнадцать дней спустя былъ изданъ декретъ о поголовномъ призывѣ всѣхъ гражданъ къ оружію. «Эта мѣра спасла Францію», — сказалъ генералъ Журданъ пять лѣтъ спустя.

Три члена комитета общественнаго спасенія, которымъ спеціально была поручена военная часть: Карно, Робертъ Лендэ и Пріёръ (Котъ д'Орскій), немедленно приступили къ дѣлу. Приходилось объединять самые разнородные элементы, сплотить новобранцевъ съ рекрутами разныхъ сроковъ и мѣстностей. Карно привелъ въ порядокъ этотъ хаосъ; изучилъ контингентъ рядовыхъ, чтобы выдвинуть способныхъ, создалъ прекрасные штабы и поставилъ во главѣ республиканскихъ полковъ генераловъ, наканунѣ еще неизвѣстныхъ, но проявившихъ блестящія дарованія, отстаивая независимость своего отечества.

Для этихъ юныхъ вождей и импровизированныхъ солдатъ старая тактика была непригодна; она поставила бы ихъ въ невыгодное положеніе передъ прусскими и австрійскими ветеранами. Имъ необходимъ былъ новый способъ веденія войны, который сблизъ бы съ толку противниковъ и далъ бы просторъ стремительности пылкой молодежи; ей нуженъ былъ быстрый успѣхъ, который могъ бы вдохнуть въ нее увѣренность въ собственные силы.

И Франція явила собой зрѣлище небывалое въ исторіи: нація превратилась вся въ сплошную армію, главной квартирой которой служилъ Парижъ. Распоряженія исходили изъ Тюльери, гдѣ засѣдалъ комитетъ общественнаго спасенія, а четырнадцать вооруженныхъ фалангъ дѣйствовали то въ одиночку, то соединенными силами, какъ полки на полѣ сраженія.

Въ февралѣ 1793 г. общее число солдатъ составляло 228,000; къ сентябрю 1794 г. численность ихъ возрасла до 1.026,000. Этихъ силъ было недостаточно, чтобы противустоять многочисленному непріятелю, занимавшему всѣ границы. Необходимо было удвоить, утроить ихъ посредствомъ быстрыхъ передвиженій и внезапнаго соединенія нѣсколькихъ армій подъ одно начальство съ тѣмъ, чтобы получить перевѣсъ надъ непріятельскими силами тамъ, гдѣ это требовалось.

Часто великіе полководцы прибѣгали къ сосредоточенію всѣхъ своихъ силъ въ одномъ пунктѣ съ цѣлью одержать тутъ полную

побѣду и тѣмъ ослабить значеніе частныхъ удачъ непріятеля въ другихъ пунктахъ. Заслуга новой стратегіи состояла въ примѣненіи того же принципа къ крайне обширному театру войны, охватывавшему границы цѣлой страны.

Причиной невѣроятнаго успѣха этой тактики было единодушіе, съ которымъ дѣйствовали французы, и разъединеніе, часто переходившее въ соперничество въ лагерѣ коалиціи. Въ довершеніе этотъ способъ сражаться большими массами внушалъ войскамъ увѣренность въ ихъ непобѣдимость.

Внутри страны кипѣла столь же энергическая дѣятельность, какъ и на границахъ. Знаменитые французскіе ученые: Монжъ, Бертоллетъ, Гитонъ де-Морво учили населеніе выдѣлкѣ пороха и пушекъ. Приѣръ указывалъ, какъ добывать простѣйшимъ образомъ селитру, и граждане съ восторгомъ несли въ Конвентъ плоды своихъ трудовъ. Оружейные заводы возникли на бульварѣ Инвалидовъ, въ Люксембургскомъ саду и другихъ мѣстностяхъ. Тамъ работало 258 кузницъ подъ руководствомъ лучшихъ мастеровъ Парижа и ежедневно выдѣлывалось по тысячѣ ружей. Поступали непрерывно добровольныя пожертвованія: лошадьми, вьючными животными, оружіемъ.

Для поощренія къ усердію прибѣгали къ слѣдующимъ средствамъ: объ отличившейся части упоминалось въ особомъ декретѣ, какъ о *заслуженной передъ отечествомъ*; имена воиновъ, погибшихъ геройской смертью, какой бы чинъ они ни занимали, записывались въ Пантеонъ; отличившимся въ бою раздавались почетныя сабли. Публичное чтеніе въ Конвентѣ отчетовъ съ театра военныхъ дѣйствій и статьи, печатавшіяся въ газетѣ «Защитникъ Отечества» («*Defenseur de la Patrie*»), распространяя свѣдѣнія о подвигахъ, поддерживали духъ соревнованія и гражданской доблести. Депутаты, командированные къ арміямъ, своими обширными полномочіями, простиравшимися и на главное военное начальство, предупреждали развитіе милитаризма, а своей готовностью раздѣлять труды и опасности внушали уваженіе къ Національному собранію. «Эти огромныя

силы и способы приведенія ихъ въ дѣйствіе составляютъ самый удивительный и смѣлый замыселъ, переданный намъ исторіей», — замѣчаетъ одинъ писатель-роялистъ (Фантенъ Дезодоаръ).

Каковы же были результаты? Англичане осаждали Дюнкирхенъ, военный портъ, на который они заранѣе смотрѣли какъ на свою долю въ общей добычѣ. Потеря его имѣла бы неисчислимыя послѣдствія и вызвала бы ужасное нравственное потрясеніе. Средства обороны были слабы. Комендантомъ былъ храбрый, но нисколько не выдающійся генераль Гюшаръ; по счастью подъ его начальствомъ находились два молодыхъ офицера, Гоншъ и Журданъ, только-что надѣвшіе эполеты. Отрядъ изъ двѣнадцати тысячъ человѣкъ, отдѣленный отъ рейнской и мозельской армій, пришелъ имъ на помощь, и была одержана побѣда подъ Гондшооте (8-го сентября 1793 г.), заставившая непріятеля снять осаду съ Дюнкирхена.

Другая крѣпость, несравненно болѣе важная, была также въ опасности: если бы эта крѣпость (Мобѣжъ) досталась австрійцамъ, то имъ былъ бы открытъ путь въ Парижъ. Карно, видѣвшій Журдана въ дѣлѣ подъ Гондшооте и оцѣнившій этого офицера, выбралъ его главнокомандующимъ соединенныхъ армій сѣверной и арденской. Онъ отправился лично къ молодому генералу, чтобы помочь ему своимъ опытомъ. Принцъ Кобургскій держалъ въ осадѣ Мобѣжъ, утвердившись на позиціяхъ, считавшихся неприступными. «Французы — гордые республиканцы, — говорилъ онъ; — если они выгонятъ меня отсюда, я самъ сдѣлаюсь республиканцемъ». Французы пытались овладѣть ретраншаMENTами непріятеля, но нѣсколько разъ были отражены. Наступила ночь; они воспользовались ею, чтобы перемѣнить планъ атаки. Всѣ силы были направлены на одинъ пунктъ. На слѣдующее утро австрійцы увидали, что на приступъ подвигается колонна, имѣющая во главѣ генерала Журдана и двухъ представителей народа: Карно и Дюкенуа, опоясанныхъ трехцвѣтными шарфами и несшихъ шляпы на концѣ своихъ сабель. Республиканцы подвигались съ неудержимостью потока и заняли плоско-

горье Ваттиньи, давшее имя ихъ побѣдѣ. Непріятельскія войска были оттѣснены, послѣ чего принцу Кобургскому пришлось бѣжать за Самбру и утѣшиться лишь тѣмъ, что онъ обозвалъ побѣдителей *бѣшенными*.

«То были поголовно герои!» — говорить съ своей стороны Журданъ. Освобожденіе Мобёжа (16-го и 17-го октября 1793 г.) вызвало взрывы восторга во всей Франціи.

Но вотъ другой герой Гондшооте—Гошъ, назначенный въ двадцатипятилѣтнемъ возрастѣ главнокомандующимъ соединенныхъ мозельской и рейнской армій.

Увлеченный чрезмѣрной отвагой, онъ совершилъ неосторожность и потерпѣлъ подѣ Кайзерслаутерномъ значительную потерю въ людяхъ. Карно написалъ ему: «Неудача—еще не преступленіе, когда сдѣлано все, чтобы одержать побѣду». И молодой генералъ загладилъ ошибку блестящими подвигами.

Вейсенбургскія линіи были прорваны непріателемъ. Названіе линій присвоено цѣпи укрѣпленій, идущихъ вдоль теченія рѣки Лаутера и признаваемыхъ оплотомъ Эльзаса, границы котораго они защищаютъ. Гагенау и фортъ Вобанъ были уже взяты и продолжала держаться только крѣпость Ландау, хотя и она была послѣ бомбардировки окружена непріателемъ. Гошъ побѣдоносно возвратилъ Франціи линіи, принудилъ непріателя снять осаду съ Ландау (26-го декабря 1793 г.) и перейти за Рейнъ. Его дѣятельно поддерживали присутствовавшіе комиссары Конвента. Въ особенности Сентъ-Жюсть выказалъ при этомъ случаѣ способности, соотвѣтствовавшія непреклонной его энергіи.

Эти три важныя событія: выручка Дюнкирхена, Мобёжа и Ландау дали Франціи возможность вздохнуть свободнѣе. Сообщая о нихъ Конвенту, Бареръ сказалъ, что армія вступила на путь непрерывныхъ побѣдъ.

Въ Альнахъ и Пиренеяхъ дѣла шли не такъ гладко; усилій чередовался тутъ съ неудачами. Но главная опасность грозила не здѣсь, и можно сказать, что съ начала 1794 г. республика вела оборону страны побѣдоносно.

Эмиграція значительнаго числа офицеровъ отразилась на сухопутномъ войскѣ разстройствомъ штабовъ, но еще сильнѣе пострадалъ отъ нея флотъ, гдѣ между офицерами было много аристократовъ. Матеріальная часть морского вѣдомства понесла также чувствительныя потери вслѣдствіе измѣны: арсеналь и флотъ Тулона перешли въ руки англичанъ. Итакъ, трудно было ожидать успѣха на морѣ. Но доблесть французскихъ моряковъ имѣла случай проявиться въ сраженіи, состоявшемся 1-го іюня 1794 г. Оно ознаменовалось однимъ изъ тѣхъ геройскихъ подвиговъ, которые надолго сохраняются въ памяти народовъ: команда «*Vengeur*» въ минуту, когда корабль сталъ тонуть, отказалась спустить флагъ и погрузилась въ волны при крикахъ: «Да здравствуетъ республика!» — Часть погибавшихъ къ счастью была спасена непріятельскими судами. Потеряно было со стороны французовъ шесть кораблей или, вѣрнѣе, шесть корабельныхъ остововъ, какъ выразился Жанъ-Бонъ-Сентъ-Андре въ рапортѣ Конвенту. Но и непріятельскія суда удалились не въ лучшемъ видѣ. Цѣль же сраженія была достигнута: 200 судовъ съ хлѣбомъ изъ Америки благополучно доставили свой грузъ во Францію.

Несмотря на пораженія, испытанныя на сѣверныхъ границахъ, союзники продолжали занимать укрѣпленія: Валансьеннъ, Конде и Кенуа. Они рассчитывали весной двинуться на вторую линію укрѣпленій, затѣмъ идти на Парижъ и подавить тамъ революцію. Австрійскій императоръ прибылъ на театръ военныхъ дѣйствій, чтобы лично участвовать въ торжествѣ. Но Карно *понялъ* этотъ планъ и задумалъ военныя операціи, чтобы его разстроить. Онъ принялъ смѣлое рѣшеніе. Сѣверная, мозельская и арденская арміи, быстро соединившись, одержали 26-го іюня 1794 г. полную побѣду подъ Флёрюсомъ. Начальствовалъ въ этомъ дѣлѣ Журданъ, а въ качествѣ представителя націи присутствовалъ Сентъ-Жюсть. Противникъ Журдана, принцъ Кобургскій, удалился съ деморализованной арміей за Маасъ и отказался продолжать войну. Его заступилъ генералъ Клерфе

безъ надежды на успѣхъ. Французы вступили 6-го іюля въ Кёльнъ, 8-го — въ Боннъ, а затѣмъ — въ Кобленцъ, главную квартиру эмигрантовъ.

Австрійскій императоръ, видя, что счастье измѣняется ему, покинулъ армию за нѣсколько дней до сраженія подъ Флёрюсомъ и отправился въ Вѣну, куда его призывали другія дѣла.

Уже давно узы, связывавшія коалицію, ослабѣли. Союзники, занятые раздѣломъ Польши, менѣе интересовались Франціей. Пруссія, вступившая въ согласіе съ Россіей, заняла Польшу, второй раздѣлъ которой былъ рѣшенъ помимо Австріи. Последняя упорно домогалась обмѣна Нидерландовъ на Баварію, но шансы на удачу этого замысла сильно были поколеблены военными ея неудачами. Она надѣялась на быстрый и счастливый походъ, который доставилъ бы ей возможность заставить Францію уплатить военныя издержки. Но и эта надежда рушилась при первыхъ столкновеніяхъ. Старая ея военная тактика, оказавшая еще услуги во время похода 1793 года въ Бельгію, утратила всякое значеніе передъ тактикой революціонной арміи. Молодые французскіе офицеры выучились своему дѣлу, молодые солдаты приобрѣли необходимый опытъ, военная организація усовершенствовалась, а энергія террористовъ, подавляя внутреннія смуты, позволяла націи сосредоточить всѣ свои силы на защитѣ границъ. Неудовольствіе кабинетовъ выразилось въ задорныхъ пререканіяхъ. Пруссія грозила уменьшить контингентъ выставленныхъ ею войскъ, если ей не будетъ предоставлено достаточное вознагражденіе. Всѣ ссорились изъ-за вопроса, куда направить войска, которыя каждая сторона желала употребить съ наибольшей пользою для себя. Одинъ кабинетъ хотѣлъ отправить ихъ въ бельгійскія провинціи, другой — на Рейнъ; отсюда происходили самыя противорѣчивыя распоряженія. Даже англійское правительство — «общій казначей коалиціи» (выраженіе Барера) — не могло добиться за свои деньги, чтобы Бельгія не была завоевана Франціей, въ то время какъ Пруссія тратила субсидіи на покореніе Польши.

Враги Франціи взаимно упрекали другъ друга въ неискренности, коварствѣ и предательствѣ. Австрія жаловалась, что пруссаки не оказываютъ ей поддержки, на которую она была вправѣ рассчитывать. Пруссакъ обвиняли Австрію въ томъ, что она добровольно очистила Нидерланды, владѣніе которыми доставляло ей болѣе хлопотъ, чѣмъ выгодъ, такъ какъ населеніе проявляло мало привязанности къ своимъ старымъ властителямъ; сами имперскіе офицеры просили объ окончаніи войны, хотя бы это и повело къ потерѣ провинцій.

Пруссія и Австрія взаимно подозрѣвали другъ друга въ тайныхъ переговорахъ съ французскою республикой, которая на словахъ составляла предметъ общей ненависти. Переговоры дѣйствительно велись, но кто ихъ началъ? Германскіе публицисты до сихъ поръ страстно рѣшаютъ эту историческую загадку, интересующую ихъ конечно больше, чѣмъ французовъ. Достоверенъ лишь фактъ взаимнаго неудовольствія союзниковъ, дошедшаго, какъ говорятъ, до того, что Пруссія во время переговоровъ старалась удалить съ береговъ Рейна не Францію, а Австрію.

Берлинскій кабинетъ, кажется, первый рѣшился вступить на путь примиренія. Объ этомъ свидѣлствуетъ документъ относительно обмѣна плѣнныхъ, скрѣпленный въ Ландау въ началѣ іюля 1794 г. съ слѣдующей надписью: «Король Пруссій Французской Республикѣ». Императрица Екатерина II, окончательно подчинившая себѣ Польшу, благодаря побѣдѣ, одержанной Суворовымъ подъ Прагою, и недавно еще покровительствовавшая претензіямъ Пруссіи съ цѣлью наказать Австрію за нерадивую защиту Бельгіи, придерживалась теперь обратной политики, желая наказать Пруссію за недостаточно энергичное веденіе войны съ Франціей. Она захватила главную часть Польши и предоставила Пруссіи самую ничтожную. Политика императрицы во время борьбы интересовъ трехъ монархій при раздѣлѣ Польши состояла въ томъ, чтобы оказывать свое содѣйствіе по возможности дороже и вознаграждать своихъ союзниковъ за счетъ Польши во вредъ Франціи. Въ договорѣ, освятившемъ новый раз-

дѣлъ, Австрія обязалась тайнымъ условіемъ поддерживать виды Россіи на Молдавію, Валахію и Бессарабію, взами́нь чего Россія обѣщала ей свою помощь въ дѣлѣ поземельныхъ приобрѣтеній во Франціи или Италіи.

Всѣ эти планы были разрушены успѣхами французскаго оружія.

Въ то время, какъ Журданъ отгѣснилъ австрійцевъ къ Рейну, Пишегрю проникъ въ Голландію и занялъ Амстердамъ. Кавалерія его, переправясь по льду черезъ Зюдерзе, овладѣла непріятельскихъ флотомъ.

Занятіе Голландіи «разбило ядро коалиціи», — говоритъ Карно. Демократическая партія страны рукоплескала прибытію французовъ и воспользовалась ихъ присутствіемъ для низверженія штатгальтера и провозглашенія республики Соединенныхъ Провинцій. Переворотъ совершился безъ всякаго кровопролитія. Вскорѣ Бельгія громогласно заявила о своемъ желаніи присоединиться къ Франціи.

Комитетъ общественнаго спасенія привелъ въ окончательное смущеніе противниковъ слѣдующей смѣлой выходкой.

Въ рукахъ австрійцевъ остались четыре крѣпости: Ландреси, Конде, Валансьеннъ и Кенуа. У французовъ не было ни солдатъ, ни боевыхъ снарядовъ для осады. Комитету пришла въ голову мысль, которую сочли бы безумной, если бы она не увѣнчалась успѣхомъ. Разсчитывая на панику, наведенную послѣдними побѣдами, онъ приказалъ потребовать отъ гарнизоновъ безусловной капитуляціи подъ угрозой поголовнаго истребленія. «Наша угроза была тѣмъ болѣе рѣшительна, чѣмъ менѣе у насъ было средствъ выполнить ее», — говоритъ Карно въ отчетѣ объ этомъ событіи. Всѣ четыре крѣпости сдались въ двадцать-четыре часа. Воздушный телеграфъ былъ въ первый разъ примѣненъ къ дѣлу для сообщенія о сдачѣ Конде. Первый опытъ примѣненія воздушнаго шара для наблюденія за движеніями непріятельскихъ войскъ былъ сдѣланъ въ Флёрюсъ.

Набрасывая краткій очеркъ этого похода, продолжавшагося

годъ и пять мѣсяцевъ, мы перечислили лишь самыя крупныя сраженія, отъ которыхъ зависѣло спасеніе республики: Гондшооте, Ваттиньи, Ландау и Флёрюсъ. Но вотъ перечень всего совершеннаго по отчету генерала Карно:

27 большихъ побѣдъ.

120 менѣе значительныхъ.

У непріятеля убито 80 тысячъ человѣкъ.

Въ плѣнъ взято 81 тысяча.

Взято 106 крѣпостей и большихъ городовъ, изъ которыхъ 6 послѣ осады.

Взято 230 фортвъ и редутвъ, 3800 пушекъ, 70 тысячъ ружей, около 2 миллионъ фунтовъ пороха и 90 знаменъ.

Конвентъ постановилъ декретомъ, что этотъ отчетъ будетъ вывѣшенъ въ залѣ его засѣданій и отпечатанъ для раздачи солдатамъ и гражданамъ.

ГЛАВА V.

Междоусобныя войны.

Если справедливо, какъ мы старались доказать, что между политическими ученіями якобинцевъ и жирондистовъ не было существенной разницы, то чѣмъ объяснить ожесточенную борьбу этихъ двухъ партій, а въ особенности обвиненіе въ федерализмѣ, погубившее жирондистовъ? Развѣ они проповѣдывали мнѣнія, вредныя для національнаго единства? Нисколько. Ни одному человеку не приходило въ голову порицать Учредительное собраніе, когда оно упразднило старое дѣленіе Франціи на провинціи съ цѣлью политическаго объединенія. Съ другой стороны, никто не помышлялъ проповѣдывать децентрализацію, и если кого нибудь можно было упрекнуть въ этомъ, то развѣ Бильо-Варенна, Робеспьера и Марата. Кондорсэ указалъ на нѣкоторыя попытки этого рода въ конституціи 1793 г. Централизація, основанная монархической властью на развалинахъ стараго феодализма и муниципальных вольностей, достигла крайнихъ предѣловъ въ моментъ революціи. Новое законодательство стремилось ослабить централизацію, замѣняя мѣстными избирательными властями интендантовъ, назначавшихся министерствомъ. Но въ то же время затруднительность положенія требовала единодушныхъ усилій, чего не отрицали жирондисты, равно какъ и монтаньяры. Мнимый федерализмъ жирондистовъ состоялъ исключительно въ противоудѣствіи господству парижскаго муниципалитета. Сначала они пытались противопоставить ему Конвентъ, гдѣ они были хозяевами; позднѣе, утративъ преобладаніе въ

Конвентѣ, они сдѣлали непростительную ошибку, поднявъ противъ парижскаго муниципалитета департаменты, гдѣ вліяніе ихъ было значительно. Эта распря служила помѣхой къ правильной организаціи республиканскаго правительства, которое имъ однако было столь же дорого, какъ и ихъ противникамъ; но обѣ партіи въ своей заносчивости считали лишь себя призванными спасти Францію. Взаимная ихъ ненависть не уступала ихъ преданности республикѣ.

Безпристрастный историкъ не можетъ обвинять жирондистовъ въ желаніи расчленивъ Францію, но онъ упрекнетъ ихъ въ неосмотрительной борьбѣ, послужившей поводомъ и орудіемъ для возстаній, обогрившихъ кровью страну, подвергшей ее величайшимъ опасностямъ и косвенно содѣйствовавшей вторженію непріятеля. Они несутъ тяжелую отвѣтственность за событія, о которыхъ намъ съ грустью придется теперь упомянуть.

Давно уже въ Ліонѣ республиканская партія распалась, какъ и въ Парижѣ, на жирондистовъ и якобинцевъ. Первые опирались на департаментскую администрацію; ихъ же противники группировались вокругъ муниципалитета, избраннаго подъ вліяніемъ событій 10-го августа и 2-го сентября. Главой послѣдней группы или, вѣрнѣе, апостоломъ ея былъ Шалье, предсѣдатель окружного суда, народный трибунъ-мистикъ, способный на величайшія сумасбродства, какъ и на величайшее самоотверженіе, что онъ и доказалъ на дѣлѣ. Около жирондистовъ группировалась республиканская буржуазія, за которой скрывался значительный контингентъ роялистовъ, непокорныхъ священниковъ и чужеземныхъ агентовъ. Положеніе Ліона недалеко отъ границы способствовало избранію его мѣстомъ rendez-vous эмигрантовъ, тайно возвращавшихся въ страну. Быть можетъ непокорность Ліона объясняется и духомъ соперничества.

Въ февралѣ 1793 г., во время распрей въ Конвентѣ, самые ярые члены партіи, которую мы назовемъ согласно терминологіи той эпохи партіей федералистовъ, явились въ центральный клубъ ліонскихъ якобинцевъ, насильственно выгнали ихъ оттуда и

безчинствовали въ помѣщеніи. Конвентъ отпраздновалъ въ Ліонѣ трехъ членовъ: Ровера, Базира и Лежандра для возстановленія порядка. Но вслѣдъ за ихъ отъѣздомъ волненія снова вспыхнули и перешли скоро въ вооруженную борьбу. Жирондисты одержали побѣду 29-го мая, наканунѣ дня, когда ихъ единомышленники пали въ Парижѣ. Муниципальный совѣтъ былъ распущенъ, Шалье арестованъ, и начались преслѣдованія. Побѣдители не поколебались пустить въ ходъ чрезвычайный судъ, созданный ихъ противниками и возбуждѣвшій съ ихъ стороны столько негодованія; судъ этотъ, будучи въ сущности судомъ политическимъ, дѣйствовалъ понятно въ угоду имъ. Тщетно Лендэ, новый комиссаръ Конвента, пытался перенести дѣло, возбужденное противъ Шалье, въ Парижъ, чтобы спасти его отъ пристрастнаго приговора; но авторитетъ Конвента оказался безсильнымъ, и Шалье былъ казненъ (16-го іюля). Ліонская газета, отдавая отчетъ объ этой казни, называетъ Шалье *безкорыстнымъ работникомъ*. Самого Лендэ едва не задержали заложникомъ, а между тѣмъ онъ съ замѣчательной умѣренностью составилъ отчетъ о событіяхъ и приглашалъ Собраніе повременить еще употребленіемъ силы противъ города, «искренно преданнаго республикѣ».

Дѣйствительно инсургенты афишировали республиканскія убѣжденія и заявляли, что они добиваются только избавленія Парижа отъ тираніи анархистовъ.

Вскорѣ однако заговоръ обнаружился.

Одинъ изъ очевидцевъ событій, открытый противникъ революціи, аббатъ Гилльонъ де-Монлеонъ, дѣлаетъ слѣдующее признаніе: «Роялизмъ тайно проникъ въ народную и республиканскую комиссію общественнаго спасенія».

Можно прослѣдить, какъ дѣло развивалось въ этомъ именно направленіи: 4-го іюля власти издали слѣдующую прокламацію: «Населеніе береговъ Роны и Луары объявляетъ, что оно готово умереть для защиты народнаго, республиканскаго и свободнаго представительства».

8-го числа тѣ же власти утверждали, что Конвентъ состоитъ изъ уцѣлѣвшей кучки негодяевъ и мятежниковъ. Онѣ постановили рѣшеніе образовать департаментскую армію подъ начальствомъ *гражданина Перрена, по прозванію Преси*. То былъ графъ де-Преси, бывшій гвардейскій подполковникъ. Въ скоромъ времени онъ сдѣлался властителемъ города.

Бирото и Шассэ, два члена Конвента изъ партіи жирондистовъ, прибывшіе въ Ліонъ съ намѣреніемъ служить интересамъ республики, удалились немедленно. «Мой товарищъ Бирото, — рассказываетъ другой жирондистъ, — говорилъ мнѣ за нѣсколько дней до смерти, что онъ пріѣхалъ въ Ліонъ, полагая, что этотъ городъ вооружается за свободу, но тотчасъ же убѣдился, что вожаки преслѣдуютъ совершенно инныя цѣли». Незадолго передъ тѣмъ Ребеки, обвинитель Робеспьера, утопился въ Марселѣ съ отчаянія, видя, что движеніе, начатое противъ диктатуры парижскихъ якобинцевъ, обращается въ пользу роялизма.

Можно было опасаться, что это смятеніе умовъ вызоветъ упадокъ духа среди республиканцевъ.

Конвентъ разразился угрозами, выполнить которыхъ не имѣлъ средствъ, такъ какъ всѣ его силы были употреблены на защиту границъ. Поручено было Дюбуа Крансе усмирить ліонцевъ, «щадя ихъ въ случаѣ покорности»; онъ началъ съ того, что обратился къ нимъ съ примирительными прокламаціями, въ которыхъ честно проводилъ различіе между тайными врагами революціи и республиканцами, введенными въ обманъ ихъ происками. Отвѣтъ ему данъ былъ высокоумѣнный и задорный.

Возстаніе, организованное въ лозерскихъ горахъ, не скрывало истинныхъ своихъ намѣреній: 30,000 ч., предводительствуемые бывшимъ членомъ Учредительнаго собранія Шаррье и 50-ю непокорными священниками, срывали трехцвѣтныя знамена, грабили общественныя кассы, раскрывали тюрьмы и возстановляли монастыри, дѣйствуя во имя *регента Франціи*.

Въ Тулонѣ было еще хуже. Тамъ открыто вступили въ союзъ съ иностранцами. Арсеналь, всѣ магазины и флотъ преданы

были роялистами англичанамъ. Адмиралъ Гудъ принялъ ихъ отъ имени Людовика XVII и развернулъ бѣлое знамя.

Конвентъ, узнавъ эту печальную новость, приказалъ принять самыя рѣшительныя мѣры. Первая изъ нихъ обращена была противъ Ліона; альпійская армія выслала подкрѣпленія, къ которымъ присоединился бывший гарнизонъ Валансьенна; арсеналы Гренобля и Безансона доставили 100 орудій; Кутонъ ополчилъ Овернь; монтаньяръ Доппэ, человѣкъ желѣзной энергіи, получилъ приказаніе быстро покончить съ мятежнымъ городомъ, что онъ и исполнилъ 9-го октября 1793 г. 2,000 инсургентовъ, подъ предводительствомъ Преси, прорвали цѣпь осаждающихъ; преслѣдуемые ожесточенно, большинство ихъ погибло, остальные укрылись въ лѣсахъ.

Тогда Собраніе издало страшный декретъ: «разрушить городъ Ліонъ». Однако Кутонъ не рѣшился исполнить это распоряженіе и только для виду нѣсколько разъ ударилъ маленькимъ серебрянымъ молоткомъ по стѣнамъ одного изъ зданій на площади Белькуръ. Приказъ былъ такимъ образомъ формально исполненъ. Зато два проконсула, присланные вслѣдъ затѣмъ, Коло д'Эрбуа и Фуше, прибѣгли къ такимъ мѣрамъ возмездія, что комитетъ общественнаго спасенія призналъ необходимымъ ихъ отозвать. Подобному же неодобренію подверглись члены Конвента Барра и Фреронъ, которые превысили въ Провансѣ предоставленную имъ власть, пустивъ въ ходъ, по ихъ собственному выраженію, *архи-революціонныя* мѣры устрашенія. Что касается до измѣны Тулона, то тамъ наказаніе послѣдовало отъ руки людей, воспользовавшихся ею. Когда англичанамъ сталъ угрожать огонь французской артиллеріи, они подожгли арсеналъ, флотъ и все, что не могли увезти съ собой; а уходя отказались принять на свои суда людей, скомпрометтированныхъ въ возстаніи. Ихъ оккупация длилась пять мѣсяцевъ; роялисты воспользовались ею для совершенія страшныхъ жестокостей надъ патріотами. Имя Тулона наравнѣ съ именемъ Ліона было упразднено. Ліонъ получилъ названіе: «Commune affranchée» (Освобожденная община),

а Тулонъ — «Port de la Montagne» (Портъ Горы). Послѣдній былъ возвращенъ Франціи генераломъ Дюгоммье и молодымъ батальоннымъ командиромъ Бонапартомъ, имя котораго появляется впервые на страницахъ исторіи по поводу этого дѣла.

Возстанія вспыхивали и въ другихъ пунктахъ, а ихъ одновременность даетъ поводъ предполагать, что существовалъ обширный заговоръ. Какъ-бы то ни было, но прочная связь между столь разнородными элементами была немыслима: тамъ, гдѣ роялисты, ослѣпленные мимолетнымъ успѣхомъ, сочли возможнымъ сбросить маску, какъ напримѣръ въ Ліонѣ и особенно въ Тулонѣ, они встрѣчали слабую поддержку со стороны жирондистовъ. Въ мѣстностяхъ же, гдѣ преобладали жирондисты, въ Канѣ и Бордо, роялисты имъ измѣнили. Оно и понятно, такъ какъ послѣдніе не могли серьезно подчиниться временному правительству, признававшему наравнѣ съ Конвентомъ *единую и нераздѣльную республику*. Такимъ образомъ это революціонное движеніе не имѣло прочной почвы подъ собой и было скоро подавлено.

Волненія въ Кальвадосѣ однако породили одно изъ тѣхъ преступленій, которыя сбиваютъ съ толку общественное мнѣніе, внушая симпатіи къ преступнику. Молодая дѣвушка, республиканка, хотя и дворянскаго происхожденія, Шарлотта Кордэ, наэкзальтированная пребываніемъ на ея родинѣ нѣсколькихъ знаменитыхъ жирондистовъ, наивно вообразила, что достаточно устранить самого рьянаго ихъ противника, чтобы обезпечить торжество политической партіи, бывшей предметомъ ея поклоненія. И она рѣшила убить Марата, олицетворявшаго въ ея глазахъ монтаньяровъ. Это было глубокимъ заблужденіемъ: Маратъ не заслуживаетъ даже включенія въ списокъ приверженцевъ республики, потому что онъ не поддерживалъ ея принциповъ и только вредилъ ей. Робеспьеръ и Дантонъ сознавали это и публично отреклись отъ него. Шарлотта отправилась въ Парижъ, явилась къ Марату, котораго застала въ ваннѣ, вонзила ему въ грудь ножъ и отдалась въ руки правосудія. Черезъ нѣсколько дней она взшла на эшафотъ, а для жертвы ея потребовали по-

честей *апофеоза*. Клубъ кордельеровъ чуть-ли не обоготворилъ Марата. Позднѣе «драгоценныя останки бога» (подлинное выраженіе клуба) были удалены изъ Пантеона, гдѣ они занимали мѣсто Мирабо.

Убіиство Марата быть можетъ усилило ненависть якобинцевъ къ жирондистамъ. Слѣдуетъ однако замѣтить, что оно произошло 13-го іюля, между тѣмъ какъ уже 8-го Сень-Жюсть прочелъ въ Конвентѣ докладъ или, вѣрнѣе, обвинительный актъ, въ сущности чрезвычайно ядовитый, но на видъ столь умѣренный, что, какъ говорятъ, даже удивилъ правую.

Въ этомъ докладѣ рядомъ съ справедливыми упреками встрѣчались совершенно ложныя обвиненія. Нѣкоторыхъ изъ обвиняемыхъ Сень-Жюсть признавалъ «скорѣе неосторожными, чѣмъ виновными», но тутъ же говорилъ, какъ о доказанномъ фактѣ, о томъ, что они устроили заговоръ въ пользу возведенія на престолъ сына Капета подъ регентствомъ матери и были за-одно съ вандейцами. Какъ то, такъ и другое—нелѣпная клевета. Можно было однако навѣрное предсказать, что подобныя обвиненія, въ какой-бы мягкой формѣ они ни были выражены, погубятъ обвиняемыхъ.

Докладчикъ требовалъ, чтобы всѣ участники междоусобной войны были объявлены измѣнниками, но кромѣ того онъ требовалъ, — что было верхомъ беззаконія. — преданія суду и тѣхъ жирондистовъ, которые не покидали Парижа, какъ Верньо, Гадэ и другіе. Шабо предложилъ включить въ списокъ Кондорсэ за его брошюру противъ конституціи, составленной монтаньярами. Кондорсэ имѣлъ однако полное право предпочесть конституцію жирондистовъ, такъ какъ она была его собственнымъ произведеніемъ, и онъ упрекалъ новыхъ законодателей, что они списали съ нея свою конституцію, исказивъ ее.

Докладъ Сень-Жюста имѣлъ желанный успѣхъ. Въ тотъ моментъ, когда Конвентъ велѣлъ приступить къ осадѣ Ліона, когда австрійцы окружили Мобѣжъ, а возрастающія опасности держали всѣ умы въ напряженномъ состояніи, 3-го октября

Амаръ отъ имени комитета общественной безопасности внести длинный списокъ обвиняемыхъ, который былъ прочитанъ изъ предосторожности при закрытыхъ дверяхъ, чтобы ни одна жертва не могла ускользнуть, и потребовать преданія обвиняемыхъ суду. Въ списокъ Амара включены были не только жирондисты, арестованные 2-го іюня, но и еще нѣсколько членовъ Кенвента: всего 61 человекъ. Сверхъ того онъ предлагалъ предать суду еще 74 человекъ, подписавшихъ протестъ противъ постановленій 2-го іюня, такъ что общая цифра членовъ, которыхъ предполагалось устранить изъ Собранія, должна была вызвать перемѣненіе большинства.

По этому поводу у Робеспьера сорвалось непростительное слово, обнаружившее не только его презрѣніе къ революціоннымъ судамъ и вообще къ правосудію, но и глубокую ненависть къ обвиняемымъ: «Этотъ судъ для нихъ достаточно хорошъ».

Процессъ противъ жирондистовъ, начавшійся 24-го октября, окончился 31-го смертью 21-го представителя народа, — людей мужественныхъ и стойкихъ, поголовно принимавшихъ участіе въ основаніи республики. Во время всего пути къ эшафоту они пѣли «Марсельезу»; никогда еще пѣснь эта не раздавалась изъ болѣе благородныхъ устъ. Можно пытаться оправдать государственные перевороты 31-го мая и даже 2-го іюня, обрушившіеся на этихъ людей, тѣмъ, чѣмъ оправдываются вообще государственные перевороты — необходимостью. Но октябрьская катастрофа — эта казнь побѣжденныхъ послѣ долгаго заключенія, обрекавшего ихъ на безсиліе, — не можетъ быть названа иначе, какъ юридическимъ убійствомъ.

И не только въ Парижѣ возводили жирондистовъ на эшафотъ. Барбару и Гадэ были обезглавлены въ Бордо. Петіонъ и Бюзэ избѣжали той же участи только самоубійствомъ. Кондорсэ отравился.

Г-жа Роланъ немногимъ пережила своихъ друзей, а Роланъ не захотѣлъ пережить ее.

«Свобода, сколько преступленій совершается во имя твое!» —

воскликнула эта доблестная женщина. За нѣсколько дней передъ тѣмъ, видя, что судьба ея рѣшена, она писала: «Природа, раскрой мнѣ твои объятія! Боже праведный, прими меня!» — Салль наканунѣ дня, когда ему предстояло явиться въ судъ, писалъ въ утѣшеніе женѣ своей: «Надѣйся на Того, Кто всемогущъ». А Бюзо прощался съ своей женой словами: «Я жду тебя въ жилищѣ праведныхъ». Барбару говорилъ матери: «Поручаю себя волѣ Божіей». Эти цитаты убѣждаютъ насъ, что жирондисты, самые горячіе вольтеріанцы и скептики изъ всѣхъ французскихъ революціонеровъ, въ сущности были деистами, какъ и яacobинцы.

Вандейское возстаніе не носитъ никакихъ слѣдовъ вліянія жирондистовъ, которые не имѣли успѣха въ западной Франціи. Однако неслѣдуетъ заблуждаться и смотрѣть на это движеніе, какъ на народный крестовый походъ въ пользу монархическаго принципа. Такая мысль воодушевляла только нѣсколькихъ вождей.

Вандея до революціи была страной почти неизвѣстной Франціи и сама не знала ея. Въ ней не было промышленности, которая могла бы создать связь между ней и метрополіей; земледѣліе находилось также въ жалкомъ положеніи; населеніе было рѣдкое, пути сообщенія заброшены, людные центры съ болѣе оживленнымъ общеніемъ отсутствовали. Въ этомъ отношеніи представляли совершенно однородную картину мѣстности, носящія названія Марэ (болота) и Бокажъ (лѣсочка) и различавшіяся между собою тогда, какъ и теперь, только внѣшними естественными условіями. Первая была покрыта большими водоемами, для стока которыхъ прорыта безчисленная сѣть каналовъ, такъ что поверхность ея представляетъ обширную шахматную доску изъ суши и воды; вторая образуетъ океанъ зелени, состоящій изъ кустарника, дрока и вереска, холмиста и прорѣзана дорогами, окаймленными густой порослью.

Непрерывная борьба съ природою создала желѣзныхъ людей, привязанныхъ тѣмъ сильнѣе къ своей землѣ, чѣмъ болѣе труда имъ потрачено на нее. Всякая новизна оскорбляла привычки и вѣрованія вандейскаго крестьянина; онъ сторонился отъ нея съ

недовѣріемъ и раздраженіемъ. Поэтому онъ оттолкнулъ и реформы революціи, не понимая ихъ выгодъ. Одинъ историкъ этого края, Бонмэръ, называетъ вандейскую войну «борьбой варварства противъ цивилизаціи». Подобная борьба, какъ она ни была прискорбна, можетъ породить геройскіе подвиги; обѣ стороны ихъ дѣйствительно совершили.

Первое народное возмущеніе было вызвано декретомъ 24-го февраля 1793 г., предписывавшимъ наборъ въ 300,000 ч., и произошло 10-го марта въ мѣстечкѣ Сентъ-Флоранъ, на берегу Луары, по поводу жеребьевки. Никто изъ молодежи не отозвался при переключкѣ: добрые отцы имъ это запретили. Добрыми отцами, само собой разумѣется, были непокорные священники; что касается до присягнувшихъ, то ихъ обзывали: выскочками, атеистами и идолопоклонниками. Мѣстное духовенство, наведенное изъ деревенскаго населенія и получившее скудное семинарское образованіе, знало какъ разъ столько, чтобы усвоить себѣ приказанія своего начальства и передавать ихъ деревенской паствѣ. Между тѣмъ съ 1790 г. многіе епископы, отказавшіеся принести гражданскую присягу, рассылали народные воззванія, направленные противъ тѣхъ, кого они называли врагами религіи.

Дворянство съ своей стороны не дождалось взрыва въ Сентъ-Флоранъ, чтобы приготовиться къ междоусобной войнѣ и вступить въ связь съ обширнымъ контръ-революціоннымъ движеніемъ, организованнымъ почти во всей Франціи. Два человѣка сумѣли сгруппировать вокругъ себя недовольные элементы: графъ Пюисей въ Мэнѣ и маркизь де-ла-Руэри въ Бретани и Вандеѣ. Послѣдній ѣздилъ въ Кобленцъ къ братьямъ короля и добился отъ нихъ согласія на проектъ конфедераціи, подписанный 5-го декабря 1791 г. Авторы проекта между прочимъ имѣли въ виду обратиться къ иностраннымъ государствамъ за помощью: деньгами, оружіемъ и солдатами, для восстановленія королевской власти во всей ея прежней неприкосновенности.

Волненія, предшествовавшія эпизоду 10-го марта, были исключительно вызваны раздраженіемъ дворянъ и духовенства,

всѣми средствами старавшихся помѣшать сбору налоговъ и дискредитировать продажу національныхъ имуществъ. Впрочемъ всѣ вандейскія войны были главнымъ образомъ вызваны подстрекательствами священниковъ, пользовавшихся въ деревняхъ безграничнымъ вліяніемъ. Тамъ, гдѣ духовенство признало новый порядокъ вещей, спокойствіе не нарушалось. Въ другихъ же мѣстностяхъ они разѣзжали по странѣ, въ сопровожденіи странствующихъ монахинь, раздавая ладонки и кресты, для предохраненія отъ ранъ и смерти въ бою; разжигали фанатизмъ населенія, совершали мнимыя чудеса, входили въ стачку съ колдунами, всегда многочисленными и вліятельными среди грубаго народа. Словомъ, они подготовили религіозную войну.

Дворянство же, не колеблясь, готовилось начать войну социальную, хотя бы она и привела къ жакеріи. Оно еще старалось поднять бѣдняковъ противъ *городскихъ господъ*, въ большинствѣ случаевъ республиканцевъ. Повидимому однако дворянство не пользовалось преобладающимъ вліяніемъ, такъ какъ многіе изъ главныхъ вождей были плебейскаго происхожденія: главнокомандующій Кателино, анжуйскій святой, раньше былъ странствующимъ торговцемъ, Стофлэ—егеремъ, Котро—контрабандистомъ. Роялистскіе комитеты заимствовали у республиканцевъ девизъ: свобода, равенство и братство. Но путемъ какого обмана они заставили драться за сохраненіе рабства взбунтовавшихся рабовъ,—остается загадкой.

Прослѣдимъ главныя событія этого кроваваго недоразумѣнія.

Мятежъ 10-го марта былъ заранѣе подготовленъ или во всякомъ случаѣ предусмотрѣнъ заговорщиками; они ждали его, какъ сигнала. Ни одинъ приходъ не подчинился набору; повсемѣстно вооружились и двинулись въ путь; муниципальныя кассы были разграблены и уѣздные архивы сожжены. Кателино, главный вождь инсургентовъ, численность которыхъ доходила до 20,000, овладѣлъ городомъ Шоллэ. Вскорѣ дворяне и священники покинули свои замки и церкви; начались молебствія подъ открытымъ небомъ: благословляли ружья, сабли и дубины мятеж-

никовъ. Шареттъ, бывшій морской офицеръ, руководилъ движеніемъ въ Марэ, гдѣ островъ Нуармутъ служилъ ему плацъ-дармомъ. Въ Бокажѣ предводителями были Лескюръ, Ларошжакленъ и Дельбэ, а на анжуйской границѣ—Боншанъ. Банды эти величали себя католической и королевской арміей.

Конвентъ, предположивъ вначалѣ, что имѣетъ дѣло съ заблуждающимися крестьянами, послалъ для вразумленія ихъ комиссаровъ и общалъ амнистію тѣмъ, кто возвратится домой. Первые республиканскіе отряды, образованные изъ національных гвардій сосѣднихъ департаментовъ, воздерживались отъ всякаго насилія. Но они сами сильно страдали, такъ какъ мѣстность была какъ бы предназначена природою для междоусобной войны. На нихъ нападали, по вандейскому обычаю, съ возвышенностей; въ нихъ стрѣляли изъ-за плетней и кустарниковъ; внезапно передъ ними появлялся противникъ и исчезалъ съ неменьшей быстротой. Каждый изъ инсургентовъ зналъ, что всегда и вездѣ найдется для него кровь и пища въ той или другой уединенной лачугѣ. Республиканскія колонны, напротивъ, принуждены были возить съ собою все припасы и, блуждая по лабиринту дорогъ, не могли разбиться на мелкіе отряды подъ опасеніемъ вѣрной смерти. Эта война изъ-за кустовъ была убійственна для войскъ, незнакомыхъ съ мѣстностью. Инсургентскія банды *охотились на синихъ*, какъ они выражались, обращались самымъ звѣрскимъ образомъ съ плѣнными и подвергали утонченнымъ пыткамъ республиканскихъ чиновниковъ, въ особенности же священниковъ, принявшихъ присягу. Одна женщина припасла два мѣшка. Когда ее спросили, зачѣмъ они ей нужны, она отвѣчала: «Въ одинъ я буду класть деньги, въ другой—головы *господъ*».

Только тогда Конвентъ, выведенный изъ терпѣнія, издалъ свои гнѣвные декреты о репрессаліяхъ. Обѣ стороны соперничали въ жестокостяхъ. Собраніе сдѣлало ошибку, отправивъ въ Вандею толпу авантюристовъ, на вербованныхъ съ улицы, отъ которыхъ оно радо было избавиться, и назначивъ имъ въ на-

чальники людей легкомысленныхъ, неопытныхъ въ дѣлѣ партизанской войны и вообще незнакомыхъ съ военнымъ дѣломъ. Вотъ причина безконечной неурядицы и возмутительныхъ насилій.

Успѣхъ чаще всего былъ на сторонѣ вандейцевъ; они послѣдовательно овладѣли Брессюромъ, Туаромъ, Сомюромъ, Анжеромъ и двинулись на Нантъ, совершивъ на него нападеніе. Они угрожали Туру и навели страхъ даже на Парижъ.

Но скоро картина измѣнилась. Вслѣдствіе капитуляціи Майнца (23-го іюля) Конвентъ могъ воспользоваться храбрымъ гарнизономъ этой крѣпости, отпущеннымъ подъ условіемъ не сражаться съ войсками коалиціи втеченіи года. Конвентъ распорядился доставить его на почтовыхъ лошадяхъ въ Вандею вмѣстѣ съ его искусными командирами: Оберъ-Дюбайе, Клеберомъ, Гаксо и Боюи. И война, благодаря опыту начальниковъ и дисциплинѣ, господствовавшей среди солдатъ, умѣвшихъ владѣть собой, немедленно приняла другой оборотъ. Успѣхи обходились конечно дорого, но они были вполне обезпечены.

Вандейскіе отряды были всѣ поочередно уничтожены.

Конвентъ назначилъ 20-е октября крайнимъ срокомъ для усмиренія возстанія. 17-го подъ стѣнами Шоллэ ему нанесенъ былъ ударъ, казавшійся окончательнымъ.

«Вандея болѣе не существуетъ»,—писали депутаты Собранію. Но это была преждевременная радость: послѣдній ударъ еще былъ впереди. И нанесъ его Марсо, двадцатичетырехлѣтній генералъ, только-что явившійся на полъ сраженій. 12-го декабря при Мансѣ и 23-го при Савенѣ онъ съ остатками майнцакаго гарнизона, значительная часть котораго погибла уже раньше, наконецъ разбилъ на голову армію инсургентовъ.

Послѣ этого пораженія *шюаны* еще продолжали дѣйствовать, т. е. продолжали грабить съ оружіемъ въ рукахъ, но организованныхъ вандейскихъ инсургентовъ уже не существовало.

Въ минуты ярости Конвентъ создалъ *адскія колонны* Тюрро для опустошенія мятежной страны. Въ болѣе спокойномъ настроеніи онъ отрядилъ туда генерала Гоша съ совершенно иными

инструкціями. «Надо убѣждать и просвѣщать, а не прибѣгать къ насилию»,—писалъ Карно. А Гошъ говорилъ своимъ офицерамъ: «Не будемъ терять изъ виду, что въ этой войнѣ политика должна играть главную роль. Слѣдуетъ примѣнять къ дѣлу поочередно человеколюбіе, добродѣтель, честность, силу, хитрость и постоянное достоинство, приличествующее республиканцамъ».

Въ февралѣ 1795 г. казалось, что наступилъ полный миръ, но затѣмъ опять началось движеніе. Правительство, замѣнившее Конвентъ, Директорія, вторично послало Гоша съ порученіемъ возстановить порядокъ въ несчастной провинціи. Онъ исполнилъ эту миссію съ твердостью и великодушіемъ, заслужившими ему благодарность націи и почетный титулъ миротворца.

Но эти событія произошли уже въ позднѣйшую эпоху, которой мы въ этомъ трудѣ не касаемся, и если мы упомянули о нихъ здѣсь, то исключительно съ цѣлью сгруппировать въ одно цѣлое все, относящееся къ одному изъ самыхъ прискорбныхъ эпизодовъ революціи.

ГЛАВА VI.

Республиканскія учрежденія.

Послѣ кризиса 31-го мая и 2-го іюня 1793 г. Конвентъ принялся снова съ усиленной энергіей за законодательную дѣятельность. Онъ началъ съ того, что обновилъ составъ всѣхъ своихъ комитетовъ, исключая комитета общественнаго спасенія, сосредоточившаго въ себѣ исполнительную власть и обязанность охранять спокойствіе страны въ то время, какъ самъ Конвентъ посвящалъ себя дальнѣйшему развитію достигнутыхъ успѣховъ. Такое явленіе постоянно повторяется въ жизни этого законодательнаго собранія послѣ каждаго политическаго потрясенія: едва являлась спокойная минута, какъ оно бодро принимается за продолженіе работы, направленной къ обезпеченію будущаго, и облакаетъ въ законы и учрежденія общественной пользы принципы 89 года. Первымъ дѣломъ его было составленіе гражданскаго кодекса, соотвѣтствовавшаго республиканскимъ убѣжденіямъ. 9-го августа Камбасересъ внесъ проектъ, который былъ немедленно поставленъ на очередь.

По этому поводу укажемъ снова на единомысліе революціонныхъ дѣятелей, столько разъ уже нами отмѣченное. Работы Конвента представляютъ дальнѣйшее развитіе, а часто простое продолженіе работъ двухъ предшествовавшихъ собраній. Конституціоналисты, жирондисты и монтаньяры — эти братья, враждовавшіе между собой, разрабатывали одни и тѣ же вопросы и въ одномъ и томъ же духѣ; они оставили намъ законоположенія, на которыхъ и понынѣ основаны наши семейныя

отношенія. Посреди грозныхъ бурь чувство права и трезвый разсудокъ диктовали законы для будущаго общества.

Конвентъ, подъ предсѣдательствомъ Геро-де-Сешеля, Робеспьера и Бильо-Варенна, посвятилъ 60 засѣданій на голосованіе основныхъ статей гражданского кодекса, касавшихся личныхъ правъ и состояній, брака, дѣтей, усыновленія и опеки. Это происходило въ такое время, когда ему приходилось бомбардировать Ліонъ и Тулонъ, когда укрѣпленные вейсенбургскія линіи переходили изъ рукъ въ руки, давались сраженія подъ Гондшооте и Ваттиньи, шла борьба съ Вандеей, происходилъ процессъ жирондистовъ и создавалось правительство республики. Если перечисленіе работъ, предпринятыхъ Конвентомъ для обезпеченія народнаго блага, можетъ вызвать сочувствіе, то насколько оно должно усилиться при мысли о буряхъ, среди которыхъ совершались эти труды, — буряхъ, постоянно ставившихъ на карту самое существованіе отечества. Усиленная, такъ называемая, дѣловая работа послѣдовала за паденіемъ жирондистовъ; то же повторилось вслѣдъ за паденіемъ монтаньяровъ. Но было бы несправедливо приписывать эти труды исключительно побѣдителямъ; несмотря на разногласіе и борьбу, всѣ партіи участвовали въ нихъ, потому что всѣ были согласны относительно цѣли и воодушевлены однимъ и тѣмъ же рвеніемъ упрочить республику. Справедливость требуетъ не лишать побѣжденныхъ вполнѣ заслуженной ими доли благодарности. Менѣе чѣмъ черезъ недѣлю послѣ внесенія проекта гражданского кодекса Камбонъ, финансистъ революціи, внесъ проектъ *большой книги государственнаго долга*; система его была столь же проста, какъ удобна, и имѣла благотворныя послѣдствія для кредита и всей политики Франціи. Кредиторы старой монархіи и республики, владѣльцы всякаго рода облигацій, видя себя занесенными на равныхъ правахъ въ эту книгу, были одинаково заинтересованы въ поддержаніи новаго порядка вещей.

Инициативъ того же Камбона принадлежитъ смѣлый декретъ о займѣ въ милліардъ франковъ ассигнаціями, въ уплату кото-

раго должны были идти государственныя имущества. Это было средством облегчить продажу земель и въ то же время изъять изъ обращенія массу бумажныхъ знаковъ. Безъ сомнѣнія революція злоупотребила выпускомъ ассигнацій, но только при помощи ассигнацій она могла совершить свои чудеса.

Забота о неимущихъ занимаетъ тоже не мало мѣста въ исторіи того времени. Учредительное собраніе закономъ 21-го мая 1791 г. возложило заботу о бѣдныхъ города на парижскій муниципалитетъ, который въ этомъ отношеніи не пренебрегъ своими обязанностями. Благодаря ему, состоялось присоединеніе архіепископскаго дворца къ больницѣ Отель-Дьё, позволившее дать каждому больному отдѣльную кровать; до того времени ихъ клали по четыре и даже по шести человѣкъ на одинъ матрасъ. Учрежденіе благотворительныхъ бюро въ томъ видѣ, въ какомъ они существуютъ до сихъ поръ, принадлежитъ Директоріи. Мы уже указывали на докладъ Барера объ искорененіи пауперизма, вызвавшій систему подаенія помощи на дому. «Несчастныя — владыки міра (провозгласилъ комитетъ общественнаго спасенія): они вправѣ говорить, какъ повелители, съ правительствами, забывающими о нихъ».

Но ни одинъ изъ комитетовъ Конвента не сдѣлалъ такъ много, какъ комитетъ народнаго просвѣщенія. Онъ сознавалъ свою отвѣтственность передъ потомствомъ. Мы уже говорили довольно подробно о проектѣ Кондорсэ. Другой членъ Конвента, Лантена, отдѣлилъ отъ этого проекта часть, относившуюся до начальныхъ школъ, и выработалъ законъ, установившій свободу преподаванія и принудительное образованіе. Кромѣ того онъ старался провести постановленіе объ обязательномъ обученіи всѣхъ молодыхъ людей, не посвящающихъ себя земледѣлію, какому-нибудь искусству, ремеслу или наукѣ, полезнымъ обществу. Среднее образованіе не осталось также безъ вниманія. Коммиссія, получившая порученіе составить законопроектъ, избрала себѣ въ докладчики человѣка, занимавшагося преподаваніемъ при старомъ режимѣ, въ качествѣ члена конгрегаціи

Ораторіи, и соединявшаго большую опытность съ пониманіемъ новыхъ требованій. Проектъ, представленный Дону, обнималъ три программы: словесность и искусство, науки естественныя и математическія и науки нравственныя. Это было значительнымъ прогрессомъ сравнительно съ старыми программами преподаванія, почти исключительно ограничивавшимися древними языками.

Коллежи были замѣнены *центральными школами* безъ интернатовъ. Школы эти просуществовали слишкомъ недолго, чтобы можно было оцѣнить ихъ достоинства или недостатки. Послѣ захвата власти Наполеономъ Бонапартомъ, онъ поспѣшилъ возстановить закрытыя учебныя заведенія, *лицеи*, болѣе удобные для водворенія среди молодежи дисциплины. Одинъ изъ самыхъ дѣятельныхъ сотрудниковъ Дону при редактированіи перваго законопроекта о среднемъ образованіи, Жозефъ Лаканаль, былъ въ свою очередь докладчикомъ другого, не менѣе важнаго законопроекта, создавшаго *нормальныя школы*. «Въ этихъ школахъ, — говорилъ онъ: — предметомъ преподаванія будутъ не науки, а искусство преподавать ихъ». Отъ учениковъ, поступавшихъ въ эти школы, требовалось дѣйствительно предварительное окончаніе полного курса наукъ. Въ нормальной школѣ, открытой въ Парижѣ, профессорами были знаменитые ученые: Лапласъ, Лагранжъ. Бертолетъ, Вольнэ и другіе.

Политехническая школа, носившая первоначально названіе *центральной школы общественныхъ работъ*, основана по инициативѣ правительственнаго комитета, члены котораго, Карно и Пріеръ, имѣли случай убѣдиться въ недостаточной подготовкѣ молодежи къ службѣ гражданской или военной. Въ этой школѣ науки впервые преподавались въ прикладномъ видѣ, приуроченномъ къ государственнымъ потребностямъ. Доступъ въ нее былъ облегченъ установленіемъ стипендій въ 1200 франковъ, выдававшихся всѣмъ не казеннокоштнымъ ученикамъ. Эта школа пользовалась также преподаваніемъ извѣстныхъ ученыхъ: Монжа, Проні, Вокелена, Фуркрюа и др. Комитетъ народ-

наго просвѣщенія, подраздѣленный на 13 секцій, управлялъ всѣми отраслями народнаго воспитанія, умственнаго и физическаго. Въ его вѣдѣніи состояли также учрежденія для слѣпыхъ и глухо-нѣмыхъ. До того заведенія, предназначенныя для этихъ немошныхъ, содержались путемъ частной благотворительности; но во время революціи они вошли въ составъ національныхъ учреждений. Заведеніями для слѣпыхъ управлялъ Гаюи, основавшій для нихъ пріютъ въ 1784 г.; директоромъ заведенія для глухо-нѣмыхъ былъ Сикарь, преемникъ знаменитаго аббата де-л'Эпе.

Изумительно, какую массу учебныхъ заведеній успѣлъ основать или преобразовать этотъ комитетъ!

Пять *морскихъ школъ* прибавлено къ 34-мъ, основаннымъ въ 1791 году. Преобразованы *инженерная школа*, переведенная въ Мецъ, *артиллерійская школа*, переведенная въ Шалонъ-на-Марнѣ, *школа географовъ*, *горная школа*, *спеціальная школа восточныхъ языковъ* (послѣдняя была основана для удовлетворенія интересовъ вѣншей политики и торговли).

Промышленность, составляющая нервъ современной эпохи, получила свое образовательное заведеніе въ лицѣ *консерватории искусствъ и ремеселъ*. Для развитія практическихъ знаній при ней была устроена богатая коллекція моделей, машинъ, инструментовъ и приборовъ. Это полезное учрежденіе было основано благодаря инициативѣ комитетовъ земледѣлія, искусствъ и народнаго просвѣщенія, докладчикомъ которыхъ состоялъ Грегуаръ. Нѣсколько позднѣе, при Директоріи, на Марсовомъ полѣ состоялась *первая выставка произведеній промышленности*; и въ этомъ дѣлѣ инициатива также принадлежитъ революціи.

Оффиціальное преподаваніе медицины было преобразовано, причемъ основаны три новыя *медицинскія школы*: въ Парижѣ, Страсбургѣ и Монпелье. Парижская школа пріобрѣла немедленно громкую извѣстность благодаря лекціямъ Шоссье, Дюбуа, Корвизара, Галлѣ, Пельтана и Пинеля.

Въ альфорской и ліонской *ветеринарныхъ школахъ* про-

изведены улучшения. Профессора и ученики ихъ освобождены отъ рекрутской повинности.

Королевскій (ботаническій) садъ существовалъ до революціи. Бюффонъ основалъ при немъ 3 каѳедры. Конвентъ декретомъ отъ 10-го іюня 1793 года увеличилъ число ихъ до 12, «для преподаванія естественныхъ наукъ въ полномъ объемѣ, преимущественно въ видахъ пользы земледѣлія и искусствъ». Практическое преподаваніе заняло мѣсто наряду съ чисто-научнымъ. Каѳедры были довѣрены: Добантону, Ламарку, Жюссье, Туэну, Жоффруа Сентъ-Илеру. Не доставало коллекціи живыхъ звѣрей: устроили звѣринецъ. Такимъ образомъ *музей естественныхъ наукъ и ботаническій садъ*, соединенные вмѣстѣ, создали учрежденіе, которому завидуетъ Европа. Главнымъ инициаторомъ въ этомъ дѣлѣ былъ тотъ же Лаканаль.

До революціи существовала *музыкальная школа парижской гвардіи* и *школа пѣнія и декламаціи*. Изъ нихъ создана была *консерваторія*, дѣйствовавшая подъ руководствомъ Госсека, Мегюля, Гретри, Лесюера и Керубини.

Королевскій кабинетъ въ Версалѣ составлялъ удивительную коллекцію предметовъ искусства, принадлежавшихъ Франціи, но которыми она никогда не пользовалась. Въ 1793 году впервые Франція вступила во владѣніе этими драгоценностями, перенесенными въ галереи Лувра. Публика получила возможность развивать свой эстетическій вкусъ, а художники пріобрѣли образцы, необходимые для усовершенствованія ихъ талантовъ.

Рядомъ съ музеемъ искусствъ было образовано совершенно новое учрежденіе, — историческій музей, названный «*музеемъ французскихъ памятниковъ*» (Musée des monumens français). Когда Конвентъ запретилъ декретомъ уничтоженіе и порчу памятниковъ подъ предлогомъ уничтоженія на нихъ монархическихъ или феодальныхъ эмблемъ, одинъ художникъ-археологъ, Ленуаръ, получилъ разрѣшеніе и необходимыя средства для образованія коллекціи національныхъ древностей, помѣщенныхъ

въ зданіи пустовавшего монастыря августинцевъ. Изъ другой интересной коллекціи оружія и военныхъ доспѣховъ всѣхъ эпохъ былъ образованъ *артиллерійскій музей*.

Здѣсь будетъ уместно сказать нѣсколько словъ по поводу жалобъ на *вандализмъ* революціи. Безспорно ненависть, внушенная старымъ режимомъ, вызвала уничтоженіе многихъ историческихъ документовъ и цѣнныхъ памятниковъ. Но, во-первыхъ, крайне преувеличиваютъ число подобныхъ прискорбныхъ поступковъ (это доказывается уже тѣмъ, что множество предметовъ, считавшихся уничтоженными, найдены впоследствии); а во-вторыхъ, невѣжество и мстительность часто приписывали революціи разрушенія, въ которыхъ она неповинна. Многія сокровища религіозной и феодальной архитектуры были уже давно уничтожены или во время религіозныхъ войнъ, или кардиналомъ Ришельё, великимъ разрушителемъ дворянскихъ замковъ, не говоря уже о ломкахъ, произведенныхъ безвкусицей, зловреднымъ вандализмомъ другого рода, существовавшимъ какъ до, такъ и послѣ революціи.

Конвентъ, напротивъ, издалъ декреты именно съ цѣлью охраненія художественныхъ памятниковъ. Это собраніе мнимыхъ вандаловъ установило двухлѣтнія каторжныя работы для лицъ, провинившихся въ порчѣ памятниковъ. Оно воспретило устройство оружейныхъ или пороховыхъ заводовъ по сосѣдству съ музеями, библіотеками и цѣнными коллекціями, равно какъ и постройку вблизи ихъ складовъ сѣна и легко воспламеняющихся матеріаловъ. Оно живо заинтересовалось картиной Рубенса, найденной на чердакѣ, и исключило изъ числа предметовъ, обреченныхъ на сплавъ, семейное серебро Пантиэвровъ, оказавшееся образцовымъ произведеніемъ французской художественной промышленности.

Оно избрало комиссію со спеціальною цѣлью составить инвентарь всѣхъ конфискованныхъ вещей, имѣющихъ художественное, историческое или научное значеніе. Такимъ путемъ музеи и библіотеки Парижа и департаментовъ обогатились

на счетъ закрытыхъ монастырей и покинутыхъ замковъ. Шампионнэ остался вѣренъ этимъ традиціямъ, когда, будучи отправленъ въ Италію для основанія въ ней республики, занялся Помпеей и далъ первый толчокъ къ раскопкамъ, открывшимъ этотъ древній городъ современному міру.

Не взирая на свои финансовыя затрудненія, Конвентъ нашелъ возможнымъ ассигновать художникамъ, ученымъ и литераторамъ сумму въ 605,500 фран., между тѣмъ какъ Людовикъ XIV въ дни блеска не расходовалъ никогда на этотъ предметъ болѣе 112,000 ливровъ. Мы уже говорили о томъ, что онъ узаконилъ литературную собственность декретомъ отъ 19-го іюня 1793 г., т. е. призналъ *право іенія*, какъ выразился Лаканаль.

Мы не включаемъ въ перечень образовательныхъ учреждений, основанныхъ революціей, *національнаго института*, потому что онъ не получилъ характера учебнаго заведенія, который желали придать ему Талейранъ и Кондорсэ.

Въ декретѣ объ его учрежденіи указана его задача: «совершенствовать науки и искусства и слѣдить за работами, имѣющими цѣлью общественную пользу и славу республики». Институтъ замѣнялъ такимъ образомъ прежнія академіи, но его преимущество надъ разрозненными корпораціями стараго образца состояло въ общей энциклопедической мысли, связавшей въ одно цѣлое всѣ отрасли умственной дѣятельности. Это «будетъ, такъ сказать, весь ученый міръ въ маломъ видѣ»,—писалъ Дону. Институтъ состоялъ изъ 144 членовъ, распределенныхъ по тремъ отдѣленіямъ: физико-математическому, словесному и политическому, соотвѣтствовавшимъ *дѣленію*, принятому въ преподаваніи вообще. Всѣ выдающіеся люди науки Франціи заняли въ немъ мѣсто. Организациія и личный составъ института пополнены еще правительствомъ, послѣдовавшимъ за Конвентомъ. Слишкомъ часто забываютъ о происхожденіи института; по крайней мѣрѣ о немъ никогда не упоминаютъ, между тѣмъ какъ французская академія никогда не упускаетъ случая воздать честь памяти своего основателя, знаменитаго кардинала.

Укажемъ еще на три важныя работы Конвента: учрежденіе

астрономическаго бюро, введеніе новой системы мѣръ и вѣсовъ и установленіе новаго календаря.

Астрономическое бюро, имѣвшее въ своемъ распоряженіи парижскую обсерваторію, было учреждено по предложенію соединенныхъ комитетовъ народнаго просвѣщенія, морского и финансоваго. Ему было поручено составленіе метеорологическихъ бюллетеней.

Единство мѣръ и вѣсовъ было вызвано желаніемъ, изложеннымъ въ программахъ 89 г., и работы по этому предмету поручены были академіи наукъ Учредительнымъ собраніемъ. Это желаніе осуществлено принятіемъ метрической системы, которую Конвентъ надѣялся ввести во всемъ мірѣ, принявъ за основаніе ея измѣреніе земнаго шара. Въ настоящее время метрическая система въ принципѣ признана всей Европой; даже введенію французской монетной единицы препятствуютъ только укоренившіеся національные предрасудки.

Наоборотъ, республиканскій календаръ отличается узкимъ національнымъ характеромъ. Въ моментъ общихъ преобразованій явилось желаніе «отмѣтить новую эру дѣленіемъ времени, созданнымъ самой революціей». Это подлинное выраженіе Ротта, редактировавшаго изложеніе мотивовъ. Начало года перенесено было на 22-е сентября, — день основанія французской республики. Это было равносильно конфискаціи исторіи другихъ народовъ въ пользу собственной. Годъ раздѣлили на двѣнадцать равныхъ мѣсяцевъ съ очень благозвучными названіями, заимствованными отъ особенностей временъ года или отъ свойственныхъ имъ полевыхъ работъ. Осенніе мѣсяцы названы: вандемьеръ, брюмеръ и фримеръ; зимніе: нивозъ, плювіозъ и вантозъ, весенніе: жерминаль, флореаль и преріаль; лѣтніе: мессидоръ, термидоръ и фрюктидоръ. Но эти названія соответствуютъ климатическимъ и почвеннымъ условіямъ одной Франціи; каждая страна имѣетъ свои собственныя климатическія условія, и поэтому республиканскій календаръ никогда не могъ сдѣлаться всеобщимъ.

Навигаціонный актъ 21-го сентября 1793 г. задуманъ несравненно шире. «Недостаточно основать политическую респуб-

лику,—говорилъ Бареръ Конвенту:—надо еще основать всемірную торговую политику, которой суждено установить со временемъ общій миръ и счастье. Англійскій навигаціонный актъ носить отпечатокъ деспота, изъ рукъ котораго онъ вышелъ (Кромвеля). Французскій навигаціонный актъ будетъ выразителемъ свободы и равенства, создавшихъ его».

Но сократимъ нашъ обзоръ, даже рискуя сдѣлать пропуски. При учредительномъ собраніи, благодаря частной инициативѣ, возникъ «*Moniteur*». Конвентъ основалъ «*Bulletin des Lois*»—единственный официальный свой органъ. Для расширенія благотворнаго вліянія научныхъ учреждений, при каждомъ изъ нихъ Конвентъ основалъ специальный органъ. Школы политехническая и нормальная имѣли свои газеты, астрономическое бюро издавало свой «*Annuaire*» («Ежегодникъ»). Конвентъ открылъ конкурсъ на лучшіе начальные учебники, грамматику и новый сокращенный словарь для распространенія во Франціи правильного употребленія французскаго языка и уничтоженія провинціальныхъ нарѣчій (патуа), этого *федерализма рѣчи*, какъ онъ выразился. По его распоряженію предпринято изданіе: «*L'histoire du civisme*» («*Les annales du civisme*») для поощренія къ добродѣтели историческими примѣрами. Все это было предпринято по инициативѣ знаменитаго и доблестнаго Грегуара.

Заботливость Конвента простиралась на все; начиная съ высшихъ философскихъ теорій и включительно до практическихъ подробностей земледѣлія и промышленности, ничто не ускользало отъ его вниманія. По его приказанію изданъ переводъ сочиненій Бэкона и въ самый разгаръ террора, въ октябрѣ 1793 г., по докладу Шенье онъ приказалъ поставить въ Пантеонъ бюстъ Декарта, отца французской философіи. Онъ снаряжалъ научныя экспедиціи и выдавалъ содержаніе художникамъ, посланнымъ въ Римъ. По его распоряженію Добантонъ составилъ «*Instruction pour les pasteurs*», образцовое въ своемъ родѣ произведеніе. Во время неурожая онъ обратился къ *гражданамъ-земледѣльцамъ* съ совѣтами относительно *осеннихъ поговѣвъ*. Онъ занимался разведеніемъ ботаническихъ садовъ, образцовыхъ фермъ,

осушеніемъ болотъ. Въ кругъ дѣятельности его вошло даже пчеловодство, и онъ распространилъ экономическую систему ухода за пчелами, такъ называемые *деревенскіе улья*.

Мы говорили уже раньше о примѣненіи воздушнаго шара и телеграфа къ военному дѣлу; мы упоминали объ изобрѣтеніи способа быстрого производства оружія и пороха. «Замысловатые и сложные научные опыты — говорить Фуркруа — превращены въ простые, хозяйственные приемы. Движеніе, охватывающее умы, сообщается рукамъ».

— Сегодня мы укажемъ на землю, насыщенную селитрою, — говорили Монжъ и Бертолетъ: — завтра ея будутъ заряжать пушки.

Путемъ обѣщанія наградъ, а еще чаще простымъ обращеніемъ къ патріотизму Конвентъ вызывалъ важныя открытія.

Такъ былъ возобновленъ дубильный промыселъ и вызвана выдѣлка черныхъ карандашей; усовершенствовано стальное производство и открыты фабрики стальныхъ издѣлій въ мѣстностяхъ, гдѣ до тѣхъ поръ о немъ и не помышляли. Два химика, Карни и Лебланъ, изобрѣли новый способъ обработки морской соли и соды и получили привилегію, которая могла ихъ обогатить; но они принесли въ даръ отечеству секретъ своихъ открытій.

Общій подъемъ духа способствовалъ прогрессу во всѣхъ направленіяхъ. Точныя науки и естественныя обогатились важными работами. Школа Давида вызвала возрожденіе искусства, а многочисленныя изданія Дидо указывали на пробужденіе литературы. Знаменитый адмиралъ Бугенвиль засвидѣтельствовалъ это удивительное движеніе, когда однажды въ засѣданіи государственнаго совѣта сказалъ Наполеону: «Ваше величество, эпоха 1789—1800 г. не только будетъ памятна въ лѣтописяхъ исторіи политическими и военными своими событіями, но и останется самымъ блестящимъ періодомъ въ исторіи ученаго міра *).

*) Число декретовъ, изданныхъ Конвентомъ втеченіи трехъ лѣтъ, даетъ понятіе о невѣроятной его дѣятельности: цифра ихъ доходитъ до 11,200.

ГЛАВА VII.

Терроръ.

Мы энергически протестуемъ противъ признанія какой либо связи между принципами революціи и насиліями, извѣстными въ ея исторіи подъ названіемъ *террора*. Мы даже не допускаемъ, чтобы эти ужасы можно было считать увлеченіями революціи, потому что это равнялось бы признанію между ними логической связи, никогда не существовавшей. Всякое политическое или религіозное вѣрованіе, раздраженное противодѣйствіемъ, можетъ быть доведено до крайности, но никогда крайности не находятъ себѣ оправданія въ самомъ ученіи.

Послѣ этого заявленія, развязывающаго намъ руки, объяснимъ, чѣмъ былъ терроръ. Объяснять же не значитъ хвалить.

Коренныя общественныя реформы неминуемо оскорбляютъ старыя понятія и старые интересы, а слѣдовательно встрѣчаютъ сильное сопротивленіе. Когда же общество, приступающее къ такимъ реформамъ, вынуждено считаться съ внутренними противниками, окружено иноземными врагами, рѣшившимися воспротивиться реформамъ, не щадя ни неприкосновенности его территоріи, ни его національности, когда вопросъ о самомъ существованіи постоянно стоитъ передъ нимъ, когда оно постоянно колеблется между побѣдой и смертью,—можно ли тогда отъ него требовать сдержанности въ его тревогахъ и гнѣвѣ? Оно будетъ совершать геройскіе подвиги, но будетъ неизбѣжно предаваться эксцессамъ. Зачѣмъ же искать причину этого явленія въ мнимой системѣ жестокостей, если каждый ударъ французской націи

является только отраженіемъ удара, нанесеннаго ему противниками? Словно присутствуешь при кровавой дуэли и слышишь, какъ скрепчиваются и звенятъ шпаги.

Съ самаго начала революціи мы присутствуемъ при слѣдующемъ зрѣлищѣ: Людовикъ XVI кассируетъ постановленіе третьяго сословія, организовавшаго Національное собраніе. Народъ разрушаетъ Бастилію (14-го іюля 89 г.).

Марія-Антуанетта присутствуетъ на банкетѣ, гдѣ наносится оскорбленіе трехцвѣтной кокардѣ. — Народъ осаждаетъ Версальскій дворецъ (5-го октября 89 г.).

Людовикъ XVI отказывается утвердить декреты Собранія противъ эмигрантовъ и непокорныхъ священниковъ. — Народъ вторгается въ Тюльери (20-го іюня 92 г.).

Герцогъ Брауншвейгскій требуетъ отъ Парижа, подъ угрозой разрушенія города, покорности королю. — Народъ изгоняетъ короля изъ дворца, и Собраніе провозглашаетъ его низложеннымъ (10-го августа 92 г.).

Войска коалиціи идутъ на соединеніе съ роялистами. — Народъ въ изступленіи совершаетъ рѣзню въ тюрьмахъ (2-го сентября 92 г.).

Угрозы и опасности растутъ. — Короля казнятъ (21-го января 93 г.).

Измѣняетъ Дюмурье; вспыхиваютъ междоусобныя войны. — Надъ Филиппомъ-Эгалитѣ назначается судъ и гибнутъ жирондисты (31-го мая 93 г.).

Герцогъ Брауншвейгскій началъ военныя дѣйствія противъ Франціи бомбардированіемъ Вердена. Сестра Маріи-Антуанетты самолично руководила бомбардированіемъ Лилля; Вурмееръ издалъ слѣдующій дневной приказъ: «Брать въ плѣнъ только послѣ полного пораженія непріятели». Англичане подожгли флотъ въ Тулонѣ и Гюнингскій арсеналъ; англійское правительство объявило блокаду всѣхъ французскихъ портовъ и признало подлежащими конфискаціи всѣ суда, направляющіяся во Францію съ продовольствіемъ, запретило нейтральнымъ сторо-

намъ всякое сношеніе съ Франціей, въ то время какъ германскій императоръ приговорилъ къ смертной казни всѣхъ лицъ, распространяющихъ французскія идеи. Иностранные агенты вмѣстѣ съ роялистами подстрекали словомъ и деньгами французовъ къ возстанію. Поддѣлка бумажныхъ денегъ практиковалась въ широкихъ размѣрахъ, и французскій рынокъ былъ наводненъ фальшивыми ассигнаціями. Элементарные законы чело-вѣколюбія и международного права не соблюдались по отноше-нію къ французамъ, и враги революціи торжественно заявляли о своемъ намѣреніи стереть Францію съ лица земли.

Можно ли послѣ этого удивляться, что Питтъ былъ объявленъ французскимъ правительствомъ *врагомъ человеческого рода*? Не становятся ли понятными безпощадные декреты Конвента противъ непріятельскихъ солдатъ; образованіе наблюдательныхъ комитетовъ; аресты иностранцевъ, уроженцевъ странъ, съ кото-рыми республика воевала; изданіе закона о подозрительныхъ лицахъ, направленного противъ заговорщиковъ, и учрежденіе революціоннаго суда, революціонныхъ армій и *адскихъ колоннъ*, выставленныхъ противъ Вандей? Угрозы смерти противъ скуп-щиковъ хлѣба имѣли цѣлью успокоить умы, взволнованные стра-хомъ голода. Конфискація имуществъ осужденныхъ и лицъ, объ-явленныхъ внѣ закона, была орудіемъ, вырваннымъ изъ рукъ врага и направленнымъ противъ него. Понятно, что переводъ капиталовъ въ заграничные банки былъ признанъ измѣною; по-нятна и причина чрезмѣрнаго выпуска ассигнацій, этихъ рево-люціонныхъ денегъ съ принудительнымъ курсомъ и установле-ніе *тахітш'а*,—всѣ эти мѣры, справедливо порицаемыя эконо-мистами, не могутъ не быть одобрены государственными людьми, потому что онѣ спасли Францію отъ банкротства и обезпечили народное продовольствіе.

Средства, пущенныя въ то время въ ходъ правительствомъ, не были практическимъ осуществленіемъ принциповъ, признан-ныхъ республиканцами; оно дѣйствовало такъ, какъ осажден-ный гарнизонъ, прибѣгающій для освобожденія крѣпости ко вся-

кимъ средствамъ, не справляясь, согласны ли они съ правилами военного искусства. Генераль Фуа воскликнулъ однажды съ трибуны во время реставраціи: «Спасеніе отечества не подлежитъ вѣдѣнію закона. Въ минуту опасности спасаютъ отечество безъ промедленія, какъ и чѣмъ можно». Франція, призывавшая своимъ примѣромъ другихъ къ свободѣ, была вынуждена защищать собственную свободу и даже свое существованіе противъ братоубійственныхъ нападеній; она жаждала всеобщей любви и уваженія, но была поставлена въ необходимость прибѣгать къ крайнимъ усиліямъ, нарушившимъ ея гуманный характеръ. Можно ли представить себѣ болѣе трагическую судьбу?

Борьба и опасности довели народъ до лихорадочнаго состоянія, подобно тому, какъ сраженіе возбуждаетъ до изступленія солдатъ, опьяненныхъ пороховымъ дымомъ. Постоянныя измѣны породили недовѣріе и страхъ, ожесточающіе сердца; наконецъ привычка къ зрѣлищу казней развила необыкновенное равнодушіе къ жизни. Жирондисты забавлялись, пародируя судъ, собиравшійся произнести надъ ними смертный приговоръ, а свѣтскія женщины придумали въ тюрьмѣ страшную игру, — пантомиму эшафота, — изучая граціозныя позы для своей смертной казни, какъ гладіаторы, готовившіеся умереть передъ Цезаремъ.

Необходимо возобновить всѣ эти факты въ памяти, чтобы понять, какъ могъ народъ казнить полководцевъ, которые вели его къ побѣдамъ, каковы Кюстинъ, Гушаръ и Биронъ; — патріотовъ, которыхъ онъ самъ боготворилъ, каковы: Балльи, предсѣдатель собранія въ Jeu de paume, Геро-де-Сешель, законодатель монтаньяровъ, Филиппъ-Эгалитѣ, принцъ-демократъ, и наконецъ такихъ популярныхъ патріотовъ, какими были Дантонъ и Камилль Демуланъ.

Въ этой страшной сумятицѣ не было и признака какой нибудь кастовой вражды; дворяне и крестьяне, мѣщане и ремесленники фигурируютъ бокъ-о-бокъ въ роковыхъ спискахъ, и число жертвъ изъ лицъ необезпеченныхъ классовъ сравнительно весьма значительно.

Равнымъ образомъ не слѣдуетъ предполагать, что терроръ произошелъ подъ вліяніемъ меньшинства; напротивъ, почти во всѣхъ важныхъ случаяхъ онъ былъ вызванъ подавляющимъ большинствомъ. Революціонныя арміи, коммиссіи и суды созданы были по желанію гражданъ; и когда 8,000 представителей муниципальных округовъ, собравшихся въ Парижъ для утвержденія конституціи, потребовали ареста всѣхъ подозрительныхъ лицъ, Дантонъ имѣлъ полное право воскликнуть: «Депутаты провинціальныхъ собраній явились сюда, чтобы положить начало террору».

Конвентъ и въ особенности комитетъ общественнаго спасенія часто умѣряли на практикѣ суровость революціонныхъ законовъ и сдерживали крайнее проявленіе страстей. Вотъ что подтверждается серьезнымъ изученіемъ исторіи. Впрочемъ умѣряющее вліяніе почти всегда выпадаетъ на долю правительствъ.

Къ тому же всегда находятся правительственные агенты, доводящіе строгость правосудія до варварства. Во время террора были кромѣ того жестокіе и порочные люди, которые, не преслѣдуя никакихъ принципіальныхъ интересовъ, просто пользовались беспорядкомъ для того, чтобы дать волю своимъ страстямъ или чувству мести. Человѣчество не можетъ не скорбѣть о преступленіяхъ. Но надо вычеркнуть изъ исторіи множество безобразныхъ преувеличеній, вродѣ повѣствованій о томъ, будто волны Луары приняли кровавый цвѣтъ, или описаній механизма гильотины, употреблявшейся террористами для коллективныхъ казней, равно какъ басни о дубильной мастерской, устроенной въ Мёдонскомъ дворцѣ для выдѣлыванія человѣческихъ кожъ. Эти нелѣпыя легенды, порожденныя ненавистью и распространяемыя невѣжествомъ, по большей части сочинены эмигрантами и иностранцами. Онѣ распространялись съ тою же цѣлью, какъ фальшивыя деньги, подложные нумера «Moniteur'a» и беззастѣнчивыя пасквили. Онѣ заражаютъ исторію. Можно бы наполнить цѣлый томъ перечисленіемъ подобнаго рода басенъ. Было совершено слишкомъ много зла и преступленій на самомъ дѣлѣ, чтобы нужно было прибѣгать еще къ вымыслу.

Монтаньяры и парижскій муниципалитетъ, соединившись для сверженія жирондистовъ, вступили послѣ ихъ низверженія въ борьбу между собою, чтобы захватить въ свои руки революціонное движеніе. Въ муниципалитетѣ руководящую роль играла секта, совершенно несходная съ жирондистами по цинизму рѣчи, привычкамъ и костюму, но имѣвшая съ ними одну родственную черту: отрицательное отношеніе къ религіи. Человѣкъ, давшій свое имя этой сектѣ,—Геберъ, носившій въ литературѣ псевдонимъ «Отца Дюшена», не отличался ничѣмъ: у него не было ни таланта, ни характера, ни храбрости, ни нравственности.

Сектанты эти требовали превращенія всѣхъ церквей въ лавки и общественныхъ садовъ въ поля для посѣва картофеля. Они уговорили конституціоннаго епископа Парижа, Гобеля, и его викаріевъ явиться въ Конвентъ съ отреченіемъ отъ вѣры и сана. Когда были сдѣланы попытки склонить къ подобному шагу Грегуара, конституціоннаго епископа Блуа, онъ отвѣтилъ какъ искренній и мужественный христіанинъ: «Я старался дѣлать добро въ моей епархіи и останусь епископомъ, чтобы и впредь дѣлать добро».

Гебертисты завладѣли соборомъ Нотрѣ-Дамъ, чтобы превратить его въ *храмъ Разума*. Актриса въ красномъ фригійскомъ колпакѣ, съ голубымъ плащемъ на плечахъ и опиравшаяся на пику, изображала богиню. Скоро тотъ же маскарадъ, повторенный въ другихъ церквяхъ Парижа, нашелъ подражаніе въ провинціяхъ, гдѣ онъ сопровождался оргіями. Конвентъ поддался этому давленію, но комитетъ общественнаго спасенія воспротивился ему; онъ официально выразилъ свое неодобреніе.

Руководители секты простирали однако свое честолюбіе гораздо далѣе основанія этого смѣшного культа: они собирались упразднить Конвентъ и захватить его власть. И дѣйствительно, вліяніе гебертистовъ возрастало, не смотря на смерть Марата, ихъ вождя. Они преобладали въ клубѣ кордельеровъ и въ клубѣ архіепископскаго дворца; якобинцы получили изъ ихъ рукъ одного изъ своихъ президентовъ, Клоотса Анахарсиса. Военный

министръ Бушоттъ и его старшій секретарь наполняли штабы своими единомышленниками; революціонная армія была въ ихъ рукахъ черезъ ея начальника Ронсена; они могли разсчитывать на нѣсколькихъ депутатовъ, посланныхъ въ провинцію: на Фуше, Талльена и Каррье; затѣмъ они имѣли вліяніе въ комитетѣ общественной безопасности и черезъ Коло-д'Эрбуа имѣли голосъ въ комитетѣ общественнаго спасенія.

Но тутъ за ними съ недоувѣріемъ слѣдилъ Робеспьеръ. Въ рѣчи о положеніи республики, — рѣчи, разсчитанной на реабилитацію Франціи передъ Европой, скомпрометированной нелѣпыми теоріями, — онъ повелъ атаку противъ гебертистовъ, хотя и не называлъ ихъ.

«Избѣгайте, — говорилъ онъ, — въ равной мѣрѣ жестокую постепенность и систематическія преувеличенія дже-патріотовъ. Народъ ненавидитъ крайности, онъ хочетъ, чтобы ему служили, уважая его».

Въ клубѣ якобинцевъ тотъ же ораторъ напалъ на нихъ открыто и мужественно; онъ обвинялъ ихъ «въ нарушеніи религіозной терпимости во имя свободы, въ употребленіи новаго фанатизма орудіемъ противъ стараго и въ превращеніи въ смѣшной фарсъ уваженія къ истинѣ».

Дантонъ въ свою очередь воскликнулъ: «Мы хотѣли уничтоженія суевѣрія не для замѣны его атеизмомъ». Тогда Конвентъ запретилъ «всякія насилія и дѣйствія, противныя свободѣ вѣроисповѣданій».

Борьба длилась нѣсколько мѣсяцевъ съ перемѣннымъ счастьемъ. Робеспьеръ и Дантонъ то нападали на противниковъ, то щадили ихъ. Они могли съ выгодой для себя стать на почву законности, такъ какъ парижскій муниципальный совѣтъ захватилъ власть путемъ возмущенія; но революціонныя заслуги послѣдняго упрочили за нимъ популярность, съ которой нельзя было не считаться. Кромѣ того собственныя теоріи мѣшали якобинцамъ въ борьбѣ съ гебертистами. Что же въ сущности говорили гебертисты? Они утверждали, что знаютъ лучше народа

какія учрежденія ему нужны, и хотѣли подчинить его своему правленію, пока убѣдятся въ его зрѣлости и способности обходиться безъ руководства со стороны меньшинства. Это вѣчный предлогъ для всякаго рода диктатуры. Не на него ли опирались и якобинцы и въ особенности самъ Робеспьеръ? Вотъ почему онъ обратился къ другому оружію и выставилъ противъ тѣхъ, кого желалъ погубить, обвиненіе, не пощадившее лучшихъ гражданъ,—обвиненіе въ сношеніяхъ съ иностранцами. Это обвиненіе было совершенно ложно по отношенію къ бѣдному Анахарсису Клоотсу, прусскому барону, выросшему однако во Франціи, искренно ей преданному и присоединившемуся къ гебертистамъ только въ силу философскихъ убѣжденій, но чуждому ихъ мстительныхъ чувствъ и безалаберности.

Въ минуту, когда счастье имъ измѣнило, духовные вожди секты Геберъ и Шометтъ, первый—прокуроръ муниципальнаго совѣта, второй—помощникъ его, публично отреклись отъ намѣренія установить атеизмъ и приглашали сельскій людъ читать Евангеліе. Немного позднѣе, когда вандейское междоусобіе затруднило пригонъ убойнаго скота, составляющаго одну изъ важнѣйшихъ статей продовольствія Парижа, и голодъ усилился, а съ нимъ вмѣстѣ возросло волненіе въ нуждающихся классахъ, гебертистамъ показалось удобнымъ приступить къ дѣйствию. Подготовлено было возстаніе при помощи революціонной арміи, за которую ручался Ронсенъ. Активная роль предназначалась ему, а послѣ побѣды предполагали избрать диктатора подъ титуломъ *верховнаго судьи*, и, какъ кажется, организаторы заговора прочили на эту должность Паша.

Въ клубахъ уже шли громкія разглагольствованія о *свѣтомъ возстаніи*. Пріѣхавшій изъ Нанта, Каррье первый произнесъ это слово и вызвалъ изступленныя рукоплесканія.

Тогда защиту правительства принялъ на себя Сень-Жюсть. Онъ началъ съ неясныхъ намековъ, никого не называя, что рѣзко противорѣчило духу той смѣлой эпохи. Но это было лишь грознымъ вступленіемъ. Вторая его рѣчь окончательно выяснила

положеніе: гебертисты были арестованы, преданы суду и казнены. Фуке-Тенвилль, государственный прокуроръ, въ своей рѣчи обвинилъ ихъ въ томъ, что они составили заговоръ съ цѣлью поставить во главѣ государства тирана.

Рѣчь Сенъ-Жюста была полна страшныхъ недомолвокъ; это было обоюдоострое оружіе: оно разило людей, которыхъ онъ называлъ *неумиренными*, и не щадило *снисходительныхъ* и *подкупленныхъ*. Въ кого же онъ мѣтилъ?

Паденіе гебертистовъ оставляло лицомъ къ лицу двѣ партіи, которыя приходится различать по именамъ ихъ вождей, такъ какъ онѣ не различались по убѣжденіямъ. Дантонъ съ своимъ страстнымъ темпераментомъ былъ сторонникомъ самыхъ жестокихъ мѣръ, когда онѣ представлялись ему необходимыми для защиты революціи. «Прежде всего необходимо,—говорилъ онъ,—обезпечить поле сраженія за республикой». Но когда побѣда была обезпечена и возстаніе усмирено, то, по его мнѣнію, наступило время отмѣнить диктатуру комитета общественнаго спасенія и возвратить Конвенту первенствующую роль.

Сенъ-Жюстъ и Робеспьеръ, неумолимые въ своей враждѣ и непоколебимо желавшіе управлять страной посредствомъ страха, порицали склонность Дантона къ милосердію. «Республика,—говорилъ Сенъ-Жюстъ,—должна разрушить все, что ей противится. Виновенъ противъ нея тотъ, кто проявляетъ снисхожденіе къ заключеннымъ; виновенъ, кто не желаетъ добродѣтели; виновенъ, кто не хочетъ террора».

Оба они—люди строгой нравственности и строгихъ убѣжденій—не могли примириться съ разнузданностью Дантона и особенно его приближенныхъ. Дантонъ смотрѣлъ сквозь пальцы на погрѣшности, даже безчестность людей, если они только выступали революціонерами. Робеспьеръ хотѣлъ, чтобы свобода оставалась добродѣтельной. «Робеспьеръ боится денегъ»,—говорилъ Дантонъ съ презрѣніемъ. «Дантону нужны пороки Персеполя»,—рѣшительно говорилъ Робеспьеръ. Онъ бредилъ въ то время очисткой Конвента. «По его мнѣнію, въ Конвентѣ не найдется

и десяти добродѣтельныхъ людей», — говорилъ о немъ Бильо Вареннѣ.

Это нравственное несходство между Робеспьеромъ и Дантономъ и обезпечило побѣду перваго. Его противникъ несравненно легче могъ завоевать себѣ популярность: его смѣлое краснорѣчіе, звучный голосъ, свобода его рѣчей и даже легкомысленное поведение способствовали его сближенію съ людьми. Но Робеспьеръ пользовался репутаціей примѣрной честности, его называли *неподкупнымъ*, чего бы никто не рѣшился утверждать о Дантонѣ. Это качество дало Робеспьеру перевѣсъ въ общественномъ мнѣніи. Слава націи, оказывающей подобное предпочтеніе!

Теперь мы знаемъ, къ кому относились эпитеты Сенъ-Жюста: *снисходительные и подкупленные*.

Было еще одно условіе, благопріятное для Робеспьера; условіе это заключалось также въ національномъ характерѣ французовъ. Среди народа-теоретика, влюбленнаго въ правила и сентенціи, педантическій риторикъ, расположенный жертвовать дѣйствительностью слову, долженъ былъ одержать верхъ надъ страстнымъ дѣятелемъ, шедшимъ прямо къ цѣли, не заботясь о поученіяхъ, и восклицавшимъ: «Въ революціонное время надо дѣйствовать, а не регламентировать».

Съ нѣкоторыхъ поръ Дантонъ, вслѣдствіе природной безопасности или вслѣдствіе недовольства, воздерживался отъ вмѣшательства въ управленіе дѣлами и ограничивался лишь порицаніемъ того, что дѣлалось. Онъ даже уѣзжалъ изъ Парижа на родину, въ Арсисъ-на-Обѣ, гдѣ наслаждался семейной жизнью. Еслибъ онъ серьезно добивался диктатуры, а не предавался только мимолетнымъ вспышкамъ честолюбія, онъ не развязалъ бы рукъ своимъ противникамъ. Его отсутствіе навлекло на него подозрѣніе и неудовольствіе, между тѣмъ какъ положеніе его противниковъ упрочилось. По возвращеніи онъ долженъ былъ оправдываться въ клубѣ якобинцевъ, причемъ Робеспьеръ очень ловко выступилъ скорѣе его покровителемъ, чѣмъ защитникомъ, съ цѣлью умалить его значеніе въ глазахъ общественнаго мнѣнія и подготовить его гибель.

Дантонъ сообщилъ своимъ друзьямъ о своей склонности къ снисходительности и примиренію. Одинъ изъ нихъ, Филиппо, вернувшись изъ Вандей, куда онъ ѣздилъ съ порученіемъ, громко порицалъ революціонныхъ генераловъ и ихъ способъ веденія войны въ этомъ краѣ. Другой, Камиль Демулэнъ, сталъ издавать газету «*Le vieux cordelier*» (Старый Кордельеръ), блиставшую остроуміемъ и вольтеріанской ироніей на почвѣ тонкаго знанія классиковъ. Первые нумера его газеты, направленные противъ гебертистовъ, заслужили одобреніе Робеспьера. Но, увлеченный успѣхомъ (газета расходилась въ 50,000 экз.), онъ, будто бы рисуя жизнь древнихъ, написалъ яркую сатиру на современность. А въ тотъ день, когда Робеспьеръ пытался учредить *комитетъ правосудія*, но потерпѣлъ съ своимъ проектомъ неудачу въ Конвентѣ, Демулэнъ въ своей газетѣ потребовалъ учрежденія *комитета милосердія*.

Робеспьеръ, усматривая въ требованіи Демулэна порицаніе собственнаго образа дѣйствій и оружіе, которымъ могла воспользоваться реакція, пожаловался Дантону на его друзей, а послѣдній сталъ ихъ защищать. Они обѣдали вдвоемъ съ глазу на глазъ и поговорили довольно крупно. Разстались они врагами. Робеспьеръ вынесъ изъ этого свиданія убѣжденіе, что Дантонъ—человѣкъ опасный для республики или, вѣрнѣе, для него самого.

«Защищайтесь»,—говорили Дантону его пріятели.—«Предпочитаю быть казненнымъ, чѣмъ казнить.» — «Уѣзжайте.» — «Развѣ увезешь отечество на подошвѣ башмаковъ?» — «Они арестуютъ васъ.» — «Не посмѣютъ.»

Но они посмѣли. Сень-Жюсть явился въ соединенное засѣданіе комитетовъ общественнаго спасенія и общественной безопасности и донесъ на Дантона, какъ на вождя заговора, направленнаго противъ спокойствія государства; онъ добился приказа объ арестѣ. Дантона схватили на дому ночью и отвезли въ Люксембургскую тюрьму вмѣстѣ съ Филиппо, Камилемъ Демулэномъ, генераломъ Вестерманомъ и депутатомъ Лакруа. «Господа,—сказалъ Дантонъ, обращаясь къ заключеннымъ, — я надѣялся вы-

вести васъ отсюда, а попалъ сюда самъ. Не знаю, чѣмъ это кончилось. Это кончилось эшафотомъ, какъ большинство трагедій, разыгравшихся передъ революціоннымъ судомъ. Сень-Жюсть, пользуясь замѣтками Робеспьера, прочелъ длинный докладъ о мнимомъ заговорѣ, задуманномъ давно уже нѣсколькими преступными фракціями съ цѣлью упраздненія революціи. Онъ зашелъ такъ далеко въ своей клеветѣ, что даже рѣшился назвать обвиняемыхъ *послѣдними сторонниками роялизма*. Люди, совершенно чуждые другъ другу, даже враги, были нагло сопоставлены въ коллективномъ обвиненіи. Рядомъ съ Дантономъ, Филиппо и Демуленомъ, съ *снисхожденіями*, поставлены были Фабръ д'Эглантинъ и Шабо, не имѣвшіе съ ними ничего общаго, и Геро-де-Сешель, другъ Робеспьера, поплатившійся за простую нескромность обвиненіемъ въ преступныхъ сношеніяхъ съ заграницей.

Всѣ обвиняемые явились въ судъ. Ихъ защита, могучая, хотя нѣсколько театральная со стороны Дантона, спокойная и твердая у Филиппо, полная саркастическихъ выходовъ у Камиля Демулена, начинала волновать народъ, ввергнутый въ уныніе арестомъ знаменитаго народнаго трибуна. Тогда обвиняемыхъ лишили слова подъ предлогомъ оскорбленія суда. Они взошли твердо на эшафотъ. «Я увлекаю Робеспьера; Робеспьеръ слѣдуетъ за мной». Эти пророческія слова были почти послѣдними словами Дантона.

Два члена комитета общественнаго спасенія тщетно протестовали противъ ареста Дантона; то были Лендэ и Карно. Не дружба къ человѣку руководила ими, а желаніе сохранить въ лицѣ его неприкосновенность національнаго представительства. Въ день смерти Дантона, по предложенію Карно, комитетъ обязался уважать впредь эту неприкосновенность. И дѣйствительно, когда Робеспьеръ въ послѣдствіи потребовалъ слѣдствія надъ 18-ю членами Конвента, ему отказали. Самъ онъ не могъ не видѣть тяжелаго и горестнаго впечатлѣнія, произведеннаго на всѣхъ приговоромъ Дантона; онъ сознавалъ, что такой суровый режимъ

не может длиться долго, не истощивъ терпѣнія общественнаго мнѣнія, и охотно отказался бы отъ террора, но его честолюбивые замыслы влекли его по роковому пути. Для достиженія цѣли было недостаточно очистить революцію отъ анархическихъ элементовъ и упорядочить движеніе; приходилось переступить черезъ трупы республиканцевъ, которые согласились стать подъ коллективную диктатуру комитета общественнаго спасенія, но которые несомнѣнно воспротивились бы личной диктатурѣ.

Личная-же диктатура была его мечтой; онъ давно домогался ея. Не будемъ обвинять его въ пошлой жадѣ богатства, почестей и даже власти. Признаемъ его просто ученикомъ Руссо, желавшимъ по примѣру учителя «заставить человѣка сдѣлаться свободнымъ», ученикомъ Тюрго, требовавшего «пяти лѣтъ деспотической власти, чтобы установить свободу». Сторонники просвѣщеннаго абсолютизма и властолюбивые либералы словно учились по одной книгѣ,

Дайте эту книгу человѣку безумно гордому, считающему одного себя носителемъ истины и способнымъ доставить ей торжество, — и онъ не устоитъ противъ желанія сокрушить всѣ препятствія, жертвуя даже справедливостью и человѣколюбіемъ.

Можно сказать о Робеспьерѣ, что онъ вѣрилъ не въ верховныя права народа, хотя это слово было у него часто на языкѣ, а въ верховное право разума, подъ условіемъ, чтобы этотъ разумъ былъ его собственный. Онъ любилъ повторять свою извѣстную фразу: «Добродѣтель принадлежитъ меньшинству на землѣ», какъ-бы оправдывая тѣмъ деспотизмъ. Затѣмъ онъ къ потитикѣ прилагалъ господствовавшую въ кодексѣ уголовную теорію: устрашеніе было въ его глазахъ лучшимъ правительственнымъ средствомъ.

Такое объясненіе Робеспьера, какъ намъ кажется, гораздо ближе къ истинѣ, чѣмъ признаніе въ немъ чудовища или жертвы самоотверженія.

Робеспьеръ ошибался и относительно собственныхъ достоинствъ, и относительно достоинства своей системы. Система

его была ложная: народъ, неспособный организовать свою свободу, не способенъ пользоваться ею.

Что касается до личности Робеспьера, то какъ изъ его рѣчей, въ которыхъ краснорѣчивое перевѣшиваетъ солидность мысли, и изъ его поступковъ въ рѣшительныя минуты, равно какъ изъ отзывовъ близкихъ ему современниковъ явствуетъ, что этотъ человѣкъ далеко не доросъ до роли, которой добивался. Ему не доставало выдающихся политическихъ и административныхъ дарованій.

Онъ рассчитывалъ приблизиться къ своей цѣли, реабилитируя религію, и предложилъ Конвенту признать торжественно существованіе Бога и безсмертіе души. Этотъ эпизодъ поднимали на смѣхъ совершенно неосновательно. Католики въ особенности не имѣли на это права, такъ какъ они присвоили императору Θεодосію имя Великаго именно за то же самое. Провозглашеніе существованія Верховнаго Существа было безъ сомнѣнія великимъ дѣломъ, хотя и вызваннымъ очень сложными побужденіями: съ одной стороны искреннею вѣрою, съ другой — желаніемъ противодѣйствовать анархическимъ стремленіямъ и придать своему авторитету мистическій оттѣнокъ, соблазняющій толпу.

Одна черта этой попытки смахивала на теократическую пародію, такъ какъ Робеспьеръ на праздникъ, организованномъ по этому случаю, старался принять видъ священнодѣйствующаго.

Но еще сильнѣе окрашено оно ретрограднымъ оттѣнкомъ. Проникнутый духомъ *Contrat social*, Робеспьеръ основывалъ въ нѣкоторомъ родѣ государственную религію и сдѣлалъ первый шагъ по пути, слѣдуя которому Наполеонъ дошелъ до конкордата.

Рѣчь, сопровождавшая предложеніе, была полна нападокъ на католическое духовенство, хотя въ ней Робеспьеръ является не менѣе нетерпимымъ, чѣмъ послѣднее. Онъ обличалъ атеизмъ, «какъ ученіе, содѣйствующее ниспроверженію республики», что было равносильно признанію его преступнымъ и подлежащимъ

карѣ. По какому же праву, спрашивается, Робеспьеръ упрекалъ гебертистовъ въ стремленіи замѣнить одинъ фанатизмъ другимъ?

Но, не смотря на эти справедливые упреки и насмѣшки, вызванные попыткою Робеспьера, нужно сказать, что признаніе Верховнаго Существа отвѣчало религіозной потребности и имѣло послѣдствіемъ значительное успокоеніе умовъ. Въ политическомъ отношеніи она была истолкована еще какъ предвѣстіе окончанія террора. Европейскіе кабинеты повидимому предположили даже возможность склонить Робеспьера къ реакціоннымъ мѣрамъ: они поспѣшили отправить къ нему эмиссаровъ. Нѣтъ однако никакихъ доказательствъ, чтобы Робеспьеръ согласился ихъ выслушать, но почти достоверно, что за границей сильно рассчитывали на его успѣхъ.

Робеспьеръ въ этотъ моментъ очень выросъ въ общественномъ мнѣніи. Но, преувеличивая значеніе своей популярности, онъ призналъ, что настало время нанести рѣшительный ударъ людямъ, заграждавшимъ ему дорогу къ власти. Онъ рѣшился довести терроръ до крайнихъ предѣловъ, чтобы погубить одновременно террористовъ и контръ-революціонеровъ.

Праздникъ Верховнаго Существа былъ отпразднованъ 20-го преріаля, т. е. въ день Св. Троицы (8-го іюня 1794 г.). Было ли это совпаденіе случайнымъ? Черезъ день (22-го преріаля) Робеспьеръ поручилъ Кутону внести законопроектъ, измѣнявшій организацію и полномочія революціоннаго суда, лишавшій обвиняемыхъ прежнихъ гарантій справедливости приговора, отнимавшій у Конвента право отдачи подъ судъ своихъ членовъ и присвоившій это право комитетомъ. Но такъ какъ полицейское бюро, находившееся подъ управленіемъ Робеспьера, Сень-Жюста и Кутона, уже раньше присвоило себѣ права комитета общественной безопасности, то въ сущности отъ него исходили приказы о привлеченіи обвиняемыхъ къ суду. Вдобавокъ союзники вовсе не скрывали намѣренія приступить къ очисткѣ національнаго представительства.

Законопроектъ не былъ сообщенъ его составителями коми-

тету общественнаго спасенія. Онъ былъ внесенъ Кутонъ въ Конвентъ безъ предварительнаго оповѣщенія и пущенъ на голоса въ томъ же засѣданіи по просьбѣ Робеспьера, занимавшаго предсѣдательское кресло. Но параграфъ, касавшійся депутатовъ, испугалъ тѣхъ, кто могъ отъ него пострадать. На слѣдующій день въ мотивированномъ дневномъ приказѣ они провели постановленіе, что національное представительство одно сохраняетъ право привлекать къ суду своихъ членовъ. Робеспьеръ и Кутонъ протестовали противъ смысла, приданнаго упомянутому параграфу законопроекта; но они продолжали свою систему доносовъ съ трибуны. Робеспьеръ не скрывалъ неудовольствія по поводу своей неудачи и дѣлалъ видъ, будто-бы желаетъ порвать съ комитетомъ общественнаго спасенія. Онъ пересталъ принимать участіе въ общихъ занятіяхъ и ограничивался дѣятельностью въ своемъ полицейскомъ бюро.

Законъ 22-го преріаля, за исключеніемъ упомянутаго параграфа, къ несчастью вошелъ въ силу и примѣнялся слишкомъ исправно революціоннымъ судомъ. Онъ ускорилъ все движеніе и вызвалъ такъ называемый *великій терроръ*. Втеченіи шести недѣль число жертвъ превысило число казненныхъ въ продолженіе цѣлаго года, а между тѣмъ виновники этого отвратительнаго закона не достигли цѣли, которую быть можетъ имѣли исключительно въ виду, — имъ не удалось уничтожить своихъ враговъ въ Конвентѣ.

Робеспьеръ въ этотъ періодъ непрерывно жаловался, что все погибло, что онъ «не видитъ никого, кто бы могъ спасти отечество», а друзья его съ своей стороны повторяли, что спасти отечество можетъ онъ одинъ. Эти плохо скрываемые честолюбивые замыслы вызвали не одну бурную сцену въ комитетѣ общественнаго спасенія. Нѣсколько дней спустя послѣ смерти Дантона во время подобной сцены, происшедшей между Сень-Жюстомъ и Карно, послѣдній глубоко оскорбилъ самолюбіе триумвировъ словами: «Вы—смѣшныя диктаторы».

Они однако сдѣлали еще одну попытку осуществить свой

планъ, не прибѣгая къ возмущенію. Въ одномъ изъ засѣданій соединенныхъ комитетовъ, въ концѣ мессидора, Сень-Жюсть нарисовалъ мрачную картину положенія, много говорилъ о господствующей анархіи, о затрудненіи дѣйствовать подъ фѣрулой Конвента съ тяжелой ношей законовъ на плечахъ. Въ особенности онъ нападалъ на депутатовъ, отправленныхъ съ миссіями, и сдѣлалъ выводъ, что необходима диктатура, которую слѣдуетъ вручить Робеспьеру. Комитеты довольно презрительно перешли къ очереднымъ дѣламъ, и съ этого момента съ обѣихъ сторонъ начали готовиться къ бою.

Робеспьеръ колебался приступить къ *дѣлу*, хотя друзья его и уговаривали. Анрію обѣщалъ ему содѣйствіе національной гвардіи; Леско-Флёрію, мэръ Парижа, обѣщалъ содѣйствіе муниципальнаго совѣта. Но онъ все колебался. Мы увидимъ далѣе, что этотъ Цезарь продолжалъ колебаться даже послѣ перехода черезъ Рубиконъ.

Комитетъ общественнаго спасенія не хотѣлъ принять на себя инициативы разрыва. Онъ даже сдѣлалъ шагъ къ примиренію, поручивъ Сень-Жюсту редактировать обзоръ положенія республики, которымъ послѣдній воспользовался, чтобы составить обвинительную рѣчь противъ своихъ сотоварищей съ цѣлью выиграть въ Собраніи дѣло, проигранное въ комитетахъ.

8-го термидора Робеспьеръ произнесъ рѣчь, которая служила предисловіемъ къ докладу Сень-Жюста. Всѣ знали заранѣе, что засѣданіе будетъ имѣть рѣшающее значеніе. Чувствовалось въ воздухѣ, что вопросъ идетъ о жизни и смерти противниковъ. Несмѣтная толпа окружала переполненную залу Собранія.

«Я выступаю для того, чтобы разсѣять недоразумѣнія, а не для обвиненій», — сказалъ Робеспьеръ и по своему обыкновенію началъ хвалебное слово самому себѣ. Онъ краснорѣчиво отвергъ упрекъ въ стремленіи къ диктатурѣ и выдавалъ себя за жертву клеветы, — клеветы иноземной во-первыхъ, и во-вторыхъ клеветы всѣхъ партій, не согласныхъ съ его собственной, какъ будто у Европы не было другого дѣла, кромѣ заботы составлять

противъ него заговоры. «Я понимаю, что лигѣ тирановъ легко обрушиться на одного человѣка,—воскликнулъ онъ:—но знаю также, какія обязанности лежатъ на человѣкѣ, готовомъ умереть, защищая человѣчество».

Эта рѣчь была проникнута трагическимъ предчувствіемъ смерти, но въ то же время—и тщеславіемъ, которое граничило съ смѣшинымъ. Послѣ доноса на комитеты, какъ на очаги возмущенія, ораторъ сдѣлалъ слѣдующее заключеніе: «Какъ поправить зло?—Наказать измѣнниковъ, обновить составъ бюро комитета общественной безопасности и подчинить его комитету общественного спасенія; очистить самый комитетъ общественнаго спасенія; установить единство правительства подъ верховной властью національнаго Конвента, составляющаго центральное и верховное учрежденіе; уничтожить мятежныя партіи; противопоставить имъ авторитетъ всей націи, и на ихъ развалинахъ основать могущество правосудія и свободы: таковы основные принципы. Если нельзя ихъ провозглашать подъ опасеніемъ прослыть честолюбцемъ, то я приду къ выводу, что эти принципы признаются недозволенными и что въ странѣ царствуетъ тиранія; но тѣмъ не менѣе я буду ихъ защищать, потому что правда на моей сторонѣ, и я готовъ умереть за отечество». «Я созданъ для борьбы съ преступленіемъ, а не для того, чтобы стать во главѣ преступниковъ!»

«Назовите тѣхъ, кого обвиняете!»—крикнули Робеспьеру. Но онъ промолчалъ. И угроза, которою онъ думалъ устроить другихъ, обрушилась на него самого.

Въ тотъ же вечеръ онъ повторилъ свою рѣчь въ клубѣ якобинцевъ, прибавивъ: «То, что вы слышали, — мое завѣщаніе. Союзъ злонамѣренныхъ такъ силенъ, что я не надѣюсь устоять противъ него».

И когда онъ добавилъ: «Я приму ядъ!»—знаменитый живописецъ Давидъ воскликнулъ въ порывѣ умиленія: «Я отравлюсь вмѣстѣ съ тобой!».

Бильо-Варенна и Коло-д'Эрбуа, присутствовавшихъ при этой

сценѣ, осыпали ругательствами; ихъ чуть было не избили. Собраніе находилось въ состояніи изступленнаго фанатизма, выражавшагося въ угрозахъ противъ комитетовъ. Друзья Робеспьера убѣждали его воспользоваться этимъ настроеніемъ для повторенія 31-го мая. Но онъ отказался идти противъ Конвента, какъ противъ единственной законной власти въ государствѣ.

Ночь съ 8-го на 9-е термидора прошла въ волненіяхъ. Въ комитетахъ получались самыя тревожныя извѣстія; съ другой стороны нѣкоторые мужественные граждане предлагали имъ свои услуги.

Тѣмъ не менѣе работы шли обычнымъ порядкомъ. Сенъ-Жюсть редактировалъ свой докладъ для слѣдующаго дня. На запросъ по этому поводу онъ обѣщалъ сообщить докладъ своимъ товарищамъ до внесенія его въ Конвентъ и даже, еслибъ они этого пожелали, уничтожить его. Но къ утру Сенъ-Жюсть исчезъ, и лишь въ полдень, когда уже собирались открыть засѣданіе, отъ него была получена записка, доставленная приставомъ:

«Несправедливость сокрушаетъ меня; я раскрою сердце національному Конвенту». Фраза эта была заимствована изъ приготовленной имъ рѣчи.

Не дожидая тѣхъ, кого предполагалось обвинить, онъ вошелъ на трибуну и началъ свою рѣчь слѣдующими словами:

«Я не принадлежу ни къ одной изъ существующихъ партій».

Талльенъ, противникъ его, повторилъ вслѣдъ за нимъ эти слова. Съ обѣихъ сторонъ это была ложь.

Минута была торжественная, побѣда колебалась. Все зависѣло отъ положенія, какое займетъ центръ. Уже ранѣе, на вопросъ Бильо-Варенна относительно того, можно ли рассчитывать на ихъ содѣйствіе, депутаты центра отвѣтили устами одного изъ своихъ товарищей: «Да, если вы окажетесь сильнѣе». Содѣйствія центра добивались слѣдовательно обѣ стороны. «О вы, честные люди!»—обращался къ нимъ Бурдонъ Оазскій.

«Люди, чистые душою, къ вамъ я взываю»,—въ свою очередь восклицалъ Робеспьеръ.

Талльенъ и Билло начали прерывать Сенъ-Жюста съ первыхъ же словъ. Одинъ требовалъ, чтобы «карты были окончательно раскрыты», другой восклицалъ: «Не думаю, чтобы здѣсь нашелся хотя одинъ представитель народа, согласный признать надъ собою власть тирана!». Раздались оглушительные аплодисменты и крики: «Да погибнуть тираны!».

Робеспьеръ поднялся съ мѣста. «Долой тирана!»—крикнули ему. Ораторы смѣняли другъ друга, но всякій разъ, какъ Робеспьеръ пытался говорить, повторяется тотъ-же возгласъ проклятія. Онъ обращается то въ сторону горы, то—къ равнинѣ, но всюду видитъ враждебныя лица. Онъ говоритъ, что у него пересохло въ горлѣ. «Кровь Дантона душитъ его»,—произносить Гарнье.

Раздалось требованіе ареста Анрію, начальника національной гвардіи. Затѣмъ произнесено было нѣсколько другихъ мало извѣстныхъ именъ; наконецъ и имя Робеспьера. Наступила минута колебанія: ни одинъ изъ приставовъ не рѣшался привести къ рѣшеткѣ того, кто еще наканунѣ, благодаря своей популярности, пользовался неограниченной властью. «Ахъ! какъ трудно низвергнуть тирана!»—воскликнулъ Фреронъ.

«Но отъ Капитолія до Тарпейской скалы всего одинъ шагъ»,—говаривалъ Мирабо. Изданъ былъ *отъ имени республики* декретъ объ арестѣ двухъ братьевъ Робеспьеръ, Сенъ-Жюста, Кутона и Лѣба. «Республика погибла; побѣда за разбойниками!»—воскликнулъ Робеспьеръ.

Но еще прежде, чѣмъ сталъ извѣстенъ результатъ засѣданія, муниципальный совѣтъ, засѣдавшій въ ратушѣ, составилъ прокламацію, оканчивавшуюся призывомъ народа къ возстанію:—«Возстань, народъ, на защиту 10-го августа и 31-го мая и уничтожь всѣхъ измѣнниковъ!».

Совѣтъ созвалъ парижскія секціи. Но большинство ихъ остались вѣрными Конвенту, по преимуществу же секціи, сосѣднія съ ратушей. Центральная секція отказалась ударить въ набатъ съ колокольні собора Нотръ-Дамъ.

На сторонѣ муниципалитета былъ начальникъ вооруженныхъ силъ—Анріо. Онъ отдалъ войскамъ приказъ занять помѣщеніе Конвента. Коло-д'Эрбуа, предсѣдатель Конвента, получилъ уведомленіе о томъ, что на Тюльерійскій дворецъ наведены орудія. Онъ геройски велъ себя въ эту рѣшительную минуту. «Граждане,—сказалъ онъ,—наступилъ моментъ умереть на нашемъ посту». И Собраніе не тронулось съ мѣста, спокойно выжидая хода событій въ то время, какъ галереи быстро пустѣли.

Такой образъ дѣйствія сильно повліялъ на Анріо. Онъ внезапно остановился, затѣмъ повернулъ съ своимъ штабомъ назадъ и поскакалъ къ ратушѣ,—такъ силенъ былъ авторитетъ Конвента даже въ глазахъ грубаго солдата. Будь Анріо болѣе испорченный человѣкъ, онъ бытъ можетъ заглушилъ бы свои сомнѣнія и содѣйствовалъ бы побѣдѣ якобинцевъ.

Уваженіе къ закону было, понятно, еще сильнѣе въ Робеспьерѣ, какъ въ политическомъ дѣятелѣ и юристѣ.

Онъ и его товарищи были размѣщены по разнымъ тюрьмамъ, но вслѣдъ затѣмъ освобождены по распоряженію муниципалитета и доставлены въ ратушу, гдѣ ихъ сторонники были въ сборѣ. Они образовали исполнительный комитетъ изъ девяти членовъ, первымъ дѣйствіемъ котораго было обнародованіе манифеста слѣдующаго содержанія: «Революціонный муниципалитетъ повелѣваетъ всѣмъ гражданамъ во имя спасенія народа не признавать иныхъ властей кромѣ него». Мятежъ былъ организованъ. Робеспьера снова убѣждали принять въ немъ участіе. Онъ все колебался и повторялъ: «Не хочу быть Кромвелемъ». Кутонъ предлагалъ ему написать воззваніе къ войскамъ. «Отъ чьего-же имени?»—спросилъ онъ.—«Конечно отъ имени Конвента. Развѣ не мы составляемъ его? Остальные—шайка мятежниковъ». «По моему мнѣнію,—возразилъ Робеспьеръ послѣ нѣкотораго размышленія,—слѣдуетъ написать отъ имени *французскаго народа*». Колебанія вождя повели къ потерѣ времени и лишили бодрости его приверженцевъ.

Конвентъ, узнавъ, что депутаты освобождены изъ-подъ ареста

и засѣдаютъ въ ратушѣ вмѣстѣ съ муниципальными чиновниками, поднявшими знамя возстанія, объявилъ пятерыхъ депутатовъ и парижскую общину внѣ закона. Слова: *внѣ закона* произвели магическое дѣйствіе. Вокругъ мятежниковъ все опустѣло; даже артиллеристы Анріо по-одиночкѣ разбѣжались и перебрались съ Гревской площади на Карусельскую.

Членъ Конвента Барра, человекъ военный, избранъ былъ руководить защитой Собранія. Онъ направилъ на ратушу двѣ колонны національныхъ гвардейцевъ, оставшихся вѣрными присягѣ. До прибытія войска жандарму Меда удалось пробраться въ залу, гдѣ засѣдалъ совѣтъ мятежниковъ. Онъ выстрѣлилъ въ Робеспьера изъ пистолета и раздробилъ ему челюсть. Братъ Робеспьера въ отчаяніи бросился въ окно; его подняли еле живого. Лэба пустилъ себѣ пулю въ лобъ; Сень-Жюсть и Кутонъ сдались безъ сопротивленія.

Робеспьера отвезли въ Тюльери и помѣстили въ пріемной залѣ комитета общественнаго спасенія, гдѣ онъ провелъ остатокъ ночи. Утромъ его препроводили въ Консьержери, а оттуда — въ революціонный судъ. Тамъ ограничились удостовѣреніемъ личности арестованныхъ, объявленныхъ внѣ закона. 10-го термидора тѣ изъ нихъ, которые остались въ живыхъ, были казнены. Они умерли безмолвно; въ нихъ не было ни страшной энергіи Дантона, ни трагическаго энтузіазма жирондистовъ.

ГЛАВА VIII.

Реакція.

Оборонительныя мѣры, принятыя Конвентомъ и правительственными комитетами, на случай нападенія, которое дѣйствительно состоялось 9-го термидора, признается нѣкоторыми за заговоръ противъ Робеспьера. Странное извращеніе понятій! Словно Робеспьеръ былъ монархъ, а Конвентъ не получилъ изъ рукъ самой націи законной власти, и правительственные комитеты не были облечены въ свою очередь непосредственно и правильно этимъ верховнымъ собраніемъ исполнительною властью. Самъ Робеспьеръ судилъ болѣе здраво, когда рука его дрогнула и онъ не подписалъ приказа о возстаніи. Истина не подлежитъ сомнѣнію: Робеспьеръ палъ, нападая на республику.

Республиканцы, противившіеся его стремленіямъ къ диктатурѣ, не одни были виновниками его гибели. Различныя фракціи, разбитыя имъ, жаждали мести; порочные люди, которымъ онъ грозилъ во имя общественной нравственности, хотѣли предупредить его удары; контръ-революція разжигала недовольство партій, чтобы восторжествовать надъ ними. Всѣ эти элементы принимали участіе въ низверженіи Робеспьера, исчезновеніе котораго было большимъ облегченіемъ для массы, утомленной волненіями и тревогами и приписывавшей ему всѣ ужасы террора. Но послѣднее не вѣрно. Терроръ не былъ дѣломъ какого-нибудь отдѣльнаго лица; онъ неизбѣжно вытекалъ изъ положенія вещей. Очень можетъ быть, что Робеспьеръ охотно устранилъ бы его. Быть можетъ даже, что, издавая законъ 22-го преріала, онъ рассчитывалъ сокрушить террористовъ, между тѣмъ какъ на самомъ дѣлѣ только довелъ терроръ до апогея.

Каковъ же былъ ходъ событій? Послѣ паденія Робеспьера

многіе надѣялись на возстановленіе спокойствія. Поспѣшили отмѣнить чудовищный законъ отъ 22-го преріала, измѣнить личный составъ революціоннаго суда, преобразовать правительственные комитеты и ограничить ихъ власть. Но никакіе декреты не могли отмѣнить вкоренившейся привычки къ насилію и презрѣнію къ человѣческой жизни. Послѣ крайности въ революціонномъ направленіи начались крайности въ противоположномъ смыслѣ; измѣнилась лишь форма, эшафотъ замѣненъ былъ убійствами, гильотина—кинжаломъ. На всю Францію распространилась политическая Вароеломеевская ночь. Это—печальная страница исторіи, позорящая человѣчество. Общественные нравы пострадали болѣе въ періодъ *благаго террора*, чѣмъ во время *краснаго террора*. Послѣдній по крайней мѣрѣ оправдывался опасностями, грозившими странѣ, и необходимостью ея спасенія; первый же черпалъ вдохновеніе лишь въ мести. И потому одинъ искалъ средства убивать быстро, другой старался продлить мученія жертвъ.

Странная путаница понятій характеризовала это переходное время. Къ бѣшеннымъ проклятіямъ, сыпавшимся на голову террористовъ, примѣшивалось прославленіе памяти Марата. Его прахъ перенесли въ Пантеонъ. *Божественный учитель мой*,—такъ называлъ Фреронъ въ своемъ листкѣ «l'Orateur du peuple» («Народный ораторъ»),—Фреронъ, отличившійся самъ неслыханными жестокостями и служившій теперь новому порядку съ тою же необузданностью пылкаго темперамента.

Немедленно послѣ 9-го термидора были возвращены въ Конвентъ 73 депутата, подписавшіе протестъ противъ 31-го мая. Это было справедливо, такъ какъ вся вина ихъ заключалась лишь въ томъ, что они мужественно отстаивали неприкосновенность національнаго представительства. Но были возвращены и 22 жирондиста, принимавшіе участіе въ возмущеніи противъ Конвента. Это было почти что самобичеваніемъ, тѣмъ менѣе умѣстнымъ, что бывшіе мятежники возвращались въ Конвентъ съ враждебными чувствами.

Роялисты не осмѣливались еще открыто развернуть свое знамя, но эмигранты возвращались въ страну подъ вымышленными именами и съ фальшивыми паспортами. Они учредили въ Парижѣ едва прикрытую агентуру, поддерживавшую сношенія

съ заграницей, раздувавшую пламя междоусобной войны и подстрекавшей къ кровавой реакціи.

«Это было новое 2-е сентября, повторявшееся ежедневно втеченіи долгаго времени»,—сказалъ одинъ писатель (Шарль Нодье).

Избіеніе заключенныхъ дѣйствительно повторялось въ Люнѣ, Руанѣ, Э, Марселѣ и Тарасконѣ, гдѣ злодѣянія совершались при звукахъ пѣсенъ и пляскѣ. Разстрѣливали и топили десятки и сотни жертвъ за-разъ. *Дѣти солнца* (*Les enfants du soleil*) и *товарищи Іезу* (*les compagnons de Jéhu*), шайки убійцъ, намербованныя словно для крестоваго похода, появились на югѣ, исполняя свою отвратительную работу подъ звуки пѣсни: «*Réveil du peuple*» («Пробужденіе народа»),—плохую пародію на «Марсельезу», которую Конвентъ дозволилъ пропѣть въ залѣ своихъ засѣданій.

Разнузданность страстей сопровождалась упадкомъ нравовъ. Предавались безъ удержа удовольствіямъ; распутство, легкомысліе и вычурная рѣчь смѣнили республиканскую суровость, нисколько не ослабляя привычки къ насилию.

Вся эта золотая молодежь, мюскадины, мерзелье, господа, какъ они сами себя величали въ отличіе отъ *гражданъ*, всѣ эти *бѣлые якобинцы*,—такъ какъ они присвоили себѣ и эту кличку,—разгуливали съ толстыми свинцовыми палками, которыя они называли своею *исполнительной властью*.

Поставщики, не опасаясь болѣе строгости комитета общественнаго спасенія, стали въ своихъ салонахъ щеголять немѣрной роскошью, оскорбительной при общей нищетѣ. Небрежность костюмовъ замѣнилась безвкуснымъ франтовствомъ. Поклоненіе вкусамъ языческой древности породило въ женскихъ модахъ подражаніе греческимъ туникамъ и драпировкѣ. Вездѣ замѣчалась реакція, часто въ формѣ, нарушавшей элементарныя правила приличія. Напримѣръ, устраивались балы *à la victime* (въ память жертвъ), куда допускались только лица, потерявшія близкихъ родственниковъ подъ гильотиною, въ костюмахъ, какіе носили жертвы, отправляясь на эшафотъ.

Золотая молодежь вторглась въ клубъ якобинцевъ, выгнала ихъ оттуда, избива множество народу, затѣмъ образовала клубъ *Клиши*, сдѣлавшійся притономъ роялистовъ и развернувшій свою дѣятельность во время Директоріи.

Нѣкоторые изъ ультра-революціонеровъ своими крайностями навлекли на себя всеобщую ненависть. Въ числѣ ихъ были извѣстный Фукье-Тэнвилль и Карье, нантскій проконсулъ. Когда ихъ арестовали и осудили, никто не подумалъ заступиться за нихъ. Но наказаніе этихъ двухъ преступниковъ не удовлетворило реакціонеровъ: они добивались осужденія самой республики. Они начали преслѣдовать нѣсколькихъ членовъ правительства, выступивъ противъ нихъ съ вѣскими обвиненіями, именно: Бильо-Варенна, Коло-д'Эрбуа, Барера, Вадье, Амара, Вулана и Давида. Но ихъ обвиненія были отвергнуты и признаны клеветой. Вторичное преслѣдованіе было направлено только противъ четырехъ первыхъ депутатовъ. На этотъ разъ собраніе рѣшило заняться разсмотрѣніемъ ихъ дѣла.

Тогда трое старыхъ членовъ комитета общественнаго спасенія, товарищи обвиненныхъ по управленію дѣлами, отличавшіеся однако умѣренностью и поэтому не навлекавшіе на себя никакого нареканія,—Лендэ, Карно и Пріеръ, вступились за нихъ. Прикрывая ихъ своей безупречной репутаціей, они прямо указали на намѣреніе роялистовъ возбудить процессъ противъ республики въ лицѣ ея вождей, равно какъ и противъ національнаго представительства, одобрявшаго ихъ и облекшаго ихъ властью, и даже противъ самой Франціи, которая своими поощрительными адресами вызвала принятіе мѣръ, необходимыхъ для защиты отечества. «Что касается до обвиненныхъ,—сказалъ Карно,—то пусть слѣдующій фактъ послужитъ отвѣтомъ обвинителямъ. Франція находилась на краю гибели при вступленіи ихъ въ комитетъ общественнаго спасенія и была внѣ опасности, когда они изъ него вышли. Время сказать вмѣстѣ съ Сципіономъ: «Взойдемъ на Капитолій и возблагодаримъ боговъ!». «Существуетъ одно лишь средство спасенія,—прибавилъ Карно:—это неподкупность національнаго престаительства. Сомкните, граждане, ваши ряды, чтобы дать отпоръ общимъ врагамъ. Перестаньте увѣчить другъ друга въ угоду разъяреннымъ людямъ, которые только и ждутъ крушенія республики».

Собраніе повидимому само испугалось послѣдствій требованій, которыя были ему предъявлены. Обвиненные считали себя спасенными. Но 12-го жерминаля (1-го апрѣля) народное вол-

неніе, вызванное недостаткомъ сѣстныхъ припасовъ, равно какъ раздраженіемъ и недовольствомъ, которое изъ всѣхъ силъ подогрѣвали реакціонеры, явилось на помощь послѣднимъ. Народъ вторгся въ залу засѣданій при крикахъ: «Хлѣба и конституцію 93 года!»—собраніе перепугалось и поспѣшило утвердить декретъ о немедленной ссылкѣ обвиненныхъ для охраненія общественной безопасности. Въстѣ съ тѣмъ арестованы были и нѣсколько другихъ депутатовъ изъ партіи монтаньяровъ.

Во время этихъ внутреннихъ раздоровъ военныя дѣйствія не приостанавливались. Многіе изъ военныхъ успѣховъ, перечисленныхъ нами въ IV главѣ, съ цѣлью сгруппировать однородные факты, каковы: побѣда надъ Голландіей и возвращеніе четырехъ сѣверныхъ крѣпостей, состоялись уже послѣ паденія Робеспьера.

Журданъ и Клеберъ довершили побѣду подъ Флёрюсомъ, одинъ—оттѣсненіемъ австрійцевъ за Рейнъ, другой—взятіемъ Мاستрихта. Пруссаки поспѣшили очистить Пфальцъ. Разгромъ австрійскаго генерала Колоредо подъ Савоною обезпечилъ господство французовъ надъ цѣпью Альпійскихъ горъ. На двухъ оконечностяхъ Пиренейскихъ горъ французское оружіе также восторжествовало. На восточной сторонѣ произошло сраженіе при Черной Горѣ, взятіе Бельгарда и Фигераса; на западной—взятіе Фонтараби, Санъ-Себастіана и Толозы раскрывало французамъ дверь въ Испанію.

Въ то время какъ три члена комитета общественнаго спасенія, руководившіе военными операціями—Карно, Пріёръ и Лендэ—вышли въ отставку, національная территорія была очищена и республиканскія войска вездѣ перешли въ наступленіе. Продолжительная война утомила европейскіе народы; они требовали ея прекращенія и начинали сознавать, что ихъ обманули. Упадокъ духа и разногласія усиливались среди союзниковъ. Всѣ жаждали одного—мира. «Пора окончить разорительную войну». Эти слова, произнесенныя осторожнымъ Фоксомъ въ англійскомъ парламентѣ, встрѣтили полное сочувствіе въ германскомъ сеймѣ.

Но Тюльерійское правительство добивалось полного разрушенія коалиціи. Оно уклонилось отъ общихъ переговоровъ и воспользовалось настроеніемъ народовъ для того, чтобы произвести

давленіе на кабинеты и заключить съ ними сепаратные договоры. Великій герцогъ Тосканскій подалъ первый примѣръ, затѣмъ послѣдовала Пруссія, предложившая свои услуги для улаженія столкновенія съ мелкими нѣмецкими государствами. При объявленіи въ Конвентѣ базельскаго мира, заключеннаго съ Пруссіей, раздались, къ большому огорченію роялистовъ, рукоплесканія и крики: «Да здравствуетъ республика!». Реакціонеры убѣдились, что дѣло ихъ покинуто тѣмъ правительствомъ, которое первое открыло непріязненные дѣйствія противъ Франціи.

Австрія осталась недовольною, что ее другіе опередили, и затянула переговоры. Въ Испаніи Бурбоны благоразумно отдали предпочтеніе національнымъ интересамъ передъ династическими и предложили свои услуги, чтобы расположить къ миру Неаполь, Римъ и Туринъ. Британскій кабинетъ тщетно усиливался помѣшать усилію переговоровъ. Онъ остался одинокимъ въ своей упорной враждебности къ Франціи. 21-го января 1795 г. въ палатѣ общинъ Фоксъ сдѣлалъ слѣдующій выводъ: «Францію хотѣли заставить измѣнить избранную ею систему. Попытка окончилась въ ея пользу. Конечно она продолжалась достаточно долго для того, чтобы убѣдить членовъ коалиціи, за исключеніемъ Англіи, въ бесполезности дальнѣйшихъ опытовъ».

Дѣло революціи было выиграно; французская республика, заключивъ договоръ, заняла мѣсто въ ряду европейскихъ державъ. Численность населенія увеличилась присоединеніемъ къ ней тринадцати милліоновъ жителей.

Вернемся однако къ внутреннимъ дѣламъ.

Одной изъ первыхъ заботъ реакціи была отмѣна закона о *maximim*'ѣ. Максимумъ былъ плохой мѣрой въ экономическомъ отношеніи,—это безспорно; но внезапная ея отмѣна вызвала тяжелый кризисъ. Максимумъ поддерживалъ курсъ ассигнацій, стоявшихъ *à pari*, пока онъ существовалъ. Ассигнаціи упали вмѣстѣ съ нимъ. Чтобы поднять ихъ курсъ, сдѣланъ былъ новый выпускъ ассигнацій; но это еще ускорило ихъ паденіе, дошедшее до невѣроятныхъ размѣровъ, благодаря излишку бумажныхъ знаковъ. Товаръ прятался передъ ассигнаціями, превратившимися въ лоскутки простой бумаги и не имѣвшими почти никакой цѣнности. Предметы первой необходимости сдѣлались скоро по дороговизнѣ своей недоступными не

только бѣднымъ, но и богатымъ. «Рантьерамъ, получающимъ по десяти тысячъ фунт. дохода, нечѣмъ жить», — говоритъ одинъ писатель того времени. Даровую раздачу хлѣба для неимущихъ пришлось сократить до одиннадцати унцій на чело-вѣка. Подвоза не было. Скупщики задерживали хлѣбъ; голодные нападали на обозы и грабили ихъ. Прибавьте къ этому, что холода въ зиму 1794—95 г. стояли необыкновенные. Водопроводы замерзли, и парижане терпѣли недостатокъ не только въ хлѣбѣ, но и въ водѣ. Ажіотажъ, пользуясь обстоятельствами, сосредоточивалъ въ своихъ рукахъ массы ассигнацій для покупки національныхъ имуществъ, продажа которыхъ не приносила государству почти никакого дохода.

«Возстановите максимумъ!» — кричалъ несчастный народъ.

Вспыхнуло новое народное движеніе, несравненно болѣе грозное, чѣмъ движеніе 12-го жерминаля.

1-го апрѣля громадная толпа мужчинъ и женщинъ, доведенныхъ голодомъ и отчаяніемъ до изступленія, ворвалась въ помѣщеніе Конвента съ грозными криками. Нѣкоторые депутаты пытались возстановить уваженіе къ святилищу національнаго представительства. Одинъ изъ нихъ особенно выдѣлялся своей энергіей. Это былъ Феро, чело-вѣкъ очень мужественный. Онъ назвалъ себя по имени. Шумная толпа разслышала *Фреронъ* вмѣсто *Феро* и вообразила, что видитъ передъ собой ненавистнаго вождя реакціи. Феро былъ убитъ выстрѣломъ изъ пистолета. Его голову насадили на пикъ и поднесли къ президенту собранія Буасси-д'Англа.

Затѣмъ мятежники размѣстились на скамьяхъ, тѣсня депутатовъ, и объявили, что не уйдутъ, пока ихъ требованія не будутъ удовлетворены.

Въ Собраніи была группа молодыхъ, смѣлыхъ, рѣшительныхъ монтаньяровъ, одобрявшихъ часть этихъ требованій и выступившихъ въ ихъ защиту. Поддались ли они искушенію въ надеждѣ, что Конвентъ послѣ своего освобожденія скрѣпитъ уступки, вырванныя у него народнымъ давленіемъ? Желали ли они просто спасти національное представительство? Какъ-бы то ни было, но ихъ товарищи, депутаты правой, умоляли ихъ пачать говорить. Повидимому они сами сознавали опас-

ность вмѣшательства, ибо одинъ изъ нихъ, Гужонъ, войдя на трибуну, сказалъ: «Такъ пойдемъ же на смерть!».

Гужонъ и друзья его облекли въ форму предложеній требованія подателей петицій. Вотъ они: освободить всѣхъ гражданъ, арестованныхъ 9-го термидора за ихъ убѣжденія. Возстановить правительственные комитеты. Созвать секціи Парижа для принятія мѣръ къ обезпеченію продовольствія столицы. Произвести домовые обыски для разысканія хлѣбныхъ запасовъ.

Затѣмъ одинъ изъ депутатовъ-монтаньяровъ въ заключеніе предложилъ уничтожить смертную казнь. Этотъ декретъ, какъ и другіе, былъ одобренъ бросаніемъ шляпъ на воздухъ.

Внезапно зала вторично наполняется людьми; на этотъ разъ это были вооруженные батальоны подъ предводительствомъ начальника національной гвардіи Рафэ и нѣсколькихъ депутатовъ. Мятежники были разсѣяны; члены правой заняли покинутыя ими мѣста, реакція восторжествовала и принялась за дѣло съ большимъ рвеніемъ.

Декреты были отмѣнены и сожжены. Депутатовъ, поддерживавшихъ подателей петицій, немедленно арестовали.

Собраніе дѣйствовало по праву, уничтожая рѣшенія, исторгнутыя насиліемъ; но нельзя усматривать ничего кромѣ неблагодарности и мести въ обращеніи его съ людьми, только что прикрывшими его своею популярностью. Гужонъ, Бурботтъ, Субрани, Роммъ, Дюруа и Дюкенуа преданы были суду военной коммиссіи и приговорены къ смертной казни. Роммъ зарѣзался ножомъ, который переходилъ затѣмъ изъ рукъ въ руки. На эшафотъ отвезли лишь троихъ, да и тѣ уже умирали. Эти сильные и убѣжденные люди заслужили вполне данное имъ исторіей названіе *«послѣднихъ монтаньяровъ»*.

Послѣ ихъ паденія число приговоровъ и ссылокъ удвоилось. Ободренные печальной побѣдой, роялисты сбросили маски. Они не ограничились преслѣдованіемъ лично скомпрометированныхъ членовъ прежняго правительства; они преслѣдовали и тѣхъ, кого можно было упрекнуть только въ услугахъ, оказанныхъ республикѣ. «Гибель республики замышлялась открыто» — повѣствуетъ Наполеонъ въ воспоминаніяхъ, написанныхъ имъ на островѣ Св. Елены.

Въ своемъ гнѣвѣ контръ-революціонеры не пощадили ни

Жанъ-Бонъ-Сентъ-Андре, ни Робера Лендэ, ни Карно. Въ пылу самаго несправедливаго и неблагодарнаго ослѣпленія они отдали приказъ объ арестѣ двухъ первыхъ. Когда дошла очередь до Карно, въ Собраніи раздался голосъ: «Осмѣлитесь ли вы поднять руку на того, кто организовалъ побѣды нашихъ армій?»— И пристыженные обвинители умолкли.

1-го преріала, какъ и 12-го жерминаля, мятежники украсили свои шляпы надписью: «Хлѣба и конституцію 93 года».

Собраніе, бросая вызовъ народу, объявило эту конституцію «непримѣнимой», и коммисія, которой была поручена разработка *органическихъ законовъ*, тотчасъ принялась за составленіе новой конституціи.

То была *конституція III года*, хотя и обнародованная только 1-го вандемьера IV года, т. е. 23-го сентября 1795 г., въ годовщину основанія республики.

Основные положенія этой конституціи слѣдующія: Французская республика едина и нераздѣльна. Государственная власть принадлежитъ совокупности французскихъ гражданъ. Но ограничительный параграфъ признаетъ званіе французскаго гражданина только за тѣми, кто платитъ прямой налогъ, поземельный или личный. Франція дѣлится на департаменты, кантоны и общины. Округи отмѣняются. Каждый гражданинъ, по достиженіи 21 года, имѣетъ право голоса въ первичныхъ собраніяхъ (въ каждомъ кантонѣ созывается по крайней мѣрѣ по одному собранію). Эти собранія избираютъ мировыхъ судей и членовъ муниципалитета. Они назначаютъ избирателей по одному на 200 человекъ. Избиратели, образуя собраніе по департаментамъ, назначаютъ въ свою очередь членовъ законодательнаго корпуса, членовъ кассационнаго суда и гражданскихъ судовъ, равно какъ и мѣстныхъ администраторовъ.

Эта конституція въ отличіе отъ предшествовавшихъ устанавливаетъ двѣ палаты: одну, состоящую изъ 250 членовъ, не моложе сорока лѣтъ, это—*советъ старѣйшинъ* (Conseil des anciens); другую — состоящую изъ 500 членовъ и названную *советомъ пятисотъ*, по числу ея членовъ. Послѣднему принадлежитъ законодательная инициатива; первому — право принятія ихъ или наложенія своего *veto*.

Управленіе государственными дѣлами поручено пяти дирек-

торамъ, избираемымъ совѣтомъ старѣйшинъ изъ числа 50 кандидатовъ, предложенныхъ совѣтомъ пятисотъ.

Многія изъ этихъ постановленій заслуживаютъ вниманія законодателей. Но преимущественно съ точки зрѣнія политической въ нихъ много погрѣшностей.

Два собранія, имѣющія одно происхожденіе и состоящія изъ однородныхъ элементовъ, различающіяся только по возрасту и численности членовъ, не служили представителями какихъ-либо особенныхъ интересовъ или мнѣній и являлись не болѣе, какъ двойной законодательной мастерской.

Директорія не была диктатурой, предназначенной для спасенія отечества, какъ та, которая оказала столько услугъ революціонной Франціи. Законодательная и исполнительная власти находились по отношенію другъ къ другу въ положеніи, почти неизбѣжно вызывавшемъ между ними антагонизмъ.

Наконецъ эта конституціонная хартія хотя въ общемъ и была составлена въ либеральномъ духѣ, но къ несчастью носила слѣды реакціоннаго направленія, стремившагося главнымъ образомъ къ нарушенію прежняго единства. Можно было опасаться, что такая крутая перемѣна въ организаціи властей окажется благопріятной для контръ-революціи.

Конвентъ сознавалъ эту опасность. Онъ хотѣлъ смягчить переходъ отъ одного режима къ другому и постановилъ декретами отъ 5-го и 19-го фрюктидора, что двѣ трети членовъ Конвента войдутъ въ составъ новыхъ совѣтовъ. Такимъ образомъ учредители республики должны были руководить ея преобразованіемъ.

Эти декреты вызвали много упрековъ: Конвентъ обвиняли въ недовѣрїи къ странѣ, а членовъ его — въ желаніи увѣковѣчить свою власть. Нареканія эти конечно находили себѣ пищу въ честолюбивыхъ стремленіяхъ разныхъ элементовъ, видѣвшихъ, что дверь передъ ними притворяется.

Однако первичныя собранія вполне одобрили конституціонную хартію III года.

Роялисты были взбѣшены. Они не дождались открытія Законодательнаго корпуса, созваннаго на 20-е вандеміера IV года. Уже 13-го (5-го октября 1795 г.) они возмутили нѣсколько секцій Парижа, въ которыхъ ихъ вліяніе преобладало. Въ виду

этого движенія, считавшагося довольно опаснымъ, такъ какъ Конвентъ счелъ даже нужнымъ распорядиться о доставкѣ оружія въ помѣщеніе своихъ засѣданій, начальство надъ войсками было поручено генералу Барри, защищавшему собраніе 9-го термидора. Послѣдній взялъ себѣ въ помощники бригаднаго командира Бонапарта, находившагося въ то время въ Парижѣ. Оба въ этомъ случаѣ проявили столько же распорядительности, сколько и энергіи.

Мятежныя секціи, завладѣвъ церковью св. Роха, превратили ее въ крѣпость; но онѣ были вытѣснены оттуда войсками Конвента. Орудія Бонапарта очистили улицу Сентъ-Оноре, набережныя и Королевскій мостъ. Число убитыхъ съ обѣихъ сторонъ опредѣляютъ въ 200 ч.

Послѣднее засѣданіе Конвента состоялось 26-го октября 1795 г. (4-го брюмера IV года). Сессія его длилась три года безъ перерыва.

Его прощальнымъ словомъ былъ законъ объ амнистіи, отмѣнившій смертную казнь для всѣхъ обвиненныхъ со времени заключенія общаго мира. Площадь Революціи была переименована въ *Площадь Согласія* (Place de la Concorde). Затѣмъ члены собранія разошлись при крикахъ: «Да здравствуетъ республика!», которыми они были встрѣчены при своемъ появленіи на политической сценѣ.

ДИРЕКТОРІЯ.

ГЛАВА IX.

Конституційная Директорія.

На выборах побѣда осталась за реакціоннымъ направле-ніемъ. Въ силу декретовъ 5-го и 13-го фрюктидора двѣ трети членовъ Законодательнаго корпуса должны были состоять изъ бывшихъ членовъ Конвента. Общественное мнѣніе высказалось въ общемъ противъ якобинцевъ. Однако республиканцы, сѣумѣвшіе воздержаться отъ крайностей, пользовались особеннымъ расположеніемъ избирателей; значительное ихъ число было избрано во многихъ департаментахъ. Что же касается до *новаго третьяго сословія*, какъ его называли, то оно состояло главнымъ образомъ изъ лицъ съ монархическимъ образомъ мыслей и нѣсколькихъ роялистовъ-заговорщиковъ.

Послѣ того какъ, согласно постановленію конституціи, изъ депутатовъ были образованы два совѣта, они отдѣлились другъ отъ друга: совѣтъ старѣйшинъ занялъ помѣщеніе Конвента въ Тюльери, совѣтъ же пятисотъ перешелъ въ залу манежа, служившую уже мѣстомъ засѣданій Учредительнаго и Законодательнаго собраній.

Провѣрка полномочій послужила поводомъ къ нѣкоторымъ пререканіямъ между политическими дѣятелями, выдвинувшимися въ періодъ террора или реакціи.

Затѣмъ было приступлено къ избранію исполнительной власти; прежніе члены Конвента, оставшіеся вѣрными республиканскимъ убѣжденіямъ, сговорились между собой, чтобы не вызвать дробленія своихъ голосовъ. Они одержали верхъ. Из-

браны были директорами: Ла-Ревелльеръ-Лепо, Барра, Карно, Ревбелль и Ле-Турнёръ. Когда послѣдніе заняли свою резиденцію—Люксембургскій дворецъ, то не нашли въ немъ даже стола, на которомъ могли бы писать. «Государство находилось въ такомъ же плачевномъ положеніи, какъ и дворецъ»,—писала г-жа Сталь ¹⁾. «Въ шесть мѣсяцевъ, — прибавляетъ она,—Директорія съумѣла привести дѣла въ порядокъ».

Задача предстояла огромная. Работу раздѣлили. Каждый изъ директоровъ поочередно исполнялъ втеченіи трехъ мѣсяцевъ обязанности предѣдателя, подписывалъ оффиціальныя бумаги и произносилъ рѣчи на публичныхъ торжествахъ.

Нація, утомленная безконечными смутами, требовала лишь одного—спокойствія; она хотѣла подъ сѣнью мира вернуться къ труду и возстановить свое благосостояніе. Это желаніе отчасти осуществилось въ періодъ, начавшійся учрежденіемъ Директоріи и длившійся до 18-го фрюктидора. Періодъ этотъ охарактеризованъ г-жею Сталь слѣдующими словами: «Годъ и восемь мѣсяцевъ во Франціи существовала республика». Дѣйствительно ей предшествовалъ періодъ войны; за нею слѣдовала анархія и затѣмъ—деспотизмъ.

Года и восьми мѣсяцевъ было недостаточно, чтобы успокоить умы, залечить столько ранъ и упрочить новый порядокъ вещей. Но были сдѣланы важные шаги въ этомъ направленіи и притомъ съ полнымъ успѣхомъ. Мы укажемъ лишь на одинъ изъ нихъ, значеніе котораго будетъ вполне оцѣнено впослѣдствіи, именно на отдѣленіе церкви отъ государства. Эта задача, которая все еще представляется намъ опасною, была разрѣшена въ то время безъ ущерба для кого-либо, безъ ущерба и для самаго католицизма, который могъ собрать свою

¹⁾ «Бумажныя деньги упали до $\frac{1}{1000}$ своей нарицательной стоимости; въ казначействѣ не было въ наличности и 100,000 фр. звонкой монеты. Съѣстныхъ припасовъ было такъ мало, что едва удавалось сдерживать неудовольствіе населенія; вандейское возстаніе все еще продолжалось; внутреннія смуты породили шайки разбойниковъ, извѣстныхъ подъ именемъ «шофёровъ», производившихъ страшныя насилія въ деревняхъ; наконецъ почти всѣ арміи пришли въ полное разстройство». («*Considérations sur la révolution française*»).

паству и раскрыть двери своих храмовъ. Болѣе чѣмъ въ тридцати четырехъ тысячахъ церквей отправлялось богослуженіе, по свидѣтельству оффиціальной статистики. Царствовала полная свобода вѣроисповѣданій. Политическая свобода также не подверглась стѣсненію.

Революція не успѣла создать себѣ науку и литературу. Поэзія ограничилась только героическими кляками вродѣ «Марсельезы», а ученые читали *революціонныя лекціи* объ изготовленіи пороха и пушекъ. Съ наступленіемъ болѣе спокойнаго періода получилась возможность посвятить себя умственному труду. Послѣ 9-го термидора Конвентъ, желая осуществить прекрасную и плодотворную мысль Кондорсэ, рѣшилъ основать *національную академію*, но привести ее въ исполненіе выпало на долю Директоріи. Литература возродилась въ лицѣ Кабаниса, Гара, де-Траси, Вольнея, Женгенэ, Дону, Шенье, Бернардена де-Сенъ-Пьера, Лемерсье, Бенжамена Констана и г-жи Сталь.

Это была литература серьезная, трезвая, стойкая, скорѣе отвлеченная, чѣмъ образная.

Но къ чему привели всѣ эти предвѣстники лучшаго будущаго?

Директорія, возвѣщая французамъ о своемъ вступленіи во власть, обратилась къ ихъ благоразумію и объявила о своемъ намѣреніи достигнуть «быстраго обезпеченія народнаго благосостоянія». Она указала мѣсто, которое желаетъ занять среди партій; она заявила, что намѣрена держаться середины, и это была повидимому единственно возможная политика, такъ какъ уже не требовалось, какъ во время Конвента, защищать независимость территоріи и свободу. Новое правительство было порождено бурями и на немъ лежала задача успокоить умы. Вынужденное бороться противъ покушеній противоположныхъ партій, оно въ то же время должно было поочередно опираться то на ту, то на другую сторону, чтобы найти себѣ необходимую поддержку.

Первоначально Директоріи пришлось бороться противъ роялизма, составлявшаго меньшинство въ совѣтахъ, но занимавшаго выгодное, именно наступательное, положеніе. Роялизмъ, обманутый въ своихъ надеждахъ при видѣ перехода исполнительной власти въ руки пяти членовъ Конвента, не осмѣли-

вался открыто выступить на сцену. Онъ дѣйствовалъ въ лицѣ людей среднихъ убѣжденій, принадлежавшихъ къ разнымъ отѣнкамъ монархическаго и республиканскаго конституціонализма. Въ совѣтѣ старѣйшинъ такими дѣятелями были: Барбе-Марбуа, Тронсонъ-дю-Кудрэ, Порталисъ, Дюпонъ-де-Немуръ и Матьё Дюма; въ совѣтѣ пятисотъ: Пасторъ, Буасси д'Англа, Камиль Жорданъ, Ройэ-Коляръ, Ланжюинэ и Симеонъ. Они вели противъ правительства войну мелкихъ придирокъ. Они собирались для предварительныхъ совѣщаній у одного изъ своихъ сообщниковъ, Жильбера-де-Мольеръ. Реакціонная печать: «*Messenger*» (Вѣстникъ) и «*Quotidienne*» («Ежедневная Газета»), высказывалась рѣшительнѣе, чѣмъ депутаты. Главную квартиру этой партіи служилъ отель Клиши, давшій ей названіе.

Органами крайнихъ противоположнаго направленія были: «*Le Tribun du peuple*» («Народный Трибунъ»), «*L'Eclairer du peuple*» («Просвѣтитель народа»), «*L'ami du peuple*» («Другъ народа») и «*Le Journal de l'homme libre*» («Газета свободного человѣка»). Партія эта засѣдала въ обществѣ *Пантеона* (*Société du Panthéon*); кромѣ публичныхъ засѣданій у нея были и тайныя.

За колкостями послѣдовали скоро оскорбленія, угрозы и призывы къ мятежу. Директорія была вынуждена закрыть самыя рьяныя изъ сборищъ, какъ допускала и даже предписывала конституція (§§ 361 и 362). Когда слово было отнято у крайнихъ всѣхъ направленій, они перешли къ дѣйствіямъ. Противъ Директоріи съ двухъ сторонъ начались заговоры. Первымъ вспыхнулъ заговоръ революціонеровъ.

Главой его былъ Бабёфъ, редакторъ газеты «*Le Tribun du peuple*», основатель секты *равныхъ* (*égaux*), — отпрыска гербертизма. Бабёфъ проповѣдывалъ упраздненіе личной собственности и равенство труда и наслажденій. Для привлеченія монтаньяровъ къ участию въ своихъ мятежническихъ замыслахъ, *равные* выставляли чисто-политическую цѣль: восстановленіе конституціи 93 года. Они выдавали Сентъ-Жюста и Робеспьера за своихъ учителей, хотя, какъ намъ извѣстно, послѣдніе очень враждебно относились къ коммунизму и аграрнымъ мѣрамъ и навѣрное осудили бы ученіе, которое прикрывалось ихъ знаменемъ. Вслѣдствіе этого монтаньяры, завербо-

ванныя Бабёфомъ, не вполне посвятившимъ ихъ въ свои замыслы, успѣшили отречься отъ всякой солидарности съ его ученіемъ. Чтобы обмануть толпу и вовлечь ее въ дѣйствіе, вожди заговорщиковъ прельщали ее обѣщаніями, которыя должны были немедленно осуществиться. Такъ, они сулили ей: раздачу съѣстныхъ припасовъ на площадяхъ; возвращеніе заложенныхъ вещей; раздѣлъ между бѣдными конфискованнаго имущества эмигрантовъ и враговъ народа; призрѣніе на государственнѣй счетъ дѣтей и родителей гражданъ, которые погибли во время возстанія.

Заговорщики были арестованы и обнародованіе найденныхъ у нихъ бумагъ вызвало общее негодованіе. Въ инструкціяхъ между прочимъ значилось: «Всякое сопротивленіе будетъ подавлено силой; виновные будутъ преданы смерти». Оказалось необходимымъ учредить верховный судъ, такъ какъ между обвиняемыми находился одинъ изъ народныхъ представителей (Друэ); судъ постановилъ смертный приговоръ для двухъ главныхъ вождей заговора: Бабёфа и Дарте.

Только-что избавившись отъ этой опасности, Директорія вынуждена была подумать о мѣрахъ самозащиты противъ нападенія съ противоположной стороны. Открытъ былъ новый заговоръ, въ которомъ участвовали лица, имѣвшія полномочія, подписанныя въ Веронѣ графомъ Прованскимъ, будущимъ королемъ Людовикомъ XVIII. (Зачинщиками были: одинъ аббатъ, одинъ морской офицеръ, одинъ эмигрантъ и одинъ бывшій чиновникъ.) На этотъ разъ заговоръ имѣлъ цѣлью возстановленіе Бурбоновъ; реакція пріобрѣла такое вліяніе надъ умами, что судьи, постановивъ первоначально смертный приговоръ, смягчили его по собственной инициативѣ и замѣнили казнь простымъ тюремнымъ заключеніемъ.

Роялисты временно отказались отъ рискованныхъ мѣръ и обратились къ другому образу дѣйствій. Они принялись готовить слѣдующіе выборы съ тѣмъ, чтобы увеличить въ Законодательномъ корпусѣ число своихъ приверженцевъ.

Въ виду нарождавшихся затрудненій, исполнительной власти надо было сплотиться тѣснѣе. Мы ниже объяснимъ причины разлада, но предварительно бросимъ взглядъ на положеніе французскихъ армій и внѣшнія отношенія.

Втеченіи послѣднихъ шести мѣсяцевъ существованія Конвента Карно не состоялъ болѣе членомъ комитета общественнаго спасенія—и управленіе военной частью перебивало въ нѣсколькихъ рукахъ. Оно переходило отъ Дюбуа-Крансэ къ Обри, отъ Обри къ Понтекулану, отъ Понтекулана къ Ле-Турнеру (изъ Ла-Манша), и эта неустойчивость отразилась на всемъ: на администраціи, на дисциплинѣ, на нравственной энергіи и на успѣхахъ.

Въ Италіи, равно какъ и въ Германіи, двухъ единственныхъ странахъ, гдѣ продолжались еще военныя дѣйствія, французскія войска перешли снова въ оборонительное положеніе; что же касается до гражданской войны, то она возродилась и охватывала западную Францію.

Когда Карно былъ назначенъ членомъ Директоріи, военныя дѣла снова были поручены ему. Онъ значительно сократилъ численный составъ арміи, но привелъ ее однако въ такое состояніе, что она могла совершить важный походъ 1794 г. Одинъ изъ главнокомандующихъ подавалъ поводъ къ подозрѣніямъ, другой проявлялъ явную неспособность. Пишегрю былъ замѣненъ Моро, Шереръ—Бонапартомъ. Журданъ продолжалъ командовать арміею Сомбры и Мааса, а Гошъ—войсками, сосредоточенными въ Вапдефъ.

Планъ новаго похода былъ смѣль и грандіозенъ. Карно очертилъ его двумя словами въ знаменитомъ письмѣ:

«Донять императора, освободить Италію».

Исполненіе плана возложено было на три арміи. Какъ только юный и пылкій Бонапартъ былъ поставленъ во главѣ итальянской арміи, она совершила чудеса. Потерпѣвъ одно пораженіе за другимъ подъ Монтеноттомъ, Миллезимо и Дего, австрійцы и пьемонтцы разъединились; туринскій кабинетъ покинулъ коалицію, испросилъ перемирія съ канитуляціею главныхъ крѣпостей, а затѣмъ заключилъ миръ съ уступкой Ниццы и Савойи. Французская армія перешла черезъ По въ Піаченцѣ, черезъ Адду въ Лоди, овладѣла Кремоной и Миланомъ, переправилась черезъ Минчіо и осадила Мантую. Ломбардія была ею завоевана, австрійцы отброшены въ Тироль. Правители мелкихъ итальянскихъ государствъ поспѣшили начать мирные переговоры, и даже Неаполь въ испугѣ подписалъ перемиріе.

Вѣну обуялъ страхъ. Фельдмаршалъ Вурмзеръ съ корпусомъ

въ 30,000 ч., отдѣленнымъ отъ арміи принца Карла, двинулся противъ Бонапарта черезъ Тироль. Но ему не по силамъ былъ такой противникъ: сраженіе подъ Кастильоне было проиграно и послѣ нѣсколькихъ другихъ пораженій Вурмзеръ заперся въ Мантуѣ и кончилъ капитуляціей.

Австрійцы, увеличивъ свои силы въ Италіи, ослабили свою армію въ Германіи, и принцъ Карлъ былъ вынужденъ отступить передъ французами. Пользуясь однако ошибкой Журдана, отдѣлившагося отъ Моро, онъ нанесъ ему сильный ударъ. Моро, остановленный посреди побѣды, сохранилъ занятое положеніе искуснымъ и побѣдоноснымъ отступленіемъ, способствовавшимъ увеличенію его славы не менѣе, чѣмъ самыя блестящія его побѣды. Мелкіе нѣмецкіе государи поспѣшили одинъ вслѣдъ за другимъ отречься отъ коалиціи.

Одна Австрія продолжала упорную войну. Она двинула противъ Бонапарта новаго противника, фельдмаршала Альвинци, и была минута, когда въ Вѣнѣ могли надѣяться, что послѣдній отомститъ за своихъ предшественниковъ. Но армія его была уничтожена подъ Риволи. Это уже была третья погубленная армія. Австрійцы сосредоточили всѣ усилія лишь на защитѣ дорогъ черезъ Тироль, Каринтію и Крайну. Французы преслѣдовали ихъ по пятамъ, гнали съ позиціи на позицію, вплоть до Леобена, находящагося на разстояніи двадцати пяти миль отъ Вѣны. Тамъ побѣдитель подписалъ сначала перемиріе, а затѣмъ вступилъ и въ переговоры о мирѣ съ уполномоченными императора. Дѣйствительно, австрійцамъ пора было подумать о мирѣ: въ Вѣнѣ были уложены какъ архивы, такъ и всѣ коронныя драгоценности, и уже готовились къ бѣгству.

Бонапартъ произнесъ въ Леобенѣ знаменитыя слова. Австрійскіе уполномоченные написали въ первомъ параграфѣ договора, что ихъ государь признаетъ французскую республику. «Вычеркните это, — воскликнулъ генералъ: — республика подобна солнцу; тѣмъ хуже для того, кто не хочетъ его видѣть!»

Къ краткому обзору фактовъ мы должны присоединить одно важное замѣчаніе: борьба Франціи съ Европой носила характеръ полного безкорыстія; республика не помышляла объ увеличеніи своихъ владѣній. Оккупация иностранныхъ территорій французскими войсками оправдывалась необходимостью обороны, и ни

одна провинція не была присоединена иначе, какъ по формальному желанію самого населенія. Это была героическая борьба и по цѣли, и по чувствамъ! Республиканцы, терпѣвшіе нужду во всемъ, вступали въ самыя богатыя столицы, какъ напримѣръ въ Амстердамъ, не позволяя себѣ ни малѣйшихъ безпорядковъ. Моро поддерживалъ въ Рейнской арміи тотъ же духъ строгой дисциплины. Бонапартъ первый положилъ въ Италіи начало завоевательнымъ войнамъ. Онъ обѣщалъ солдатамъ достатокъ, *богатство* (слово это появилось тогда въ первый разъ въ прокламаціи къ войскамъ); привычки къ мародерству стали развиваться, а генералы начали загребать золото. Конечно въ прокламаціяхъ генерала Бонапарта говорилось о славѣ, но о той, которая ослѣпляетъ ложнымъ блескомъ, а не о той, которая дается путемъ распространенія свободы и цивилизаціи. Онъ деморализовалъ войну.

Но какъ-бы то ни было, побѣжденная Европа просила пощады. Папа велъ переговоры съ Франціей, ратификовалъ присоединеніе къ ея владѣніямъ графства Венесень, уступилъ легаціи и Романью. Мадридскій кабинетъ проявлялъ склонность вступить въ соглашеніе съ Директоріей для совмѣстной морской войны противъ Англіи. И даже лондонскій кабинетъ, удовлетворяя проявившимся въ Англіи миролюбивымъ стремленіямъ, прислалъ въ Парижъ уполномоченнаго для переговоровъ.

Во Франціи большинство членовъ законодательныхъ совѣтовъ было настроено миролюбиво, но въ Директоріи такое настроеніе раздѣлялось лишь меньшинствомъ. Карно и Ле-Турнѣру пришлось чуть не насильно вырвать у своихъ товарищей соглашеніе на договоры съ Неаполемъ и Сардиніей; имъ удалось также одержать верхъ въ переговорахъ, начатыхъ съ Австріей. Остальные члены исполнительной власти, которыхъ начинали называть *триумвирами*, выказывали по этому поводу большое раздраженіе.

Разногласіе, обнаружившееся въ это время между членами правительства, существовало впрочемъ уже давно; причина его коренилась въ противоположности характеровъ и въ революціонномъ прошломъ этихъ дѣятелей.

Барра былъ промотавшимся дворяниномъ и попалъ въ революціонный водоворотъ только вслѣдствіе своихъ дурныхъ страстей. Онъ сыгралъ въ качествѣ проконсула постыдную роль, отличался развратомъ и беззащитностью во всѣхъ отношеніяхъ.

Репутація Ревбея также не считалась безупречною. Онъ былъ скупъ, грубъ и придирчивъ. Но по крайней мѣрѣ онъ покупалъ это сильнымъ характеромъ и познаніями. Въ былое время дантонистъ, врагъ Робеспьера, онъ въ періодъ, о которомъ идетъ рѣчь, говорилъ, что Робеспьеръ, вводя систему террора, проявилъ слишкомъ мало энергіи.

Могли ли такіе люди сойтись съ Карно и Ле-Турнѳромъ, трезвыми дѣятелями и безупречными людьми?

Казалось, что пятый директоръ не могъ колебаться въ выборѣ между этими двумя группами. Ла-Ревелльеръ, одинъ изъ жирондистовъ, призванныхъ къ дѣламъ послѣ 9-го термидора, былъ простой, честный человѣкъ. Онъ дѣйствительно нѣкоторое время держался стороны Карно и Ле-Турнѳра, но затѣмъ несходство въ характерахъ заставило его примкнуть къ другой группѣ. Согласіе рѣдко сохраняется между людьми, облеченными коллегіальной властью, когда опасное положеніе государства не поглощаетъ ихъ вниманія, какъ это было въ комитетѣ общественнаго спасенія.

Наступило время выборовъ. Законодательное собраніе должно было ежегодно обновлять треть своего состава, и выбыть первыми пришлось именно прежнимъ членамъ Конвента. Роялисты начали самую дѣятельную агитацію, чтобы воспрепятствовать ихъ переизбранію и замѣнить монархистами. Ихъ кандидаты однако не могли разсчитывать на успѣхъ, еслибы они не замаскировали своихъ убѣжденій; и вотъ они выступили въ качествѣ умѣренныхъ республиканцевъ. Маневръ имъ удался. Онъ настолько усилилъ реакцію, что предсѣдательство въ совѣтѣ пятисотъ казалось обезпеченнымъ за генераломъ Пишегрю, въ совѣтѣ старѣйшихъ — за Барбе-Марбуа. Одинъ изъ пяти директоровъ долженъ былъ также выбыть. Жребій палъ на Ле-Турнѳра. Совѣты замѣстили его Бартеlemi, уполномоченнымъ, ведущимъ переговоры по базельскому миру и составившему себѣ этимъ извѣстность. Чиновникъ стараго режима, онъ возбуждалъ подозрѣніе своимъ прошлымъ и своими связями. Человѣкъ небойкаго ума и лишенный инициативы, Бартеlemi былъ плохимъ союзникомъ для Карно въ его разногласіяхъ съ триумвиратомъ.

Роялисты, ободренные успѣхомъ, усугубили рвеніе. Они прикрывались всевозможными личинами, выступали даже флан-

тропами, чтобы восторжествовать, и назвали свое общество *филантропическимъ институтомъ*. Это былъ очагъ интригъ, гдѣ вербовались люди съ шаткой совѣстью для предательства и солдаты для гражданской войны.

Вмѣсто того, чтобы противопоставить этимъ замысламъ разумную твердость, триумвиры дали волю раздраженію, отставивъ прекрасныхъ министровъ, виноватыхъ лишь въ томъ, что они нравились конституціоналистамъ, и замѣнивъ ихъ людьми, готовыми на все для совершенія государственнаго переворота. Повидимому планъ переворота уже въ то время созрѣлъ.

Карно съ меньшимъ неудовольствіемъ, чѣмъ они, отнесся къ усиленію реакціонеровъ на выборахъ V года. Онъ такъ же, какъ и его товарищи, твердо рѣшилъ противодействовать ихъ стремленіямъ, но расходился съ товарищами въ средствахъ. Къ тому же онъ считалъ опасенія нѣсколько преувеличенными. Вотъ что онъ говоритъ по этому поводу, рассказывая о событіяхъ того времени. «Въ Законодательномъ собраніи было дѣйствительно до 200 членовъ, враждебныхъ Директоріи, но не республикѣ; что-же касается до роялистскихъ вождей, то ихъ насчитывалось не болѣе пятнадцати». По его мнѣнію, настоящая политика Директоріи должна была заключаться въ хорошемъ управленіи Франціей для того, чтобы добиться на слѣдующихъ выборахъ республиканскаго большинства. *Можно было спасти конституцію при помощи ея самой*,—такъ думалъ онъ. Внѣшній миръ и внутреннее преуспѣяніе,—вотъ въ чемъ заключалась программа. Онъ отвергалъ всѣми силами ума и сердца мысль о государственномъ переворотѣ, убѣжденный въ томъ, что стоитъ только лицамъ, стоящимъ во главѣ правительства, показать примѣръ нарушенія законовъ, какъ республика сдѣлается жертвой первого попавшагося честолюбца, который въ свою очередь нарушитъ конституцію.

Триумвиры, не имѣя возможности добиться отъ Карно содѣйствія своимъ планамъ, рѣшили включить его въ списокъ приговоренныхъ къ изгнанію, путемъ котораго они замыслили отдѣлаться отъ противниковъ республики. Послѣдніе съ своей стороны старались приманить къ себѣ Карно. «Вы рисуете заманчивую картину,—сказалъ онъ конституціоналистамъ,—но на заднемъ ея планѣ я вижу роялистовъ». И когда его убѣждали

употребить свое вліяніе на армію для предупрежденія нападенія тріумвировъ и самому объявить послѣднихъ внѣ закона, то онъ отвѣтилъ: «Я скорѣе умру, чѣмъ допущу нарушеніе конституціи или оскорбленіе власти, установленной ею».

И такъ составлено было два заговора. Сторонники Директоріи подстрекали войска къ угрозамъ по адресу Законодательнаго собранія, а сторонники Законодательнаго собранія образовали въ комиссіи *инспекторовъ залъ* (по пяти членовъ на каждый совѣтъ), нѣчто вродѣ исполнительной власти. Оффиціальныя обязанности инспекторовъ соответствовали обязанностямъ квесторовъ въ современныхъ парламентскихъ собраніяхъ. Въ числѣ ихъ были генералы Пишегрю, Вильо и Рамель; послѣдній командовалъ войсками, охранявшими неприкосновенность народныхъ представителей.

Кризисъ казался неизбежнымъ. Но постоянное ожиданіе опасности наконецъ превратилось въ привычку и усыпило осторожность. Тріумвиры, принявъ преступное рѣшеніе, ожидали только истеченія трехмѣсячнаго срока предсѣдательства Карно.

Но имъ нужна была военная сила. Они обратились къ Клеберу, который имъ грубо отвѣтилъ на ихъ попытку склонить его на свою сторону: «Я буду стрѣлять въ вашихъ враговъ, если они нападутъ на васъ, но, наступая на нихъ грудью, я повернусь къ вамъ спиной». Гошъ внушалъ имъ опасенія своимъ строгимъ демократизмомъ, Моро—своею умѣренностью, Бонапартъ—своимъ честолюбіемъ. Послѣдній прислалъ имъ самаго подходящаго человѣка, Ожеро, настоящаго кондотьера, яраго республиканца, провозгласившаго во всеуслышаніе: «Я присланъ убивать роялистовъ». Его назначили комендантомъ Парижа.

Въ ночь съ 17-го на 18-е фрюктидора (4-го сентября 1797 г.) войска заняли залы засѣданій обоихъ Совѣтовъ, и депутаты, желавшіе проникнуть туда, натолкнулись на... штыки. Нѣсколько офицеровъ высшихъ чиновъ, имѣвшіе вліяніе на армію, были арестованы. Карно былъ обреченъ на ту же участь, но ему удалось бѣжать. Бартедеми оказался менѣе счастливымъ. Ожеро распорядился занять войсками главныя улицы Парижа. По стѣнамъ зданій были расклеены прокламаціи Директоріи объ открытіи обширнаго заговора въ пользу Людовика XVIII; въ нихъ же заключалась угроза смерти противъ всякаго, кто по-

пытался бы возстановить королевскую власть или конституцію 93 года. Солдаты, подстрекаемые начальствомъ и разгоряченные виномъ, всюду распространяли ужась.

Члены обоихъ совѣтовъ, за исключеніемъ понятно арестованныхъ, были приглашены собраться въ новыя помѣщенія: члены Совѣта старѣйшинъ—въ амфитеатръ *Ecole de Santé*, а Совѣта пятисотъ—въ залъ Одеона.

Тамъ ихъ заставили кассировать выборы 48 департаментовъ, объявить декретами эти департаменты неспособными и втеченіи шести мѣсяцевъ предоставить исполнительній власти право назначить въ этихъ департаментахъ всѣхъ должностныхъ лицъ, подлежащихъ избранію населенія. Ихъ заставили вотировать временную отмѣну свободы печати, предоставленіе Директоріи права объявлять общины въ осадномъ положеніи, закрывать политическія общества и отерочить организацію національной гвардіи. Ихъ заставили осудить на ссылку двухъ членовъ Директоріи: Бартеми и Карно, 53 членовъ Законодательнаго собранія, 42 издателей и редакторовъ газетъ и нѣкоторыхъ другихъ гражданъ. «Кровь не была пролита!»—лицемѣрно провозглашали виновники государственнаго переворота, какъ будто ссылка въ Кайенну не та же смертная казнь, только продолжительная.

Вотъ чѣмъ былъ день или, вѣрнѣе говоря, ночь 18-го фрюктидора V года.

Этимъ заключается конституціонный періодъ Директоріи, такъ какъ она собственноручно разорвала конституцію.

ГЛАВА X.

Отъ 18-го фрюктидора до 18-го брюмера.

Чтобы оцѣнить по достоинству подобный государственный переворотъ, забудемъ, съ какою цѣлью онъ былъ совершенъ; забудемъ, кто былъ побѣдителемъ и побѣжденнымъ, сбросимъ съ вѣсовъ правосудія тяжесть нашихъ убѣжденій и политическихъ страстей и скажемъ, не колеблясь, какъ скажетъ за нами исторія, что всякій, одобряющій 18-е фрюктидора, лишаетъ себя права порицать правительство, возстающія противъ учрежденій своей страны.

Однако Франція такъ опасалась возстановленія стараго режима, что рукоплескала удару, нанесенному контръ-революціонерамъ, не задумываясь надъ тѣмъ, какой цѣной и какими средствами куплена была побѣда. Но нравственное чувство подсказывало ей, что такія событія не заслуживаютъ увѣковѣченія, и предложеніе учредить праздникъ въ память 18-го фрюктидора было отвергнуто, хотя ему и старались придать значеніе праздника въ *честь умеренности*.

Законный порядокъ былъ уничтоженъ; этотъ *день* не оставлялъ другихъ средствъ къ дѣйствію, кромѣ произвола.

Произвольно были кассированы роялистскіе выборы V года; въ VI году также совершенно произвольно кассированы выборы революціонеровъ (государственный переворотъ Директоріи противъ Законодательнаго собранія отъ 22-го флореала). Въ VII году два члена Директоріи объявлены были неспособными къ правленію и смѣнены (государственный переворотъ Законодательнаго собранія противъ Директоріи отъ 30-го преріала). Такимъ образомъ подготавлилось 18-е брюмера, отмѣнившее

власть директоровъ точно также, какъ она была установлена. «Тогда показалось совершенно естественнымъ, что военный вождь принялъ мѣру, которую до него позволяли себѣ гражданскія власти», — говорить г-жа Сталь.

Побѣдители 18-го фрюктидора такъ ясно сознавали, что вступили на путь произвола, что подняли вопросъ объ отсрочкѣ дѣятельности Законодательнаго собранія до наступленія полного мира и о присвоеніи Директоріи своего рода временной диктатуры. Совѣты были доведены до полного подчиненія, и конституціонный режимъ фактически пріостановленъ болѣе чѣмъ на годъ.

Возстановленіе силы законовъ противъ эмигрантовъ и духовенства послужило сигналомъ къ кровавымъ казнямъ, даже въ самомъ Парижѣ. Законъ о заложникахъ наполнилъ тюрьмы заключенными. Этотъ законъ, направленный противъ шуановъ, обрушился всею тяжестью на лицъ, подозрѣваемыхъ въ сочувствіи къ нимъ. Что касается до предложенія изгнать всѣхъ дворянъ огуломъ, то оно не было принято лишь потому, что эта мѣра пала бы и на бывшихъ дворянъ: — Барра и Бонапарта, болѣе или менѣе непосредственныхъ виновниковъ успѣха заговора.

Чтобы поправить разстроенные финансы, была измышлена *мобилизація* государственнаго долга, т. е. двѣ трети его были погашены билетами, принимавшимися въ уплату за національныя имущества, и одна треть, что называется, *консолидирована* посредствомъ занесенія ея въ государственную долговую книгу. Политическая необходимость служить оправданіемъ этой мѣры, но она разорила массу гражданъ и надолго осталась непопулярной, заслуживъ имя банкротства.

Затѣмъ были увеличены налоги: дорожнымъ сборомъ, штемпельнымъ сборомъ съ періодическихъ изданій и новою пошлиною на привозный табакъ.

Кромѣ того была возобновлена лотерея, запрещенная Конвентомъ, «какъ затѣя, рассчитанная на то, чтобы зажать народу ротъ на счетъ его нищеты». Мы забыли упомянуть объ этомъ въ высшей степени нравственномъ распоряженіи Конвента при перечисленіи его благихъ мѣропріятій.

Тьеръ, изобразивъ Францію наканунѣ 18-го фрюктидора

умиротворенною внутри и торжествующею надъ внѣшними врагами, восклицаетъ: «Въ какую эпоху наше отечество представляло зрѣлище болѣе прекрасное и величественное? Бури революціи повидимому стихли, и лишь ропотъ партій раздавался, какъ послѣдній отголосокъ удалявшейся грозы. Эти остатки волненія считались даже проявленіемъ жизни свободнаго государства. Положеніе торговли и финансовъ начинало улучшаться послѣ ужаснаго кризиса; земля, возвращенная въ трудолюбивыя руки, обѣщала дать урожай. Правительство состояло изъ буржуа, равныхъ намъ, и правило республикой съ умѣренностью, а преемники ихъ должны были сдѣлаться еще лучшіе люди. Всѣ голоса были свободны. Франція, достигнувъ зенита могущества, занимала всю территорію отъ Рейна до Пиреней, отъ моря до Альповъ. Она была озарена блескомъ безсмертной славы. Но это длилось лишь мгновеніе. Въ жизни народовъ, какъ и въ индивидуальной жизни, все мимолетно». А г-жа Сталь такъ резюмируетъ свою мысль: «Первые двадцать мѣсяцевъ, послѣдовавшіе за учрежденіемъ Директоріи, были періодомъ замѣчательной административной дѣятельности. Но вторая половина ея управленія страною была такъ плачевна во всѣхъ отношеніяхъ, что подала поводъ винить самыя учрежденія. Безпристрастная исторія проведетъ рѣшительную черту между республикой до 18-го фрүктидора и республикой послѣ этого событія» («*Considérations sur la révolution française*»).

Дѣйствительно, вслѣдъ за этой эпохой исчезло все, что было пріобрѣтено. Въ южныхъ департаментахъ вспыхнули снова возстанія и появились банды шофѣровъ. Пришлось объявить осадное положеніе въ Ліонѣ, равно какъ и въ Монпелье, Беззе, Перигѣ, Лиможѣ и проч. Клубы были закрыты, газеты запрещены. Правительство сочло нужнымъ принять повсемѣстно чрезвычайныя мѣры предосторожности.

Не столько революціонная, сколько безпокойная политика едва не скомпрометировала внѣшняго мира, къ которому все уже готовилось. Однако миръ былъ подписанъ, но вслѣдъ затѣмъ Директорія приказала занять войсками Швейцарію подъ предлогомъ, что въ Бернскомъ и Фрейбургскомъ кантонахъ происходятъ приготовленія къ непріязненнымъ дѣйствіямъ. «Директорію прельщали бернскіе милліоны», — сказалъ Бонапартъ,

который самъ подстрекалъ къ нарушенію независимости Гельвеціи. Нѣсколько уже разъ Карно успѣшно противился этому беззастѣнчивому плану, противорѣчившему національной политикѣ Франціи.

Почти одновременно Директорія приказала занять Римъ, чтобы отомстить за убійство французскаго генерала Дюфо напскими драгунами. Тутъ репрессаліи по крайней мѣрѣ могли быть исполнѣ оправданы.

Нѣсколько мѣсяцевъ позднѣе въ Вѣнѣ, во время одного изъ патріотическихъ празднествъ, французскій посолъ, генераль Бернадотъ, водрузилъ на своемъ домѣ трехцвѣтное знамя. Населеніе сорвало флагъ и выбило стекла въ домѣ. Этотъ эпизодъ могъ опять вызвать затрудненія, и директоры не безъ удовольствія замѣтили, что имъ данъ поводъ къ нарушенію мира, заключеннаго противъ ихъ желанія. Тѣмъ не менѣе осторожность заставила ихъ замаять дѣло. Они утратили авторитетъ, который всякое правительство должно сохранять надъ военнымъ начальствомъ. Особенно независимо держалъ себя Бонапартъ. Блестящія побѣды его въ Италіи, а быть можетъ еще болѣе заключенный имъ миръ, къ которому относились не особенно критически, создали ему громадную популярность. Когда онъ прибылъ въ Парижъ съ договоромъ, подписаннымъ въ Кампо-Форміо, и по пути заѣзжалъ въ Раштадтъ, гдѣ велись мирные переговоры съ Германіей, ему устроены были восторженные оваціи. Директорія устроила ему въ Люксембургскомъ дворцѣ приемъ, обставленный небывалой торжественностью и театральной пышностью. Несмотря на все это, отношенія между нимъ и исполнительною властью остались весьма недружелюбными. Повидимому онъ уже въ это время все подготовилъ для ея низверженія, но когда наступилъ моментъ дѣйствовать, онъ сказалъ своимъ друзьямъ: «Плодъ еще не созрѣлъ». Бонапартъ чувствовалъ, что ему надо еще вырасти въ общественномъ мнѣніи, прежде чѣмъ приступить къ исполненію своихъ честолюбивыхъ плановъ. Въ тотъ самый день, когда былъ обнародованъ въ Парижѣ кампо-формійскій договоръ, Бонапартъ получилъ титулъ главнокомандующаго *англійской арміи* и съ удовольствіемъ принялъ выдвигавшій его титулъ. Но, обсудивъ всѣ шансы для успѣшнаго десанта по ту сторону Ламанша и въ особенности всѣ условія

серьезной оккупации, онъ рѣшилъ, что это *слишкомъ рискованная игра*.

Его болѣе соблазняла мысль о другомъ предпріятіи, уже ранѣе занимавшая его, а именно мысль о нанесеніи удара англійскому могуществу въ Индіи посредствомъ нападенія на Египетъ. Нѣкогда португалець Альбукеркъ предлагалъ отвести Ниль и превратить эту страну въ пустыню, что обезпечило-бы за Португалією сохраненіе пути вокругъ Мыса Доброй Надежды. Наоборотъ, Лейбницъ предлагалъ Людовику XIV, а герцогъ Шуазель — Людовику XV планъ колонизаціи Египта съ цѣлью сдѣлать его складочнымъ мѣстомъ для торговли Франціи съ Индіей. Эти проекты, отмѣченные печатью національнаго эгоизма, чуждаго нашему вѣку, нравились Бонапарту своей смѣлостью, и онъ полагалъ, что они могутъ разжечь воображеніе народовъ: «Только на Востокъ можно пріобрѣсти громкое имя», — говорилъ онъ.

Съ другой стороны Директорія была не прочь удалить безпокойнаго человѣка, около котораго уже группировалась толпа честолюбцевъ болѣе мелкаго калибра.

Такимъ образомъ личные расчеты вовлекли Францію въ фантастическое предпріятіе въ такой моментъ, когда могла явиться необходимость во всѣхъ денежныхъ и военныхъ ея средствахъ, такъ какъ ей угрожала новая европейская коалиція.

Бонапартъ былъ уполномоченъ взять съ собой столько войска, сколько ему заблагоразсудится, и распоряжаться имъ, какъ ему будетъ угодно. Онъ окружилъ себя цвѣтомъ генералитета, каковы были: Клеберъ, Дессэ, Кафарель, Ланнъ, Андреоли, а также пригласилъ сопровождать экспедицію цѣлую фалангу знаменитыхъ ученыхъ: Монжа, Бертолета, Фурье, Жоффруа-Сентъ-Илера и другихъ. Изслѣдованія перечисленныхъ ученыхъ составляютъ единственно полезный результатъ этой экспедиціи.

Флотъ вышелъ изъ Тулона 19-го мая 1798 года. Тайна такъ строго соблюдалась, что англичане продолжали думать, будто замышляется десантъ на ихъ берегъ, и внимательно сторожили Гибралтарскій проливъ. По пути французскія войска взяли остр. Мальту, который его рыцари не пытались даже защищать; затѣмъ состоялась высадка въ Александрію. Небольшая флотилія отправилась вверхъ по теченію Нила, между тѣмъ какъ

главныя силы двинулись на Каиръ. Онѣ овладѣли столицей Египта послѣ сраженія при Пирамидахъ, прославленнаго извѣстнымъ воззваніемъ Наполеона: «Съ высоты этихъ памятниковъ на васъ взирають *сорокъ вѣковъ*». Противники французовъ, мамелюки, потеряли въ этомъ сраженіи 2,000 ч., между тѣмъ какъ съ французской стороны выбыло изъ строя всего 150 ч. Но нѣсколько дней спустя, когда Бонапартъ удалился, преслѣдуя мамелюковъ, англійскій адмиралъ Нельсонъ неожиданно напалъ на французскій флотъ и уничтожилъ его на Абукирскомъ рейдѣ.

Мамелюки (милиція, набиравшаяся изъ азійскихъ рабовъ) въ прежнее время властвовали въ Египтѣ, и теперь они продолжали господствовать надъ нимъ, такъ какъ султанъ правилъ страною только номинально. Населеніе страдало отъ ихъ произвола и поборовъ, но оно не способно было уяснить себѣ манифестовъ, въ которыхъ новый завоеватель призывалъ ихъ къ независимости, хотя онъ и старался подражать восточному слогу, приписывалъ себѣ божественную миссію, хвастался, что уничтожилъ папу и мальтійскихъ рыцарей, чтобы избавить отъ нихъ исламъ.

Противъ него вспыхнули возстанія. Въ Каирѣ возстаніе подготавлилось въ глубокой тайнѣ, доказывающей, какъ мало туземцы были расположены къ французамъ. Но развѣ можно было рассчитывать на ихъ расположеніе? Столкнулись вѣдь двѣ совершенно чуждыя другъ другу цивилизаціи.

Турція объявила войну Франціи и выставила противъ нея двѣ арміи: одну въ Родосѣ, другую въ Сиріи. Бонапартъ пошелъ на встрѣчу послѣдней. Прибывъ въ Яффу, онъ засталъ тамъ чуму, а въ Сентъ-Жанъ-д'Акрѣ, выражаясь его собственными словами, онъ натолкнулся на *песчинку, разрушившую всю его замысли*.

Этотъ жалкій городокъ, укрѣпленный французскимъ эмигрантомъ, бывшимъ инженернымъ офицеромъ, защищаемый однимъ пашей подъ прикрытіемъ флота англійскаго адмирала Сидней Смита, выдержалъ четырнадцать приступовъ и заставилъ осаждавшихъ совершить трудное отступленіе чрезъ пустыню. Но, по возвращеніи въ Египетъ, счастье снова улыбнулось Бонапарту: турки высадили вторую армію на Абукирскій полуостровъ, и здѣсь онъ одержалъ надъ ней рѣшительную побѣду.

Уже десять мѣсяцевъ, какъ всѣ сношенія между арміей, находившейся въ Египтѣ, и Франціей были прерваны. Наконецъ Бонапартъ получилъ пачку газетъ и письма отъ братьевъ.

Что произошло въ эти десять мѣсяцевъ? Правительство Директоріи прозябало; начались снова раздоры между исполнительной и законодательной властями при полномъ равнодушіи общественнаго мнѣнія. Вражда партій не ослабѣла, но у нихъ хватало энергіи только на интриги. Франція теряла бодрость; она скучала.

Заграницей продолжались военныя дѣйствія, но вялыя, немѣлыя и даже безцѣльныя, такъ какъ національная независимость, благодаря предшествовавшему правительству, была обезпечена. Англія сплотила однако снова всѣхъ прежнихъ враговъ Франціи, и положеніе послѣдней въ Италіи, Голландіи, Бельгіи и на Рейнѣ было скомпрометировано; ей даже грозило нашествіе. Раштадтская конференція вмѣсто мирной развязки окончилась убійствомъ французскихъ уполномоченныхъ. Презрѣніе и ненависть замѣнили прежнее уваженіе и симпатію къ Франціи. Вотъ что узналъ Бонапартъ изъ газетъ. Руководимый честолюбіемъ, онъ угадалъ, что страна, такъ низко павшая, съ восторгомъ приметъ спасителя, обещающаго возстановленіе порядка. «Я нашелъ корону Франціи на полу и поднялъ ее»,—говорилъ онъ въ свое оправданіе.

Плодъ созрѣлъ на этотъ разъ, и всѣ помыслы Бонапарта обратились на то, чтобы его сорвать. Не задумываясь надъ тѣмъ, что онъ оставлялъ людей, увлеченныхъ имъ въ Египетъ на произволъ судьбы, Бонапартъ покинулъ свою армію, чтобы попытать личное свое счастье. Онъ переплылъ Средиземное море, покрытое англійскими судами, благополучно миновавъ ихъ, и высадился въ Санъ-Рафаэлъ, близъ Фрежюса 17-го вандемьера VIII года (9-го октября 1799 года). Нарушая санитарныя правила, онъ черезъ пять дней былъ уже въ Парижѣ.

Ничто не измѣнилось тамъ со времени послѣднихъ полученныхъ имъ извѣстій; только военное положеніе улучшилось, благодаря стараніямъ военнаго министра Бернадота, побѣдамъ Брюна на сѣверѣ, Массены подъ Цюрихомъ и Шампійоннэ въ Италіи.

Политическіе дѣятели, желая разрубить Гордіевъ узелъ, который они не могли распутать, обращались къ Бернадоту и

Жуберу, но встрѣтили съ ихъ стороны колебаніе или отказъ, внушенный честностью. Ничего подобнаго имъ не приходилось опасаться со стороны Бонапарта.

Принятый Директоріей въ торжественной аудіенціи, Бонапартъ, держась за эфесъ шпаги, поклялся извлечь ее изъ ноженъ лишь *на защиту республики и ея правительства*. Затѣмъ, не смущаясь ложью и почти не давая себѣ труда скрывать своихъ намѣреній, онъ принялся искать сотрудниковъ и сообщниковъ. Нашелъ онъ и тѣхъ, и другихъ: честныхъ людей онъ обошелъ, слабыхъ — соблазнилъ, безчестныхъ — подкупилъ. Что касается трусовъ, то онъ ихъ запугалъ призракомъ обширнаго якобинскаго заговора; въ то же время якобинцамъ онъ обѣщалъ окончательно уничтожить роялистовъ. Между членами Директоріи двое были люди благонамѣренные, именно Гойе и Муленъ; ихъ обманули. Барра слишкомъ низко палъ въ общественномъ мнѣніи, чтобы его стоило бояться или приманивать. Но Сіэсъ сохранялъ традиціонное вліяніе, и Бонапартъ не пренебрегъ имъ: личный интересъ соединилъ эти двѣ взаимно отталкивавшіяся натуры. Моро превратился въ слѣпого союзника диктатора, послѣ того какъ самъ отказался отъ такой роли, а Мюратъ, Мармонъ и Бертье сдѣлались въ его рукахъ слѣпыми орудіями.

Къ утру 18-го брюмера (9-го ноября 1799 г.) все было готово.

Совѣтъ старѣйшинъ, воспользовавшись правомъ, даннымъ ему конституціей, перенесъ въ Сень-Клу резиденцію законодательнаго собранія и, превышая свои полномочія, назначилъ главнаго начальника надъ всѣми вооруженными силами. Но Бонапартъ, не дожидаясь этого титула, созвалъ еще наканунѣ генераловъ, въ соучастіи которыхъ былъ увѣренъ, и во главѣ ихъ отправился въ Тюльери. Введенный въ Совѣтъ старѣйшинъ, онъ присягнулъ конституціи, которую готовился разорвать. «Мы хотимъ, — сказалъ онъ, — республики, основанной на истинной свободѣ, на свободѣ гражданской, на національномъ представительствѣ.. И мы будемъ ее имѣть, — клянусь въ этомъ».

Трое директоровъ: Сіэсъ, Роже-Дюко и Барра, сообщники въ мятежѣ, подали въ отставку. Двое остальныхъ, Муленъ и Гойе, отказались сложить съ себя свое званіе. Ихъ держали арестованными въ Люксембургскомъ дворцѣ.

На слѣдующій день Совѣтъ пятисотъ, съ неудовольствіемъ повинуваясь декрету о перемѣщеніи, собрался въ оранжерею Сенъ-Клу. Большинство членовъ Совѣта были республиканцы по своимъ убѣжденіямъ; они съ энтузіазмомъ поклялись въ вѣрности конституціи. Ихъ твердость повліяла даже на Совѣтъ старѣйшинъ, засѣдавшій въ одной изъ дворцовыхъ залъ. Когда Бонапартъ вошелъ къ нимъ, громко сказавъ своимъ спутникамъ: *«Я сейчасъ съ ними покончу»*, то строгій видъ Собранія его смутилъ. Онъ заговорилъ, путаясь въ словахъ; но прервавшій его возгласъ одного изъ депутатовъ: *«А конституція!»*—возвратилъ ему краснорѣчіе. *«Конституція! Къ лицу ли вамъ ссылаться на нее? Вы нарушили ее 18-го фрюктидора, нарушили 22-го флореала, нарушили 30-го преріала. Конституція! Ею прикрывались всѣ партіи и всѣ онѣ нарушали ее. Она не можетъ болѣе служить намъ средствомъ спасенія, потому что она уже никому не внушаетъ уваженія»*. Онъ говорилъ правду, но это не могло служить ему оправданіемъ, такъ какъ онъ самъ если не былъ сообщникомъ 18-го фрюктидора, то несомнѣнно одобрилъ его. Слова Бонапарта служили приговоромъ надъ тѣми, кто подалъ ему первый примѣръ.

Въ Совѣтѣ пятисотъ разыгралась болѣе бурная сцена. Когда мятежный генераль вступилъ въ залу засѣданія въ сопровожденіи вооруженныхъ гренадеровъ, Бигоннэ крикнулъ ему: *«Что вы дѣлаете, дерзновенный? Вы оскверняете святилище закона!»* Хоръ членовъ подхватилъ: *«Внѣ закона, диктаторъ!»* Бонапарту сдѣлалось дурно, его поддержалъ одинъ изъ депутатовъ, который и передалъ его солдатамъ. Еслибы декретъ объявленія Бонапарта внѣ закона былъ немедленно постановленъ, то быть можетъ онъ произвелъ бы такое же дѣйствіе, какъ и 9-го термидора, не смотря на всеобщее пониженіе уровня гражданскихъ чувствъ. Люсіенъ Бонапартъ, занимавшій кресло предсѣдателя Собранія, понялъ это. Онъ всталъ, вышелъ, крича въ негодованіи, что его брата хотятъ убить, вскочилъ на лошадь и обратился съ рѣчью къ солдатамъ, уговаривая ихъ освободить Собраніе отъ кучки убійцъ, поработившихъ большинство.

«Что касается до меня,—сказалъ онъ:—то клянусь, что поражу въ самое сердце своего собственнаго брата, если онъ занесетъ руку на свободу французовъ!»

Однако не безъ труда удалось склонить войска къ насилію противъ національнаго представительства. Наконецъ солдаты подъ предводительствомъ Мюрата вторглись въ палату и прогнали депутатовъ, заглушая барабаннымъ боемъ ихъ протесты.

Въ тотъ-же вечеръ Люсіентъ Бонапартъ собралъ въ оранжереѣ 30 членовъ Совѣта пятисотъ, которые признали себя за большинство и постановили исключеніе 57 депутатовъ и отсрочку засѣданій Законодательнаго собранія на два мѣсяца (до 1-го нивоза). Двумъ комиссіямъ, избраннымъ изъ среды членовъ обоихъ Совѣтовъ, порученъ былъ пересмотръ конституціи, а на временное консульство возложено было управлять Франціею. Консульство состояло изъ Бонапарта, Сіэса и Роже-Дюко. Послѣ перваго засѣданія Сіэсъ сказалъ: «Мы нашли себѣ господина».

КОНСУЛЬСТВО.

ГЛАВА XI.

Предисловіе къ Имперіи.

Тьеръ, говоря о 18-мъ брюмерѣ, замѣтилъ гдѣ-то, что по способу, какъ человѣкъ овладѣваетъ властью, можно судить, какъ онъ ею будетъ пользоваться.

Грубая узурпація Бонапарта не могла внушить большихъ надеждъ приверженцамъ свободы; тѣмъ не менѣе нѣкоторые изъ лицъ, имена которыхъ принадлежатъ къ числу самыхъ почтенныхъ: Грегуаръ и Лафайетъ, Кабанисъ и Вольней, Андrie и Дюсисъ, рукоплескали паденію Директоріи. Дѣло въ томъ, что это пошлое правительство опротивѣло всѣмъ, а главное ему ставили въ вину, что оно овладѣло властью при помощи средствъ, болѣе недостойныхъ, чѣмъ консульство. Бонапартъ былъ только честолюбивый генералъ, возставшій противъ законной власти; Барра же съ его же сообщниками, поправъ законы, ввѣренные ихъ честности, совершили гнусное злоупотребленіе довѣріемъ націи.

Вдобавокъ первоначальныя мѣропріятія консульства имѣли примирительный характеръ: оно возвратило ссыльныхъ, освободило изъ тюремъ политическихъ преступниковъ, отмѣнило законъ о заложникахъ и декретъ о принудительномъ займѣ и привело въ порядокъ финансы. Оно имѣло настолько такта, что уничтожило всѣ публичныя празднества, поддерживавшія рознь между партіями, и постановило, что впредь будутъ праздноваться только годовщины разрушенія Бастиліи и основанія республики.

Что касается до политической организаціи, то вмѣсто прошлыхъ поправокъ, которыя были возложены на двѣ законодательныя комиссіи, она, по соглашенію съ консулами, подвергъ

нута коренному пересмотру. Новая хартія: *Конституція VIII года* вышла изъ-подъ пера Сіэса и Бонапарта. Изъ симметрическихъ теорій перваго Бонапартъ выбралъ все, чтò содѣйствовало установленію неограниченной власти, и заставилъ конституцію вручить эту власть лично себѣ, подъ именемъ *перваго консула*, на десятилѣтній срокъ. Затѣмъ, по его желанію, ему были даны въ товарищѣ: второй консулъ Камбасересъ и третій Лебрёнъ, однако только съ совѣщательными голосами. Это были послушныя и испытанныя орудія, способствовавшія замаскированію новаго единоличнаго учрежденія, мнимое раздѣленіе власти. Сіэса устранили, щедро наградивъ его богатствомъ.

Министры работали каждый въ отдѣльности съ консулами, не составляя кабинета, сплоченнаго солидарной дѣятельностью.

Исполнительной власти принадлежала безраздѣльно законодательная инициатива. Трибунатъ, состоявшій изъ 100 членовъ, обсуждалъ законопроекты, не вотируя ихъ. Законодательный корпусъ, составленный изъ 300 членовъ, вотивовалъ законы, не обсуждая ихъ, выслушавъ только предварительно государственныхъ совѣтниковъ, служившихъ органами правительства. Этотъ странный правительственный механизмъ былъ придуманъ Сіэсомъ.

На сенатъ возложены были двоякаго рода обязанности: обсужденіе вопросовъ конституціонныхъ и выборъ изъ такъ называемаго *національнаго* списка членовъ трибуната и законодательнаго корпуса, кассационныхъ судей, комиссаровъ по счетоводству, и даже самихъ консуловъ (за исключеніемъ Бонапарта и его товарищей, которые, какъ мы видѣли, уже раньше упрочили свое положеніе законодательнымъ путемъ).

Національный списокъ, почти единственный остатокъ народныхъ правъ, составлялся на основаніи тройнаго голосованія. Жители каждаго общиннаго округа избирали изъ десяти своихъ членовъ по одному для составленія первоначальнаго «*списка довѣренныхъ лицъ*», называвшагося *общиннымъ спискомъ*; эти выборные избирали по одному изъ десяти своихъ членовъ для *департаментскаго списка*; а послѣдніе избирали опять по одному изъ десяти для *національнаго списка*. Каждый изъ этихъ трехъ списковъ долженъ былъ служить спеціальнымъ разсудникомъ для пополненія нѣкоторыхъ должностей. Послѣдній

заклучалъ въ себѣ пять или шесть тысячъ именъ, изъ числа которыхъ и избирались высшія должностныя лица. Въ этой избирательной пирамидѣ нетрудно разглядѣть черты творчества Сіэса.

Понятно, что во главѣ подобной конституціи декларація права человѣка и гражданина была бы неумѣстна. И она дѣйствительно была опущена.

Все клонилось болѣе или менѣе къ установленію единоличной власти. Однако государственные расходы сохраняли въ періодъ консульства скромные республиканскіе размѣры. Въ 1801 году расходы простирались всего до 550 милліоновъ. Послѣ двухлѣтняго существованія Имперіи, въ 1806 году, они достигли почти милліарда, а въ 1811 году превысили милліардъ на 200 тысячъ франковъ. Въ административной и юридической организаціи произошли измѣненія, согласныя съ видами главы государства. Конвентъ въ конституціи III года подчинилъ муниципалитеты опекаѣ кантональнаго совѣта, представлявшаго коллективную администрацію, избранную самими гражданами. Бонапартъ, копируя систему интендантовъ стараго порядка, создалъ префектовъ—«цѣлую сѣть первыхъ консуловъ», какъ шутилъ онъ. Всѣ провинціальныя чиновники, органы сильной центральной власти, назначались по его выбору или по выбору его товарищей. Словомъ, іерархія диктатуръ была установлена полная.

Судебное вѣдомство подверглось аналогичному измѣненію. Избирательный принципъ, на которомъ Учредительное собраніе хотѣло основать независимость судей, былъ замѣненъ іерархическимъ принципомъ съ предоставленіемъ всѣхъ назначеній и повышеній исполнительной власти.

Но главнымъ образомъ Бонапартъ рассчитывалъ для достиженія своихъ цѣлей на военный престижъ. «Побѣда дастъ мнѣ возможность сдѣлать все, что я захочу»,—говорилъ онъ своему брату Іосифу.

Достигнувъ власти, новый глава государства очень тактично проявилъ поспѣшную готовность добиться мира съ другими государствами. Умѣренность его могла только вызвать похвалы, а въ случаѣ, если попытка оказалась бы неудачной, можно было предвидѣть, что нація не будетъ скупиться на расходы для войны, предпринятой во имя справедливости и національнаго достоинства.

Такъ и случилось. Англія и Австрія доставили ему желанный

предлогъ, и онъ могъ обнародовать слѣдующую прокламацію: «Первый консулъ общалъ миръ; онъ отправится во главѣ своихъ воиновъ завоевать его; онъ клянется, что будетъ сражаться только за благополучіе Франціи и спокойствіе міра».

Всѣ молодые люди, достигшіе двадцатилѣтняго возраста, были призваны къ знаменамъ, и было объявлено, что тотъ департаментъ, который внесетъ авансомъ наиболѣе крупную часть причитающихся съ него податей, дастъ свое имя одной изъ площадей Парижа. Эта честь выпала на долю Вогезскаго департамента.

«Да возвратится первый консулъ республики побѣдителемъ и миротворцемъ!» — такъ напутствовалъ его трибунатъ, а вслѣдъ за нимъ и Законодательный корпусъ.

Первый консулъ выѣхалъ изъ Парижа 6-го мая 1800 г. подъ предлогомъ, что намѣренъ произвести смотръ резервнымъ войскамъ въ Дижонѣ, а оттуда быстро уѣхалъ въ Женеву и Лозанну. Походъ былъ блестящій, ослѣпительный, но отмѣченъ театральностью, рассчитанною на то, чтобы поразить во что бы то ни стало народное воображеніе.

Переходъ черезъ Сенъ-Бернаръ былъ совершенъ благополучно и оправдалъ смѣлость предпріятія, но вслѣдъ за этой удачей все дѣло чуть не рушилось вслѣдствіе неожиданнаго сопротивленія небольшого форта, командующаго надъ тѣснымъ ущельемъ при выходѣ изъ Аостской долины.

Армія спустилась въ равнины Италіи; ее догнали другія арміи, перешедшія Альпы черезъ Сенъ-Готардъ, Малый Сенъ-Бернаръ и Монъ-Сени. Судьба Европы рѣшалась близъ маленькаго пьемонтскаго селенія Маренго. Счастье колебалось втеченіи цѣлаго дня. Австрійскій главнокомандующій послалъ своему правительству даже рапортъ о побѣдѣ, когда внезапно положеніе французъ измѣнилось, благодаря вмѣшательству Дессэ (сраженнаго пулей въ моментъ побѣды) и бѣшеной атакѣ драгунъ Келермана. Побѣда, одержанная подъ Маренго (4-го іюня 1800 г.), была полная.

На слѣдующій же день было заключено перемиріе съ австрійцами и Бонапартъ писалъ: «Надѣюсь, что французскій народъ останется доволенъ своей арміей». Но о мирѣ не было сказано ни слова.

Трибунатъ отвѣчалъ ему словами, которыя должны были слу-

жить выраженіемъ желаній народа: «Дай Богъ, чтобы маренгское перемиріе было вступленіемъ къ спокойствію и благоденствію Франціи!»

Рейнская армія соперничала въ славѣ съ итальянской, и побѣды ея быстро слѣдовали одна за другою.

«Друзья мои, мы завоевали миръ!» сказалъ Моро своимъ помощникамъ послѣ славнаго гогенлинденскаго дѣла (3-го декабря 1800 г.).

Дѣйствительно, черезъ нѣсколько мѣсяцевъ миръ былъ подписанъ въ Люневиллѣ (9-го февраля 1801 г.). Бельгія и лѣвый берегъ Рейна отошли къ Франціи. Одна Англія продолжала войну еще цѣлый годъ до заключенія Амьенскаго договора, о которомъ мы скажемъ ниже.

Переписка между первымъ консуломъ и трибунатомъ показываетъ, что оффиціальный слогъ сохранилъ республиканскую окраску. Въ то время еще не отвыкли прославлять революцію. Годовщина основанія республики была отпразднована съ большимъ блескомъ 1-го вандемьера IX года. Это празднество не отмѣнялось даже и позднѣе, когда оно не могло имѣть уже никакого значенія и превратилось въ комедію. 1-го вандемьера X года состоялось по его поводу открытіе выставки промышленности на Луврскомъ дворѣ. 1-го вандемьера XI года годовщину отпраздновали открытіемъ бассейна Уркскаго канала.

Эти внѣшнія демонстраціи въ честь революціи нисколько не помѣшали возстановленію единоличной власти, предпринятому Бонапартомъ. Онъ кромѣ того стремился ускорить его усиленіемъ вліянія духовенства.

Мысль о сближеніи съ Римомъ путемъ конкордата давно занимала его. Послѣ сраженія подъ Маренго, онъ присутствовалъ въ Миланскомъ соборѣ на молебствіи въ честь французской арміи. По возвращеніи во Францію онъ распорядился отслужить въ соборѣ парижской Богоматери торжественную обѣдню, чтобы возблагодарить Бога за одержанныя побѣды. Эти заискиванія у католическаго духовенства странно противорѣчили его прежнимъ рѣчамъ, обращеннымъ къ египетскимъ мусульманамъ. Дѣло въ томъ, что въ его глазахъ религія была не болѣе какъ политическимъ орудіемъ. «Съ моими префектами, моими жандармами и моими священниками я сдѣлаю все, чего пожелаю»,—сказалъ онъ од-

нажды въ полномъ собраніи членовъ государственнаго совѣта; а кардиналу Консальви, папскому представителю, онъ пригрозилъ: «Берегитесь! Я сдѣлаюсь протестантомъ, а за мной и вся Франція перейдетъ въ протестантство».

Впрочемъ если Бонапартъ покровительствовалъ ультрамонтанамъ изъ политическаго разсчета, то въ свою очередь духовенство изъ тѣхъ же побужденій дало ему эпитетъ: «возстановителя алтарей».

Алтари были возстановлены, какъ мы это знаемъ, задолго до конкордата, благодаря конституціонному духовенству, остававшемуся на своемъ посту въ продолженіи всей революціонной бури.

Бонапартъ возвратилъ церкви ея положеніе въ государствѣ, а въ послѣдствіи и ея вліяніе. Вотъ за что она ему благодарна, но вѣдь онъ могъ упрочить окончательно взаимную независимость церкви и государства, провозглашенную въ принципъ революціей и уже примѣнявшуюся на практикѣ во время Директоріи.

Союзъ былъ выгоденъ для обѣихъ сторонъ. Если духовенство пріобрѣло почетное положеніе и матеріальныя выгоды, то правительство съ своей стороны подчинило себѣ духовенство присягой несравненно болѣе строгой, чѣмъ какую налагала на него пресловутая *гражданская конституція*. На этомъ основаніи ораторъ государственнаго совѣта Порталисъ могъ безъ колебаній заявить, что духовныя дѣла по преимуществу принадлежатъ вѣдѣнію «вышей полиціи». Новый конкордатъ, въ видахъ болѣе вѣрнаго подчиненія духовенству, лишилъ гражданъ права избранія себѣ священнослужителей, принадлежащаго имъ въ силу демократическихъ принциповъ 1790 г. Назначеніе священниковъ было предоставлено первому консулу, а каноническое ихъ утвержденіе присвоено папѣ.

Конкордатъ былъ однимъ изъ самыхъ ретроградныхъ мѣропріятій консульства. Самъ Бонапартъ совершенно ясно сознавалъ это: «Теперь французская революція окончена», сказалъ онъ, вернувшись изъ собора парижской Богоматери.

Всѣ, оставшіеся вѣрными принципамъ революціи, встрѣтили конкордатъ холодно. Неудовольствіе выразилось, хотя и очень робко, даже и въ оффиціальномъ мірѣ. Какъ бы желая выразить неодобреніе, Законодательный корпусъ во время переговоровъ выбралъ своимъ предсѣдателемъ извѣстнаго своимъ свободомы-

сліемъ Дююи, автора «Происхожденія всѣхъ религій» («Origine de tous les cultes»), а ораторомъ—конституціоннаго епископа, знаменитаго Грегуара. Впослѣдствіи даже сенатъ избралъ Грегуара своимъ членомъ, къ великому неудовольствію перваго консула.

Что касается духовенства, то лишь только оно замѣтило стремленіе Бонапарта опереться на него, какъ поспѣшило покинуть старую династію и примкнуть къ той, которая повидимому уже нарождалась. Подъ его вліяніемъ многіе вожди вандейскаго возстанія сложили оружіе, покорились новому правительству и сдѣлались болѣе или менѣе вѣрными его слугами, въ томъ числѣ Бурмонъ и аббатъ Бернье, вознагражденные: одинъ — зачисленіемъ въ армію, другой — саномъ епископа Орлеанскаго. Были однако и такіе, которые не отреклись отъ своихъ политическихъ убѣжденій; но ихъ подвергли безпощаднымъ преслѣдованіямъ. Они были разстрѣляны, какъ графъ Фроте, или вынуждены были бѣжать изъ Франціи, какъ Жоржъ Кадудаль, который впрочемъ вскорѣ вернулся для составленія новаго заговора.

Многихъ роялистовъ привлекло въ Сентъ-Клу зрѣлище двора, старавшагося подражать нравамъ и обычаямъ Берсаля и создававшаго придворныя должности камергеровъ и статсъ-дамъ. Что же касается до людей, наивно вѣрившихъ, что Бонапартъ удовлетворится ролью Монка, то имъ скоро пришлось разочароваться. Его честолобіе проявлялось все сильнѣе; онъ шелъ твердо къ цѣли, не стѣсняясь никакими укорами совѣсти и сокрушая все, что преграждало ему путь. Различныя партіи составляли заговоры противъ него. Прежде всего вспыхнулъ заговоръ республиканцевъ. Арена, Цераки, Топино Лебрень, Демервилль, обвиненные въ покушеніи на жизнь перваго консула, были заключены въ тюрьму. Они ждали суда, когда Бонапартъ избѣгъ другой опасности: адская машина была взорвана подъ его каретою. На этотъ разъ покушеніе было дѣломъ рукъ роялистовъ. Но случай показался удобнымъ, чтобы отдѣлаться отъ республиканцевъ, считавшихся болѣе опасными. Былъ составленъ списокъ ста тридцати лицъ, подлежащихъ изгнанію и выбранныхъ изъ числа бывшихъ монтаньяровъ, противъ которыхъ невозможно было подыскать никакой вины, кромѣ ихъ убѣжденій. «Никто изъ нихъ не схваченъ съ кинжаломъ въ рукахъ,—сказалъ начальникъ полиціи:—по всѣ они извѣстны за людей, способныхъ отточить его». Сенатъ объ-

явилъ, что предложенная мѣра «*спасительна для конституціи*». Это былъ первый *senatus-consulte*. Терминъ былъ новый, и для его обновленія былъ выбранъ не особенно удачный поводъ.

Арена и его сообщниковъ наскоро осудили и казнили. Черезъ два мѣсяца участники въ дѣлѣ объ адской машинѣ взошли въ свою очередь на эшафотъ. Какъ и всегда, эти преступныя покушенія вызвали горячее сочувствіе къ человѣку, противъ котораго они были направлены. Онъ воспользовался этимъ, чтобы приблизиться еще на шагъ къ своей цѣли.

Консульство—преддверіе къ имперіи. Идеалы Бонапарта были все въ прошломъ. Онъ хотѣлъ отстроить въ свою пользу камень за камнемъ монархію, окруженную феодальными учрежденіями. Но, какъ человѣкъ ловкій, онъ понималъ, что надо дѣйствовать съ тактомъ и дѣлать уступки духу времени.

Справедливо указываютъ на гражданскій кодексъ, какъ на капитальное дѣло этой эпохи: онъ закрѣпилъ многія изъ пріобрѣтеній, сдѣланныхъ революціей; представляя прогрессъ сравнительно со всеми европейскими законодательствами, онъ въ послѣдствіи наложилъ на нихъ свою печать. Бонапартъ проявилъ большое пониманіе при его обсужденіи и съ большою настойчивостью заставилъ довести до конца эту работу, столько разъ предпринимавшуюся и откладывавшуюся законодательными собраніями. Все это дѣлаетъ ему честь. Во многихъ отношеніяхъ однако кодексъ, подготовленный Конвентомъ, представляетъ преимущества противъ того, который окрещенъ именемъ Наполеона. А такъ какъ многіе юристы, работавшіе надъ первымъ, участвовали и въ составленіи второго, то надо полагать, что не всегда вдохновеніе Бонапарта было счастливымъ. Въмѣсто книги, имѣющей громадное научное значеніе, мы пріобрѣли ученый компромиссъ между учрежденіями стараго режима и преобразовательными идеями революціи.

Глава новаго государства не пожелалъ принять благороднаго завѣщанія Конвента касательно уничтоженія смертной казни, хотя онъ имѣлъ полную возможность сдѣлать это, такъ какъ условіе, поставленное для осуществленія этого благодѣянія, было исполнено: общій миръ былъ подписанъ. Бонапартъ не только сохранилъ эшафотъ, но возстановилъ клеймо, эту неизгладимую печать позора, отмѣненную Конвентомъ и признанную имъ безправственной.

Если консульство, а вслѣдъ за нимъ имперія нашли въ трудахъ революціонныхъ собраній законодательный матеріалъ, послужившій основаніемъ для ихъ работъ, честь которыхъ приписывается имъ слишкомъ исключительно, то еще съ большей справедливостью можно сказать то же самое относительно учебной части. Докладами Талейрана, Кондорса, Лаканала и Дону широко воспользовались при основаніи лучшихъ французскихъ учебныхъ заведеній. Наполеону лично принадлежитъ въ нихъ только университетская монополія и, какъ мы уже говорили, возстановленіе интерната, не въ видѣ подспорья родителямъ, не имѣющимъ возможности оставлять учащихся дѣтей при себѣ, а какъ общее правило, почерпнутое изъ монастырской и казарменной жизни. Преподаватели были связаны съ университетомъ своего рода религіознымъ обѣтомъ, а учащаяся молодежь связана съ государствомъ дисциплиной, мало уступавшей военной. «Главная моя цѣль при учрежденіи преподавательской корпораціи — создать средство руководить политическими и нравственными убѣжденіями», — говорилъ Наполеонъ въ государственномъ совѣтѣ.

Въ академіи существовало отдѣленіе *нравственныхъ и политическихъ наукъ*, — научное звено, соединявшее искусство управленія съ общою сокровищницею человѣческихъ знаній; но это отдѣленіе было закрыто, равно какъ и преподаваніе основъ законодательства. Революція имѣла прекрасную формулу: «свобода, равенство, братство». Новыя поколѣнія не должны были знакомиться съ этими словами даже изъ исторіи. Для нихъ исторія должна была кончатся 1789 годомъ, какъ будто жизнь Франціи прервалась на этой эпохѣ катастрофой, а Бонапартъ былъ непосредственнымъ преемникомъ Капетинговъ.

Не былъ ли послѣ этого правъ нѣмецкій философъ Фихте, сказавшій о Наполеонѣ: «Никогда ни малѣйшее сознаніе нравственнаго назначенія человѣчества не коснулось его ума?»

Всякая критика и противорѣчіе возмущали гордость этого человѣка. Ему нужно было молчаніе, среди котораго раздавались бы только его собственный голосъ и голоса его льстецовъ. Вступивъ во власть, онъ прежде всего постарался нанести смертельный ударъ прессѣ. Онъ сократилъ число политическихъ газетъ до двѣнадцати. Да и эти привилегированные органы подлежали цензурѣ министра полиціи. Издатели ихъ должны были

приносить присягу, а редакторы смѣнялись по желанію главы государства. Посѣтителѣ салона г-жи Сталь позволяли себѣ иногда не одобрять дѣйствій правительства, и ее выслали за сорокъ миль отъ Парижа.

Поползновеніе къ независимости со стороны трибуната было грубо обуздано.

Это собраніе, желая серьезно отнестись къ присвоеннымъ ему правамъ, принялось за обсужденіе нѣкоторыхъ параграфовъ новаго кодекса, предложеннаго правительствомъ. Одна глава, касавшаяся лишенія гражданскихъ правъ, была отвергнута большинствомъ 61 голоса противъ 30. Кромѣ того трибунатъ позволилъ себѣ нѣкоторыя замѣчанія по поводу термина, употребленнаго въ одномъ дипломатическомъ трактатѣ. Этой тѣни оппозиціи было достаточно, чтобы возбудить неудовольствіе перваго консула. Наступилъ срокъ новыхъ выборовъ одной части собранія; вмѣсто того чтобы предоставить рѣшеніе судьбѣ, Бонапартъ заставилъ сенатъ рѣшить вопросъ, кому изъ трибуновъ и законодателей слѣдуетъ остаться и кому удалиться. Удалены были: Шенье, Бенжаменъ Констанъ, Дону, Ганиль, Женгене и проч. Приговоръ ихъ поставленъ былъ въ Тюльери, въ офиціальномъ засѣданіи: «Между ними есть человѣкъ двѣнадцать или пятнадцать метафизиковъ, годныхъ только на то, чтобы ихъ бросить въ воду».

Бонапартъ пожелалъ создать свой орденъ и предложилъ основать орденъ *Почетнаго Легиона*. Ничѣмъ онъ не могъ такъ ясно выдать своихъ намѣреній — и онъ понималъ это отлично. Поэтому онъ дѣйствовалъ съ величайшей осторожностью и называлъ новый орденъ «вспомогательнымъ установленіемъ ко всѣмъ республиканскимъ законамъ»; кавалеры же этого ордена должны были давать торжественную присягу, что они будутъ «противодѣйствовать всякимъ попыткамъ къ возстановленію феодальнаго режима».

Новое правительство встрѣчало наиболѣе сильный отпоръ въ средѣ арміи, въ которой республиканскій духъ пережилъ республику. «Генералы кричатъ, что они дрались противъ Бурбоновъ не для того, чтобы замѣнить ихъ семействомъ Бонапарта», — признавалась жена перваго консула одному изъ своихъ приближенныхъ.

Вся эта тактика Бонапарта клонилась лишь къ одной цѣли, и когда, по его мнѣнію, почва была достаточно подготовлена, его друзья поставили вопросъ ребромъ.

Только что былъ заключенъ съ Англіей миръ, котораго всѣ жаждали (25-го марта 1802 г.). Когда Аміенскій трактатъ былъ сообщенъ трибунату въ посланіи консуловъ, объявлявшихъ «объ окончаніи несогласій въ Европѣ», послѣдовалъ взрывъ восторга. Предсѣдатель Шабо внесъ немедленно предложеніе, принятое единодушно, о томъ, чтобы поднести генералу Бонапарту *блестящее доказательство* національной благодарности.

Это былъ первый пунктъ заранѣе составленной программы. Сенатусъ-консулътъ воплотилъ это желаніе въ формѣ предложенія избрать гражданина Наполеона Бонапарта первымъ консуломъ республики *на второе десятилѣтіе*, слѣдовавшее за десятилѣтіемъ, на которое онъ былъ назначенъ въ силу 39 статьи конституціи.

Но этимъ дѣло не ограничилось. Подъ предлогомъ, что онъ не убѣдится въ довѣріи къ нему націи, если продленіе срока его полномочій не получитъ санкціи путемъ общей подачи голосовъ, Бонапартъ поручилъ своимъ двумъ товарищамъ издать постановленіе, чтобы во всѣхъ общинахъ были выставлены подписные листы для голосованія слѣдующаго вопроса: «Будетъ ли Наполеонъ Бонапартъ избранъ пожизненнымъ консуломъ?» 43^{1/2} милліона голосовъ возложили на него *эту новую жертву* (2-го августа 1802 г.).

Два дня спустя посредствомъ второго сенатусъ-консульта онъ заручился правомъ назначенія себѣ преемника. «Что касается до наслѣдственности первой должности въ государствѣ,—сказалъ онъ по этому случаю въ государственномъ совѣтѣ:—то она нелѣпа и не совмѣстима съ принципами верховныхъ правъ народа». Почти въ то же время на вопросъ, предложенный ему шути женою: «а когда же ты сдѣлаешь меня императрицей Галловъ?»—онъ вторично отвѣтилъ: «что за нелѣпость!»

А между тѣмъ онъ продолжалъ отстраивагь зданіе единоличной власти на развалинахъ всѣхъ либеральныхъ и демократическихъ учреждений. Эта мысль его поглощала. Онъ упрекалъ бывшихъ членовъ Учредительнаго собранія, что они уничтожили

монархическую власть, желая ее ограничить,—и всѣ его усилія были направлены къ ея восстановленію.

Аміенскій договоръ возвратилъ Франціи ея колоніи, утраченныя во время войны. Первый консулъ немедленно возстановилъ въ нихъ рабовладѣльчество и торгъ невольниками <согласно законамъ и регламентамъ, предшествовавшимъ 1789 г.>. Тутъ возвращеніе къ старому режиму ясно формулировано. Островъ Санъ-Доминго стремился въ то время учредить у себя независимую республику, не отказываясь отъ покровительства метрополии: трехцвѣтное знамя продолжало тамъ развѣваться. Бонапарту этого было недостаточно: онъ отправилъ туда войско «для уничтоженія правительства негровъ». Но уничтожено было не оно, а французская армія сопротивленіемъ негровъ и убійственнымъ климатомъ. Англія смотрѣла безъ сомнѣнія съ недоверіемъ, но быть можетъ и съ затаенной радостью на эту экспедицію, печальную развязку которой она предусматривала. Въ Аміенскомъ мирѣ ничего не упоминалось о торговыхъ интересахъ. Бонапартъ вскорѣ объявилъ о своемъ намѣреніи запретить ввозъ англійскихъ товаровъ не только во всѣ французскіе порты, но и въ порты всѣхъ народовъ, на которые простиралось его владычество. Это было уже началомъ пресловутой континентальной системы, установленной во время имперіи. Но другая болѣе непосредственная и личная причина послужила поводомъ къ расторженію договора менѣе чѣмъ черезъ годъ послѣ его заключенія (въ маѣ 1803 г.). Первый консулъ, раздраженный нападками нѣкоторыхъ газетъ, издававшихся въ Англіи, просилъ лондонскій кабинетъ о строгомъ наказаніи виновныхъ. Онъ ходатайствовалъ также объ изгнаніи членовъ Бурбонскаго дома и нѣсколькихъ эмигрантовъ. Англійское министерство съ своей стороны жаловалось на вооруженія Франціи и на дѣятельное вмѣшательство ея въ дѣла Голландіи, Швейцаріи и Италіи. Произошелъ взаимный обмѣнъ упрековъ.

Задорная чернильная война предшествовала вооруженной войнѣ, которой суждено было продолжиться до конца существованія имперіи. Съ обѣихъ сторонъ было наложено амбарго на суда противной стороны, и Бонапартъ приказалъ арестовать всѣхъ англійскихъ подданныхъ, путешествовавшихъ во Франціи. Съ цѣлью добыть денегъ, Луизіана была продана Соединеннымъ

Штатамъ. Англія наwerbовала 400,000 волонтеровъ, призвала къ знаменамъ 40,000 ч. матросовъ, чтобы довести численность своихъ экипажей до 120,000 ч., и снарядила флотъ, состоявшій изъ ста слишкомъ фрегатовъ и ста другихъ судовъ.

Такія приготовленія не казались излишними въ виду угрозъ Бонапарта. Онъ сосредоточилъ въ Булони огромную флотилію изъ плоскодонныхъ судовъ и канонерскихъ шлюпокъ, которая сразу могла высадить на англійскій берегъ стопятидесяти тысячную армію, и уже громко вспоминалъ о подвигахъ Вильгельма Завоевателя, подобно тому, какъ въ другихъ случаяхъ онъ говорилъ о Цезарѣ и Карлѣ Великомъ. Но можно было вспомнить и другихъ историческихъ дѣятелей, на примѣръ Филиппа II и его *Непобѣдимую Армаду*, уничтоженную въ нѣсколько дней англичанами и бурей.

Лучшіе французскіе моряки не одобряли этой экспедиціи; они старались выяснить ея опасность, но не могли открыть глаза первому консулу. Его упрямство было побѣждено только нѣсколькими неудачными попытками и опасеніемъ смѣшной развязки.

Но тогда-то онъ удивилъ Европу своимъ плодовитымъ воображеніемъ и быстротой рѣшеній. Внезапно онъ обратился къ осуществленію другой части своихъ завоевательныхъ плановъ, вѣроятно обдуманыхъ заблаговременно, и превратилъ неудавшуюся морскую экспедицію въ континентальную войну.

Во время лагернаго ученія въ Булони противъ консульскаго правительства снова разразился заговоръ, устроенный эмигрантами, тайно возвратившимися въ Парижъ. Арестъ Жоржа Кадудаль — главнаго дѣятеля въ этомъ заговорѣ — помѣшалъ его успѣху. Входило ли въ планъ заговорщиковъ убить Бонапарта, какъ утверждаютъ приверженцы послѣдняго? Кадудаль отрицалъ это. Предполагали воспользоваться услугами Моро, имя котораго было чрезвычайно популярно среди республиканцевъ. Заговоръ республиканцевъ долженъ былъ превратиться въ побѣду роялистовъ. Кадудаль рассчитывалъ также на присутствіе двухъ принцевъ дома Бурбоновъ, но они не явились.

Какъ передъ сентябрьскими избиеніями, Парижъ заперли со всѣхъ сторонъ. Товарищи Кадудаль были арестованы. Одинадцать человѣкъ были казнены вмѣстѣ съ нимъ. Генералъ Пишегрю, побѣдитель Голландіи, измѣнившій республикѣ послѣ

того, какъ оказалъ ей важныя услуги, былъ также захваченъ вмѣстѣ съ ними и умеръ ночью въ тюрьмѣ. Правительство объявило, что онъ самъ задушилъ себя. Что-же касается до Моро, скомпрометированнаго близкими отношеніями къ Пишегрю и неосторожными поступками (какъ онъ самъ отозвался насчетъ своего поведенія), то онъ былъ преданъ суду безъ участія присяжныхъ. Бонапартъ ненавидѣлъ Моро, единственнаго своего соперника по военной славѣ, съ тѣхъ поръ, какъ фаланга генераловъ-патріотовъ была разбѣяна. Быть можетъ ему было бы пріятно видѣть героя Гогенлиндена, приговореннаго къ смерти, съ тѣмъ, чтобы унизить его своимъ помилованіемъ. Но Моро былъ приговоренъ только къ двухлѣтнему тюремному заключенію, которое первый консулъ замѣнилъ пожизненнымъ изгнаніемъ.

Но эти печальныя успѣхи не удовлетворили Бонапарта. «Я не боюсь пролить кровь Бурбона; для меня она все равно, что кровь послѣдняго вандейскаго мужика».

Однако почти всѣ Бурбоны нашли убѣжище въ гостепріимной Англіи. Только одинъ изъ нихъ находился на Рейнѣ, въ герцогствѣ Баденскомъ, занимаясь не заговорами, а охотой и любовной интригой. Французскій полковникъ переправился черезъ границу съ отрядомъ въ триста драгуновъ, занялъ небольшой городокъ Эттэнгеймъ, гдѣ находился молодой герцогъ Энгіенскій, захватилъ герцога и отвезъ его въ Страсбургъ, въ то время какъ другой полковникъ отправился къ Баденскому двору, чтобы дать объясненія по поводу этого страннаго нарушенія неприкосновенности территоріи.

Герцога Энгіенскаго препроводили въ Парижъ; первый консулъ назначилъ для суда надъ нимъ военную комиссію съ приказаніемъ постановить приговоръ въ ту же ночь и *казнить его немедленно* (буквальное выраженіе) Нѣсколько часовъ спустя несчастный юноша палъ, сраженный пулями, во рвахъ Венсенскаго замка. «Пусть убѣдятся, на что мы способны», — сказалъ Бонапартъ на слѣдующее утро.

Итакъ Бонапартъ былъ властителемъ Франціи. Чего же ему еще не доставало? Титула императора и наслѣдственной власти, признанныхъ имъ раньше нелѣпостями. Онъ желалъ и добился того и другого. Онъ заставилъ муниципальные совѣты, своихъ

чиновниковъ, своихъ солдатъ и свой сенатъ поднести ихъ себѣ по случаю избавленія отъ одного изъ многочисленныхъ заговоровъ, которые, какъ онъ воображалъ, ему угрожали. Этимъ онъ успокаивалъ тревогу и «придавалъ новому порядку вещей болъшую устойчивость». Уже адская машина 3-го нивоза сослужила ему службу, доставивъ ему пожизненное консульство. Предлогъ оставался все тотъ же.

Наконецъ для увѣнчанія всего дѣла одинъ малоизвѣстный членъ трибуната, по имени Кюре, внесъ предложеніе объ установленіи наслѣдственной имперіи въ пользу Наполеона Бонапарта и его семейства. Двадцать четыре оратора поддержали предложеніе Кюре, и только одинъ оспаривалъ его.

«Какія бы услуги ни оказалъ гражданинъ своей странѣ, — сказалъ Карно, — существуютъ границы для благодарности націи, устанавливаемыя честью и благоразуміемъ. Если этотъ гражданинъ возстановилъ общественную свободу, если онъ спасъ отечество, развѣ ему можетъ служить наградой принесеніе въ жертву свободы? И развѣ превращеніе страны въ его личное достояніе не равнялось бы уничтоженію заслугъ его?... Неужели свобода указана человѣку для того, чтобы онъ никогда не пользовался ею? Неужели она не болѣе какъ заманчивый плодъ, до котораго нельзя дотронуться, не поплатившись за это жизнью?... Сердце говоритъ мнѣ, что свобода возможна, что свободный режимъ легче установить и что онъ прочнѣе, чѣмъ олигархическій или деспотическій строй... Въ прежнее время я подаль голосъ противъ пожизненнаго консульства; теперь я подамъ его противъ возстановленія монархіи». Это было послѣднимъ крикомъ умиравшей свободы: Карно одинъ во всемъ трибунатѣ подаль голосъ за сохраненіе республики. Императорское достоинство было присвоено Бонапарту и его наслѣдникамъ по мужской линіи, въ порядкѣ первородства, согласно до-революціоннымъ постановленіямъ (18-го мая 1804 г.).

ЗАКЛЮЧЕНІЕ.

Январь 1872 г.

Вмѣсто спокойнаго и яснаго пути, по которому мы надѣялись приблизиться къ прогрессу, намъ пришлось пройти по окровавленнымъ полямъ и черезъ города, объятые пламенемъ. Пруссія совершила изъ честолюбія одна то, чего она въ прежнее время не могла совершить въ качествѣ авангарда европейской коалиціи: она разорила и расчленила Францію. Европа — монархи и народы — присутствовала при этомъ зрѣлищѣ съ полнымъ равнодушіемъ: въ глазахъ однихъ Франція не перестала быть очагомъ революціонныхъ идей; въ глазахъ другихъ она была сообщницей правительства приключеній, грозившаго нарушить спокойствіе міра.

Философія привыкла смотрѣть на пламенные войны, какъ на принадлежность древней исторіи, и даже національный антагонизмъ она признаетъ лишь отзвукомъ варварскихъ традицій. Неужели человѣчеству суждено идти постоянно назадъ? Или мы присутствуемъ при одномъ изъ тѣхъ роковыхъ заблужденій, въ которыхъ могутъ провиниться націи подобно отдѣльнымъ личностямъ, пользуясь свободой?

А мы сами, французы, не подали ли мы тотчасъ послѣ войны съ иноземцами примѣръ гражданскихъ неурядицъ, когда присутствіе непріятели въ предѣлахъ нашей территоріи усиливало преступность и безразсудство такого образа дѣйствій? Не вспыхнула ли политическая вражда вслѣдъ за племенной?

Отжившія идеи, давно побѣжденные очевидностью или силой, снова возрождаются, пробуждаютъ жгучія страсти и могутъ за-

ставить насъ вторично пройти по ужасной дорогѣ, проложенной съ такимъ трудомъ нашими предками.

Странное, хотя легко объяснимое явленіе: всякій разъ, когда революція возобновляетъ свое теченіе, приостановленное обстоятельствами, она выдвигаетъ подъ другими именами тѣхъ же людей, тѣ же событія, даже заблужденія.

Мы снова пережили 18-ое фрюктидора и 18-ое брюмера, сентябрьскіе и преріальскіе дни, видѣли возрожденіе «горы» и «равнины», краснаго и бѣлаго террора, и «L'ami du roi», «Père Duchêne», и «Actes des apôtres», и L'ami du peuple», мы встрѣчались съ фельянтинцами, якобинцами, жирондистами, гебертистами и даже бабёвистами. Неужели для того, чтобы усвоить себѣ уроки исторіи, нужно, чтобы они постоянно повторялись? Новые гебертисты, какъ и прежніе, остались чужды истинному духу французской революціи; одни изъ нихъ открыто это признавали, — то были искренніе люди; другіе притворялись приверженцами революціи съ тѣмъ, чтобы обмануть общественное мнѣніе. Развѣ неизвѣстно, что коммунизмъ, составляющій главную сущность ихъ ученія, находилъ сторонниковъ во всѣхъ странахъ, во всѣ времена и во всѣхъ школахъ, но только въ видѣ исключенія и въ формѣ протеста? Когда представляется досугъ для размышленій, являются мыслители (какъ Платонъ, Томасъ Моръ, Кампанелла, Фенелонъ), ищущіе въ коммунистическихъ утопіяхъ средства противъ общественныхъ недуговъ. Но въ смутныя времена эти великія утопіи внезапно превращаются въ узкія и непримѣнимыя системы, вокругъ которыхъ волнуются своекорыстныя страсти, разнузданные аппетиты и безумный фанатизмъ. Государственный человекъ, ненавидящій безпорядокъ и карающій преступленіе, можетъ однако почерпнуть полезныя для себя указанія изъ подобныхъ явленій.

Коммунизмъ и революція существенно расходятся между собою. Первый отвергаетъ все, что выработала послѣдняя. Коммунизмъ отрицаетъ собственность, которую революція дробитъ въ видахъ ея сохраненія; отрицаетъ отечество, любовь къ которому та доводитъ до героизма, свободу, насажденную революціей цѣною безчисленныхъ страданій. Принципы, провозглашенные революціей, еще не дали всѣхъ своихъ плодовъ; она не достигла вполне своего идеала; программа 1789 года еще не осуществлена.

Но кто же могъ вообразить себѣ, что по прошествіи менѣ чѣмъ ста лѣтъ исчезнуть всѣ недостатки прежняго общества? Кто же предполагалъ, что всѣ сдѣланныя попытки окажутся исполнѣ успѣшными? Кто мечталъ о совершенствѣ, о непогрѣшимомъ правительствѣ и о безупречномъ народѣ? Кто могъ лелѣять подобныя мечты, кромѣ умовъ, привыкшихъ не принимать въ расчетъ ни традицій, ни интересовъ, ни человѣческихъ страстей? Безповоротный прогрессъ не можетъ быть дѣломъ одной эпохи. Его движеніе столь же часто замедляется людьми, нетерпѣливо рвущимися впередъ, какъ и людьми отсталыми.

Тѣмъ не менѣ революція сдѣлала не мало. Сравнивая современную Францію съ Франціей стараго режима, какъ она изображена въ началѣ этого труда, мы не можемъ не признать полного различія между ними.

Равенство замѣнило привилегію рожденія. Налоги распределены между всѣми гражданами. Передъ лицомъ правосудія всѣ равны; высшія должности открыты для всѣхъ. Эти важныя пріобрѣтенія будутъ скоро восполнены системою народнаго образованія, охватывающею всѣ классы населенія.

Свобода труда и промышленности обезпечены законами, проникающими все глубже въ народные нравы по мѣрѣ того, какъ народъ ихъ лучше понимаетъ. Свобода совѣсти, слова и преподаванія не оспариваются уже ни однимъ серьезнымъ умомъ.

Национальное *братство*, основанное на новомъ дѣленіи территоріи и уничтоженіи внутреннихъ таможенъ, зиждется на законодательномъ и финансовомъ единствѣ. Братство народовъ является слѣдствіемъ торжественнаго приговора, произнесеннаго надъ завоевательными войнами Учредительнымъ собраніемъ.

Братство между людьми, внушившее уничтоженіе рабства въ принципѣ, было осуществлено въ 1848 г.; оно же побудило стремиться къ отмѣнѣ смертной казни; оно привело къ постепенному смягченію наказаній и создало общественную благотворительность.

Какъ охотно мы вмѣсто этого сухого и голаго перечня общихъ фактовъ занялись бы подробнымъ изложеніемъ всѣхъ результатовъ, достигнутыхъ революціею, но объемъ предпринимаго труда этого не допускаетъ.

Ограничимся указаніемъ на раздробленіе поземельной соб-

ственности, которое мы считаемъ одной изъ самыхъ рѣшительныхъ мѣръ революціи.

До 1789 г., какъ мы уже упоминали, буржуазія владѣла $\frac{2}{7}$ территоріи, остальные $\frac{3}{7}$ принадлежали дворянству, духовенству и членамъ королевской семьи. Нынѣ земля находится въ рукахъ восьми милліоновъ владѣльцевъ. Шестъ милліоновъ изъ этого числа платятъ менѣе 30 франковъ налоговъ. Послѣдствіемъ этого является то, что производительность земли, опредѣленная Лавуазье въ три милліарда, увеличилась болѣе чѣмъ въ пять разъ; только за послѣднія тридцать лѣтъ, какъ показываютъ недавнія изслѣдованія, стоимость земли возрасла на 63 милліарда.

Этимъ объясняется, что французы относятся почти что съ благоговѣніемъ къ поземельной собственности, проявляющимся во Франціи сильнѣе, чѣмъ гдѣ бы то ни было, и придающимъ ся соціальному строю столь значительную силу сопротивленія. Быть можетъ этимъ же, равно какъ и новою формою національнаго объединенія, объясняется болѣе правильное пониманіе патриотизма: онъ теперь носитъ исключительно характеръ любви къ самой Франціи. Прежніе властелины обращались къ иноземному вмѣшательству въ своихъ распряхъ, не заботясь ни мало о самой странѣ. Но со времени революціи могъ ли кто нибудь изъ французовъ измѣнить своему знамени, не навлекая на себя общаго презрѣнія, хотя бы онъ обладалъ талантами и уже приобрѣлъ славу? Правда, что вначалѣ дворянство, согласно прежнимъ традиціямъ, примкнуло къ знамени Кондэ и вандейскихъ вождей, чтобы вмѣстѣ съ непріятелемъ ниспровергнуть національное правительство. Но въ 1870 г. дѣти тѣхъ же дворянъ, при другомъ національномъ правительствѣ, мужественно служили Франціи подъ стѣнами Орлеана и въ другихъ пунктахъ. Армія Кондэ не нашла бы въ наше время контингента для пополненія своихъ рядовъ. Развѣ это не свидѣтельствуетъ о прогрессѣ въ общественномъ мнѣніи?

Вотъ почему Франція такъ любитъ свою революцію. Она любитъ ее изъ благодарности, а также потому, что дорого заплатила за нее. Она относится къ ней съ материнскимъ чувствомъ, какъ къ дѣтишу, рожденному въ мукахъ. Каждый разъ, когда ей угрожали необузданность партій, измѣна правительствъ и

даже простая оппозиція реформамъ, Франція возставала на ся защиту.

Каждый разъ, когда французскій народъ старались совратить съ пути, начертаннаго революціею, онъ дѣлалъ усилія, чтобы вернуться на него, и если удавалось иногда сбить его, то только помощью обмана и увѣренія, будто его ведутъ къ той же цѣли, хотя окольными путями. Въ этомъ онъ видитъ свой долгъ.

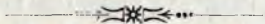
Всѣ народы участвуютъ въ дѣлѣ всемірной цивилизаціи согласно индивидуальнымъ своимъ особенностямъ. Иногда вліяніе даннаго народа преобладаетъ, и тогда онъ даетъ вѣку свое имя.

Эта слава выпала на долю Франціи съ 1789 г., и никакія несчастія не омрачатъ ея.

«Ея новѣйшая исторія—исторія Европы»,—сказалъ одинъ нѣмецкій ученый.

Другой нѣмецъ и вдобавокъ протестантъ сказалъ, что «реформація менѣе измѣнила совокупность соціальныхъ отношеній, чѣмъ французская революція».

Франція не отречется отъ своей цивилизаціонной миссіи. Она теперь такъ же необходима міру, какъ и прежде. Отсутствие ея оставило бы пробѣлъ, который ни одна изъ остальныхъ націй не могла бы восполнить. Франція ответственна въ своихъ поступкахъ передъ всѣмъ человѣчествомъ.



НА

ИСТ
ФРАНЦ
РЕБОЛ

В.